Сергей Валянский
Дмитрий Калюжный

ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Предисловие

История — поразительная наука! Чем больше погружаешься в неё, тем больше открытий. Примерно как с океаном: там тоже, если плаваешь по верхам, например, у побережья Африки — и кажется, всё уже о флоре и фауне знаешь, — стоит нырнуть на лишнюю сотню метров вглубь, — сразу обнаружишь такое, чего наверху вовсе нет! Просто глаза разбегаются... А можно переправиться, скажем, к побережью Скандинавии, и даже нырять не надо: обязательно выловишь чего-нибудь такое, чего возле Африки не бывает!

И до чего же здурово, надёргав с разных глубин и в разных местах рыб всех видов, натаскав кораллов, моллюсков и прочей водоплавающей мелочи, разложить их на бережку, высушить и садиться писать историю океана. Как эти виды рыб возникали, какие взаимоотношения были между живностью разных глубин, имелись ли у них контакты с тварями воздушными и земными…

Правда, в отличие от истории рода человеческого, расписывая историю океана, трудно выяснить, какую конкретно треску съела конкретная акула. А в истории человечества такие сведения, как правило, есть: особенность истории (и вообще всех социальных наук) в том, что объекты их исследования сами «говорят» о себе. Например, акула… то есть, простите, король… нет, наверное, всё же летописец короля по его приказу, или просто посторонний монах, который всё точно слышал от верного человека, оставил запись о том, что наш король по прозвищу Справедливый побил их короля по прозвищу Лютый.

Видите, насколько история интереснее ихтиологии: в ней есть имена и характеры. Правда, не желая прослыть фантазёрами, а желая остаться учёными, историки не смеют заниматься гаданиями, зачем Справедливый пошёл бить Лютого. Впрочем, и так ясно: ведь он же был справедливым, а Лютый был лютым. Дальше начинается самое

интересное: поиски в архивах (должен же был хоть кто-то ещё упомянуть битву) и археологические раскопки. Ведь ясно даже дураку, что никакой король другого короля лично бить не пойдёт, а пошлёт войска. Сколько? Где мечами махались? И, наконец: когда это было?..

Однако летописцы — это ещё не историки. Они просто и тупо записывали то, что считали важным. А что не считали важным, не записывали, — за рамками летописей оставалось информации в сотни тысяч раз больше, чем в них попадало. Когда записей накопилось много, появились такие летописцы, которые начали сводить их в сборники, что-то из старых летописей включая, что-то нет, а кое-что и домысливая от себя. В разных местах сложились первичные истории, как рассказы о прошедшем, об узнанном. В них прошлое человечества выглядело, как простой набор случайностей.

И уже потом появились историки, а соответственно и наука история, а затем и целый комплекс наук: экономическая история, военная, история физики, музыки, театра… Появились подразделения науки «по временам»: история первобытного общества, древности, средневековья; новая и новейшая истории. «Истории» разделились по странам: африканистика, балканистика и т.д. Выделились в самостоятельные дополнительные дисциплины археология, источниковедение, историография и хронология.

Согласно классическому определению, исторические науки изучают прошлое человечества во всей его конкретности и многообразии, исследуя факты, события и процессы на базе исторических источников. Но любому ясно, что простое «изучение» ничего не даёт; оно оставляет прошлое таким, каким оно выглядит в летописях: набором случайностей. Такая история «ничему не учит», а школьники её тихо ненавидят: надо зубрить даты и имена царей, а ничего непонятно, нелогично, отрывочно.

Поэтому ничего нет удивительного в том, что историки испокон веку занимались толкованием *изученного*; в конце концов, наука, как сфера человеческой деятельности, занята выработкой и теоретической систематизацией «объективных знаний о действительности», как утверждает Большой энциклопедический словарь. Этой «объективной действительности» мы посвятили немало места в других книгах, здесь же отметим, что вопрос довольно скользкий. Если рассуждать логически, то объективно (то есть как объект изучения) в действительности учёные имеют только письменные источники, повествующие о прошлых событиях, а вот описанные в этих источниках «факты» к числу «объективных знаний о действительности» отнести можно лишь после серьёзной проверки. Источники сведений часто сомнительны: так, подлинных письмён от

«Древней Греции» или «Рима» нет НИ ОДНОГО, а только средневековые переводы и копии.

А теперь мы подбираемся к самому главному: непосредственная цель любой науки — это «*описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности, составляющих предмет её изучения, на основе открываемых ею законов*».

Вот на *законах* наука история и сломала себе шею. В некий момент историки разных стран, представители разных политических и религиозных, в том числе оккультных течений, начали выдвигать разные концепции, объясняющие ход истории. Среди этих концепций были и хронологические построения: первичные летописи не содержали дат в современном значении этого слова, и надо было как-то «встроить» описанные в них события в общую картину прошлого, что и делали историки на основе своих об устройстве мира представлений.

Для каждого нового поколения историков те толкования событий, которые давали их предшественники, превращались в источники сведений о прошлом, вместе с содержащимися в них концепциями, — и новые концепции наслаивались на старые.

Результат — всемирная история — оказался парадоксальным. Прошлое предстало всё тем же набором случайных событий, но теперь уже не простых, а скреплённых датами и некими закономерными причинами, однако разные закономерности и факты противоречили друг другу. Во времени возникли громадные лакуны, не заполненные почти ничем. В этой истории тысячелетний прогресс сменяется тысячелетним регрессом, а потом опять начинается прогресс (возрождение) в науках, искусстве и литературе, с точным повторением стилистики произведений искусства, — чего *в принципе* не может быть! Средневековые тексты изобилуют анахронизмами (словами и понятиями давно забытых времён), — но и в древности есть случаи «воспоминаний о будущем»: тексты, рисунки и изделия явно средневекового происхождения…

Попытки если не исправить, то хотя бы «отрецензировать» такую громоздкую и нелепую историческую конструкцию, предпринятые в XVIII веке Исааком Ньютоном, в XIX веке учёными школы гиперкритицизма и в XX веке — Н.А. Морозовым, успехом не увенчались: их мнение не было принято во внимание. Что интересно, неприятие идей Морозова произошло оттого, что предлагаемая им версия истории отвергала марксистскую догму, а именно историческую концепцию смены общественно-экономических формаций. Историки предпочли не науку, а официозную концепцию — которая, кстати, противоречит «объективной действительности»!

Создавая науку хронотронику, которую мы сами определяем так: *междисциплинарная наука, изучающая эволюцию общества во времени и пространстве, как систему взаимовлияния человека и природы, с целью нахождения оптимальных путей развития в условиях ограниченных ресурсов, на основе выявления объективных закономерностей в природе и обществе*, — мы пришли к определённым выводам в отношении истории.[1] Суть в том, что живая природа, человечество, и даже отдельные народы (которые являются объектами общественных наук) есть динамические системы, эволюционирующие в условиях ограниченных ресурсов. И вот оказалось, что *единство мира в том, что он строится по единым сценариям. Закономерности (законы) этих сценариев работают на разных уровнях строения вещества, от материального до духовного, включая и социальный уровень.*

Возвращаясь к нашей океанической аналогии, скажем: у побережья Африки и возле Скандинавии, в верхних слоях и в глубинах живут разные твари, но существование этих видов подчиняется общим законам эволюции. Везде выстраивалась трофические пирамиды; везде и всегда при изменении внешних условий происходили мутации. А твари, между тем, всюду разные!..

Для устойчивого их развития требуется *постоянный поток вещества и энергии*. Если этого не будет (если, например, они перестанут есть), то существование этих объектов станет невозможным, в отличие от объектов неживой природы.

В реальном историческом процессе есть периоды, поддающиеся закономерному описанию, — в это время общества людей стабильны, и никакие случайности поколебать стабильности не могут. Но неизбежны и другие этапы: переход к неустойчивости, когда перестраиваются все внутренние структуры этой системы, — и вот в такие периоды *случайное* не только проявляется во всей красе, но и явственно меняет жизнь людей. Важно, что эти два типа эволюции разделены во времени, и требуют различного описания и осмысления. На этапах закономерного развития полностью действуют причинно-следственные связи, для их описания достаточно детерминистского стиля мышления. Но когда возникает кризисная ситуация, период

---

[1] Название науки — хронотроника — есть искусственное слово, которое можно перевести как "воссоздание, генерация времени"; этим названием мы хотели подчеркнуть, что при реконструкции процессов эволюции всегда присутствует определённая неоднозначность. Интересующихся отсылаем к книге С.И. Валянского, Д.В. Калюжного и И.С. Недосекиной «Введение в хронотронику», М., АИРО-XX, 2001 год.

неустойчивости, то требуется вероятностное описание, поскольку для следствий нельзя найти причин, кроме неустойчивого состояния системы: хаос, революция, перемена всех правил жизни.

Человеческая эволюция постоянно входит в фазы неопределённости, поэтому и обратная реконструкция (толкование исторических фактов) тоже принципиально сталкивается с точками хаотизации. Это есть результат того, что социальные системы следуют нелинейным законам развития, и приводит к неудаче и попыток прогноза будущего развития, и попыток восстановления эволюции в прошлом (исторического развития). Иначе говоря, процесс истории не линеен, и не может быть однозначно восстановлен.

Главный пафос нашей науки хронотроники — в открытии роли нелинейных закономерностей при исследовании проблем общественных наук. Центр тяжести здесь лежит не в теории нелинейности, а в общественных науках, в которых для адекватного их описания принципиально надо пользоваться нелинейным описанием, а это дает качественно другие результаты и для истории! Если подходить к истории с такой точки зрения, то чтобы заниматься ею, надо быть в первую очередь специалистом в теории эволюции сложных динамических систем в условиях ограниченных ресурсов: здесь мало чем поможет детерминизм, нацеленный на поиск причин для всяких следствий и опыт работы с линейными системами. А историки никаких закономерностей кроме детерминистских не признают.

Не надо думать, что мы «нападаем» на историков. Нет, нам понятно, что для исторических исследований нужны не просто специалисты по нелинейному стилю мышлению, а именно историки, но — владеющие таким стилем мышления. Для аналогии: бухгалтерией должен заниматься не математик, а бухгалтер, владеющий математическими методами. Он разбирается в бухгалтерских тонкостях и использует адекватную этому математику, и это есть путь к успеху. А математик, даже хороший, но не знающий бухучёта, окажется беспомощным.

Если историк понимает, что процессы, протекающие в стране, это не некое бессистемное шараханье из стороны в сторону, а что они подчинены реализации определённых целей; и если он понимает, насколько общество устойчиво или нет, — то он сможет дать более или менее объективное описание истории страны. Обычно историки от таких размышлений далеки, ибо ограничиваются теми задачами, которые формулируют сами, исходя из наработанных концепций, или из заказа политических вождей или из своих собственных интересов.

Каковы законы эволюции сообществ, и как они действуют в России?.. Что такое устойчивость страны, и при каких условиях возникает нестабильность и революция?.. Об этом наша книга.

РОССИЯ В ОКРУЖАЮЩЕМ МИРЕ

Русская историография за отдельными и почти единичными исключениями есть результат наблюдения русских исторических процессов с нерусской точки зрения. Кроме того, эта историография возникла в век "диктатуры дворянства" и отражает на себе его социальный заказ — и сознательно и также бессознательно. Таким образом в русское понимание русской истории был искусственно, иногда насильственно, введён целый ряд понятий, которые, по формулировке В.О. Ключевского, "не соответствовали ни русской, ни иностранной действительности", то есть не соответствовали никакой действительности в мире: пустой набор праздных слов, заслоняющий собою русскую реальность…

Иван Солоневич.

Многомерная история России

На основе одних и тех же исторических фактов история России, как и вообще всякой страны, трактовалась по-разному, в зависимости от концептуальных пристрастий историков. Сегодня, наконец, некоторые историки начинают осознавать саму неоднозначность этих трактовок. Более того, появились учебники, написанные в таком духе — например, «Многоконцептуальная история России» под редакцией Б.В. Личмана; в ней показаны три основных подхода к истории России. Это религиозно-исторический, всемирно-исторический и локально-исторический подходы.

Кратко пройдёмся по ним, поскольку и до сих пор эти «подходы» к истории лежат в основе методологий разных исторических школ.

Сторонники **религиозно-исторического подхода** считают, что суть истории — в преодолении человеком своей зависимости от природы, в освобождении от животных страстей и познании истины, дарованной человеку в Священном писании, — и такой взгляд характерен для любой конфессии. Так, православные мыслители никогда не признавали равновесия в истории, а видели постоянную борьбу добра и зла, в ходе которой человек делает осознанный выбор между двумя этими силами. Идеология марксизма, утвердившаяся в России, смогла добиться успеха, трансформировавшись под влиянием идей, развитых в православии,

которое в свою очередь вобрало в себя народное самосознание. В общем, православие наполнило марксизм мессианским смыслом, связав его с идеями социальной гармонии.

Сегодня, когда на смену марксизму в Россию пришёл либерализм, сторонники религиозно-исторического подхода говорят о столкновении православных традиций (добра) с бездуховным и низменным радикал-либерализмом (злом). Навязываемая либерализмом общественная модель строится на искусственной иерархии, эгоизме, потребительстве, убого подражая тому, что уже пережито Западом. Но в генетической памяти людей по-прежнему живы естественные нравственные чувства, что может стать источником возрождения.

Сторонники **всемирно-исторического подхода** считают, что историю двигает стремление человечества к материальным благам, возрастание качества и количества которых зависит от общемирового прогресса. Общество обособилось от природы, и люди, обладая некой социальной сущностью, объединяются ради преобразования природы в соответствии со своими возрастающими потребностями. Главная идея этого подхода к истории — **прогресс**, с ним отождествляют саму историю. Даже человек не неизменен, идёт прогресс его сознания, позволяющий создать идеального человека и не менее идеальное общество. Все народы проходят через одни и те же стадии прогресса, но одни проходят прогрессивный путь развития раньше, другие — позднее. Идея прогрессивного общественного развития рассматривается как закон, как необходимость, неизбежность.

Присущий данной теории европоцентризм обедняет картину всемирной истории, так как он не позволяет учитывать особенности развития других культур, в том числе России. Но что интересно, даже в рамках этого учения проявляется некоторая многомерность, поскольку оно делится на ряд направлений: материалистическое, либеральное и историко-технологическое.

Материалистическое направление, изучая прогресс человечества, отдаёт в нём приоритет *развитию общества*, общественных отношений, связанных с формами собственности. История представляется, как закономерная смена общественно-экономических формаций (первобытнообщинного, рабовладельческого, феодального, капиталистического, коммунистического), на стыках которых происходят революции. В основе смены формаций лежит противоречие между уровнем развития производительных сил и производственных отношений, выражающееся в классовой борьбе. То есть история всех обществ – это история борьбы между имущими, владельцами частной собственностью (эксплуататорами), и неимущими (эксплуатируемыми), закономерно приводящая в конечном итоге к

уничтожению частной собственности и построению бесклассового общества. Вершиной развития общества должна стать коммунистическая формация.

Историко-либеральное направление, изучая эволюцию человечества, отдаёт приоритет в нём *развитию личности*, обеспечению его индивидуальных свобод. Личность — отправная точка для изучения истории, а самореализация личности возможна только на основе частной собственности. Либералы считают, что в истории всегда есть альтернатива развития, и выбор, вектор прогресса, зависит от героя, харизматического лидера, наделённого в глазах его последователей авторитетом, основанным на исключительных качествах его личности — мудрости, героизме, «святости». Если вектор прогресса истории соответствует западноевропейскому образу жизни, то это путь обеспечения прав и свобод человека, а если — азиатскому, то это путь деспотии, произвола властей в отношении к личности.

Историко-технологическое направление, изучая прогресс человечества, отдаёт приоритет в нём *технологическому развитию* и тем изменениям в обществе, которые им вызваны. Сторонники этого направления вехами прогресса видят фундаментальные открытия: появление земледелия и скотоводства, освоение металлургии железа, создание конской упряжи, изобретение механического ткацкого станка, паровой машины и т.д., а также соответствующие им политические, экономические и общественные системы. Фундаментальные открытия определяют прогресс человечества и не зависят от идеологической окраски того или иного политического режима.

Технологическое направление делит историю человечества на периоды: традиционный (аграрный), индустриальный и постиндустриальный (информационный). Кстати, историко-либеральное направление придерживается такой же периодизации. Эволюция распространения фундаментального открытия как в рамках одной страны, так и за её пределами получила название *модернизации*, прогрессивного изменения. При этом капиталистический этап модернизации считается «цивилизованным», а социалистической — «нецивилизованным»; в его описании подчёркивается его принципиальная ущербность, неэффективность, односторонность. Используется теория *догоняющего развития*, согласно которой Россия находилась во втором эшелоне модернизации, то есть её стартовые условия и возможности значительно отличались от передовых стран Запада.

По мнению сторонников этого направления (и мы с ними во многом согласны), в ходе социалистического строительства удалось

решительно и бесповоротно произвести радикальную ломку традиционного общества. Колоссальным напряжением материальных и человеческих ресурсов в России была создана современная индустрия, достигнуты значительные успехи в образовании, науке, культуре, повышении жизненного уровня населения, то есть сформировались важнейшие структурные элементы современного общества. Однако по идеологическим соображениям конечные целевые задачи модернизации – создание рыночной экономики, гражданского общества, правового государства – режимом были отвергнуты. Возникла парадоксальная ситуация, когда режим в ряде сфер способствовал развитию модернизационного процесса, однако на уровне идеологии и политики блокировал его, не допуская перехода в конечную фазу развития. Всё это постепенно заводило страну в тупик.

Сторонники **локально-исторического направления** считают движущей силой истории стремление человека войти в равновесие со средой обитания. Его суть: сообщества каждого региона имеют собственную культуру и ценности, особое мировоззрение, обычно связанное с господствующей религией. Каждая такая цивилизация проходит в своём развитии стадии рождения, становления, расцвета, упадка и гибели. На смену одной погибшей цивилизации приходит другая. Жизнь человека определяет среда обитания, а не прогресс.

В рамках этой теории тоже есть ряд направлений — славянофильство, евразийство, этногенез и другие. Отметим, что во всех них содержится идея об уникальности сложившегося на стыке Европы и Азии российского общества. У российской (евразийской) локальной цивилизации, в отличие от других, «особый» путь развития. Российская духовность никогда не будет «подавлена» духовностью других народов. «Россия — Великая страна от рождения». Судьба России определяется историческим пространством – взаимосвязью природного, географического, хозяйственного, политического, психологического и других факторов. Огромная территория, суровые климатические условия определили образ жизни евразийца, его духовность, форму государственной власти и коллективистскую психологию.

Все эти подходы и направления в исследовании истории можно проследить, изучая развитие исторической мысли в самой России.

Первыми нашими историками были летописцы, трудившиеся при монастырях. Историю государства и общества они трактовали как осуществление божественного замысла, воздаяние людям за добродетели и наказание за грехи. С этих позиций история

общества рассматривалась как история государства, основанного на христианстве (православии); расширение государства и распространение христианства были неразрывно связаны друг с другом.

На рубеже XV-XVI веков старцем Елеазарова монастыря Филофеем была сформулирована идея об особом пути России, отличном от пути западных и восточных стран. Её девизом было: «Москва — Третий Рим». Согласно этому учению, один Рим — Римская империя — пал в результате того, что его жители впали в ересь, отказались от истинного благочестия. Другой Рим — Византия — пал под ударами турок. О хронологии, разумеется, и речи не шло. Так вот, задача России – сохранить истинное христианство, утраченное в других странах. Попутно обосновывалась имперскость России; двуглавый орёл был принят, как герб именно империи.

Одной из первых наших историй стала составленная в 1560-1563 годах «Степенная книга», в которой история страны делится на серию сменяющих друг друга княжений и царствований. Эта работа обосновывала возникновение Российского государства с центром в Москве; показывала преемственность самодержавия; утверждала его незыблемость и вечность.

С начала XVIII века российские историки под влиянием трудов западных коллег перешли на позиции всемирно-исторической теории, стали рассматривать российскую историю как часть мировой. Появились «История Российская с самых древнейших времен» (в 4-х книгах) В.Н. Татищева (1686-1750); «История государства Российского» в 12-ти томах Н.М. Карамзина (1766-1826).

Логическим итогом развития исторической мысли стало «философическое» письмо П.Я. Чаадаева, опубликованное в 1836 года в журнале «Телескоп». Он усматривал главное отличие в развитии Европы и России в их религиозной основе — католичестве и православии; хранителем христианских основ он полагал Западную Европу, Россию же воспринимал как страну, стоящую вообще вне мировой истории. По его мнению, ради своего спасения России следовало бы скорейше припасть к католицизму, приобщиться к идеалам западного мира. Письмо оказало огромное влияние на умы интеллигенции, положив начало спорам о судьбах России, появлению в 1830-1840-х годах течений «западников» (сторонников всемирно-исторической теории) и «славянофилов» (сторонников локально-исторической теории).

Локально-исторический подход к изучению истории получил значительное распространение в России в середине и второй половине XIX века. Мысль об особом, отличном от

западноевропейского пути развития России нашла своё воплощение в теории «официальной народности». Их основы сформулировал министр народного просвещения России граф С.С. Уваров, а суть её в том, что в отличие от Европы общественная жизнь России базируется на трёх основополагающих принципах: «Самодержавие, православие, народность». По мнению славянофилов, западные принципы формально-юридической справедливости и западные организационные формы чужды России. Пётр I своими реформами, считали они, повернул Россию с естественного пути развития на чуждый ей западный путь.

Труды по истории России в конце XIX — начале XX веков начинались с раздела о географическом положении страны, её природе, климате, ландшафте и т.д. В «Истории России с древнейших времён» в 29-ти томах С.М. Соловьёв (1820-1879) нашёл, что для правильного понимания истории мало показывать развитие государства через деяния царя; надо учитывать природно-географические факторы. Он считал, что «три условия имеют особенное влияние на жизнь народа: природа страны, где он живёт; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают». Также В.О. Ключевский (1841-1911) в «Курсе русской истории» в 5-ти томах отмечал, что географические условия Восточной Европы заметно отличаются от условий Западной Европы.

К сожалению, дальше этой констатации ни Соловьёв, ни Ключевский не пошли. Зато Ключевский (под влиянием экономических учений середины XIX века) нарушил традицию и отказался от периодизации по царствованиям монархов; в основу периодизации он положил *проблемный принцип*. Его теоретические построения опирались на триаду: «человеческая личность, людское общество и природа страны». Основное место в «Курсе русской истории» занимают вопросы социально-экономической истории России.

На рубеже XIX-XX веков в России получил распространение марксизм, разновидность всемирно-исторического направления. Впервые материалистическое направление всемирно-исторической теории применил к отечественной истории М.Н. Покровский (1868-1932), автор «Русской истории с древнейших времен» в 5-ти томах, а после 1917 года материалистическая теория стала официальной.

В основу периодизации был положен формационно-классовый подход, в соответствии с которым в отечественной истории появились: 1) «первобытнообщинный строй» (до IX века); 2) «феодализм» (IX — середина XIX веков); 3) «капитализм» (вторая половина XIX века — 1917 год); 4) «социализм» (с 1917 года).

Материалистическое направление дало новую трактовку места России во всемирной истории. Согласно марксизму социализм — это общественный строй, который должен прийти на смену капитализму. Следовательно, Россия автоматически превращалась из отсталой европейской страны в «первую в мире страну победившего социализма», в страну, «указывающую путь развития всему человечеству».

Часть российского общества, которая оказалась в эмиграции после событий 1917 года придерживалась религиозных воззрений. Ряд исторических трудов, осмысливавших события в русле религиозной теории, принадлежит генералу П.Н. Краснову. На его взгляд, события 1917 года и то, что последовало за ними, случились от «потери Россией Бога», то есть произошло забвение христианских ценностей и греховные искушения. Но в среде эмиграции получила значительное развитие и локально-историческая теория, в русле которой сложилось «евразийское направление». Вышел ряд сборников, а также манифест «Евразийство» (1926). Публиковались ежегодники «Евразийский временник», «Евразийская хроника». К этому направлению относили себя экономист П.Н. Савицкий, этнограф Н.С. Трубецкой, историк Г.В. Вернадский и другие.

Евразийцы считали, что в образовании русского народа большую роль сыграли тюркские и угро-финские племена, населявшие единое с восточными славянами «месторазвитие» и постоянно взаимодействующие с ними. В результате сформировалась русская нация, объединившая разноязычные народы в единое государство — Россию. Они считали, что культура России есть синтез, а не механическая смесь славянского и восточного элементов. А история Евразии — это история многих государств, в конечном итоге ведущая к созданию единого, большого государства. Евразийское государство требует наличия единой государственной идеологии.

С конца XX века в России начинает распространяться историко-технологическое направление всемирно-исторической теории, которое получило наиболее полное отражение в работах С.А. Нефёдова. Эта версия истории представляет динамичную картину распространения фундаментальных открытий в виде культурно-технологических кругов, расходящихся по всему миру. Завоевания норманнов в IX—X веках объясняются созданием новых боевых кораблей — «дракаров», а завоевание монголов в XIII веке — созданием ими мощного лука, стрела из которого за 300 шагов пробивала любые доспехи.

В работах «История средних веков», «История нового времени. Эпоха Возрождения» Нефёдов показывает развитие России в

контексте влияний со стороны народов, обладавших превосходством в технологической, военной и культурной сфере. В VIII-XI веках на развитие Восточной Европы влияли те же норманны (шведы, норвежцы, датчане и др.) и Византия (вестернизация), в XIII-XVI веках — монголы и османы (остернизация), в XVIII-XX веках — шведы и немцы (снова вестернизация). Но и Россия знавала фундаментальные открытия, от которых расходились «круги». Так, в середине XVIII века здесь была изобретена лёгкая пушка, гаубица «единорог», стреляющая всеми видами снарядов: ядрами, картечью, разрывными бомбами. В итоге за вторую половину XVIII века границы России достигли Вислы и Дуная, а население страны увеличилось более чем в два раза.

Особое место в русской историографии занимают труды Л.Н. Гумилёва (1912-1992) «Из истории Евразии», «Древняя Русь и Великая степь», «От Руси до России» и другие. Интерес к наследию Л.Н. Гумилёва у нас в стране и за рубежом огромен. Он опубликовал более десятка монографий, написанных на стыке естественных и гуманитарных наук, и создал глобальную концепцию этнической истории нашей планеты.

Гумилёв в соответствии со своей теорией выделял в истории России этапы (фазы) жизни этноса. Пассионарная вспышка, приведшая к образованию русского этноса, произошла на Руси около 1200 года. В течение 1200-1380 годов на основе слияния славян, татар, литовцев, финно-угорских народов возник русский этнос. Фаза пассионарной вспышки завершилась созданием в 1380-1500 годах Великого княжества Московского. В 1500-1800 годах (акматическая фаза, расселение этноса) этнос распространился в пределах Евразии, произошло объединение под властью Москвы народов, живших от Прибалтики до Тихого океана. После 1800 года началась фаза надлома, которая сопровождается огромным рассеиванием пассионарной энергии, утратой единства, нарастанием внутренних конфликтов. В начале XXI века должна начаться инерционная фаза, в которой благодаря приобретённым ценностям этнос живёт как бы «по инерции», возвращается единство этноса, создаются и накапливаются материальные блага.

Л.Н. Гумилев называл себя «последним евразийцем».

Среди западных историков, писавших о России, интересна работа Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме», как образец представления о нас со стороны.

В конце нашего маленького обзора отметим работу «Российская цивилизация, IX — начало XX в.» И.Н. Ионова. Это цельное изложение истории России с точки зрения либерального направления всемирно-исторической теории. Ионов считает, что не

нация, не религия, не государство, а именно личность определяет ход истории.

Естественно, что адепты каждого исторического подхода считают адептов других подходов приверженцами ложных учений, — на примере борьбы материалистов с либералами это очень заметно. Как шла борьба в прежние времена, можно проследить по письменным источникам; как она шла в последние десятилетия, мы видели воочию. Доходило до случаев анекдотических. Те же самые люди, которые преподавали в СССР историю по учебникам, написанным их учителями или коллегами, а то и ими самими, выкидывали эти учебники, а других не было, и массовыми тиражами печатали учебники досоветских времён, вплоть до книг, вышедших впервые ещё в начале XIX века.

Вопреки мнению, что история — это комплекс общественных наук, изучающих прошлое человечества во всей его конкретности и многообразии, как раз многообразие-то и выпало в осадок из всей истории России, протекавшей до XX века. Она предстала историей деяний великих личностей. История же XX века оказалась цепью сплошных преступлений низменных личностей; конкретность подменялась оценочностью, а если оценки разных специалистов не совпадали, они, бывало, доходили до личных выпадов друг против друга.

Был у нас и личный опыт. Один из авторов выступил с докладом о букве «ё», в частности рассказал, как в ходе Великой Отечественной войны И.В. Сталин потребовал обязательного применения этой буквы в штабной переписке: де, непонятно, что за город освобождён — Орел или Орёл; кого следует наградить орденом, Сйлезнева или Селезнёва. И на одном околоисторическом сайте подвергся «критике» некого ниспровергателя истории, как «сталинист» и любитель тиранства… Занимаясь историей, нельзя быть политически ангажированным.

Разрабатывая основы хронотроники, изучая законы эволюции, применяя математические методы в изучении сложных социальных систем, мы доказываем, что мир многомерен, а исследователь всегда работает в некоем «подпространстве», то есть всегда имеет дело лишь с *проекцией* реального мира, работает с *отображениями реального мира в этом подпространстве*. Но выбор проекции остаётся за исследователем, и если он ангажирован, если допускает только одну версию истории, — правдивой истории он не получит.

Приверженность тому или иному подходу к истории вредит науке, когда работы пишутся из конъюнктурных соображений. Но мы должны понимать, что весь комплекс различных подходов к

истории даёт различные «проекции» реального исторического процесса, отражая её многомерность в целом, — а это полезно. Проблема в том, что у историков нет метода такого объединения. Нет понимания законов эволюции, которым подчиняются все общественные структуры, в том числе их собственная наука, их собственное научное сообщество!

История всегда находится между двумя крайностями: с одной стороны её ограничивает хроника действительно произошедших событий, а со второй — заданная схема, определяющая для историка, к чему он должен эту историю вывести, — неважно, чем задаётся эта схема, стилем мышления самого историка или приказом политического властелина. Разумеется, из огромного количества событий всегда можно вытащить подпоследовательность, которая сводима к любому наперёд заданному результату! Вот почему, на наш взгляд, между историей-описанием (летописью) и историей-каноном (учебником) должен сложиться огромный пласт многомерной истории-науки; внутри этой толщи можно будет проводить трассы вариантов истории. И наконец тогда «заиграет» всё: религиозные идеи и географический фактор, «роль личности в истории» и технологическое превосходство…

А для того чтобы делать надёжные выводы, всегда надо следовать некоторой соразмерности, а именно — занимаясь деталями, помнить, в связи с какой общей задачей мы ими занимаемся. А выдвигая общие положения, нельзя забывать, на базе каких конкретных фактах они выдвигаются! Тут мы, кстати, обоснуем один очень важный методологический принцип, который мы почерпнули в истории физики и предлагаем назвать «принципом Кулона». Вот его суть.

Шарль Огюст Кулон (1736-1806) был признанным авторитетом в теории упругости. Приступая к своим работам по электричеству, он сумел создать уникальный прибор – крутильные весы для исследований по взаимодействию электрических зарядов. То, что он создал достаточно точный прибор, это понятно. Чем точнее прибор, тем с бульшей точностью можно обнаружить существующую закономерность. Известно, что ряд его последователей, сделав менее точный прибор, не получили той закономерности во взаимодействии электрических зарядов, которую получил Кулон. Но есть и вторая сторона изобретения Кулона. Его прибор был *достаточно грубым*! В силу этого большое количество дополнительных закономерностей не смогли закрыть основную, потому он и смог её обнаружить. Мы не знаем, случайно это у него получилось или так и было задумано. Но как бы то не было, метод оказался весьма продуктивным.

Итак, смысл принципа Кулона в том, что, стремясь обнаружить ту или иную закономерность, следует иметь *достаточную*

точность. Её превышение может привести к необнаружению искомой закономерности из-за маскирующих ее «шумов».

Как Запад стал богатым

Ни одно национальное развитие не может быть абсолютно схожим ни с каким другим, — с этим, наверное, не будет спорить никто из историков. *Природа* задаёт сообществам разных территорий разные начальные и граничные условия, придавая каждой стране, любой нации своеобразность, что-то, свойственное только данному случаю. Если сравнить между собою одни только готовые результаты, забывая об условиях, в которых они возникли, конечно, сравнение окажется затруднительным. Но в каждой стране тем или иным образом должны также проявляться и общие закономерности развития.

Существует диалектическое соотношение общего, специфического и единичного. Первая закономерность сообщает различным историческим процессам характер сходства в основном ходе развития. Второе условие придаёт им характер разнообразия. Третье, наиболее ограниченное в своём действии, вносит в исторические явления характер случайности. Задача историка именно и заключается в анализе исторического явления и выявлении причин, то есть в сравнении не готовых результатов, а причин их происхождения.

С такой точки зрения в России эволюция шла своим ходом, может быть, более медленным, но непрерывным. Наша страна пережила моменты развития, пережитые и Европой, — но в своё время и по-своему. Так что были не правы П.Я. Чаадаев и В.С. Соловьёв, советовавшие России пережить сначала все стадии европейской жизни, чтобы придти к европейским результатам.

Во всех областях жизни историческое развитое совершается у нас в том же направлении, как и везде, в том числе в Европе. Но это не значит, что оно и в частностях приведёт к тождественным результатам! Ведь тождественности нет и между отдельными государствами Запада. Разве мощнейшие из них — Англия, Франция и Германия — так уж сильно похожи друг на друга даже в организации своей государственности? Одна — конституционная монархия, вторая — президентская республика, а третья парламентская республика. А есть и много других различий. Во Франции основная религия — католичество, в Германии лютеранство, а в Англии англиканство, догматика которого совмещает положения протестантизма и католичества…

Так является ли Россия Европой?

Около ста пятидесяти лет назад этим вопросом задался российский учёный Н.Я. Данилевский. Ответ его был следующим. Европа, — а сегодня можно говорить более общо, «Запад» — понятие не географическое, а культурно-историческое, и в вопросе о принадлежности или не принадлежности к Европе или «Западу» география не имеет ни малейшего значения.

Что же такое Европа в культурно-историческом смысле? Это место эволюции и жизни **германо-романской** цивилизации. Европа сама и есть германо-романская цивилизация, эти слова — синонимы. Сегодня, когда говорят о мировой цивилизации и общечеловеческих ценностях, имеют в виду всё ту же германо-романскую цивилизацию. Так принадлежит ли Россия к Европе? Нет, — отвечает Н.Я. Данилевский. Россия принадлежит к русской цивилизации и никакой другой.

Сходную идею предложил французский историк Фернан Бродель, занимаясь проблемой развития капитализма в Европе XV-XVIII веков. Он ввёл представление о мир-экономике.

Вот признаки этого понятия:

— Мир-экономика занимает своё географическое пространство, границы которого, хоть и довольно медленно, перемещаются.

— Мир-экономика всегда имеет центр, представленный господствующим городом, который в прошлом был городом-государством, а ныне — экономической столицей (в США это Нью-Йорк, а не Вашингтон). Впрочем, в пределах одной и той же мир-экономики возможно одновременное, и даже весьма длительное сосуществование двух центров, например, Венеция и Генуя в XIV веке, или Лондон и Амстердам в XVIII веке до окончательного устранения господства Голландии. Один из двух центров всегда, в конечном счёте, бывает устранён, — так в 1929 году после некоторых колебаний центр мира вполне определённо переместился из Лондона в Нью-Йорк.

— Любая мир-экономика состоит из ряда зон, всегда имея при этом обширную периферию, которая в разделении труда, характеризующем мир-экономику, оказывается не участницей, а подчинённой и зависимой территорией. В таких периферийных зонах жизнь людей напоминает Чистилище или даже Ад, считает Бродель. Достаточным же условием для этого является просто их географическое положение.

И вот к какому выводу пришёл учёный. По его представлениям Россия, по крайней мере до Петра I, представляла собой мир-экономику, живущую своей жизнью; она была замкнутой в

себе. Огромная Оттоманская империя до конца XVIII века также представляла собой мир-экономику. **А вот на территории западной Европы никакие отдельные государства не составляли мир-экономику**, таковой была вся Европа, и лишь её центр смещался с юга на север. Он был в Генуе и Венеции, в Антверпене, затем в Амстердаме и Лрндоне, но никогда не попадал в центры Испанской или Португальской империй — Севилью и Лиссабон.

Естественно, Европа как мир-экономика всегда стремилась сделать Россию своим «элементом», а точнее периферией, такой же, какой были для нее Индия, Латинская Америка, Африка. Подчинить весь мир Европа («Запад») сумела, а вот Россию начала «переваривать» только сейчас, с конца XX века. И причиной успеха было богатство.

Разобраться в начале богатства Запада можно. И Фернан Бродель это сделал. Он проанализировал экономическое состояние в центре мир-экономики, и отметил, что здесь высокие цены, но здесь и высокие доходы, ибо здесь — банки и лучшие товары, самые выгодные ремесленные или промышленные производства и организованное на капиталистический лад сельское хозяйство. Отсюда расходятся и сюда сходятся дальние торговые пути, сюда стекаются драгоценные металлы, сильная валюта, ценные бумаги. Здесь образуется оазис передовой экономики, опережающий другие регионы. Здесь обычно развиваются самые передовые технологии и их неизменная спутница — фундаментальная наука. Здесь же находят пристанище «свободы», которые нельзя отнести полностью ни к мифам, ни к реальности.

Высокое качество жизни заметно снижается, когда попадаешь в соседние страны *промежуточной зоны* (ещё не периферии, но уже не центра): постоянно соперничающие, конкурирующие с центром. Там большинство крестьян лишены свободы, там вообще мало свободных людей; обмены несовершенны, организация банковской и финансовой системы страдает неполнотой и нередко управляется извне; промышленность и ремёсла относительно традиционны.

Сегодня нам всё это легко представить, если взглянуть на Москву и сравнить её хотя бы с Подмосковьем или другими близлежащими областями: Москва процветает, остальные — как получится.

Вот ещё одно важное наблюдение Броделя. В Европейской мир-экономике в XVII веке сосуществовали самые разные общества, от уже капиталистического в Голландии до крепостнических, например, в разных княжествах Германии, и даже рабовладельческих. И это очень важное наблюдение. *Капитализм успешно функционирует*

только при наличии иерархической структуры. Внешние зоны питают промежуточные, а особенно центральную, вот почему для процветания центра нужна как можно бульшая периферия.

Бродель прямо пишет, что именно Западная Европа «вновь изобрела» и экспортировала античное рабство в Новый Свет, именно её экономические нужды вызвали вторичное закрепощение крестьян в Восточной Европе (в Польше). Капитализм порождает неравенство в мире, поскольку *для развития ему жизненно необходимо содействие всей международной экономики*. Он и вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда.

На примере Броделя мы видим, как добросовестный исследователь, основывающийся на фактическом материале, а не следуя конъюнктурным установкам идеологии, даёт совсем другую трактовку роли эксплуатации в богатстве Запада.

Два слова об истории развития мир-экономики Запада, как она представлена Броделем. Франция могла стать центром этого мира. В XIII веке ярмарки Шампани были почти постоянно действующим местом международных встреч купцов. Сукно и полотно с Севера, из Нидерландов, обменивались на перец, пряности и серебро, доставлявшиеся итальянскими торговцами и ростовщиками. Весьма ограниченных обменов предметами роскоши хватило, чтобы запустить огромный механизм торговли, промышленности, транспорта и кредита, сделав эти ярмарки экономическим центром Европы того времени.

Но установление связи по морю между Средиземноморьем и Брюгге создали прямой и экономически более выгодный путь товарам в обход Франции. Вдобавок итальянцы перестали довольствоваться окраской тканей, поступающих с Севера, а начали сами их выпускать. Последнюю точку на французских приоритетах поставила эпидемия чумы в XIV веке, а Италия приобрела роль неоспоримого центра европейской жизни. Она стала контролировать все обмены между Севером и Югом в Европе, да и обмены с Дальним Востоком тоже.

Но такого благоденствия достигла не вся Италия. С 1380-х годов центром стала Венеция, а её всё время подпирали конкуренты — Милан, Флоренция и Генуя. Не очень спокойное царствование Венеции длилось более века, — пока она продолжала господствовать в торговле с Левантом, являясь основным поставщиком изысканных товаров.

Но в XV столетии опять вмешалась эпидемия чумы! После её окончания Европа обезлюдела, цены на сельхозпродукты падали, а вот на ремесленные товары росли, и в такой ситуации людские ресурсы потекли в города, способствуя их развитию. Стали

расцветать лавки ремесленников и городские рынки, и в XVI веке центры развития переместились на уровень международных ярмарок — в Антверпен, Берген, Франкфурт, Медину, Лион.

Наконец, Антверпен потеснил Венецию — сначала он превратился в гигантский склад перца, доставляемого сюда португальцами через Атлантический океан, а потом и вообще подчинил себе торговлю в Атлантике и Северной Европе. Но затем из-за войны между Испанией и Нидерландами доминирующее положение перехватила Генуя, поскольку вывозимое испанцами из Америки серебро, вместо Фландрии, с 1568 года стали направлять в Европу через Средиземное море. Генуя сделалась главным перевалочным пунктом. Далее она стала контролировать международные денежные потоки; объектом сделок стали деньги, кредиты и платёжные средства.

Но и Генуя процветала недолго! Начиная с 1570-х, в Средиземноморье появились корабли с купцами северных стран, которые не брезговали и пиратством, да и в целом не отличались высокой нравственностью. Они набросились на готовые богатства Средиземноморья и захватили их, не гнушаясь никакими средствами. Они наводнили Средиземноморье дешёвыми товарами, зачастую недоброкачественными, однако искусно имитировавшими отменные ткани, производившиеся на Юге. И они украшали свои подделки всемирно известным венецианским клеймом, чтобы продавать их под видом настоящих! А средиземноморская промышленность теряла и своих клиентов, и свою репутацию. (Сегодня нечто подобное делает Китай, наводнивший весь мир подделками, дешёвыми и некачественными.)

Итак, победа Севера Европы, превращение его в центр мира-экономики не объясняется ни лучшим ведением дел, ни естественной игрой промышленной конкуренции, ни религиозной Реформацией. Политика победителей сводилась к тому, чтобы просто занять место прежних победителей, не останавливаясь при этом перед насилием. Эти методы использовались и в дальнейшем, — ведь не секрет, что возвышение Америки есть результат Первой и Второй мировых войн. Кто-то воевал, а кто-то наживался на военных заказах.

В 1590-1610 годах произошло новое перемещение экономического центра европейской зоны — в Амстердам, который затем «держал марку» в течение почти полутора веков. Его долгое господство было связано с тем, что через него шли и товары Севера, и заморские пряности: корица, гвоздика и т.д. из-за быстрого захвата им всех источников этих товаров на Дальнем Востоке. Почти монопольное положение позволяло ему практически в любых делах считаться лишь с собственными интересами, наплевав на интересы других.

Сегодня те, кто живёт в центре мира-экономики, как и прежде, обладают всеми правами над другими. Они считают, что всё, что они делают, морально. Но не дай Бог то же самое сделать другим! Их тут же накажут. Кто сильнее, тот и прав.

Вот основа западной цивилизации.[2]

Исследования Броделя опровергают популярное у нас мнение, основанное на утверждение Макса Вебера, что только Реформация стала причиной расцвета капитализма в странах Северной Европы. Нет, — к северным странам всего лишь перешло «место центра», которое до них было южнее. Норманны хотя бы изобрели дракар, прекрасный маневренный корабль, а голландцы ничего не изобрели ни в технике, ни в теории ведения дел. Амстердам просто копировал Венецию, как позже Лондон копировал Амстердам, а ещё позже Нью-Йорк копировал Лондон.

Бродель отмечает, что во времена господства Амстердама «вторичную зону» составляла остальная часть активно живущей Европы, а именно страны Балтики и побережий Северного моря, Англия, земли Германии, расположенные в долинах Рейна и Эльбы, Франция, Португалия, Испания, Италия к северу от Рима. К периферии же в это время относились Шотландия, Ирландия, Скандинавия на севере; вся часть Европы, расположенная к востоку от линии Гамбург — Венеция; часть Италии, лежащая к югу от Рима (Неаполь, Сицилия), и наконец, по ту сторону Атлантического океана — вся европеизированная часть Америки, составляющая самую далёкую периферию. За вычетом Канады и только что возникших английских колоний в Америке, весь Новый Свет целиком жил под знаком рабства. Также и вся Восточноевропейская периферия, включая Польшу и лежавшие за ней земли, представляла собой зону закрепощения крестьян.

В XVIII веке ярмарка, место *периодического обмена* товарами, по объёмам и значению уступила бирже, месту *регулирования постоянного потока* товаров. Деньги твёрдо приобрели «процентную составляющую», в силу чего началось всеобщее европейское экономическое ускорение. Амстердам специализировался на международных займах, к этим же играм подключились Женева, Генуя и Париж; деньги и кредиты всё более свободно перемещались по Европе. Ярмарки стали убыточными: будучи созданы с целью активизации традиционных форм обмена товарами путём

---

[2] Более развёрнутый анализ этой истории, с обоснованием неизбежности экономической катастрофы в недалёком будущем, сделан нами в книге «Армагеддон завтра. Учебник для желающих выжить» (М.: АСТ, 2006).

предоставления, кроме всего прочего, налоговых преимуществ, они утратили смысл своего существования в период свободных обменов и кредитов. Бродель показывает, что ярмарки продолжали удерживать позиции и даже переживали период расцвета лишь в отсталых областях с традиционной экономикой, в наибольшей степени на Балканах, в Польше, России, Новом Свете.

Между 1780 и 1815 годами центр переместится в Лондон.

Амстердам был последним городом-государством, центром мира-экономики. Новый центр, Лондон — уже не город-государство, это столица большой страны. И вот вам значение географии! На сравнительно небольшой территории возникла развитая транспортная система: морские каботажные пути, что было и в Амстердаме, дополнились плотной сетью рек и каналов, а также был здесь многочисленный гужевой транспорт. Следствием этого стало быстрое формирование национального рынка, то есть товары внутри страны распространялись без таможен и пошлин. Наконец, Англия в 1707 году объединилась с Шотландией, а в 1801 году — с Ирландией, и ёмкость национального рынка подкрепилась мощью национального государства.

Островное положение помогло Англии отделиться от внешнего мира и не допустить вторжения в страну иностранного капитала. В 1558 году, благодаря созданию прообраза Лондонской биржи, Англия обезопасила экономического давления Амстердама, а в 1597 закрытие Стального двора и отмена привилегий его постояльцев положили конец влиянию ганзейцев. Против Амстердама был направлен первый Навигационный акт, изданный в Великобритании в 1651 году.

Начались англо-голландские войны.

В то время Амстердам всё ещё контролировал основную часть европейской торговли, однако теперь уже Англии имела средство давления на него: дело в том, что голландские парусные суда, в силу господствующего направления ветров, постоянно нуждались в заходах в английские порты. Именно этим объясняется та терпимость, с которой Голландия отнеслась к протекционистским мерам Англии; подобных мер она не потерпела бы со стороны никакой другой державы. И вот, Англия сумела защитить свой национальный рынок и нарождающуюся промышленность лучше, чем любая другая страна Европы.

Экономическое господство Англии распространялось также на сферу политики и дипломатии. У нее хватало сил столетиями удерживать под своим влиянием весь остальной мир!

В 1929 году центром стал Нью-Йорк.

Как же, согласно Ф. Броделю, богател Запад? Главная причина — в рынке, но вовсе не в том, про который нам всё время говорят наши плохо образованные реформаторы. Бродель очень убедительно показал, что есть **два рынка**.

Первый — это место обычного повседневного рыночного обмена, поставок хлеба или леса в ближайший город. Это торговля, которая носит регулярный, предсказуемый, рутинный характер и открыта как для крупных, так и для мелких торговцев. Здесь всякому заранее известна подноготная любой сделки, и можно всегда прикинуть будущую прибыль.

Но представьте, например, что караван судов, гружёных зерном, идёт по стандартному маршруту из Данцига в Амстердам, и хозяин груза вдруг узнаёт, что Средиземноморье поразил голод. Естественно, этот международный торговец тотчас заставит корабли свернуть с привычного курса, и зерно попадёт в Ливорно и Геную, в три-четыре раза поднявшись в цене. Вот здесь и происходит переход первой формы экономики во вторую. Здесь и вылезает мурло «второго рынка», — по словам Ф. Броделя, «противорынка».

Основное его свойство — разрыв цепочки между производителем и потребителем. Здесь ПОСРЕДНИК держит монопольную цену. Он ведёт неэквивалентные обмены, в которых конкуренция, наличие которой есть основной закон так называемой рыночной экономики, практически отсутствует. А вести эту посредническую торговлю могли только те, кто имел свободные наличные деньги, и это был их главный аргумент.

Торговля на дальние расстояния просто требует противорынка, как необходимой гарантии от провала. Если вдруг размер прибыли от торговли с Антильскими островами уменьшится до скромных пределов, ничего страшного — в тот же момент торговля с Индией или Китаем обеспечит двойные барыши. И именно эта торговля была главным источником значительного накопления капиталов, тем более, что громадные доходы от неё делили между собой всего несколько партнёров. Местная же торговля из-за большого количества участников не позволяла провести хоть какую концентрацию капиталов.

Надо отметить, что крупные торговцы очень рано перешагнули национальные границы, действуя заодно с чужестранными купцами. В их распоряжении была тысяча способов обратить игру в свою пользу: манипуляции с кредитом (то есть использование для своего обогащения чужих денег), ставка на хорошую монету против плохой, и т.д. Они присваивали всё, что в радиусе досягаемости оказывается достойным внимания — землю,

недвижимость, ренты. Если они обладали монополией или просто достаточной властью, чтобы устранить конкурента, они это делали.

Наконец, эти люди *перемещали капиталы*. Уже в конце XIV века шло движении векселей между итальянскими городами и «горячими точками» европейского капитализма — Барселоной, Монпелье, Авиньоном, Парижем, Лондоном, Брюгге, — но всё это были дела, чуждые для простых смертных и обычной человеческой экономики.

Проанализировав огромное количество документов, Фернан Бродель установил, что разделение труда, быстро возрастающее по мере развития рыночной экономики, затронуло всё торговое сообщество — за исключением его верхушки, негоциантов. Вершина пирамиды не затронута, поскольку вплоть до XIX века эта купеческая элита не ограничивалась каким-либо одним родом деятельности, никогда не связывала себя одним направлением! В зависимости от обстоятельств, владельцы крупнейших капиталов — то судовладельцы, то хозяева страховой конторы; заимодавцы и получатели ссуд; они — финансисты, банкиры или даже промышленники или аграрии.

И дело не в том, что так они стремились уменьшить риски. Нет, — просто ни одна из доступных им отраслей не была достаточно ёмкой, чтобы дать желаемый доход. В погоне за максимально высокой прибылью их капитал постоянно перемещался из одного сектора в другой.

И что же получается? Получается, что экономика Запада состоит из двух частей! Одна всем видна, а вторая скрыта от взгляда большинства, но как раз она и есть главный двигатель. Обычно так поступают фокусники или жулики: крутят перед носом простофили пустой рукой, а все манипуляции делают второй. Нам показывают приземлённый, подчинённый конкурентной борьбе рынок, такой же, как и во всех других странах. А за кулисами остаётся мир высшего порядка, крайне сложный, стремящийся к господству, характерный именно для Западной Европы.

Этого не понял даже В.И. Ленин. В брошюре «Империализм, как высшая стадия капитализма» он отмечал, что: «*Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития; несколько десятков тысяч крупных предприятий являются всем, в то время как миллионы мелких — ничем*». А оказывается, это качество было свойственно крупному капиталу изначально! И не несколько десятков тысяч, а считанное количество самых богатых определяют лицо мира.

Капитализм всегда был монополистическим, а товары и капиталы всегда перемещались одновременно, поскольку капиталы и кредиты всегда были самым надёжным средством выхода на внешний рынок для его завоевания. Задолго до XX века вывоз капитала был повседневной реальностью!

Либералы полагают, что капитализм гибнет от государственной опеки, а на самом деле он торжествует лишь тогда, когда идентифицирует себя с государством, когда сам становится государством. Во время первой большой фазы его развития в городах-государствах Италии — Венеции, Генуе, Флоренции — власть принадлежала денежной элите. В Голландии XVII века регенты-аристократы управляли страной в интересах и даже по прямым указаниям дельцов, негоциантов и крупных финансистов. В Англии после революции 1688 года власть оказалась в ситуации, подобной голландской. Франция запаздывала более чем на век: только после июльской революции 1830 года буржуазия, наконец, надёжно взяла власть в свои руки.

Вообще Франция, по мнению Броделя, всегда была страной менее благоприятной для капитализма, чем, скажем, Англия. Слишком большая территория для тогдашнего транспорта, слишком скромный доход на душу населения, затруднённые внутренние связи и, наконец, отсутствие полноценного центра. Хотя… Если разобраться, в ту пору было по меньшей мере две Франции: одна из них — морская держава, живая и гибкая, уже в XVIII веке полностью захваченная волной экономического подъёма; другая — континентальная страна, приземлённая, консервативная, «местечковая», не сознающая преимуществ международного капитализма. Но политическая власть принадлежала именно ей. Экономической столицей страны был не Париж, а Лион. Только после 1709 года Париж стал центром французского рынка, но отставание уже не позволило Франции выбиться в лидеры.

А теперь вспомним условия, в которых существовала Россия. У неё все эти отрицательные моменты были многократно увеличены. Легко сообразить, что она не имела никаких шансов, чтобы вступать в конкурентную борьбу с кем бы то ни было.

И кстати, мы тоже видим «две России»: к началу XIX века фасадом страны была столица, Санкт-Петербург, а всё остальное — глухие задворки. Также мы видим здесь «два народа»: шикующую аристократическую верхушку, и «простой народ», всю массу населения — дворян и крестьян, попов и ремесленников, солдат и купцов...

Теория «Русских горок»

По русской истории написано много книг. Они написаны с разных позиций, и с любовью к России и с ненавистью к ней. Практически все авторы отмечают тяжелую судьбу страны и её народа. И действительно, если посмотреть, каков был доход на душу населения в не худший для России 1912 год, то мы увидим следующее. В США доход на душу — 720 рублей (в золотом исчислении), в Англии — 500, в Германии — 300, в Италии — 230, а в России всего 110. Более показательны данные о количестве хлеба, основного продукта питания для большинства жителей России (и вовсе не являющимся таковым для других стран). В Англии потреблялось 24 пуда на душу населения, в Германии 27 пудов, в США 62 пуда, а вот в России всего 21,6 пуда — включая в это количество и корм скоту.

Как же так получается?.. Чем Россия не такая, как другие страны?.. Возможно, кроме нас нет в мире другой страны, озабоченной такими вопросами. Только у нас мнения о собственной истории, народе и власти не просто различны, а зачастую кардинально различны. Одни видят причины бед в злокозненных соседях, другие в ленивом и никчемном народе, третьи в неудачных правителях, четвёртые — в излишне больших размерах, пятые... Если все «причины» просуммировать, то встанет вопрос: «А как же Россия ещё до сих пор жива?»

Так какова она, Россия? В чём, на самом деле, её особенности? Восток она, или всё-таки Запад?..

Прежде всего надо понять, что у места нашего проживания есть один неустранимый недостаток – географическое положение и климат. Мы живём в таких условиях, в которых массово нигде больше не живут. У нас очень жаркое лето и очень холодная зима; по зимним температурам с нами может конкурировать разве что Монголия. Более половины территории страны находится севернее 60-й параллели северной широты, то есть в географической зоне, которая считается непригодной для «нормальной» жизни и деятельности людей.

В этой же зоне расположены Аляска (ни много, ни мало 16 % территории США, но её население оставляет только 0,2 % населения этой страны), северные территории Канады (около 40 % всей площади страны, а их население — всего лишь 0,02 % её населения), Гренландия и т.п. Эта половина нашей страны — чистый минус из нашей территории, а остальная тоже не рай земной. В итоге удобные для жизни места — Европейская часть да неширокая южная полоса

Сибири, растянувшаяся на тысячи километров, что вело и ведёт к огромным затратам на управление.

Когда начинаешь говорить об этом, сразу вспоминают Норвегию и Швецию: дескать, тоже северные страны! Однако благодаря мощному тёплому морскому течению Гольфстрим, а также океаническому (а не континентальному, присущему России) характеру климата Скандинавии и, кстати, Великобритании, зимние температуры в южной Норвегии и Швеции в среднем на 15°С выше, чем в находящихся на той же широте землях России, и снежный покров, если изредка и бывает, то не дольше месяца, между тем как на той же широте в районе Ладоги-Новгорода снег лежит от 4 до 5,5 месяцев. Стоит упомянуть, что в Кубанской степи, расположенной почти на 2000 км южнее Скандинавии, зимы всё же продолжительнее и суровее, чем в южных частях Норвегии и Швеции.

Историкам пора задуматься о влиянии климата и географии на экономику и общественное устройство, а не спорить о пустом. Наш народ не хуже и не лучше любого другого, — все люди, в конце концов, один биологический вид, — да вот только сподобились мы родиться там, где жить очень сложно, а в некоторых местах, говоря по правде, вообще нельзя. Мы не Восток и не Запад, мы — Север.

Самые населённые районы планеты, где обитает 70 % жителей Земли, занимают всего-навсего 7 % суши. Но это благодатнейшие места! А Россия, где живёт всего лишь 2,5 % населения Земного шара, разлеглась на 12 % суши! На первый взгляд, как это хорошо, сколько у нас ещё свободных и богатых ресурсами территорий, есть, где разгуляться предприимчивому человеку. Но это только на первый взгляд, — разгуляться у нас довольно трудно, поскольку вся наша громадная страна расположена вокруг Полюса холода Северного полушария Земли. Имеет ли смысл вести на полюсе спор, где восток, а где запад?

Только 1 % сельскохозяйственных угодий в России имеет оптимальное соотношение качества почвы, тепла и влаги, а в США — 66 %; Такие важнейшие города России, как Смоленск и Москва, Владимир, Нижний Новгород, Казань и Уфа, Челябинск, Омск и Новосибирск, Красноярск и многие другие расположены примерно на 55-й параллели, а в Западной Европе севернее этой параллели лежит, помимо скандинавских стран, одна только Шотландия, так же «утепляемая» Гольфстримом. Что же касается США, вся их территория (кроме почти безлюдной Аляски) расположена южнее 50 градуса, между тем как даже южный центр Руси, Киев, находится севернее этого градуса. У нас территории южнее 50-й параллели составляют всего

лишь 3,4 % её пространств, и живёт там меньше 15 % нашего населения.

Для половины нашей территории (севернее линии Петербург – Вятка – Ханты-Мансийск – Магадан) ни о каком сельском хозяйстве, кроме оленеводства и мелких огородов, говорить не приходится. В нашей средней полосе сельхозработы идут с мая по октябрь, а, например, во Франции фактически круглый год. Урожай у русских бывал на нечерноземной почве сам-2 или сам-3, а в Западной Европе ещё в XVIII веке сам-12. Поэтому французский крестьянин мог себе позволить быть единоличником-фермером, и неплохо жил, и еды хватало на содержание ремесленников и постройку каменных соборов, а русские испокон веков кучковались в общины, ибо только взаимопомощь в труде позволяла как-то выкрутиться, а старики только и выживали, что с помощью "обчества". Ремесленников были считанные единицы, всё необходимое крестьянин делал сам. Это, между прочим, важнейший фактор для формирования культуры и характера нации.

Вот вам и избыток земли, про который нам прожужжали все уши. Изрядная часть нашей территории просто непригодна для жизни!

Коммуникации были недостаточными, так как страна очень большая и, при редкости населения, на каждого жителя страны требовалось бульшее количество километров дорог, чтобы иметь такую же свободу перемещения, как и в основных странах мира. Вдобавок в отличие от Запада, в России **необходимо** в продолжение более половины года интенсивно отапливать жилища и производственные помещения, что подразумевает очень весомые затраты труда и энергии.

В истории создания высокоразвитой цивилизации Запада громадную роль играл водный, морской и речной транспорт, который, во-первых, во много раз дешевле сухопутного, а во-вторых, способен перевозить гораздо более тяжёлые грузы. То есть доставка оказывается в разы дешевле, и при прочих равных торговля даёт западному торговцу более высокую прибыль, чем российскому, а производитель, соответственно, выдаёт на рынок более конкурентоспособный товар.

Тот факт, что страны Запада окружены незамерзающими морями и пронизаны реками, которые или вообще не замерзают, или покрываются льдом на очень краткое время, во многом определил беспрецедентный экономический и политический динамизм этих стран. Разумеется, и в России водные пути имели огромное значение, но здесь они действовали в среднем только в течение половины года.

В тех условиях, в которых оказался русский крестьянин, он мог прокормить только себя. Но приходилось отдавать часть

продукта на содержание государства, — налогов было много, зачастую весьма изощрённых. И государевы люди — дворяне, тоже кормились трудами крестьян, даже после того, как в 1760-м получили «вольную».

Отсюда проистекает не только бедность народа, но и громадность территории России. Ведь если прибавочный продукт страны меньше, чем даёт хозяйство стран-соперниц, то, чтобы выдержать в геополитическом противостоянии, надо было собирать налог с бульшей территории. И это следствие не молодости России по сравнению с другими странами Запада, и не «имперских амбиций», как пытаются объяснить целые отряды историков, а результат того, что мы постоянно живём в худших, по сравнению практически со всеми, природных условиях. И нам постоянно приходится тратить часть труда, чтобы это неравенство скомпенсировать. Даже затрачивая одинаковый с Западом труд, мы на развитие имеем меньше ресурса. Вот она, причина нашего отставания, бедности, величины.

Кстати, относительно «молодости». Истории нашей государственности более тысячи лет. Такую историю имеют далеко не все европейские страны, не говоря уже о США!

Итак, из-за климата у нас чуть ли не в два раза меньше период работы на сельхозугодьях, чем на Западе. Неурожайным является, практически, каждый четвёртый год. Дополнительные затраты на спасения себя и скотины от зимних холодов, большой период содержания скота без подножного корма, — то есть приходится тратить труд, чтобы заготовить корм на всю зиму, а также и дрова. Большие «транспортные плечи». Но эти факторы действовали постоянно, всё время накапливаясь, ведь наш климат — явление долгосрочное, он был таким на протяжении тысячелетий!

Мы видим, что ВЕКАМИ на развитие оставалось очень мало, существенно меньше, чем на Западе, да к тому же страны Запада, пытаясь превратить Россию в свою периферию, отсекали её от внешних рынков. Но мы также видим (с этим не поспорит ни один историк), что на протяжении всей истории Россия не только стояла вровень с другими, самыми передовыми в техническом смысле странами, но зачастую и превосходила их. Хотя, исходя из объективных данных, мы давно должны были безвозвратно отстать от всего мира по всем статьям. И об этом превосходстве можно судить уверенно, ведь если благосостояние народов сравнивать трудно, то уровень развития государств сравнивать можно, например, по результатам войн. Для победы, помимо храбрости солдат, высокого боевого духа и наличия образованных полководцев нужно иметь вполне конкретную технологическую и экономическую базу. То, что Россия существует и сегодня, означает, что в столкновениях с внешним противником она

обычно оказывалась на уровне, превосходящим уровень этого противника.

Если читать учебник военной истории России — ну, просто чудо какое-то. Могучая, непобедимая страна. Возьмёшь другие книжки — тупая власть, ленивые люди, "тюрьма народов". Схватишься за публикации последних двух десятилетий и ничего не найдёшь, кроме сообщений о постоянной деградации России, которую только и можно преодолеть, если внедрить у себя модель развития тех самых, многократно битых нами стран.

Загадка? Загадка. В.О. Ключевский первым, занимаясь историей, отметил эту особенность России, но не сделал никаких выводов. После него на протяжении более чем ста лет был известен, и даже описан феномен самой холодной населённой части планеты, но это знание оставалось невостребованным: оно воспринималось как экзотика, и не прилагалось к социально-экономической сфере.

В 2000 году А.П. Паршев в своей книге "Почему Россия не Америка" показал зависимость социально-экономических параметров России от её геоклиматических условий. Приведённые им фактические материалы объяснили, что именно из-за климата столь высоки издержки производства в нашей стране. Но объяснить: как же так получилось, что Россия не только стояла вровень с ведущими державами планеты, но зачастую и превосходила их? — он не смог. Чтобы ответить на этот вопрос, чтобы определить парадигму развития России, надо было рассмотреть весь комплекс в целом: география, климат, экономика, общество, власть, история.

Мы сделали эту работу, и предлагаем вам наши выводы.

В отличие от всех остальных регионов Земли, общество и экономика России имеют скачкообразный путь развития, движение "рывками". В силу описанных выше причин Россия, развиваясь "нормально", как все, по уровню экономики и жизни населения быстро отстаёт от других стран. Когда отставание становится нестерпимым, происходит рывок, и через напряжение всех сил и потерю жизни значительной части населения страна достигает могущества.

Долго в таких условиях жить нельзя, наступает период релаксации, или отдыха. Россия начинает жить как все, и снова отстаёт. **Это — наше *нормальное состояние***, поскольку такая особенность была у нас всегда. В какой-то момент, видя слабость России, соседние страны начинают претендовать на её земли. Наше стандартное решение: очередной мобилизационный этап и рывок. И опять этот период заканчивается, — он и не может быть долговременным, потому что такое напряжение всех сил погубило бы страну и без внешнего воздействия.

Нельзя сказать, что этого не знали раньше. Знали. Но, не обращая внимания на принципиально меньшее производство продукта в нашей стране, давали "обратное" объяснение. Считалось, что Россия такая же, как все: она из-за "имперских амбиций" достигает успехов, но, победив кого-нибудь, немедленно впадает в кризис.

А между тем нормальное наше состояние — как раз экономическое отставание от соседей. Естественно, наши добрые соседи никогда не упускали этого момента и осуществляли довольно успешные действия, чтобы политически закрепить своё явное экономическое превосходство. Перед нами вставал выбор: смириться и со временем исчезнуть как единое государство, став чьей-то периферией, либо наоборот, сплотиться и даже присоединить новые земли, и оказать сопротивление. Причём разные слои населения видели свое участие в формировании победы по-разному. Верхи, если они интеллектуально и нравственно соответствовали насущной задаче (что, в общем, было редкостью), вводили в стране режим, который можно назвать мобилизационной экономикой. Низы, понимая ситуацию, шли, практически добровольно, на уменьшение своего благосостояния.

В результате упорной умственной и производственной работы, как правило, с низкой оплатой труда или даже без таковой, появлялись и внедрялись новые технологии. Но какие? Естественно, те, которые имели отношение к военному делу. Военное же развитие имеет ту особенность, что оно включает в себя всё самые передовое, и к тому же требует повышения уровня смежных отраслей, обеспечивающих успех отраслей главных (тех, которые объединяют сейчас аббревиатурой ВПК). На военные разработки обычно денег не жалели, а потому именно там появлялись новые точки роста для всей экономики, да и не только экономики. Война, как известно, грозит людям телесными повреждениями, и развивается медицина. Становится востребованной вообще всякая наука, а наука тянет за собой образование.

В итоге в стране появлялась новая, модернизированная армия.

Ясно, что такой рывок каждый раз требовал очень больших сил общества. Накопление сил шло не просто в ущерб некоторому дополнительному потреблению, а жизненно необходимому потреблению. Но процесс накопления не проходил даром для общества; со временем и оно получало средства для увеличения производительности труда. Однако не будем забывать, что *мы в результате рывка лишь догоняли некий средний мировой уровень*. И когда после достижения своего перевеса в геополитической ситуации переходили к обычной, а не мобилизационной экономике, опять

начиналось отставание, через некоторое время оно достигало критического значения, и всё повторялось вновь. Во время рывка рождались былины о русских чудо-богатырях; периоды релаксации приносили другие песни: де, русские ленивы, тупы, на печи лежат.

Такие "русские горки" возвысили армию, — создание сильной армии было важнейшей задачей властей, её приоритет перед другими сословиями всегда признавался безоговорочно. А задачи технологий, соответственно, всегда превалировали над социальными.

Рывков разной амплитуды было немало, но значимых среди них три: цикл Ивана Грозного (переход к единому русскому государству), цикл Петра Первого (переход к империи) и цикл Иосифа Сталина (переход в индустриальное общество). Интересно, что каждый из них проводил полную модернизацию армии.

Очевидно, что во всём обозримом прошлом рывки происходили стихийно, и вожди наши просто следовали необходимости. Если бы власти и народ отдавали себе отчёт в истинных причинах событий, может быть, жертв было бы меньше.

Мобилизационная экономика диктует власти вполне конкретные задачи. Можно дать некоторый общий сценарий развития событий:

1. Исходно низкая норма внутренних накоплений. Это не злой умысел, а объективная реальность, ибо это и есть наше стационарное состояние.

2. Правящая элита, помня о прошлых подобных случаях напряжения всех сил, не рискует вводить режим мобилизационной экономики и продолжает пользоваться ресурсами, накопленными после последнего рывка, но не всегда эффективно. Кроме того, контакт с Европой показывает властителям неудовлетворительность их собственного состояния с точки зрения бытового комфорта. Не понимая истинных причин этого отставания, вожди предпринимают попытки улучшить своё, а также общее положение за счёт копирования зарубежных порядков. Им помогает своя интеллектуальная элита и иностранные советники, что только ухудшает общее экономическое положение, углубляя кризис.

3. Появление внешнего вызова в виде закрепления экономического отставания страны через её политическое поражение. Это является сигналом к началу перехода к мобилизационному режиму функционирования экономики. Как правило, такой переход требует появления новых идей, самых передовых на этот момент в мире, а также новых людей в руководстве, способных к новому режиму функционирования страны. (Возврат после

мобилизационного режима к стационарному также требует смены элиты).

4. В результате напряжения всех сил удаётся преодолеть внешний кризис, а после этого у народа пропадает побудительная причина поддерживать предыдущий режим функционирования. Народ вообще склонен вспоминать вождей, выполнивших труднейшую работу по спасению страны, как ужасных тиранов.

Далее все повторяется.

К сожалению, у нас бездарная элита. И всегда она была такой. Это редкость, чтобы люди, близкие к тому, что сейчас называется «финансовые потоки» и «административный ресурс», оказались на уровне тех требований, которые предъявляли России внешние условия.

Элита России

Элита — это меньшинство, которое владеет практически всем, во всяком случае в России.[3] До 1917 года о роскошестве русских туристов за границей ходили легенды; иностранцы, глядя на них, считали Россию страной, в которой реки из шампанского текут в берегах из паюсной икры. Сейчас можно услышать ещё более удивительные истории о наших «новых русских» за границей. Хотя они вроде бы русские, но, как правило, совершенно своей страны не знают, да и не считают её своей. Присваивая себе огромную часть богатств, сравнивают жизнь в России, по сути, ограбленной ими, с Западом, и объявляют, что Россия ужасная страна с ужасным народом…

Рассмотрим этот вопрос подробнее, пользуясь методом Кулона, о котором мы вспоминали в первой главе, — то есть с *достаточной* точностью, но без излишних подробностей.

Обычно любое, в том числе человеческое сообщество находится в некой среде. Для того, что бы в ней существовать, оно должно сохранять прошлую информацию (опыт) существования в ней, и одновременно уметь перестраиваться по мере изменения среды. А это значит, что сообщество, для сохранения устойчивости, должно уметь, с одной стороны, сохранять накопленную в прошлом полезную для своего развития информацию, а с другой — уметь понимать сигналы, идущие от среды о том, в каком направлении нужно меняться.

---

[3] В этой книге мы посвятили анализу, что такое элита, несколько глав в разных местах, поскольку для России поведение элиты крайне важно.

Иначе говоря, в процессе эволюции общество должно быть одновременно инерционным и чутким к изменениям.

Эту задачу можно решить так, как оно сделано в биологии — через двуполость, когда исходная система разделена на две связанные подсистемы — консервативную и оперативную. Первая (женская) отвечает за сохранение имеющейся информации, а вторая (мужская) — за приобретение новой, и вся эта информация, и новая, и старая, передаётся потомкам с генами. То есть потомство получает от родителей два разных типа информации: первую — генетическую, идущую от поколения к поколению, от прошлого к настоящему, даёт мать (женщины в целом консервативнее), вторую — информацию от среды, из настоящего в будущее, даёт отец (мужчины в целом адаптивнее).

Такое решение делает всю систему устойчивой, а элементарной эволюционирующей единицей оказывается не отдельная особь, а популяция в целом.

Так вот, перед социальными системами стоят те же задачи, что и перед любой информационной системой, и мы можем легко проследить здесь действие эволюционных законов. Например, сельское население — наиболее консервативный элемент общества; крестьяне «отвечают» за память из прошлого в будущее. (Если крестьян свести на нет, их место займут другие — те, кто производит основной продукт страны, кто позволяет ей выживать.) А новая информация поступает в систему через элиту, которая «руководит» движением из настоящего в будущее.

Без элиты никак нельзя. Если мы в полемических целях и ругаем её за жадность и непоследовательность, то всё же понимаем, что без неё никакое развитие невозможно. Проблема с русской элитой в том, что её надо уметь «держать в кулаке». Даже, простите за намёк, «в ежовых рукавицах». Оставаясь без узды, она мгновенно начинает переводить ресурс страны на своё собственное содержание, а задач, возложенных на неё эволюцией, не решает.

Политолог А. Дугин отмечает любопытную социологическую закономерность: все крупные народные бунты и восстания, попавшие в летописи, происходили, как правило, в период ослабления центральной государственной власти — либо из-за борьбы властных аристократических группировок друг с другом, либо из-за столкновения различных идеологических течений. Практически нет ни одной революции, ни одного политического переворота или восстания (формально «народного»), за которыми не стояли бы представители элиты. А если вождь народного восстания сам происходит из низов, он, как правило, вооружается мифом о своём избранничестве, часто — о

царском происхождении (например, донской казак Емельян Пугачёв, поднявший в августе 1773 года восстание яицких казаков, выступал под именем «императора Петра III»).

С другой стороны, жизнь народа остаётся "за кадром", хотя количественно он в большинстве. Занимаясь историей, этот перекос обязательно надо учитывать. Народ, именуя его массами, упоминают (особенно марксистские историки), но он всегда и во всех описаниях выступает как фон, поддерживающий элитарного героя; в крайнем случае, массы выдвигают героя из своей толщи. Это можно понять, поскольку народ — масса консервативная, косная, сама себя массой не осознающая. Однако даже если каждый представитель «толпы» воспринимает массу себе подобных как некое продолжение элиты, на деле это элита есть продолжение народа со своими специфическими функциями. Элита, оставшаяся без народа (пример: дворянская эмиграция после 1917 года) немедленно перестаёт быть таковой, сливаясь с массой.

Короче, история как летописание и как наука концентрирует своё внимание на элите. «История элит, её диалектика, её исторический выбор, её эволюция или инволюция была синонимом истории народов, государств, культур, обществ», — пишет А. Дугин. А происходит это оттого, что именно на уровне элит проявляются основные трения, которые приводят к общественным катаклизмам. Но нам не раз уже приходилось пояснять[4], что причина катаклизмов — не в деятельности людей, а в неравновесности динамических систем в периоды хаотизации, — в системах же основную часть составляют массы.

Характерно, что те исторические школы и направления, которые видят в качестве основных двигателей истории материально-хозяйственные факторы, связанные с массами, пренебрегают изучением элитного фактора. Такой подход характерен не только для марксистов, но и для либералов, видящих в деятельности элит лишь прикрытие для перераспределения материальных благ.

А вот Никколо Макиавелли в своё время предложил вынести за скобки содержательную сторону политического процесса, сосредоточив основное внимание на описании технологии удержания власти, то есть на деятельности элит. Как бы продолжая его подход, в конце XIX — начале XX века возникла целая философская школа, которая, изучая политический процесс, выносила за скобки морально-ценностную риторику современных им политических партий и движений — как либеральных, так и консервативных или

[4] В книгах «Другая история науки», «Армагеддон завтра» и других.

социалистических. Один из крупнейших представителей этого направления, итальянец Гаэтано Моска, разработал теорию "политического класса".

Он исходил из идеи, что человеческое общество по сути не меняется, несмотря на смену идеологических и социальных декораций. За разговорами о прогрессе, демократии, развитии и свободе, считал он, стоит неизменная и довольно эгоистическая человеческая природа. Следовательно, все аргументы либерал-демократии относительно превосходства современных идей и политических институтов являются "бессодержательной пропагандой", служащей лишь прикрытием и оправданием для новых социальных элит. Моска называл современную демократию "плутодемократией", то есть "властью богатого, состоятельного народа". Такой подход подчёркивал специфику современных политических элит, напрямую связанных с финансовой и имущественной элитами.

Моска предложил гипотезу: *властная структура общества и в древности, и в современности остаётся принципиально одинаковой*. В любом обществе есть правящий политический класс — класс не в марксистском понимании, а именно то, что мы понимаем под элитой. Этот класс, с его точки зрения, обладает постоянными признаками и в эпоху кастового общества, и в обществе сословном и классовом, остаётся таковым при социализме и гипотетическом коммунистическом строе. Задача элиты проста: властвовать, сохранять власть и бороться против тех, кто бросает ей вызов. Других задач у неё нет, только собственное выживание, считает Моска.

Сходную теорию разработал Вильфредо Парето. Этот социолог, экономист, политолог, философ политики развил "теорию ротации элит". По его мнению, в обществе существует постоянный баланс элит, тяготеющий к равновесию. С одной стороны, существует "правящая элита"; на противоположном полюсе пребывает "потенциальная элита", или "контрэлита", которая может и хочет стать правящей, но пока таковой не является. Он ввёл также понятие "антиэлита", означающее антисоциальные (криминальные) элементы, принципиально противящиеся любой социальной организации и противостоящие любой элите. Ещё в его учении существует "неэлита", то есть массы, социальный тип, неспособный превратиться в элиту ни при каких обстоятельствах, но в целом принимающий законы политической организации, устанавливаемый элитами.

И так — во всех типах обществ. Рассматривая «элитную проблему», Парето, как и Моска, не делал качественных различий между обществами кастовыми, сословными и классовыми.

В самом деле. В сословном обществе есть *теоретическая* возможность перехода из одного сословия в другое, а при кастовом устройстве перейти из одной касты в другую невозможно ни при каких обстоятельствах. Однако переходы из сословия в сословие всегда имели единичный характер, зато внутри сословий, как и внутри каждой из каст была своя иерархия, и человек мог проявить свои индивидуальные способности, передвигаясь по этой лестнице. Высшая элита оставалась недоступной для масс. Так же получилось в классовом обществе; здесь элиту формирует класс эксплуататоров (клир, земельная аристократия, буржуазия); массы опять остаются «при своём интересе».

Социалистические теории всех оттенков предполагали возможность после захвата власти пролетарским классом и уничтожения буржуазии как класса ликвидировать политическую иерархию, создав "массовое общество", где элита вообще отсутствовала бы. В реальной же исторической практике коммунистическая партия, которая выступала в роли авангарда пролетарского класса и соответственно инструмента перехода к бесклассовому обществу, сама почти всегда выдвигала из своих рядов «номенклатуру», социально-политическую элиту.

Номенклатура на словах отрицала свои отличия от масс, но на практике стремилась эти отличия подчёркивать. К примеру, в маоистском Китае следование догме достигало крайнего предела, и даже была введена единая для всех форма одежды, — а начальники без труда нашли способ отмечать свой статус: количеством авторучек. Чем больше авторучек в кармане, тем выше ранг начальника. И в Китае, и в СССР подбор элиты и её продвижение осуществлялись элитой же, с учётом прежде всего её, как «правящего класса», интересов.

В СССР в конце 1980-х, когда ресурсная база страны сократилась, партийная элита затеяла перемену идеологии. Дело в том, что придерживаясь старой идеологии — идеологии масс, она была бы вынуждена снизить благосостояние своих членов в пользу народа, а сменив её — получить возможность улучшать своё благосостояние за счёт масс. Это показывает нам: партноменклатура действовала как обычная элита, независимо от партийных установок, — и в итоге реформы социализма в капитализм практически вся сохранилась, но уже не в статусном состоянии, а в классовом.

Царь, элита и народ

Всякое человеческое сообщество, начиная с первобытного, распределяет внутри себя, то есть между своими членами, разнообразные функции, выполнение которых необходимо для его, сообщества, выживания. Постепенно возникают чёткие *общественные структуры*: властные, производственные, финансовые, оборонительные, научные, бытовые, транспортные и много ещё какие, и в каждой из структур найдётся своя элита. Любая структура желает существовать как можно дольше и лучше; каждая хотела бы перетягивать на себя общие ресурсы, но некоторым (военным, властным или финансовым) делать это легко, а некоторым трудно. Между тем, для жизни сообщества нужны они все!

Кто синхронизирует интересы всех структур?

Государство.

Но ведь и оно само состоит из живых людей со своими интересами, и внутри него могут возникать свои «подструктуры»! Значит, «кто-то там, наверху» должен уметь выбрать путь страны, расставить приоритеты, контролировать исполнителей. И оценивать деятельность высшей власти можно и нужно не по заявлениям и призывам, а лишь по тому, насколько в результате её действий страна двигалась в выбранном направлении. Скажем, при Екатерине II «гром победы, раздавайся» гремело во всех залах, а когда сменивший её Павел провёл ревизию, оказалось, что флот вооружён пушками, сделанными ещё при Петре Великом. Сколько было призывов, праздников и орденов при Брежневе! Результат? — стагнация…

Анализируя исторический процесс, следует прежде всего учитывать, как выстроена высшей властью **иерархия целей государства**.

Первая и основополагающая цель является и самой простой: это *собственное сохранение* властителей. Для её реализации верховная власть готова на любые действия, даже если они идут во вред дальнейшему выживанию самого государства. И такая власть у нас была, например, в Смутное время, в период «женского царства» и, кстати, со времён Горбачева и по сей день она у нас такая — власть с простейшей целью самосохранения. Как правило, при отсутствии целей следующих степеней сложности, а достижении только этой, положение государства неустойчивое.

Следующая цель государства — это либо военная защита страны, либо нападение на соседей; возможен сложный, «дипломатический» вариант: спланировать свои действия так, чтобы избежать прямых военных действий, но получить желаемое улучшение; хороший пример — правление императора Александра III.

Следующая по своей сложности цель государства — *создание достойной экономики*, чтобы возможные противники предпочитали с вашей страной дружить, чем навязывать ей свою волю. Достижение этой цели делает положение достаточно устойчивым: в частности, богатая страна может купить «благосклонность и преданность» соседей, или с помощью займов привязать их к себе ссудным процентом.

Для достижения этой цели требуется определённый *уровень образованности общества*, что даёт новую цель. Но образование не есть нечто самоценное; оно может быть не только не полезным, а даже вредным, если приходит без необходимого уровня культуры, формирующейся установленной в обществе идеологией. Дело в том, что в неподготовленной стране отдельные «излишне» образованные индивидуумы могут навязать внедрение иностранных социальных и экономических моделей, которые подорвут стабильность.

Поддержание и развитие идеологии сообразно изменяющимся внешним условиям, — вот ещё одна цель государства. Соответствие идеологии моменту особенно важно в мобилизационный период, когда экономика и страна переходят в новую фазу развития. Тут надо иметь в виду, что утверждения типа: «мы хотим, чтобы наше общество было деидеологизированным» — это тоже идеология, правда, насаждаемая врагами данного государства. Без развития идеологии под требования момента невозможно консолидировать нацию. Именно это произошло в годы Первой мировой войны: из-за консервации старой идеологии опоздали необходимые решения о модернизации, общество не только не смогло объединиться, но раскололось, и эта нестабильность привела к известным результатам.

Наконец, мы подбираемся к основной цели государственной деятельности, это — *геополитическое позиционирование страны* на высоком уровне. Предшествующие цели: готовность к войне, создание экономики и образования — подчинены ей, все в неё входят; разница между *войной*, *экономикой*, *идеологией* и, соответственно, военным, экономическим или идеологическим *геополитическим позиционированием* — лишь в объёмах и масштабах. Например, война *в данный момент* — явление короткопериодное, быстрое, зачастую вынужденное и не учитывающее интересов будущего развития. А военное позиционирование — категория долгопериодная.

Цели более низкого уровня входят составной частью в цели более высокого уровня. Чем на более высоком уровне поставлена цель правителем, тем проще аппарату власти работать с целями низких

уровней. Но следует понимать, что достижение «высоких» целей требует существенно бульшего времени, чем «низких».

Конечно же, хорошо, когда власть страны в состоянии сформулировать цели высокого уровня, тем самым сделав осмысленными все цели низких уровней. Но для этого нужна не только способность высшей власти к таким действиям, но и преемственность в политике; без преемственности новая власть в первую голову озабочивается первой и простейшей целью — своим выживанием, и всякая модернизация опять выпадает из поля её зрения.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой кадров. То есть, встаёт вопрос: кто будет эти цели реализовывать? Ясно, что те, кому выпадет эта задача, становятся частью элиты страны, а мы помним, что у элиты — как класса, как части общества — цели совсем другие! Вот здесь и нужно государство, со всей мощью его аппарата принуждения и с его соответствующей моменту идеологией: чтобы исполнители не стали действовать в своих интересах, против интересов государства.

Сложность в том, что в каких-то случаях можно менять кадры (если есть кадровый резерв), а в каких-то и нет. Как говорил товарищ Сталин: «У меня нет для вас других писателей». Если находился вождь, который мог держать элиту в кулаке, всё получалось, и цели достигались весьма высокие. А при попустительстве вождя элита предпочитала свои шкурные интересы. В нашей истории это, например, боярская вольница при Елене Глинской, и грызня бояр при Фёдоре Иоанновиче, начавшаяся после смерти Ивана Грозного.

Вот с Ивана Грозного и начнём.

При его отце Василии III объединение земель ещё не привело к созданию единого государства. Главным врагом централизации выступала боярская элита — феодальная аристократия, не желавшая терять свои права и привилегии. Из всех военных потребностей России им была близка только простейшая: борьба с набегами кочевников, которые наносили вред лично этим боярам, нападая на их вотчины. Против кочевников строились засечные черты и при них города-крепости; «засечные деньги» на их содержание собирали с народа.

Василий III веред смертью (в 1533) передал престол трёхлетнему сыну Ивану, но по его малолетству правила мать, Елена Глинская. Она, опираясь на совет из своих родственников и приближённых бояр, пыталась укреплять государство, в частности, провела удачную монетную реформу в 1535-1538 годах; поддерживала дворянство и города, сокращала земельные и податные привилегии монастырей. Но военная политика Великой княгини была неудачной: войну с Литвой, претендовавшей на её земли, Россия проиграла;

граница с Великим княжеством Литовским проходила в нескольких десятках километров к западу от Москвы.

В год её смерти Ивану было восемь лет, брат его Юрий был слабоумным. Власть осталась у тех же бояр, и при их правлении государственная система пришла в полный упадок. Боярский произвол «на местах», и без того жестокий, в отсутствие твёрдой верховной власти возрастал: они желали жить хорошо и всеми средствами добивались этого, но народ из-за этого жил совсем не хорошо: население, спасаясь от притеснений, бежало на окраины; происходили восстания в городах.

В феврале 1549 года восемнадцатилетний Иван собрал первый Земский собор с участием верхушки церкви и высших представителей боярства и дворянства. Царь обвинил бояр в злоупотреблениях и насилиях, но призвал забыть все обиды и действовать всем вместе на общее благо. Было объявлено о намеченных реформах и подготовке нового Судебника. Решением собора дворян, составлявших служебную часть народа, освободили от суда элиты — бояр-наместников, предоставив им право на суд самого царя.

Затем Иван при поддержке ближайшего «круга» — Избранной рады, провёл судебную и налоговую реформы. В ходе военной реформы были запрещены местнические споры бояр в войсках, создано постоянное наёмное стрелецкое войско. Возросла роль дворянства: стараниями царя дворянская конница становилась важнейшей частью армии; во власти появлялись новые люди. Перестроив управление и армию, смогли решить важную внешнеполитическую задачу — ликвидировать Казанское ханство, целиком зависящее от враждебного Москве Крыма, в свою очередь, подвластного Турции, и овладеть Волжским путем, необходимым для экономического развития и свободного выхода в Среднюю Азию, Сибирь, на Кавказ. Также добились выхода на западные рынки через посредство англичан.

Расширение государства потребовало коренной реформы местного управления, поскольку присоединились земли, населённые самобытными народами. Такая реформа и была проведена в 1555-1556 годах. Вместо "кормлений" наместников и волостелей ввели самоуправление на местах; страна теперь делилась на уезды, которые состояли из города и сельских общин, соединённых в волости и станы (пригородные волости). В городах и волостях из "лутших" посадских людей и черносошных крестьян выбирали на один-два года земских старост. Они вели раскладку податей и повинностей, контролировали меры и весы, клеймили лошадей, проводили мирские выборы. Коллегия земских старост вела суд по мелким гражданским и уголовным делам.

Следующий уровень самоуправления представляли губные старосты. Духовенство, дворянство и крестьяне выбирали в городе и уезде из высшего дворянства двух губных старост, которые вели следствие и суд по особо опасным делам, могли выносить смертные приговоры. Они подчинялись созданному ещё в 1539 году Разбойному приказу (ныне МВД). В помощь им выбирались из лучших посадских и крестьян губные целовальники (присяжные заседатели), дьячки (секретари) и полицейские чины (сотские, пятидесятские, десятские). Помещичьих и боярских крестьян судили сами помещики и бояре, за исключением убийств и грабежей.

Завершена была реорганизация управления тем, что оно стало строиться не по территориальному, а по ведомственному признаку. Самыми важными стали приказы Посольский, Разрядный, Разбойный, Большой приход (сбор налогов).

Усиление государства позволило поставить вопрос о борьбе за выход к Балтике, дорогу к которой закрывал Ливонский орден. Ещё по перемирию 1503 года орден обязан был возобновить ежегодную выплату России дани за город Юрьев (Дерпт), существовавшую с давних времён, но за полвека не прислал дань ни разу. Россия считалась слабой, и с ней не церемонились. Но Иван уже чувствовал, что время слабости прошло, и требовал своего. В 1557 году на переговорах делегация ордена просила отсрочить платежи; Иван отказался и сделал это поводом к войне. Вторым поводом к войне была задержка орденом 123 специалистов, приглашённых Иваном из Западной Европы.

В январе 1558 года Россия начала войну, причём в русское войско входили татарские отряды из Казани. Весной того же года взяли Нарву, летом — Дерпт, вернув старые русские земли. В Нарве Иван тут же основал корабельную верфь. В 1559 году с орденом заключили перемирие, но в 1560 году война возобновилась. Русские взяли Мариенбург и Феллин, разгромили войско ордена. С ноября 1560-го орден признал над собой власть Польши, и теперь России на Балтике противостоял уже не один орден, а несколько сильных держав.

К этому времени Россия уже "завязла" в Сибири, налаживая отношения с Сибирским ханством, которое располагалось по Иртышу и Тоболу, доходя до Барабинской степи. В верховьях Камы и по реке Чусовой промышленники Строгановы взялись за разработку мест, богатых солью и рыбой, добывали также медь, железо, серебро.

Ливонская война обострила противоречия внутри российской элиты, а также между элитой и царём. Бояре поддерживали царя в борьбе с Казанью и Крымом, так как набеги угрожали их вотчинам. Но значения борьбы за выход к морю они не понимали. Их

противодействие выливалось в заговоры против царя, и между Иваном IV и Избранной радой произошел разрыв. В конце концов, сторонники Избранной рады оказались отстранены от дел, умерли или бежали.

В январе 1565 года начался период опричнины.

В опричнину вошли уезды, близкие к границе с Великим княжеством Литовским. Так, опричными стали Суздальский и Можайский уезды, они граничили с Литвой. Земщину обложили большим налогом на устройство опричнины (на переселения и прочее).

Описывая выше общий сценарий развития событий при рывке, мы указали на два важнейших и непременных пункта. Это заимствование идей и технологий с Запада и полная замена кадров. Очевидно, что введением опричнины задача замены кадров была решена. А где же идея с Запада?

Она выразилась в новом устройстве войска, а также в том, что опричники были организованы наподобие монашеско-рыцарского ордена. Они приносили особую присягу на верность царю, обязуясь не вступать в общение с земскими, даже с родственниками. В Александровой слободе, которая стала главной опричной резиденцией царя, создалось своего рода монашеское братство во главе с царем; друг друга так и называли "брат". Царь стал игуменом, князь Афанасий Вяземский — келарем, Малюта Скуратов (думный дворянин Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский) — пономарём. Как и в монастыре, здесь была общая трапеза, совмещавшаяся с богослужением.

Историки полагают, что "монастырско-опричные трапезы должны были словно напоминать о далёких временах, когда князья пировали со своими дружинниками" (В. Кобрин). Но вся эта практика в точности списана с духовно-рыцарских орденов крестоносцев!

Государству требовались перемены, и они произошли. Другое дело, что проблемы решались не оптимальным образом. Заручившись поддержкой одной части общества (посадских), царь вторую часть — элиту — разделил на две части (опричники и земские) и, по сути, стравил между собой. Он добился концентрации сил и поддержки народа, но был вынужден тратить ресурс на борьбу внутри страны.

В 1569 году Литва и Польша заключили Люблинскую унию и объединились в одно государство, Речь Посполитую. Ливонская война продолжалась, сил у России не хватало. Тем временем осложнилось положение на юге: турки пытались напасть на Астрахань, и тут оказалось, что опричное войско совершенно несостоятельно в борьбе с внешним врагом. Крымский хан Девлет-Гирей пошёл на Москву. Иван IV объявил мобилизацию, однако многие опричники не явились, царь бежал, а хан сжёг Москву. Выявившаяся

несостоятельность опричного войска способствовала ликвидации опричнины вообще.

Снова выделили "государев удел" и с целью повышения боеспособности армии переместили бояр и дворян. Отныне все поместья служилого человека должны были находиться не в разных уездах, а в том, где он значился в послужном списке. Тем самым помещик поставлял потребное число воинов из всех поместий, никого не укрывая от мобилизации.

В этом случае, как и при Петре, и при Сталине, были сменены кадры. В какой-то момент требовались люди, нацеленные на разрушение старого. Затем в них не только отпадала необходимость, но они становились вредными, опасными в новых условиях.

Пока шла война в Ливонии, шведы вторглись в Новгородскую землю. В этой войне Иван добиться успеха не смог, но оставил хороший задел на будущее: уже при его сыне, царе Фёдоре Ивановиче русское войско разбило шведов под Нарвой и вернуло Ивангород, Ям и Копорье, Орешек и Ниеншанц, а также обширную область у Финского залива, Карелию и Кольский полуостров.

В Сибири Иван IV поддерживал стремление Строгановых освоить земли за Уралом и в 1574 году дал им жалованную грамоту на земли по Туре и Тоболу, разрешил строить крепости на Иртыше и Оби. Строгановы набрали отряд казаков, снабдили пушками и припасами и летом 1579 года, поставив во главе отряда Ермака Тимофеевич, отправили за Урал. Таким образом, Сибирь присоединяли не за счёт государевой казны.

При Иване появилось книгопечатание. Развивались искусство и зодчество, становилось больше грамотных людей. Промышленность несомненно была на подъёме. В конце XVI века Москву охраняли и первоклассные стены, и первоклассная артиллерия.

19 марта 1584 года Иван Грозный умер. От оставил после себя могучую централизованную державу; несмотря на все мятежи и лжи те, кто пришёл ему на смену, не смогли промотать этого наследства. При царе Фёдоре Ивановиче продолжалось строительство крепостей; константинопольский собор утвердил патриаршество на Руси, и русская церковь сравнялась с константинопольской, что означало рост международного авторитета России.

По смерти Фёдора царём стал Борис Годунов. Опять начались боярские раздоры. На наши земли немедленно ополчились поляки. Лишь в 1611 году ценой напряжения всех сил (новый "малый" рывок) страна избавилась от их притязаний. Эта история "персонифицирована" именами князя Д. Пожарского и купца К. Минина, — мы снова видим в истории этого рывка и внешнюю угрозу,

и единение народа и элиты, и смену кадров. А затем опять началось отставание: Россия росла, развивала экономику и культуру, торговала, но — медленнее, чем страны Западной Европы.

За сто лет, прошедших от смерти Ивана до воцарения Петра, отставание достигло нестерпимых размеров. Несколько лет безрезультатно шла война с Турцией. Внутри страны происходили постоянные волнения, — по сути, шел процесс "подбора" личности, которая могла бы возглавить рывок. При царе Фёдоре Алексеевиче (1661-1682) отменили местничество, сожгли разрядные книги. На первое место стали выдвигаться люди, знаменитые не происхождением и должностями предков, а личными заслугами.

Когда царь Фёдор умер, Петру было всего десять лет. По его малолетству правила мать и родственники. Стрельцы бунтовали против боярского правления, злоупотреблений и поборов начальства. Пётр уже увлекался "потешными" полками и строительством кораблей в Преображенском, то есть отрабатывал свою будущую военную реформу, а его сестра Софья пыталась узурпировать трон, «отрабатывая» самую простую цель: собственное выживание у власти.

Она проиграла, после чего, собственно, началась эпоха Петра.

Первым этапом мобилизации экономики, как оно и должно быть, стало выполнение военного заказа. В Воронеже построили мелкие суда (23 галеры) и большой корабль "Апостол Пётр". Весной 1696 года под командой Ф.Я. Лефорта они по Дону спустились к Азову; турецкий флот сожгли казаки. Сухопутное войско воеводы А.С. Шеина осадило Азов с суши, и через два месяца крепость сдалась.

Последовавшая вскоре поездка за границу убедила Петра в значении Балтики как прямого пути на Запад, — но берега моря принадлежали Швеции. Для борьбы с ней Пётр заключил союз с Речью Посполитой (Польшей) и Данией: началась Северная война. В октябре 1702 года русские войска взяли крепость Нотебург (Орешек), 1 мая 1703 года — крепость Ниеншанц в устье Невы, и вблизи неё, на Заячьем острове, 16 мая 1703 года был заложен Санкт-Петербург.

Далее, как и в случае рывка, совершённого при Иване, последовали реформы. Распустив отжившие своё стрелецкие полки, Пётр создал новую регулярную армию на основе "потешных полков". Были унифицированы форма и вооружение; в 1705 году ввели систему рекрутских наборов. Солдат и матросов брали из крестьян и посадских, а офицерский корпус комплектовался из дворян, причём в 1714 году Пётр велел производить в офицеры только тех дворян, кто определённое время служил солдатом в гвардии. Появились "Уставы воинские", различные наставления по военному делу. Создавались

офицерские и унтер-офицерские военные и военно-медицинские школы.

Историки говорят, что при Петре "непрерывные войны заставили Россию развивать прежде всего военную промышленность". Нет, и развивать промышленность, и вести войны Россию заставлял геополитический вызов. Страна втянулась в новый рывок, и развитие событий в этот период полностью подтверждает нашу теорию.

При Петре был создан военно-промышленный комплекс, и что интересно, при Советской власти (когда происходил наш очередной, "индустриальный" рывок) Петра называли первым большевиком. Почему же так схожи разные исторические эпохи? Да потому, что развитие страны имеет свои закономерности. Не надо искать причину в сходстве характеров первых лиц.

Военные потребности тянули за собой всю экономику и общественную жизнь. С военными заказами связано появление сотен мануфактур, открытие полотняных и суконных фабрик. Создавались новые отрасли фабричного производства: шелковая и кожевенная, бумажная и шляпная, ковровая, цементная, сахарная, обойная. Квалифицированных рабочих не хватало, их выписывали из-за границы, а рынок своей рабочей силы практически отсутствовал. К счастью, мануфактуры создавались в условиях крепостничества: была возможность посылать на мануфактуры бродяг и преступников. Появилась практика "приписывания" к казённым мануфактурам государственных крестьян, которые отрабатывали государственные подати.

В 1711 году для подготовки специалистов при мануфактурах учредили ремесленные школы. Позже (в 1722-м) покровительство государства производству и ремеслу выразилось в создании в городах цехового устройства: всех ремесленников записали в цехи по профессиям, кстати, строго регламентируя качество продукции.

Совершенно ясно, что Пётр отрабатывал государственные цели очень высокого уровня.

25 апреля 1709 года шведы осадили Полтаву. Затем произошла битва, которая достаточно хорошо описана, и нам нет нужды повторяться. Дело кончилось тем, что шведы бежали, потеряв более 9000 человек убитыми и 3000 пленными. Наши потери составили 1345 убитыми и 3300 ранеными.

Победа изменила соотношение сия в Европе и закрепила Прибалтику за Россией. Через реформы, проводившиеся ради повышения мощи государства, удалось достичь того, чего Россия добивалась на протяжении нескольких веков — выхода к Балтике.

Также и восточная политика Петра позволила так утвердиться на юге Восточной Сибири и на Каспийском море, чтобы сделать Россию посредницей в европейско-азиатской торговле.

По ходу дела требовалось совершенствование системы власти, и эта реформа также была успешно проведена. Среди прочего, Пётр отменил боярское звание в ходе реорганизации дворянства.

Развитие промышленности требовало развития науки, а эта последняя не могла существовать без образования. Не зря великой заслугой Петра I считают создание в России светского образования! Еще в 1699 году он основал в Москве Пушкарскую школу, а в 1701 году в Сухаревой башне — "школу математицких и навигацких наук"; в 1715 году школу перевели в Петербург, преобразовав в Морскую академию. Затем были основаны 42 провинциальные цифирные школы при архиерейских домах и монастырях. Цифирную школу обязан был окончить каждый дворянин, без этого не разрешалось жениться. Многие юноши учились за границей, солдатских детей обучали в гарнизонных школах. Были изданы сотни наименований книг, в Петербурге открыли первую государственную библиотеку.

28 января 1724 года Пётр подписал Указ об основании в России Академии наук; он был исполнен после его смерти.

"*В результате реформ Петра I сократилось отставание России от Запада: у неё появилась современная армия, она стала морской державой, улучшилось государственное управление, развились промышленность, торговля, ремёсла*", — пишут историки. Но эти реформы, полагают они, "*были направлены на укрепление феодального государства*" и "*приблизили установление в России абсолютной монархии (абсолютизма)*". Ах, как это ужасно: царь заставил элиту работать в интересах страны. Однако посмотрим на результаты этого рывка для государства. Они, безусловно, положительны. Достижений петровской эпохи хватило затем на сто лет!

Как уже сказано, в силу долгосрочности реализации целей высокого уровня необходима преемственность власти. Но, к сожалению, после правления как Ивана, так и Петра не было преемственности, и не только из-за пресечения династии, но и потому, что их наследники не понимали целей, которыми руководствовались Иван и Пётр. Власть Годунова была более «мелкой», он решал задачи гораздо более низкого уровня, чем те, что решались при Грозном. Про Екатерину I, наследовавшую Петру по решению высших сановников, и говорить нечего.

Хозяин земли русской должен уметь понимать и оценивать обстановку и принимать решения. В этом деле огромное значение имеет историческая информация, ведь только с её помощью и

можно определить направление общей динамики социальных процессов, сохранить преемственность, создать задел на будущее. А информация, к сожалению, часто бывает искажена: ангажированные историографы или другие какие мудрецы наплетут царю, что хорошо, а что плохо — но это «хорошо» с точки зрения элиты, а не страны в целом, — а царь, предположим, кивает с умным видом. Понятно, что результат его правления не будет оптимальным.

Но даже если суть процессов понята, и цель поставлена, хозяину надо ещё обладать управленческим талантом. То есть он должен представлять, к какой цели стремится, и постоянно корректировать свои действия для этого, так как вовсе не факт, что запланированные им конкретные дела ведут к ожидаемым результатам. И ведь ситуация постоянно меняется под действием других сил, в том числе иностранных государств, преследующих свои собственные цели.

И, наконец, хозяин должен уметь создавать механизмы для реализации своих целей. Понимать, чем власть может управлять, а чем нет; какие структуры управления создать можно, а какие нет; есть у него люди для такой работы, или нет, и сумеет ли он их контролировать.

Иван и Пётр были законными хозяевами своей страны, а не временщиками, и не «назначенцами»; им было легче увидеть перспективу и задачи власти, общий ход событий. Потому они и достигли успеха.

Надеемся, теперь уже понятно, почему в этой и некоторых других книгах об истории России мы придерживаемся необычной периодизации — по циклам крупных рывков, выделяя рывки Ивана Грозного, Петра Великого и Иосифа Сталина. Такая периодизация не совпадает с общепринятой, зато в рамках циклов мы можем проследить весь путь элиты, от полного подчинения государю (интересам государства), через некую «вольницу», до развала ею государства. О рывке, совершённом при Иване, шла речь в книге «Другая история Московского царства». Рывок Петра и последовавший затем упадок при царицах показан в книге «Другая история Российской империи».

В этой книге пойдёт речь о завершении цикла Петра в XIX веке, о рывке, совершённом под руководством Сталина, и о завершении этого цикла.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

На стыке веков

В русской истории XIX век начался убийством императора Павла I.

Он правил недолго, с 1796 по март 1801 года, а престол получил, когда ему шёл уже сорок второй год. Вплоть до смерти матушки, Екатерины II, был в оппозиции её политике.

Оппозиция, надо сказать — совершенно необходимый элемент эволюции динамических систем, в том числе человеческих сообществ и государств. Она предлагает *другие решения*, которые — неважно, учитываются они или нет действующей властью, составляют запас вариантов, любой из которых может быть востребован системой при изменении внешней среды. Если оппозиция предлагает решения, которые послужат укреплению стабильности, то она называется конструктивной. Если же её решения направлены на разрушение чего-то, по её мнению, «нехорошего», и могут подорвать стабильность с неизвестным результатом, то — деструктивной.

При Екатерине II ситуация была стабильной, но то была стабильность застоя. Присоединение чернозёмных земель юга, повышение эксплуатации крестьянства (в 1783 году были закрепощены крестьяне левобережной Украины) дали стране очень прибыльный экспортный товар: зерно. Денег хватало на любое прожигание, — а на модернизацию экономики, армии и управления ничего не шло. Общественные отношения закостенели, коррупция была на взлёте. Что-то похожее произошло позже при Брежневе, когда появился новый экспортный товар — нефть, и в страну потекли нефтедоллары.

Павел I, за долгие годы пребывания в тени мамаши, подготовил серьёзные конструктивные планы. Он оказался оппозиционером-государственником, искавшим на Западе идеи для повышения мощи России, прежде всего мощи военной и экономической. Вернувшись из поездки в Берлин, он посмел критиковать политику матери, был отстранён от двора; в 1783-м переехал в гатчинское имение и замкнулся на военном деле, организовав три батальона по прусскому образцу.

Но в России была и другая, дворянская оппозиция. Она тоже искала идеи на Западе, и зачастую тоже находили конструктивные варианты, но это были люди элиты, а потому они отдавали приоритет идеям, выгодным их классу, а не стране в целом. Так, Д.И. Фонвизин, находясь в Западной Европе, судя по его письмам, «главное рачение обратил к познанию здешних законов». Он размышлял о «наглости разума», «вольности по праву», «юриспруденции как науке», «системе законов» во Франции, но его мысль постоянно возвращалась к своей стране, к екатерининскому беззаконию и разгулу фаворитизма. При этом во Франции было ничуть не лучше: *«Здешние злоупотребления и грабежи, конечно, не меньше у нас случающихся. В рассуждении правосудия вижу я, что везде одним манером поступают*».

Иначе говоря, Павел находил в Европе *практику* деятельности (новое устройство войск), дворяне — *теорию* (философские идеи о законе и равенстве). Среди них были крепостники, желавшие установления, как сказали бы сейчас, дворянской демократии за счёт народа, но были и единичные прогрессисты идеалистического толка, грезившие о народной демократии.

В переписке П.И. Панина, Д.И. Фонвизина, С.Р. Воронцова, А.М. Кутузова, Н.Н. Трубецкого, А.П. Сумарокова, П.В. Завадовского и других повторялась мысль о желательности введения ответственности монарха перед народом, но понятие «народ» было у всех перечисленных господ крайне узким. Оно не включало даже всего господствующего сословия, а ограничивалось лишь его верхушкой. С другой стороны, Н.И. Новиков послал Екатерине II целую притчу об ответственности самодержца, его призвании служить высшей духовной идее. Государь провозглашался первым среди равных, связанным круговой порукой человеческого бытия с простым хлебопашцем…

Крестьянин на Руси был прикреплён к земле — так же, как дворянин был прикреплён к службе: это было ограничение военного подчинения, а не частной собственности. Всё-таки государство синхронизировало интересы разных социальных групп ради общей цели, хотя после Петра и давала послабления дворянской элите. В 1762 году Пётр III даровал «вольности и свободы российскому дворянству», и дворяне, уже до этого освобождённые от обязательной гражданской службы Елизаветой Петровной, освободились также от обязательной военной службы, сохранив привилегированные права не неё.

Элита превратилась в «сословие паразитов»: владельцы тысяч душ больше не были обязаны приносить пользу стране. Они

могли служить или не служить, — по своей охоте; они имели возможность жить в своих поместьях, свободно выезжать за границу и даже поступать на службу к иностранным государям, а крестьяне обязаны были их содержать. Правда, дворяне из числа бедных, воистину представители народа, были вынуждены служить независимо от своего хотения.

Народ, в том числе и дворянский класс, разорвали надвое.

В результате этих процессов именно во времена Екатерины II крепостнические жестокости достигли своего пика. Но дворянским оппозиционерам её времён, — а они, как правило, входили в число самых богатых, — этого было мало. Теперь они претендовали на реальное участие в управлении страной, вынашивали проекты императорского совета и договора с самодержавной властью!

А.С. Пушкин писал:

«*Аристократия… неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастию, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян…*»

Иногда говорят, что монархия, как бревно, лежала на пути прогресса. Но давайте вспомним. Французские и английские джентльмены, выросшие в условиях монархии, одухотворённые идеями свободы, равенства и братства, оказавшись совершенно свободными (никому не подконтрольными) на землях современного юга США, немедленно устроили там откровенное рабство. Так и наша монархия: она если и лежала, как бревно, то на пути не прогресса, а рабства.

Но она также не допустила скатывания к анархии. Можно предположить, что полная отмена крепостничества и введение «народной демократии» на всей территории страны мгновенно лишило бы государство любых средств и возможностей управления. Россия попала бы в ситуацию 1917 года на сто с четвертью лет раньше, с той только разницей, что тогда не было ещё пролетариата, а практически всю массу составляло косное крестьянство. Развал армии и всех властных институтов на местах, гражданская война ради дележа земли, иностранная оккупация стали бы жуткой реальностью конца XVIII века.

Замена неограниченной власти монарха на ту или иную форму демократии усложнила бы, и даже качественное изменила отношения между подданными и престолом, подорвав стабильность хозяйства и саму государственность.

А Павел, дожидавшийся своего часа в Гатчине за рогатками и штыками собственной небольшой, но отлично

вымуштрованной армии, продумывал программу будущих действий. Из его бумаг видно: он был уверен в преимуществах подлинного самодержавия, но полагал необходимым перевести общественно-хозяйственное и военное развитие на европейский манер. В общем, он не собирался продолжать курс Екатерины. И потому дворянско-демократические оппозиционеры (те же Панины, Н.Н. Трубецкой, С.Р. Воронцов и другие, а также Е.Р. Дашкова и Ф.В. Ростопчин) выказывали ему симпатию.

В 1783 году братья Панины и Д.И. Фонвизин подготовили для наследника престола проект «фундаментальных законов». Вступление к документу, с которым дворянская элита собиралась обратиться к нему, было составлено Д.И. Фонвизиным: *«Государь… не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановя в государстве своём правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам, не перестав быть достойным государем»*.

Здесь происходит именно то, о чем мы говорили уже не раз: все явления в природе и обществе подчиняются сходным закономерностям. Социальные структуры — власть, рынок, финансы, военные сообщества имеют одну главную цель: свое собственное выживание. Любая из них, излишне структурируясь, дестабилизирует любую другую. Но выполняют они свои функции через деятельность людей, и задевают интересы других людей. Естественно, недовольство одних направляется против других; складывается впечатление, что умные и хорошие выступают против глупых и нехороших. Но эти последние сами действуют так, как наиболее выгодно их структуре. Павел стоял выше любого представителя элиты, и видел дальше.

В день коронации он издал новый закон о престолонаследии: женское правление отныне не допускалось, престол переходил по праву первородства и только по мужской линии царствующего дома. Так было покончено с петровской идеей «назначенства» преемника императором. Идея, как мы знаем, не сработала: на протяжении XVIII столетия «назначенцев», то есть попавших на трон по закону, было всего трое: Пётр II, Иван VI и Пётр III. И что же? Первый умер молодым при странных обстоятельствах, второй был свергнут грудным младенцем и заточён в тюрьму; третий убит через несколько месяцев по воцарении. Все остальные законных прав на власть не имели.

Также в день коронации Павел I подписал манифест, которым, как сообщил в Берлин прусский посол Брюль, *«недовольны все, кроме городской черни и крестьян»* (то есть недовольно было абсолютное меньшинство, дворяне). Почему? Потому что впервые со

времён Петра I император осмелился покуситься на интересы помещичьего сословия. Он ограничил эксплуатацию крестьян более чем вдвое, запретив принуждать их к работе в воскресенье и разделив оставшиеся шесть дней недели надвое: три дня крестьянин работает на себя, и три — на помещика; запретил продавать «с молотка» дворовых и безземельных крестьян.

«Золотой век» Екатерины был золотым веком дворянства. Дарование дворянам права не служить в армии и на государственной службе лишало крепостное право всякого политического основания, ведь крепостная зависимость возникла, и даже поддерживалась самим крестьянством в интересах усиления обороны национального государства. Освобождение дворян от обязательной службы государству отцом Павла Петром III при том, что крестьяне остались в роли крепостных, было воспринято подавляющим большинством народа как величайшая несправедливость. Павел возвращал крепостному праву былое политическое основание, заставив дворян снова служить государству.

Ознакомившись с наследством, оставленным ему «матушкой», новый хозяин России пришел в ужас, ибо оказалось, что к концу её царствования финансы империи пришли в расстройство, — бумажный рубль стоил 66 копеек серебром; казнокрадство и лихоимство достигли невиданных масштабов и фактически были узаконены. В армии из 400-тысячного списочного состава не хватало по меньшей мере 50 тысяч солдат (восьмая часть), чьё содержание разворовывали полковые командиры; 3/4 офицерского корпуса существовало лишь на бумаге. В Петербурге при любом генерале находилось до сотни офицеров, а в полках ротами командовали прапорщики.

Павел принял меры. Много придворных серебряных сервизов и вещей было переплавлено в монету, а на площади перед Зимним дворцом сожгли бумажных денег на сумму свыше 5 млн. рублей. Стоимость денег поднялась.

Затем он занялся реформой вооружённых сил, взяв за образец прусскую армию. Вновь, как и ровно столетие назад, обученные, обмундированные я вооружённые на иноземный манер «потешные полки» стали образцом для армии, — только преображенцев и семёновцев теперь сменили гатчинцы. Были исключены из армии числившиеся в ней, но не служившие офицеры. Столичных гвардейских офицеров, которые вели праздную жизнь, посещали театры и балы, ходили во фраках, а на службе появлялись от случая к случаю, Павел заставил нести тяготы военной жизни. Они, конечно, не были этим довольны. Не случайно большинство

свидетельств о «чудачествах» Павла, о его самодурстве и недальновидности в сфере военного строительства исходило именно из гвардейской среды, а отнюдь не от армейских офицеров и уж тем более не от унтер-офицеров и рядовых солдат.

Император занялся улучшением быта солдат. Увеличил оклады, упорядочил пенсии; запретил широко до тех пор практиковавшиеся «вольные работы», дабы не отвлекать войска от прямого назначения. Награды орденами, при Екатерине — удел старших начальников и привилегированного офицерства, Павел распространил и на солдат.

Ему ставят в вину увлечение парадами и муштрой на плацу. Но ведь на плац-парадах муштровались при высочайшем присутствии именно те, о распущенности которых пишут сами историки, то есть столичные гвардейские части. А чудо-богатыри А.В. Суворова в это время освобождали Италию от французских войск, совершали героический поход через Альпы. Моряки Ф.Ф. Ушакова с боями прошли воды шести морей и установили господство российского военно-морского флага в акватории всего Северного Средиземноморья.

Из других деяний императора следует отметить прекращение преследования православной церкви и раскольников, возврат церкви отобранных у неё имений. Признание старообрядцев как равных официальной церкви, начатое при Екатерине, в царствование Павла продолжалось; все епархии получили право иметь свои церкви.

Отец будущих декабристов М.Н. Муравьев не раз говаривал сыновьям «*о громадности переворота, совершившегося у нас со вступлением Павла I на престол, переворота, столь резкого, что его не поймут потомки*». А декабрист В.И. Штейнгель полагал, что его «*кратковременное царствование вообще ожидает наблюдательного и беспристрастного историка, и тогда узнает свет, что оно было необходимо для блага и будущего величия России после роскошного царствования Екатерины II*».

Император понимал самодержавие буквально, как абсолютную патриархальную власть одного лица. Он рассматривал всё крестьянство как государственную собственность, как средство оплаты дворянской службы империи. При этом он не желал быть и первым дворянином России, а считал себя её полным хозяином.

Ф.Я. Миркович писал, что его правление *«по деятельности и страху, господствовавшему тогда в обществе... напоминало времена Петра I. Но ежели Павел действовал в высшей степени произвольно и самоуправно, то, с другой стороны, как я слышал от людей степенных и пожилых, он решительно остановил всё*

самоуправство екатерининских вельмож и стремился водворить повсюду порядок, благоустройство в администрации, правду и силу законов в судах».

Император был беспощаден, если узнавал о злоупотреблениях властных лиц. В его правление боялись брать взятки. Судебная волокита стала легче. Грабёж населения чиновниками ослабел. Но зато столичные жители, особенно те, кто был причастен ко двору и гвардии, жили в непрестанном страхе строгого взыскания, ибо страна принадлежала не им, а ему, императору!

И его убили.

Последней каплей, переполнившей чашу его судьбы, стала попытка самостоятельной геополитической игры.

Великие победы Петра заставили европейцев считаться с российской военной силой. Создавая военные союзы друг против друга, приглашали Россию поучаствовать, — обычно без всякой для неё пользы. А главным «поводырём» страны во внешнеполитических делах была Англия, центр современной «мир-экономики». На Англию были завязаны экономические интересы многих влиятельных русских аристократов. С другой стороны, сама Англия имела в России деловые интересы, денежные фонды, верных людей.

Эпоха Павла I совпала со временем окончания Великой Французской революции и началом завоевательных походов Франции. Европейские державы (Австрия, Турция и Неаполитанское королевство) по настоянию Англии образовали антифранцузскую коалицию. В 1798 году также и Павла убедили, что Наполеон угрожает интересам России, собираясь воссоздать самостоятельное Польское государство. И Россия вошла в антифранцузскую коалицию, вследствие чего были произведены знаменитые Итальянский и Швейцарский походы Суворова (1799), средиземноморский поход российского флота под командованием Ушакова (1798—1800). Но в конце концов Павел I понял, ради кого шли в огонь солдаты А.В. Суворова и моряки Ф.Ф. Ушакова, и резко изменил российский внешнеполитический курс.

Тот, кто тогда был одним из лучших военачальников в мире — Наполеон Бонапарт, — вернувшись из египетской экспедиции (кстати, не без влияния сведений о суворовских победах в Италии) и установив во Франции своё единовластие, предложил Российской империи союз против Англии. Дальнейшее сближение России с Францией вызвало англо-русские осложнения, что привело к разрыву экономических отношений. Пострадал кошелёк влиятельных аристократов!

Франция, не располагая флотом, не могла рассчитывать на победу в войне с островной Англией. И Наполеон искал другие

способы, кроме прямого вторжения, чтобы достичь успеха. Он ввёл жёсткие меры экономической континентальной блокады и периодически задумывался о военном походе в Индию, поскольку Англия была фантастически богата прежде всего за счёт торговли колониальным товаром. Поскольку Турция не пропустила бы через свою территорию его армию, — а в обход Турции, через жаркую Аравию и Персию большой корпус не пошлёшь, в планах Наполеона Россия играла ключевую роль. О совместном походе в Индию он и сговорился с Павлом.

27 февраля 1801 года 22 тысячи донских казаков, артиллеристов и калмыков двинулись через Оренбургскую степь на Среднюю Азию, чтобы затем овладеть главной жемчужиной в короне Британской империи. Через одиннадцать дней, в ночь с 11 на 12 марта 1801 года, Павел I был убит заговорщиками. А ещё через неделю казаки получили из Петербурга одно из первых повелений взошедшего на престол молодого Александра I: возвращаться на Дон!

Маятник качнулся в обратную сторону.

Александр I (1801—1825)

Российской истории XIX столетия посвящены тысячи книг, статей и диссертаций. Кажется, ничего нового сказать о ней уже нельзя. Но нет! При помощи предлагаемых нами методов можно так повернуть угол зрения, что история эта неожиданно заблистает новыми гранями.

Этим мы и займёмся, а факты известные дадим «пунктиром», через хронологический ряд.

Вспомним деяния императора Павла I Петровича (1796-1801).

1796. *— Замена натурального налога с крестьян денежным. Отмена основных положений Жалованной грамоты дворянству. Для предотвращения проникновения в Россию идей французской революции, запрет отправлять молодых людей за границу для образования. В тех же целях закрыты частные типографии и запрещён ввоз иностранной литературы; усилился надзор за книгопечатанием.*

1797. *— Введение цензуры. Манифест о трёхдневной барщине (ограничение отработки на барина тремя днями в неделю).*

1798. *— Предоставление крестьянам права заниматься торговой деятельностью в городах.*

***1800**. — Перемена всех правил местного управления, учреждённых Екатериной II в 1775 году: Павел ликвидировал должности наместников, закрыл приказы общественного призрения и управы благочиния, городские думы; объединил с органами полиции городское сословное управление. Реформе подверглась судебная система и принципы управления окраинами империи, — так, Прибалтийским губерниям, Украине и некоторым другим территориям были возвращены традиционные для этих земель органы управления. В том же году — ограничение привилегий для не служащих дворян.*

***1801**. — Закрепление границ России в Закавказье, завершившее процесс добровольного вхождения Восточной Грузии в состав империи. Начало покорения Кавказа. Установление дружеских отношений с Наполеоном, начало совместного с ним похода в Индию.* ***11 марта**. — Дворцовый переворот, убийство императора Павла I, восшествие на престол его сына Александра I Павловича.*

Дворцовый переворот организовала верхушка дворянской элиты, не желавшей потери своего главенства в управлении страной. Ей надо было сменить Павла, объективно работавшего в интересах страны, на монарха, подвластного воле элиты. Парадокс был в том, что сын Павла, Александр, воспитанник швейцарского республиканца Ф.-С. де Лагарпа, для умственных размышлений получил от своего воспитателя весьма крепкий «табачок»: смесь идей от либеральных и конституционно-монархических и до коммунистических. Но он не знал собственной страны, и не было у него никакой единой концепции дальнейшего развития государства.

Короче, молодой Александр — в отличие от отца, ждавшего трона до сорока с лишним лет и успевшего весьма многое в государственном устройстве обдумать, — никаких складных мыслей об управлении Россией не имел, а только романтические мечты: надо сделать хорошо и правильно. И что же он стал делать, оказавшись на троне?..

Если воспользоваться «принципом Кулона», то есть посмотреть на эпохи этих двух правителей *укрупнённо*, не вдаваясь в мелочи, то мы обнаружим следующее.

Павел стремился одинаково «закрепостить» и дворян, которые государству служат, и крестьян, которые дворян и государство содержат. Дворяне были недовольны, что он ограничивает их свободы, а Павел пренебрегал их мнением. Образцы государственного устройства он искал в прошлом России, обращая особенное внимание на эпоху Петра I, который своей политикой добился культурного, экономического и геополитического возвышения России

В отличие от него, Александр действовал в интересах абстрактной идеи гуманизма, собираясь «дать свободу» и дворянам, и крестьянам. Дворяне были недовольны, справедливо ожидая, что в итоге такой политики снизятся их доходы; император шёл у элиты на поводу. Образцы государственного устройства он искал на Западе.

Свою деятельность молодой император начал с восстановления Жалованной грамоты дворянству и городам, отмены запрета на выезд дворян за границу и ограничений на европейскую литературу. Он также «вернул к жизни» офицеров и чиновников, проворовавшихся и сосланных при Павле (около 12 тысяч человек). В том же 1801 году он запретил публиковать в газетах объявления о продаже крепостных без земли, а священников и дьяконов освободил от телесных наказаний.

Летом 1801 года император создал из своих личных друзей так называемый Негласный комитет, все члены которого (граф А.Р. Воронцов, В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, граф П.А. Строганов, князь А. Чарторижский) по странному стечению обстоятельств оказались англоманами. Им-то Александр I и поручил разработку проектов реформ, а они, сторонники английских государственных идей, попытались обосновать их применимость к обустройству России.

Работу свою они вели секретно, что непонятно, если они не собирались отменять крепостничества. Но освободить крестьян не было никакой возможности, и ни психология лидера, ни мечты о справедливости со всеми присущими таким мечтам эмоциями тут ни при чём. Каким бы благодетелем народа ни мнил себя Александр, а деваться от того, с чем столкнулся его отец — от необходимости обеспечить государственную службу людскими ресурсами, — ему было некуда. И Александр, осознавав это, ничего толком и не сделал, а скорее, просто не знал, что делать. Он обошёлся полумерами.

12 декабря 1801 года купцам, мещанам и казённым крестьянам было разрешено приобретать в собственность ненаселённые земли (ранее владение землёй, населённой или нет, было монопольным правом дворянства). Более чем через год (20 февраля 1803-го) появился указ: отныне крепостные крестьяне могли *с согласия помещиков* выкупаться на волю с землёй целыми селениями. Почему мы называем это полумерами? Да потому, что результат был копеечный: этот акт при Александре был применён в 161 случае и коснулся лишь 47153 крестьян, которых стали именовать «вольными хлебопашцами». А предложенные меры по ограничению помещичьего произвола всерьёз затронули лишь часть Прибалтики: в 1804 году крестьяне Лифляндии и Эстляндии были объявлены пожизненными и наследственными владельцами своих земельных наделов.

На этом первый освободительный порыв императора исчерпался.

Сам лично самодержец и его сподвижники по Негласному комитету желали конституционно ограничить самодержавие, добавив свободы дворянству; эта идея носилась в воздухе в те времена. По словам Г.Р. Державина, *«трое ходили тогда с конституциями в кармане — реченный Державин, князь Платон Зубов, с своим изобретением, и граф Никита Петрович Панин... с конституцией английскою, переделанною на русские нравы и обычаи. Новосильцеву стоило тогда большого труда наблюдать за Царём, чтобы не подписать которого-либо из проектов; который же из проектов был глупее, трудно было описать: все три были равно бестолковы*».

8 сентября 1802 года царь подписал Манифест об учреждении министерств, ибо коллежская система управления с её медлительным делопроизводством не отвечала требованиям времени. Реформа начата была годом ранее, но никак не шла, и понадобилось появление среди сподвижников царя М.М. Сперанского, чтобы довести её до ума. Кроме этого, в начале царствования Александра I были приняты некоторые меры, призванные способствовать развитию просвещения: в 1803-м вступило в силу положение об устройстве учебных заведений; в Дерпте, Вильно, Казани и Харькове были основаны университеты, а в Петербурге — Педагогический институт.

В 1805 году начавшаяся война с Францией сняла с повестки дня вопрос о каких бы то ни было преобразованиях. Реальная жизнь шла поперёк идеальных представлений царя.

1801. *— В состав России включена Бакинская область. Установление дружеских отношений с Великобританией, отмена эмбарго на передвижение английских кораблей, заключение Петербургской морской конвенции между Россией и Великобританией.*

1804-1813. *— Русско-иранская война.*

1805-1807. *— Участие России в III и IV коалициях против наполеоновской Франции.* ***1805, 20 ноября***. *— Битва при Аустерлице.*

1806-1812. *— Русско-турецкая война. Русский флот под командованием Д.Н. Сенявина одержал ряд крупных побед, однако боевые действия затянулись. Лишь в мае 1812 года М.И. Кутузов, разбив турецкие войска при Рущуке, вынудил Турцию заключить мир, по условиям которого к России отошли Бессарабия и часть Черноморского побережья Кавказа с городом Сухуми.*

1808. *— Запрет продажи крепостных на рынках и ярмарках.*

***1808-1809**. — Русско-шведская война. Присоединение к России Финляндия, получившей широкую автономию в составе империи.*

Новый виток реформаторской активности Александра I связан с именем того же М.М. Сперанского. Этот деятель был поклонником простотой и стройной системы государственного механизма наполеоновской Франции. В конце 1808 года Александр поручил ему составление общего плана государственных преобразований, согласно которому должна была возникнуть гармоничная система государственных учреждений. В начале октября 1809 года проект был закончен; его введение означало бы превращение самодержавной монархии в конституционную. Александр проект одобрил, но в итоге реализованными оказались лишь некоторые его фрагменты: в январе 1810 года создан Государственный совет; в том же году последовало преобразование министерств, а их функции были уточнены.

К отмене крепостного права, считал Сперанский, можно придти через целую серию мягких политических реформ. Осторожный император был согласен, но даже ничего «мягкого» не сделал. Также Сперанскому не удалось упорядочить российские финансы. Можно было догадаться, что причина — в опоре не на отечественный, а на западный, не всегда пригодный для России опыт ведения дел, но, как оно обычно бывает, причину неудач стали искать в «человеческом факторе». Наступило охлаждение в личных отношениях Александра и Сперанского. О неудачливом реформаторе ходили политические сплетни, молва объявляла его даже французским шпионом. В 1812 году он был обвинён в шпионаже в пользу Наполеона и выслан в Нижний Новгород под строгий надзор полиции, а затем переведён в Пермь; на государственную службу он вернулся в 1816-м, а впоследствии (в 1819) был назначен генерал-губернатором Сибири.

***1812**. — Фактическая ликвидация законодательных прав Государственного совета.*

***1812, 24 июня**. — Начало Отечественной войны против наполеоновской Франции. **26 августа**. — Бородинское сражение.*

***1813, 16-19 октября**. — «Битва народов» под Лейпцигом.*

***1814, 18 марта**. — Вступление русских войск в Париж.*

Итоги войны с Наполеоном участники антифранцузской коалиции подвели на Венском конгрессе. В соответствии с его заключительным актом Россия получила значительные территориальные приращения: в состав империи вошла бульшая часть герцогства Варшавского. Считается, что внешнеполитическое могущество России достигло апогея: она стала основным гарантом

Венской международной системы, поддерживавшей мир на континенте. Но не следует забывать, что в результате нашей войны с Францией, возникшей из-за противостояния западных стран по колониальному вопросу, России был нанесён колоссальный материальный ущерб.

Трудно судить, какие геополитические цели и какой ценой могли быть достигнуты, останься у власти Павел. Но вот, что достижения Александра во многом — результат осуществления реформ времён Павла, можно говорить уверенно.

***1815, 26 сентября**. — Создание «Священного союза» Австрии, Пруссии и России для обеспечения незыблемости решений Венского конгресса.*

В ноябре 1815 года император утвердил конституцию для присоединённой к России части Польши. Власть российского монарха в Польше ограничивалась местным представительным органом с законодательными функциями — сеймом, состоящим из Сената и Посольской палаты. Членов Сената назначал русский царь из представителей духовенства и высших должностных лиц пожизненно; Посольская палата из 128 депутатов избиралась на основе имущественного ценза; 77 депутатов выбирали дворяне на шляхетских сеймиках, а остальных — народ на волостных собраниях. Король польский (он же русский царь) осуществлял исполнительную власть. Такая избирательная система по тогдашним меркам была довольно прогрессивной. Так, если во Франции в 1815 году избирательные права получило 80 тыс. человек, то в Польше при населении, в несколько раз мйньшем, чем во Франции, этими правами обладало 100 тыс. человек.

Александр рассматривал польскую Конституцию как первый шаг на пути введения конституционного правления в России. В марте 1818 года, выступая на открытии первого польского сейма, он ясно заявил, что Польша — это только начало, и что конституционное устройство по английскому образцу является ближайшим будущим всей России. Император дал понять русскому дворянству, что готов уступить ему значительную часть своей власти за то, что помещики согласятся на отмену или смягчение крепостного права. И эти полумеры царя встретили яростное сопротивление большинства помещиков! Министр внутренних дел граф В.П. Кочубей с тревогой сообщал в 1819 году, что провинциальное дворянство «весьма обеспокоено на щёт вольности крестьян», ибо видит у Александра I намерение «произвести оную реформу поодиночке в одной губернии за другой...». О том же писали полицейские агенты: «...помещики внутренних губерний встревожены сиими слухами, в письмах выражают своё опасение».

Французский дипломат доносил в Париж из Москвы в 1821-м:

«Похоже, что позиция и интересы русского дворянства весьма отличны от позиции императора и его министров; следствием этого являются большие разногласия в общественном мнении на конституционный вопрос...»

Итак, политические начинания этого периода вызвали в обществе нестабильность. И её усилили ошибочные действия в экономической сфере. Проблема была в том, что Александр I, побывав в Европе, возможно, вполне искренне желал России такого же богатства и свобод, как там, — но совершенно не понимал особенностей своей собственной страны. И конечно, он знать не знал основ экономики: капиталы идут туда, где выше прибыль, и не идут туда, где она ниже, а товар… товар идёт на рынок, пока есть платёжеспособный спрос.

Не учитывая этого, и стремясь укрепить экономические связи с европейскими странами и США, император в 1816-1819 годах резко снизил заградительные пошлины на западноевропейские промышленные товары. Лавина английских, французских, германских изделий хлынула в Россию. Русские товары не выдержали конкуренции: началось разорение и банкротство российского купечества и фабрикантов, серебро побежало из страны, курс ассигнаций рухнул.

В конце концов, Александр вынужден был отказаться от «экономической интеграции», и в 1822 году распорядился ввести высокий протекционистский тариф: вновь опустился занавес, экономически отгородивший Россию от Европы. Но было уже поздно — за эти годы купцы и фабриканты отшатнулись от царя, а дворяне, будущие декабристы, получили дополнительный козырь в своей игре.

1816. — *Возникновение тайного общества «Союз спасения», объединившего три десятка человек, в основном офицеров. Они поставили себе главные задачи: уничтожение крепостного права и изменение абсолютистской формы правления.*

1818. — *Возникновение тайного общества «Союз благоденствия». Предоставление крестьянам права заниматься промышленной деятельностью.*

С 1816 года всесильным временщиком при царе был А.А. Аракчеев, хороший организатор, кадровый военный. С этого года Александр перестал выслушивать традиционные доклады министров, читая лишь краткие выжимки из них, подготовленные в канцелярии Аракчеева, который фактически стал премьер-министром.

В 1816-1819 годах по поручению императора канцелярия Аракчеева и Министерство финансов втайне подготавливали проекты освобождения крепостных крестьян, причём проекты достаточно радикальные. Аракчеев предлагал освободить крестьян посредством их самовыкупа у помещика с последующим наделением их землёй за счёт казны. По мнению же министра финансов Гурьева, отношения между крестьянами и помещиками следовало строить на договорной основе, а различные формы собственности на землю вводить постепенно.

Император одобрил оба проекта, но ни один так и не был реализован. Личную свободу получили только крепостные Прибалтики. В 1816 году по инициативе эстляндских дворян Александр I подписал указ об освобождении крестьян этой губернии от крепостной зависимости; затем по такому же сценарию крепостное право было отменено в Курляндии (1817) и Лифляндии (1819). Однако помещики сохранили в полной собственности все земельные угодья, и за аренду помещичьей земли крестьяне были обязаны выполнять барщинную повинность. К тому же многочисленные стеснения (например, ограничение права на перемену места жительства) сохранились. Вдобавок этих «вольных» батраков помещик мог подвергать телесным наказаниям, попросту пороть. Вот такая свобода (по инициативе самих дворян) получилась в Прибалтике. А между тем считается, что здесь впервые в истории Российской империи было отменено крепостное право!..

Одно из интереснейших нововведений той эпохи — военные поселения. Ещё в 1769 году отец Александра, Павел, — тогда он был пятнадцатилетним мальчиком, — с интересом изучал сочинение князя Щербатова «Путешествие в землю Офирскую», содержавшее план организации военных поселений. Армия в утопической Офирии состоит из солдат, которые живут в специальных селениях: в каждом селении рота солдат. Каждому солдату дадена земля, — хоть и меньше доли обыкновенного хлебопашца, но довольно для прокормления, — которую он обязан обрабатывать. Треть из каждой роты, переменяясь погодно, производит солдатскую службу. Но все они должны каждый год собираться на три недели и обучаться военному делу. Каждый отставленный солдат, по выслуге урочных лет, не только должен в селение своего полка возвратиться, но и в свою роту. В полках есть и мастера: плотники, столяра, шляпники и т.д.

Так вот, эта идея князя Щербатова, оставшаяся для Павла юношеской фантазией, была реализована его прогрессивным сыном в 1810 году, а самое широкое распространение получила с 1816 года. К концу правления Александра I на положение подобных военных поселян было переведено примерно 375 тысяч государственных

крестьян, что составляло около трети русской армии, которую, очевидно, в перспективе предполагалось всю сделать «поселенной».

Созданием военных поселений власть рассчитывала решить сразу несколько проблем. Прежде всего, это позволяло уменьшить расходы на содержание армии, что было чрезвычайно важно при расстройстве финансов в последние годы царствования Александра из-за «открытой» мировому рынку экономики и бездумной эмиссии бумажных денег. То есть вооружённые силы попросту переводили на самоокупаемость. С другой стороны, так предполагалось обеспечить комплектование армии в мирное время за счёт естественного прироста поселенцев, поскольку они женились и плодились. Наконец, такой мерой усиливался административный надзор за государственной деревней.

Военные поселяне корчевали леса, осушали болота; в поселения привлекались представители прикладной науки — инженеры, архитекторы, землемеры. К полевым работам стали применять военные нормы: за плугом ходили установленным «тихим шагом», молотьбу производили под команду капрала «по темпам». Поселяне не имели права уходить на заработки, заниматься торговлей или промыслом. Жён им назначали по жребию. Их дети с 12 лет отбирались от родителей и переводились в разряд кантонистов (солдатских детей), а с 18 лет считались находящимися на действительной военной службе.

Реализацией этой благой идеи гуманный император пытался уменьшить количество крепостных в западных и центральных губерниях. Скупая у разорённых войной помещиков земли с крестьянами, правительство сокращало распространённость крепостного права, ведь военнопоселенцы становились государственными крестьянами. И вот результат гуманных намерений: изначально добрый царь-реформатор, желая раскрепостить крестьян, фактически закрепостил их дважды: и как крестьян, и как солдат. В итоге идея умерла; военные поселения были в 1830-е годы преобразованы в округа пахотных солдат, отбывавших рекрутскую повинность на общих основаниях.

В 1817 году Министерство народного просвещения преобразовали в Министерство духовных дел и народного просвещения. В нём сосредоточивалось управление и церковными делами, и народным образованием. Началась атака на университеты: поведение студентов ставилось под мелочную административную опеку. В 1819 году настоящему разгрому подвергся Казанский университет, признанный рассадником вольнодумства; одиннадцать профессоров было уволено за неблагонадёжность. Преподавание всех

предметов перестраивалось в духе христианского вероучения, понимаемого весьма примитивно, что никак не способствовало развитию религиозного чувства.

В 1820 году началась революция в Испании и народное восстание в Неаполитанском королевстве. В такой обстановке на очередном конгрессе Священного союза было провозглашено его право на вмешательство во внутренние дела стран, охваченных революцией. Участники конгресса поручили Австрии направить свои войска в Неаполь для восстановления порядка. Затем ещё один революционный очаг возник в Пьемонте — австрийские войска подавили и эту революцию. В охваченную революцией Испанию была осуществлена интервенция французских войск. В ряде актов участвовала Великобритания.

В 1821 году началось освободительное движение в православной Греции против турецкого ига. Александр I отказал восставшим в какой-либо поддержке, вторя мнению австрийского канцлера К. Меттерниха: тот называл греков мятежниками, выступающими против их законного государя — турецкого султана. На деле же Меттерних старался избежать утверждения в Греции русского влияния, что было бы неизбежным в случае её освобождения от Османской империи с помощью России, а наш император следовал за мнением западных «коллег». Общественное мнение России, однако, негативно отнеслось к позиции, занятой царём.

Легко догадаться, что поныне декларируемый историками тезис о внешнеполитическом могуществе России того времени маскирует истинное положение дел: русский император, ослеплённый западными «свободами» и экономическими достижениями, поступал тогда и так, когда и как этого желали его западные друзья. Подлинные интересы России при этом не учитывались.

А когда летом 1821 года Турция под предлогом борьбы с греческой контрабандой закрыла Босфор и Дарданеллы для русского экспорта (что нанесло тяжёлый удар нашим экономическим интересам) и дипломатические отношения между Россией и Турцией были прерваны, ни одна страна Запада не выступила в защиту России!

Противоречия между участниками Священного союза нарастали, европейская политическая стабильность постоянно снижалась, и это в дальнейшем (в конце 1820-х — начале 1830-х годов) привело к фактическому распаду союза. Внутри России тоже шла борьба с вольнодумством, и здесь стабильность тоже снижалась. Так, в 1822 году Александр I утвердил решение Государственного совета «Об отсылке крепостных людей за дурные проступки в Сибирь на

поселение». Этим актом восстанавливалось отменённое ранее право помещиков ссылать крестьян в Сибирь.

С начала 1820-х годов претерпела изменения политика в отношении Польши. Сейм второго созыва оказался непослушным: большинством голосов он отверг представленные на его утверждение законопроекты, как нарушающие конституцию. После этого царь вообще не собирал сейм в течение двух сроков, предусмотренных конституцией.

Между тем Англия, стремясь подорвать авторитет России на Балканах, выступила в защиту греческих борцов за независимость, и в 1824 году даже предоставила им заём. Политика русского самодержавия, объявлявшего освободительную борьбу Греции преступной, явно зашла в тупик, а перспектива вовлечения Греции в орбиту влияния Британской империи превращалась в реальность. Попытки царской дипломатии разрешить греческий вопрос, действуя совместно с партнёрами по Священному союзу, успеха не имели. Наконец, решили занять самостоятельную позицию в отношении греческого восстания, и в августе 1825 года русские послы в Вене и Лондоне получили указание сделать соответствующие заявления правительствам, при которых они были аккредитованы. Но решить балканскую проблему и рассориться со своими западными друзьями Александр не успел, умер.

Посмотрим же и на финансовые результаты деятельности императора-гуманиста, всеевропейского любимца, победителя Наполеона.

Непрестанные дефициты в его царствование, росшие из-за войн со Швецией, Турцией и Францией, требовали ежегодного повышения государственных доходов, источником которого с самого начала были избраны бумажные деньги. До 1805 года эмиссия велась в небольших размерах, и курс рубля к серебру, составлявший в 1802 году 80 копеек, понижался очень медленно. Затем начались громадные выпуски ассигнаций, что привело к страшному падению курса: в 1806 году за рубль ассигнациями давали 67,5 копейки серебром, в 1807 — 53,75, в 1808 — 44,6, в 1809 — 43,3, в 1810 — 25,4, в 1814 — 20 копеек. И это ещё до введения политики «открытой экономики», разорившей отечественных предпринимателей!

Из-за такой финансовой политики общее повышение налогов и введение новых (в 1810 и 1812) не могли покрыть даже убыли в действительной покупной силе поступлений, происходившей от падения курса, вследствие чего неминуемо приходилось искусственно подавлять всякое развитие государственных

потребностей. Бюджеты всех ведомств, кроме армии и флота, постоянно подвергались урезкам.

Невозможность покрывать все дефициты бумажными деньгами вызвала необходимость крупных займов. К концу 1823 года консолидированный государственный долг составлял 672 млн. рублей, а займы у банков — 78 млн. рублей, так что вместе с ассигнациями, признанными в 1810 году государственным долгом, общая сумма последнего к концу царствования Александра I равнялась 1345 млн. рублей. Это поразительный результат, особенно при сравнении с эпохой Петра I; несмотря на все войны, которые вёл прапрадед Александра, баланс внешней торговли оставался активным, доходы бюджета росли.

Итак, все его реформы по госстроительству, экономике, в социальной сфере провалились, а внешняя политика себя не оправдала. Единственное, что прославило его имя — победа над Наполеоном, изгнанного из страны через потерю и сожжение Москвы.

Николай I (1825—1855)

Умер Александр I в ноябре 1825 года в Таганроге, ненамного переступив за возраст умерщвлённого ради его восшествия на престол отца. Его ранняя смерть породила стойкие слухи, что на самом деле вместо царя похоронили случайно помершего гренадера, схожего обликом с Александром, а сам добрый батюшка-царь ушёл в сибирский монастырь, где затем долгие годы замаливал грехи, сокрушаясь о русском народе. Верных фактов нет, и сказать нам по этому поводу нечего, но рискнём предложить два соображения. Во-первых, идея заговора с убийством царя витала в воздухе, в России действовали уже несколько тайных обществ заговорщиков, и скрыться, чтобы избежать судьбы собственных отца и деда, Александру было бы кстати. А во-вторых, зачем было ждать *случайной* смерти гренадера? В стране, где царей убивали с лёгким сердцем, отравить и похоронить с царскими почестями безвестного мужика — это было почти благодеяние...

Наследовал Александру его брат Николай.

По рождению, как третий сын Павла, Николай не должен был царствовать, и потому его воспитание ограничилось обычной для Великих князей подготовкой к военной деятельности. Но Александр I не имел сыновей, а следующий по возрасту брат Константин, которому должен был перейти престол, заранее отказался от него. В 1823 году

Александр I подписал указ, назвав наследником Николая, однако указ не был обнародован, так что народ и войско не знали истинного наследника престола.

Вступление на престол Николая 14 декабря 1825 года сопровождалось попыткой государственного переворота. Традиции гвардейских переворотов, столь обычных на протяжении всех послепетровских царствований, диктовали тактику — заговор с целью убийства императора и замены его более сговорчивым монархом. Революционные движения 1820-1821 годов, потрясавшие Испанию, Италию, Грецию, давали пример заговорщикам. Те, кого позже назвали декабристами, планировали не допустить, чтобы сенаторы присягнули новому царю, а вместо этого издали бы манифест к русскому народу с объявлением о низложении прежней власти, создании временного правительства, ликвидации крепостного права. Временное правительство должно было немедленно созвать Учредительное собрание для решения вопроса о социальном и политическом строе России. Планировалось провозгласить свободу печати, вероисповеданий, равенство граждан перед законом, уничтожение рекрутчины и т.п., — в общем, одним махом обогнать Запад по уровню свобод.

Заговорщики вывели на Сенатскую площадь около трёх тысяч человек, но план сразу рухнул, поскольку сенаторы успели присягнуть Николаю и разъехаться. Попытка переворота была подавлена.

Главным качеством Николая, определившее результаты всей его эпохи, было стремление к максимальной организованности. Он видел свой Долг в создании государства абсолютно организованного, ибо вне государственного порядка — лишь «хаос отдельных личностей». Вот предложенная им самим формула жизни: «Я смотрю на всю человеческую жизнь только как на службу, так каждый служит».

Однако законов эволюции живых динамических систем не объедешь: излишняя организация жизни в чём-то одном неизбежно вызывает хаос в чём-то другом! Например, для достижения наивысшего порядка в 1826 году по указу Николая I было образовано III Отделение императорской канцелярии, с подчинённым ему Корпусом жандармов. Страна была поделена на пять жандармских округов, возглавлявшихся жандармскими генералами. В каждой губернии вопросами охраны государственной безопасности ведал специально назначенный штаб-офицер жандармерии. Общая численность Корпуса была невелика, но III Отделение располагало ещё и обширной сетью тайной агентуры, что позволяло вести секретный надзор за частными лицами, правительственными учреждениями, писателями, иностранцами и т.п.

Корпусу жандармов и III Отделению в целом вменялось в обязанность выяснять и пресекать злоупотребления, защищать обывателей от притеснений и вымогательств чиновников. А получилась крайне раздражавшая того же обывателя централизованная общегосударственная система сыска и надзора, вызвавшая разрастание недовольства и, соответственно, объёма работ жандармов. Страна и народ — не механизм с точно пригнанными частями, а живая природа…

1826, 13 июля. — *Казнь декабристов М.П. Бестужева-Рюмина, П.Г. Каховского, С.И. Муравьева-Апостола, П.И. Пестеля, К.Ф. Рылеева.* ***6 декабря***. — *Создание секретного комитета, получившего название «Комитет 6 декабря», для разработки программы реформ.*

В 1826 году был введён новый цензурный устав, ужесточивший административный надзор за деятельностью литераторов и журналистов. Правда, в 1828 году он был несколько ослаблен: в частности, цензорам рекомендовалось рассматривать лишь прямой смысл текстов, не принимая во внимание возможные интерпретации. Парадокс, однако, в том, что именно в таких условиях развернулся талант величайших поэтов России: Пушкина и Лермонтова; именно в этих условиях проявился дар Гоголя, Грибоедова и многих других.

1827. — *Привлечение евреев к отбытию рекрутской повинности. Запрет помещичьим крестьянам поступать в гимназии и университеты.*

1828, 8 декабря. — *Реформа начального и среднего образования, превращение уездных училищ и гимназий в сословно замкнутые учебные заведения. Между существовавшими типами школ (одноклассное приходское училище, трёхклассное уездное училище, семиклассная гимназия) какая-либо преемственная связь была уничтожена, поскольку в каждом из них могли обучаться лишь выходцы из соответствующих сословий. Так, гимназия предназначалась только для детей дворян. Все учебные заведения находились под надзором Министерства народного просвещения. Университеты не только были под надзором, но даже их деятельность регламентировалась по-военному, что лишь ускорило превращение их в «рассадники своеволия и вольнодумства»; чуть позже (в 1835-м) их лишили значительной части прав и внутренней самостоятельности, но это не помогло.*

1828-1829. — *Русско-турецкая война.*

Главной проблемой России, как государства, было собственное позиционирование в международном окружении. А тут

были немалые сложности. Во-первых, история этого времени показала, что «закукливание» страны в рамках жёстких правил и регламентов ослабило её. Во-вторых, как всегда, западный мир желал использовать Россию в своих интересах, но не желал позволить ей реализовать собственные.

В 1826 году в Петербурге был подписан англо-русский протокол. Россия соглашалась на английское посредничество в греко-турецких переговорах, а в случае отказа султана признать это посредничество получала право единолично выступать против Турции. В целом этот протокол был успехом русской дипломатии, поскольку развязывал ей руки для самостоятельных действий.

Ситуация, однако, вскоре осложнилась. В том же году началась русско-персидская война, вызванная стремлением иранского шаха, побуждаемого английской дипломатией, восстановить своё владычество на территории северного Азербайджана. Кончилось тем, что Персия уступила России ханства Эриванское и Нахичеванское и заплатила контрибуцию в 20 млн. рублей серебром. Но ещё в ходе этой войны началась война с Турцией: Николай I (совместно с европейскими державами) решил оказать помощь грекам, восставшим против турецкого владычества. В октябре 1827 года турецко-египетский флот был уничтожен соединённой русско-англо-французской эскадрой.

Весной 1828-го русская армия вступила в княжества Молдавию и Валахию, перешла за Дунай и овладела Варной. Одержав ещё ряд побед, Россия вынудила в 1829 году султана Махмуда II подписать Адрианопольский мир: он уступил России восточный берег Чёрного моря, признал российское покровительство над Молдавией, Валахией и Сербией, открыл русским судам свободное плавание по Дунаю и Дарданеллам и признал независимость Греческого королевства.

***1830**. — Издание 45-томного Свода законов Российской империи.*

Накопившаяся за десятилетия огромная и разрозненная масса указов, часто противоречивших друг другу, затрудняла ведение дел и способствовала злоупотреблениям чиновников. Для кодификации этой массы II Отделение императорской канцелярии (им руководил возвращённый на службу Сперанский) получило задание привести в систему всё российское законодательство. В 1830 году, после четырёхлетней работы, было издано 45 томов «Полного собрания Российских законов», в которые вошли почти все указы, начиная с Соборного уложения царя Алексея Михайловича и до кончины Александра I (более 30 тыс. актов). К 1832 году вышли ещё 6 томов, включивших законодательные акты 1825-1830 годов. Затем были

подготовлены ещё 15 томов: «Свод действующих законов Российской империи».

1830-1831. — *«Холерные бунты» и восстания военных поселений. Восстание в Польше, упразднение польской конституции.*

1832, 14 февраля. — *Ликвидация польской конституции. Изобретение в России первого в мире электрического телеграфа.*

Одновременно царь старательно выстраивал государственный механизм, а механизм требовал винтиков; — в это царствование численность чиновников резко выросла, к середине века их стало сто тысяч человек, в 6,5 раза больше, чем столетием раньше. А «винтикам» требовалось содержание и соответствующее социальное оформление. Вследствие постоянного притока чиновников дворянское сословие чрезмерно разрослось за счёт выходцев из «податных сословий», и Николай решил навести в этом деле порядок, «законсервировав» дворян количественно и качественно. Манифестом 1831 года он ограничил право голоса на дворянских выборах имущественным цензом (100 душ крестьян или 3000 десятин земли); в 1832 году были введены звания: *потомственных почётных граждан* (их присваивали детям, чьи родители имели личное дворянство, учёным, художникам, купцам 1-2 гильдии) и *почётных граждан* (их присваивали чиновникам 4-10 классов, лицам, окончившим высшие учебные заведения). Почётные граждане освобождались от рекрутской повинности, телесных наказаний, подушной подати, то есть приобретали часть дворянских привилегий, но всё же дворянами не становились.

Позже император пытался укрепить ряды старого дворянства: в 1845 году был издан указ о единонаследии для владельцев крупных имений, что должно было предотвратить распад латифундий.

От «винтиков» — как чиновников, так и всех прочих, — требовалось единомыслие. Для механизма это, конечно, хорошо, но для эволюции общества очень плохо; начинается стагнация, застой. Ответ, который дало на это общество, известен: вскоре после эпохи Николая разночинцы пошли «в народ».

Православная церковь при Николае I окончательно превратилась в составную часть бюрократической машины. Синод всё больше становился «ведомством православного исповедания», управлявшимся светским должностным лицом — обер-прокурором. Николай I решительно боролся с любыми отклонениями от православия. Весьма крутые меры принимались против старообрядцев, у которых отбирались молитвенные здания, недвижимость и т.п. Дети «раскольников» насильственно зачислялись в школы кантонистов.

1833. — *Провозглашение министром народного просвещения С.С. Уваровым «теории официальной народности».*

Стремление к единообразию и порядку сподвигло николаевское правительство на разработку формул собственной идеологии России. Основой её стала выдвинутая в начале 1830-х годов теория «официальной народности», автор которой С.С. Уваров писал:

«Без любви к вере предков, народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего ПРАВОСЛАВИЯ, сколь и на похищение одного перла (жемчужины, — *Авт*.) *из венца Мономахова.*

САМОДЕРЖАВИЕ составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нём, как на краеугольном камне своего величия... Спасительное убеждение, что Россия живёт и охраняется духом самодержавия, сильного, человеколюбивого, просвещённого, должно проникать народное воспитание и с ним развиваться.

Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное: НАРОДНОСТЬ. Вопрос о народности не имеет того единства, как предшествующий; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице истории Русского Царства...»

В 1836 году московский журнал «Телескоп» опубликовал «Философические письма» П.Я. Чаадаева, в которых прошлое, настоящее и будущее России оценивалось крайне пессимистически: «Прошлое её бесполезно, настоящее — тщетно, а будущего никакого у неё нет». Православие, принятое Киевской Русью, как считал Чаадаев, оказалось своеобразной ловушкой, поскольку эта тупиковая ветвь христианства отрезала Россию от Западной Европы. Догматизм православия, его закрытость для споров и сомнений наложили отпечаток на социальную и политическую жизнь страны, на характер народа.

Царь высочайше повелел считать Чаадаева сумасшедшим.

В итоге и в этом случае не получилось единообразия и организованности. В обществе под влиянием народнической разработки Уварова и письма Чаадаева в начале 1840-х годах стали организовываться два внутренне неоднородные идейные течения: западников и славянофилов, ни одно из которых, однако, не было согласно с Чаадаевым.

Западники считали Россию страной, идущей по западноевропейскому пути развития, хотя и с некоторым запозданием. Они отстаивали необходимость использования опыта Запада,

поддерживали европеизацию, выступали за конституционно-монархическую форму правления с политическими гарантиями свободы слова, печати, гласного суда, неприкосновенности личности. Выступали за развитие индивидуализма. К их числу относились основатели русской революционно-демократической идеологии А.И. Герцен и В.Г. Белинский.

Славянофилы видели реальные перспективы развития России только в самобытном, исконно русском, исторически сложившемся русле, начисто отрицая возможность заимствования идей извне. По их мнению, европейские и русские пути развития не совпадают ныне, и не совпадали в прошлом. Особенностью России была община (которая трактовалась ими весьма неопределенно) с традициями общинного землепользования и мирского самоуправления, а также православие, как истинный вид христианства. Между государством и народом, по их мнению, всегда была гармония, нарушенная, начиная с Петра I (что, в общем, верно). Возвращение к допетровским традициям русской жизни виделось ими, как гарантия благополучия страны, при котором естественное развитие России способно протекать постепенно и без социальных конфликтов. Введение гласности и отмену телесных наказаний славянофилы вполне одобряли.

Интерес к особенностям русской жизни, подогретый славянофилами, стимулировал изучение в эти годы национальной культуры.

1833. *— Запрещение при продаже имений за долги продавать крестьян без земли.*

1834. *— Сооружение на Урале первой в России железной дороги Е.А. и М.Е. Черепановыми.*

1834-1859. *— имамат Шамиля. Кавказская война.*

1834. *— Сокращение срока военной службы с 25 до 20 лет.*

1835, 26 июля. *— Новый Университетский устав, ликвидация университетской автономии.*

1835. *— Принятие первого в России закона, регламентирующего отношения между рабочими и нанимателями.*

1837, 30 октября. *— Открытие первой железной дороги в России: Петербург — Царское Село.*

1839-1843. *— Денежная реформа Е.Ф. Канкрина, изъятие ассигнаций и замена их кредитными билетами.*

Граф Канкрин, один из ближайших сановников Николая I, более двадцати лет занимал пост министра финансов. В 1839-1843 годах он провёл денежную реформу, установившую в России систему

монометаллизма с серебряным рублём, как основной денежной единицей, и переложением государственных доходов и платежей на серебро. Обесценившиеся бумажные ассигнации были заменены кредитными билетами, разменными на серебряную монету. Ему удалось ненадолго стабилизировать финансы, но государственный долг нарастал, а начавшаяся в 1853 году Крымская война опять подорвала стабильность.

Николай I попытался упорядочить и «крестьянский вопрос». В 1837-1841 годах была проведена реформа управления государственными крестьянами, которые жили на казённых землях и считались лично свободными. Реформа предусматривала равномерное наделение крестьян землёй, постепенный перевод их на денежный оброк, создание органов местного самоуправления, открытие школ, больниц, распространение агротехнических знаний. Однако деятельность крестьянских органов самоуправления была сведена к минимуму, они находились в полной зависимости от местной администрации. Было даже создано министерство по управлению «крестьянским» имуществом. В жизни государственных крестьян эта излишняя организованность обернулась своей противоположностью, хаосом.

В отношении же помещичьих крестьян наиболее крупным законодательным актом стал указ 1842 года «Об обязанных крестьянах», ставший определённой модификацией указа Александра I от 1803 года «О вольных хлебопашцах». Отныне помещик мог по соглашению с крестьянами и без какого-либо выкупа предоставить им личную свободу и земельный надел в наследственное владение, за который крестьяне обязаны были платить или выполнять определённые договором повинности. Такие крестьяне стали называться «обязанными». Была запрещена продажа крестьян с разбивкой семей (указ 1841 года), покупка крестьян безземельными дворянами (1843).

***1840-1842**. — «Картофельные бунты».*

***1843**. — Создание первой в России телеграфной линии между Петербургом и Царским Селом.*

***1844**. — Упразднение кагала (схода) как главной формы социальной организации еврейского населения в черте оседлости.*

***1844**. — Разрешение помещикам отпускать крестьян на волю без земли.*

***1845**. — Установление уголовной ответственности родителей за нанесение детям увечий или телесных повреждений.*

***1845**. — Отмена права мужа наказывать свою жену.*

***1845**. — Издание Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (заменило Соборное уложение 1649 года и петровские «артикулы»).*

***1845**. — Возникновение первого социалистического кружка под руководством М.В. Буташевича-Петрашевского.*

***1847**. — Разрешение крепостным крестьянам при продаже имений с торгов выкупаться на волю. Этот указ предоставил крестьянам право выкупаться на волю с землёй при продаже имения за долги помещика. В 1848-м последовал указ, разрешавший всем категориям крестьян приобретать недвижимую собственность.*

Кстати, сам царь считал крепостничество большим злом. Но «крестьянское» реформаторство его шло лишь до 1848 года, когда произошедшие в Европе революции побудили Николая I окончательно отказаться от планов изменения положения крепостных крестьян.

***1851**. — Открытие Николаевской железной дороги Петербург—Москва.*

***1853**. — Создание А.И. Герценом в Лондоне «Вольной русской типографии».*

***1853-1856**. — Крымская война.*

В 1848 году вспыхнула революция во Франции. Монархия была низвергнута, Франция стала республикой. Революция охватила также Пруссию и прочие германские государства; национально-освободительное движение развернулось в пределах Австрийской империи, а именно в Италии. Борьба венгерского народа за независимость от Австрии поставила под вопрос само существование империи Габсбургов. Австрийское правительство умоляло Николая I о помощи, и такая поддержка была оказана: русская армия двинулась в Венгрию и подавила революцию.

Если не учитывать всей истории наших отношений с Западом, может показаться странным, что режимы, близкие по духу самодержавию, после их спасения русскими мгновенно из партнёров превратились в противников. Пруссия была недовольна Николаем I; Австрия возражала против стремления царя взять под контроль Черноморские проливы и укрепить позиции России на Балканах. Англия тоже предпочитала иметь на подступах к Ближнему Востоку и Индии слабую Турцию, а не сильную Россию. Короче, борьба Николая I с революционным движением в Европе в защиту монархий имела для России крайне тяжёлые последствия, вплоть до дипломатической изоляции со стороны тех же самых монархий.

Собираясь в начале 1850-х начать антитурецкую кампанию, Николай I никак этого не ожидал. Он считал, что социально-

политические потрясения, пережитые Францией, заставят её быть на стороне России, что Австрия будет благодарна за помощь в подавлении венгерской революции. Англию же он хотел привлечь на свою сторону, пообещав ей Египет и ряд островов Средиземного моря, но и здесь просчитался: английские политики не только не хотели поддержать Россию против Турции, но и были настроены явно антирусски. Так, некоторые из них выдвигали планы расчленения России: Финляндию предполагалось отдать Швеции, Прибалтику — Пруссии, Крым и Кавказ — Турции, а Польша должна была стать буферным государством, отделяющим Россию от Западной Европы. Ну, с этим Турция, желавшая вернуть себе Крым и территории Кавказа, была согласна.

Налицо — неправильные представления об окружающем мире, в котором существовала Россия. По просьбе правительств разных государств она наводила порядок, но тут же подвергалась критике общества этих же государств. Из России лепили образ европейского жандарма; по отношению к ней действовала политика двойных стандартов. То, что прощалось другим, России ставили в вину.

А конкретным поводом к войне с Турцией послужило требование Николая I к султану предоставить православным подданным Османской империи покровительство царя. Это требование было отвергнуто, и в 1853-м начались военные действия.

Наша страна обладала огромными людскими ресурсами и имела армию численностью свыше 1,1 млн. человек. Однако армия эта была рассредоточена на всей территории, и с западного направления крупные воинские силы, ради безопасности, не могли быть сняты. Техническая оснащённость и армии, и флота оставляла желать лучшего: в войсках практически не было нарезного оружия, артиллерия уступала по своим характеристикам западноевропейским образцам; флот имел прекрасные боевые традиции, экипажи были обучены и готовы вести войну на море, однако паровых судов было весьма мало.

Хозяйственная картина этого времени была безрадостной. Если к началу XIX века в кредитных учреждениях было заложено 5 % крепостных, имевшихся у помещиков, то к концу 1850-х — уже 65 %. В Центральной России помещики начали распродавать свои земли представителям других сословий. Сельское хозяйство развивалось экстенсивно, урожайность оставалась низкой. За 1802—1860 годы посевная площадь выросла на 53 %, а сбор хлебов лишь на 42 %. По подсчётам Вольного экономического общества, производительность сельского труда в крепостнической России была в 5-6 раз ниже, чем в Англии и Германии, и разрыв продолжал увеличиваться.

Также быстро отставала от Запада российская промышленность. Особенно наглядны показатели развития чёрной металлургии. Если в 1800-м Россия выплавляла 9971 тыс. пудов чугуна, а Англия — 9836, то к 1860-му Россия увеличила его производство до 18198 тыс. пудов, или на 82,5 %, а Англия — до 241900 тыс. пудов, то есть в 23 раза.

Кроме того, была расстроена финансовая система страны.

Всё это делало возможности России побеждать в военных конфликтах весьма сомнительными. Возникла парадоксальная ситуация: сама Россия считала себя сильной, вспоминая свои прошлые победы, но прямой конфликт с Западом показал всю нашу отсталость.

Летом 1853 года, через четверть века после предыдущей кампании 1828-1829 годов, русская армия под начальством князя М.Д. Горчакова перешла границу и заняла княжества Молдавию и Валахию. Осенью того же года русский Черноморский флот под командованием адмирала П.С. Нахимова уничтожил турецкую эскадру при Синопе. Однако Англия и Франция послали в помощь Турции свои войска; к ним присоединилась и Сардиния; Австрия заняла позицию вооружённого нейтралитета. Многочисленные эскадры союзников появились почти во всех русских водах: в Чёрном, Балтийском, Белом морях, у берегов Камчатки, а главные военные действия развернулись на южных рубежах России.

В сентябре 1854 года русская армия отступила из Дунайских княжеств и перешла обратно Прут (сразу же после этого княжества были заняты австрийцами). В то же время англо-французский флот высадил союзную армию в Крыму.

Русские войска сражались с обычным мужеством, но противники наши имели превосходство в вооружении: у них были нарезные ружья, они легко получали подкрепления при помощи пароходов, а сообщение Центральной России с Крымом производилось гужевым транспортом, и потому со снабжением было плохо.

Во время Севастопольской осады скончался император Николай I, и на престол вступил его сын Александр II.

В конце 1855 года боевые действия фактически прекратились. Ни англичане, ни французы не помышляли о перенесении боевых действий в глубь России; Севастополь и так обошёлся им потерей 70 тысяч солдат. А с инициативой прекращения войны выступила Франция, и 18 марта 1856 года в Париже был заключён мирный договор, в основном сохранивший довоенные границы. Устье Дуная отошло Турции; Чёрное море объявили нейтральным и открытым для торговых судов всех наций. Наиболее

существенным следствием поражения России было то, что она потеряла право иметь на Чёрном море военный флот.

Александр II (1855—1881)

18 февраля 1855 года на российский престол вступил 37-летний Александр II. Положение в стране было кризисное. На экономику деревни тяжёлые последствия оказали ведшиеся в ходе Крымской войны реквизиции продовольствия, лошадей и фуража, а особенно — рекрутские наборы, сократившие число работников на 10 %.

1855. — *Выход за границей первого номера диссидентского журнала «Полярная звезда».*

1855. — *Сокращение срока военной службы с 20 до 12 лет.*

1856, август. — *Амнистия декабристам.*

1857, 3 января. — *Создание Секретного комитета «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян».*

Помещики чернозёмных губерний, владевшие дорогой землёй и державшие крестьян на барщине, хотели сохранить за собой максимально возможное количество земли и удержать рабочие руки. А в промышленных нечернозёмных оброчных губерниях помещики хотели получить денежные средства для перестройки своих хозяйств на буржуазный лад. А нарождающаяся буржуазия требовала наёмных работников. В общем, у всех общественных структур страны были свои, зачастую противоположные интересы, замыкающиеся на *человеческий ресурс*, точнее, на его нехватку, и государству надо было так ли, эдак ли эти противоположные интересы синхронизировать.

В таких условиях в 1857 году по указу Александра II начал работать Секретный комитет по крестьянскому вопросу, что и привело в дальнейшем к отмене крепостного права.

1859, 4 марта. — *Начало работы редакционных комиссий по выработке Положения о крестьянах.*

1859, 16 марта. — *Разрешение евреям — купцам 1-й гильдии, жить вне черты оседлости.*

1860, 31 мая. — *Создание Государственного банка.*

19 февраля 1861 года император подписал целый ряд законов. Здесь были Манифест и Положение о даровании свободы крестьянам, документы о вступлении Положения в силу, об управлении сельскими общинами и т.д. Отмена крепостного права не стала

единовременным событием: сначала освобождались помещичьи крестьяне, затем удельные и приписанные к заводам.

Эта история достаточно известна. Поэтому ограничимся рассказом о том, что известно не очень широко.

Многие полагают, что до 1861 года крепостные составляли большинство российского населения. Ничего подобного. Согласно последней перед освобождением крестьян ревизии 1858—1859 годов, в России жило 60 млн. человек. Из них 12 млн. были вольными: дворяне, духовенство и мещане, крестьяне-единоличники, казаки и т.д. Дворян обоего пола было около миллиона. Остальные разделялись примерно поровну на две категории сельских жителей: государственных крестьян, хоть и прикреплённых к земле, но не считавшихся крепостными, и помещичьих крестьян, сидевших на частной земле и лично закрепощённых. Итак, крепостные в строгом смысле слова составляли чуть больше трети населения империи.

Следует сказать, что крепостной не был рабом, а поместье не было плантацией. Русское крепостничество стали ошибочно отожествлять с рабством только двести лет тому назад, и обязаны мы этим Александру Радищеву. Упоминания о крепостничестве в его «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) стали первой попыткой установить аналогию между крепостничеством и рабовладением через подчёркивание некоторых особенностей (например, отсутствия брачных прав), которые и в самом деле были свойственны им обоим. Критическая литература последующих десятилетий, принадлежавшая перу взращённых в западном духе авторов, сделала эту аналогию общим местом, а от них она была усвоена русской и западной мыслью.

Между тем, почти половина крепостных были съёмщиками и платили оброк. Они могли идти на все четыре стороны и возвращаться, когда хотели; они вольны были выбирать себе занятие по душе, а помещик в их жизнь не вмешивался. Для них всё крепостное право сводилось к уплате твёрдо установленного оброка, либо, в качестве налога, доли от заработка дворянам, владевшим землёй, к которой они были приписаны. Так налог мы и сейчас платим!

Говорят, помещик мог их наказывать, — да, но за вину, и с согласия схода. Говорят, у помещика было право передавать непослушных крестьян властям для отправки в сибирскую ссылку. Право было. А вот и практика: между 1822 и 1833 годами, за двенадцать лет, такому наказанию подверглись 1 283 крестьянина, по сто в год. На двадцать с лишним миллионов помещичьих крестьян — это не такая уж ошеломительная цифра. И ведь вполне возможно, что сослали их за дело!

Нам кажется более важным, что многие дворяне, особенно из богатейших, за счёт крепостных шиковали, наплевав на интересы не только «своих людей», но и страны. Даровой доход в такой степени избаловал русское дворянство, что когда появились кредитные учреждения, выдававшие ссуды под залог имения, помещики бросились занимать, в том числе «под крестьян». (Об этом Гоголь написал свои «Мёртвые души».) К 1859 году 66 % крепостных крестьян в России были заложены и перезаложены в кредитных учреждениях (по некоторым губерниям эта цифра доходила до 90 %).

При правильном ведении хозяйства займы под залог применяются или для того, чтобы ввести необходимый улучшения, или для того, чтобы расширить хозяйство новыми покупками. Российское дворянство занимало для собственного удовольствия, для потребностей личного комфорта. Дворянские займы имели тенденцию из долгосрочных постепенно превращаться в вечные, и занятые деньги, однажды выйдя из кассы банков, более уже туда не возвращались.

Некоторые дворяне, переселившись за границу, поражали европейцев своей расточительностью. Один русский аристократ жил какое-то время в маленьком немецком городке и забавлялся тем, что посылал с утра свою прислугу на рынок с приказом скупить ВСЕ продукты, и потом любовался из окна, как местные хозяйки мечутся в поисках еды. В игорных домах и на курортах Западной Европы тоже хорошо знали сорящих деньгами русских вельмож. Разумеется, не все дворяне вели себя таким образом, а только «элита»; большинство дворян действительно служило и не имело лишних денег.

И вот, вчерашние крепостные получили освобождение. Скажем прямо, реформа проводилась так, чтобы дворяне не очень сильно пострадали. Крестьян отпускали «на волю» с землёй, но — с пользованием ею за определённый фиксированный оброк или отбывание барщины. Они не могли отказаться от этих наделов в течение девяти лет, а для полного освобождения им следовало выкупить в собственность усадьбу и, по соглашению с помещиком, надел, и только после этого они становились крестьянами-собственниками, а до того считались на «временнообязанном положении». К тому же размеры наделов, полученных крестьянами, зависели от плодородия почвы и хозяйственных особенностей различных районов, и очень сильно различались.

Всё это отнюдь не способствовало развитию сельского хозяйства. Многие крестьяне, испытывая недостаток земли, вынуждены были арендовать дополнительные участки у помещика и за это обрабатывать его землю своим инвентарём. Другая часть крестьян бросала наделы и уходила на заработки в город или в батраки,

нанимаясь на работу к помещикам за плату. Во всём этом было мало экономического смысла и ещё меньше справедливости, хотя надо отметить, что другие европейские страны переходили к промышленной фазе развития с ещё большей несправедливостью к сельскому населению.

А самое удивительное, — о чём мало кто знает, — так это то, что тогдашняя приватизация земли проходила по сценарию, до боли нам всем знакомому. Земли 50 000 (пятидесяти тысяч!) разорившихся после отмены крепостного права небогатых помещиков скупили вовсе не крестьяне, а 143 (сто сорок три) крупных сановника, которые затем сдавали эти же земли крестьянским общинам.

***1861**. — Первые студенческие волнения в Петербурге. Создание Совета министров. **Осень**. — Возникновение тайного общества «Земля и воля». Разрешение евреям с высшим образованием жить вне черты оседлости и поступать на государственную службу.*

***1862**. — Первая публикация государственного бюджета.*

***1863, 18 июня**. — Утверждение нового Университетского устава, восстановившего университетскую автономию.*

Вслед за крестьянской реформой последовал целый ряд других: университетская (1863), земская и судебная (1864), цензурная (1865), городская (1870), военная (1874). Иначе говоря, власть понимала, что реформы необходимы, но решила провести их без скачков и постепенно. К сожалению, такой подход не позволил России преодолеть трудности, но, к счастью, не позволил и полностью скатиться в яму, — предпосылки к чему, говоря честно, имелись. Но что было положительным, так это то, что в результате преемственности власти в управлении страной проявились цели более высокого порядка, чем простое выживание властителей. Например, началось решение задач промышленной политики и образования.

В 1864 году было опубликовано «Положение о начальных народных училищах», которое расширило сеть начальных учебных заведений. По «Положению» начальные училища разрешалось открывать общественным учреждениям и даже частным лицам, однако все они находились под контролем училищных советов. Преподавали в начальной школе письмо, чтение, правила арифметики, закон божий и церковное пение. Большинство начальных школ было земскими (создавались земствами), церковно-приходскими и «министерскими» (учреждаемые Министерством народного просвещения).

Был введён новый устав гимназий, которые стали разделяться на классические (ориентированные на дворянских и чиновничьих детей) и реальные (в основном для детей буржуазии).

Учились в гимназиях по семь лет. В классических делался упор на тщательное изучение древних языков (латыни и греческого); в реальных читали расширенные курсы естественных наук. Выпускники классических гимназий могли без экзаменов поступать в университеты, «реалисты», в основном, шли в технические высшие учебные заведения.

Суд в середине века носил сословный характер, заседания имели келейный характер и не освещались в печати. Судьи полностью зависели от администрации, а подсудимые не имели защитников. Теперь же (20 ноября 1864 года) были утверждены новые судебные уставы: судебная власть отделялась от исполнительной и законодательной. Вводился бессословный и гласный суд, утверждался принцип несменяемости судей. Было введено два вида суда — общий (коронный, ведавший уголовными делами) и мировой. Судебный процесс стал открытым, хотя в ряде случаев дела слушались при «закрытых дверях». Была учреждена состязательность суда, введены должности следователей и адвокатура; вопрос о виновности подсудимого решали 12 присяжных заседателей. Важнейшим принципом реформы было признание равенства всех подданных империи перед законом. Появилась должность нотариуса.

1863, сентябрь-октябрь. — *Прибытие двух русских эскадр в Нью-Йорк и в Сан-Франциско.*

В 1861-1865 годах в Соединённых Штатах шла гражданская война. Многие думают, что северяне хотели сделать благородное дело и освободить томившихся в рабстве негров, но причина лежала в экономике. Финансово-промышленным олигархам Севера необходимо было уничтожить самоуправление штатов и подчинить богатый и независимый Юг власти федерального центра. А фермеры Севера, которые никак не могли конкурировать с плантаторами Юга, видели в ликвидации дешёвой рабочей силы у этих плантаторов возможность упрочить своё экономическое положение.

На севере жило 22 млн. человек, штаты были покрыты густой сетью железных дорог и обладали развитой промышленностью (почти вся металлургическая, текстильная и оружейная). На Юге проживало около 9 млн. человек, в том числе 4 млн. рабов-негров. Юг не имел экономической базы для ведения длительной войны.

Несмотря на это, на первом этапе войны Север потерпел ряд тяжёлых поражений. Через шесть месяцев боёв у бедняков Севера пропало желание воевать, что вынудило президента Линкольна издать указ о принудительной мобилизации, уклонение от которой каралось каторгой. Но и это не помогало. Чтобы исправить положение, конгресс принял закон, согласно которому любой гражданин США имел право за

символическую цену получить 15 акров земли; всего-то и требовалось эту землю отвоевать. И всё равно понадобилось открыть в Европе иммиграционные миссии, чтобы привлечь бойцов.

Армия южан, состоявшая исключительно из добровольцев, защищала свой образ жизни, своё право на самоуправление. В войсках федерального центра служили в основном бедные белые американцы, желавшие получить землю. Если негры Юга с первых же дней войны добровольно записывались в армию южан, то федеральные власти долгое время негров в строй не призывали.

Только 1 января 1863 вышла прокламация Линкольна об освобождении негров-рабов в южных штатах: рабы освобождались без выкупа, но и без земли. И лишь в декабре 1865 года конгресс официально санкционировал освобождение негров! Ещё через год 14-я поправка к конституции признала за неграми право голоса.

Для ускорения победы Север начал вести войну на уничтожение: с массовыми расстрелами мирного населения, разрушениями городов и созданием концлагерей. И только тогда не считающейся со своими и чужими потерями армии северян удалось перехватить военную инициативу, и в апреле 1865 года главнокомандующий армией США, будущий президент Америки генерал Улисс Грант принял капитуляцию у главнокомандующего силами Юга генерала Роберта Ли.

Россия была заинтересована в существовании единых Соединённых штатов, ведь так Америка могла бы противостоять Великобритании и Франции, которые в тот период стали основными соперниками России. Прибытие в сентябре — октябре 1863 года двух русских эскадр в Нью-Йорк и в Сан-Франциско было воспринято в США как дружественная демонстрация в отношении правительства Линкольна.

1863-1864. — *Восстание в Польше.*

1864-1885. — *Завоевание Средней Азии.*

В 1860-х завершилось присоединение к России казахских земель.

В середине XIX века в Средней Азии существовали Кокандское, Бухарское и Хивинское ханства, представлявшие собой феодальные образования с пережитками рабовладения. А для русского правительства Средняя Азия являлась важным стратегическим районом, примыкавшим к индийским владениям Англии; здесь пересекались транзитные торговые пути. Высока была роль региона и как сырьевой базы, что было особенно важно в связи с прекращением поставки хлопка, необходимого для производства пороха, из США в период гражданской войны между Севером и Югом.

В 1864 году русские войска вступили в Кокандское ханство и взяли Ташкент (1865). Попытки эмира Бухары вмешаться в события привели к его поражению и занятию Самарканда (1868), и Бухарский эмират попал в вассальную зависимость от России. В 1873 году капитулировала Хива, в 1881-м был занят Ашхабад. Окончательно присоединение Средней Азии к России завершилось в 1885 году.

Проведение активной внешней политики в Средней Азии было важным для русской дипломатии ради ослабления влияния Англии, которая захватывала азиатские земли, не стесняясь никого и ничего. В это же время Англия и Франция укрепляли свое положение в Китае. С начала 1840-х годов, с Англо-китайской (первой «опиумной») войны Великобритания постоянно здесь воевала, навязывая Китаю неравноправные договоры; также на Дальнем Востоке с его богатыми природными ресурсами действовали Франция и США.

А вот политика России ни в XVIII, ни в XIX веках не имела на Дальнем Востоке агрессивного характера, а заключавшиеся договоры не навязывались военной силой и были добровольными.

В годы Крымской войны Англия пыталась захватить наш Петропавловск на Камчатке. Тогда же возникла необходимость чёткого определения границ Китая и России. Такая граница была установлена в результате подписания Айгунского (1858), Тяньцзинского (1858) и Пекинского (1860) договоров, по которым к России отходили Приморье и Приамурье.

1864. *— Утверждение Положения о губернских и уездных земских учреждениях. Выпуск первого внутреннего выигрышного займа. Утверждение Положения о начальных народных училищах и нового Устава гимназий. Создание Санкт-Петербургского частного коммерческого банка, первого акционерного банка в России.*

Среди важнейших мероприятий по упорядочению финансов было создание Государственного банка в 1860 году, а через четыре года начали возникать частные коммерческие акционерные банки, число которых к 1873 году достигло сорока, упорядочение процесса формирования государственного бюджета. Но финансовые преобразования не изменили сословного характера системы налогообложения, при котором вся тяжесть налогов падала на податное население.

Преобразования в сфере финансов не смогли решить задачу стабилизации денежной системы, ввиду расходов на войны в царствование Александра II. Это были: Кавказская война, начатая ещё при Александре I и завершённая в 1864 году; подавление польского восстания в 1863—1864 и русско-турецкая война на Балканах 1877—1878 годов, способствовавшая освобождению из-под Османского

господства Сербии, Черногории, Болгарии и Румынии, и принёсшая России ряд черноморских крепостей.

***1865, 6 апреля**. — Утверждение Временных правил для печати, устранивших некоторые цензурные ограничения. **28 июня**. — Разрешение евреям мастерам-ремесленникам жить вне черты оседлости.*

***1866**. — Отмена круговой поруки и подушной подати с городских обывателей и введение для них имущественного налога. **4 апреля**. — Покушение Д.В. Каракозова на императора Александра II.*

Развивалась новая система кредита. За 1866-1875 годы было создано 359 акционерных коммерческих банков, обществ взаимного кредита и других финансовых учреждений. С 1866-го в их работе начали активно участвовать крупнейшие европейские банки. Благодаря государственному регулированию иностранные займы и инвестиции шли в основном на железнодорожное строительство, а железные дороги обеспечивали расширение хозяйственного рынка на громадных просторах России. К тому же они были важны и для оперативной переброски воинских частей.

Строительство железных дорог, по замыслу министра финансов Рейтерна, изложившего свои взгляды в записке царю в 1866 году, должно было обеспечить Россию транспортной сетью для подвоза основного экспортного продукта — хлеба, к балтийским и черноморским портам. А увеличение экспорта нужно было для обеспечения активного торгового баланса и получения валюты для инвестиций в промышленность. Рейтерн утверждал, что железная дорога во владении частного лица, в том числе иностранца, будет не хуже служить государственным интересам, чем казённая. Необходимостью дополнительных средств для железнодорожного строительства Рейтерн мотивировал продажу Соединенным Штатам Аляски. В 1867 году он и организовал продажу (за 7,2 млн. долларов), причём в обстановке чрезвычайной секретности: кроме него, из высших сановников в дело были посвящены только канцлер князь Горчаков и морской министр адмирал Краббе. Всех прочих поставили в известность только через несколько дней после подписания договора в Вашингтоне; страна была ошеломлена.

Развитие товарно-денежных отношений привело к имущественной дифференциации в деревне, середняцкие хозяйства разорялись, росло число бедняков. С другой стороны, появились крепкие кулацкие хозяйства, часть из которых использовали сельскохозяйственные машины. Всё это входило в планы реформаторов. Но неожиданно для них в стране усилилось традиционно враждебное отношение к торговле, проявившееся в

ненависти к кулаку, купцу, скупщику — словом, к «удачливому предпринимателю», выросшему на волне реформ.

В России крупная промышленность изначально создавалась как государственная. Главной заботой правительства после неудач Крымской войны были предприятия, выпускавшие боевую технику; при бюджетном планировании особое внимание обращалось на развитие тяжёлой промышленности и транспорта. Именно в эти сферы попадали средства как российские, так и иностранные; правительство распределяло специальные заказы, а соответственно крупная буржуазия была тесно связана с государством. Промышленник получал заказ и прибыль, чиновник — мзду; коррупция цвела махровым цветом.

***1867**. — Создание Общества Красного Креста в России. Отмена наследования по родству мест священно- и церковнослужителей. Продажа русских владений в Америке (Аляски) правительству Североамериканских Соединённых Штатов.*

***1868**. — Начало отмены круговой поруки среди крестьян (в общинах, имеющих менее 21 мужской души).*

***1869**. — Первые студенческие волнения, охватившие несколько городов. Освобождение детей духовенства от обязательной приписки к духовному сословию.*

***1872**, октябрь. — Изобретение А.Н. Лодыгиным электрической лампочки накаливания.*

***1873-1874**. — Массовое «хождение в народ» с целью его агитации. Однако агитация народников не смогла зажечь пламя крестьянского восстания.*

***1874, 1 января**. — Военная реформа, введение всеобщей воинской повинности.*

Ещё в 1864 году было образовано 15 военных округов, подчинённых непосредственно военному министру. Была реформирована система военных учебных заведений, приняты новые военные уставы. Проводилось перевооружение армии. Через десять лет, в 1874 году в России была введена всесословная воинская повинность с ограниченным сроком воинской службы. Рекрутские наборы отменялись, призыву на службу подлежало всё мужское население, достигшее 21 года. Воинская служба устанавливалась сроком шесть лет (на действительной службе) и девять лет в запасе. На флоте служили семь лет и три года в запасе. Эти сроки сокращались для лиц, имевших образование.

Призыву в армию не подлежали духовные лица, члены ряда религиозных сект, народы Казахстана и Средней Азии, а также некоторые народы Кавказа и Крайнего Севера. От службы

освобождались единственный сын, единственный кормилец в семье. Поскольку в мирное время потребность в солдатах была незначительна, все годные к службе, за исключением получивших льготы, тянули жребий. Так в стране была создана массовая армия, имевшая ограниченный кадровый состав в мирное время и крупные людские ресурсы на случай войны. Однако по-прежнему кадровый офицерский состав состоял преимущественно из дворян, солдаты — из крестьян.

***1869-1870**. — Создание русской секции I Интернационала.*

***1870**. — Передача дознаний по политическим делам губернским жандармским управлениям.*

***1875**. — Возникновение в Одессе первой рабочей организации — «Южнороссийского союза рабочих».*

***1876**. — Образование организации «Земля и воля». Первый полный перевод Библии на русский язык. **6 декабря**. — Первая демонстрация (в Петербурге у Казанского собора).*

В Западной Европе, как всегда, шла драка. Во второй половине 1860-х — начале 1870-х годов завершился процесс объединения Германии, причём судьба объединения решалась в открытом военном столкновении Пруссии с Австрией. В 1866-м Австрия потерпела поражение, а в 1867-м был создан Северогерманский союз, президентом которого стал прусский король. Но такое развитие событий вызвало опасения властей соседней Франции. Они желали остановить территориальные притязания Пруссии, и в июле 1870 года началась франко-прусская война, которая уже через несколько месяцев закончилась жестоким разгромом французов под Седаном. А Россия начала сближение с образовавшейся после франко-прусской войны Германской империей, и это привело к возникновению в 1873 году Союза трёх императоров (Россия, Германия, Австрия). Союз этот не был прочным, он обуславливался скорее боязнью взаимного усиления, чем общностью интересов. Во время очередного обострения франко-германских отношений в 1875 году Россия недвусмысленно дала понять, что не допустит разгрома Франции.

В 1875-м по договору с Японией к России отошёл остров Сахалин.

Турецкое правительство к середине 1870-х годов проводило политику экономического и политического давления на христианские народы Балканского полуострова. Весной 1875 года в Боснии и Герцеговине вспыхнуло народное восстание. Россия в эти годы не была готова к войне (был риск дипломатической изоляции, не были завершены военные реформы, не закончено перевооружение армии, фактически ничего не было сделано для усиления российского

флота после отмены нейтрализации на Черном море, сложным оставалось экономическое и политическое положение внутри страны). Русские дипломаты пытались разрешить конфликт мирным путем, склонить Турцию к уступкам славянскому населению.

Однако такая дипломатия успеха не имел. Турция, уверенная в поддержке Англии, фактически отказалась принять эти предложения. Новый демарш европейских государств (так называемый Лондонский протокол, март 1877-го, в котором предлагалось провести реформы в пользу христиан) был отвергнут Турцией и расценен ею как вмешательство во внутренние дела. Османская империя спешно готовилась к войне, и война началась в апреле 1877 года.

Наши войска не имели хорошо обученных резервов, по качеству стрелкового оружия уступали турецкой армии (она вооружалась с помощью Англии и США), по численности русский флот уступал турецкому. Однако по артиллерии мы превосходили турок.

Военные действия велись также на Кавказском театре, где русская армия добилась замечательных побед. В октябре — ноябре 1877 года ночным штурмом (после осады) была взята прекрасно защищенная, считавшаяся неприступной крепость Карс. Ещё раньше от турок была очищена территория Абхазии.

Скоро турецкое правительство запросило переговоров, затем (в январе 1878) было подписано перемирие, а через месяц — мирный договор. Черногория, Сербия и Румыния получали полную независимость, автономными становились Босния и Герцеговина. Особо важным пунктом договора стало создание крупного автономного болгарского государства. На территории Болгарии разрушались крепости и выводились турецкие войска, а Россия вернула себе потерянную после Крымской войны Южную Бессарабию; на Кавказе ей отходили Ардаган, Карс, Баязет и Батум.

Но эти решения не устраивали Англию и Австро-Венгрию, которые не участвовали в войне, однако хотели увеличить свои территории и ослабить Россию. По их настоянию Петербургский кабинет, который не был в состоянии вести новую войну с сильными европейскими государствами, согласился на созыв международного конгресса в Берлине, где мирный договор был пересмотрен. Хотя независимость Румынии, Сербии и Черногории были подтверждены, Болгария оказалась разделённой на две части: северное Болгарское княжество получало автономию, а южная часть, так называемая Восточная Румелия, оставалась под властью Турции. Босния и Герцеговина оказались в зоне оккупации Австро-Венгрии. На Кавказе

за Россией оставались Карс и Ардаган, Батум становился портом, свободным для торговли.

За свою помощь Турции Англия, заключившая тайное соглашение с султаном, получала Кипр.

***1878**. — Открытие в Петербурге Бестужевских курсов — первого в России женского учебного заведения. Выстрел В.И. Засулич в Ф.Ф. Трепова, её оправдание судом присяжных заседателей.*

***1878-1880**. — «Северный союз русских рабочих» в Петербурге.*

***1879-1881**. — Политический кризис в России.*

***1879**. — Покушение А.К. Соловьева на Александра II. Раскол «Земли и воли» на партии «Народная воля» и «Чёрный передел».*

***1879-1882**. — Оформление Тройственного союза (Австро-Венгрия, Германия, Италия).*

***1880**. — Взрыв в Зимнем, подготовленный С.Н. Халтуриным. Упразднение III Отделения, создание Департамента полиции.*

12 февраля 1880 года была создана «Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия» во главе с М.П. Лорис-Меликовым. В апреле 1880 года комиссия была ликвидирована, а Лорис-Меликов, назначенный министром внутренних дел, стал готовить завершение «великого дела государственных реформ». Так называемая «Конституция Лорис-Меликова», заранее одобренная императором, предусматривала выборность представителей от общественных учреждений в высшие органы государственной власти.

Утром 1 марта 1881 года Александр II назначил заседание Совета министров для утверждения законопроекта. Через несколько часов он был убит членами организации «Народная воля».

Александр III (1881—1894)

При Александре II Россия двинулась от вполне устойчивого неограниченного самодержавия к не менее устойчивому конституционному режиму, — но при таком переходе неизбежен этап нестабильности, а потому это очень опасный путь: преобразуясь и теряя устойчивость, система становится уязвимой. Однако, если власть имеет чёткое представление, что она хочет получить в итоге, и умеет добиться выполнения задуманного, этот путь можно пройти спокойно и

осмотрительно, продвигаясь от реформы к реформе, следуя логике их развития и не останавливаясь перед мерами, к которым не лежит душа. Самое недопустимое для лидера качество на этом пути — нерешительность.

Александр II был нерешительным лидером. Чётко понять, чего он хочет, ради какого для России блага затеял реформы, он не мог, и потому в значительной мере сам повинен в разыгравшейся драме. Страна, вследствие его руководства, впала в нестабильность; из клубов этого тумана вышли бомбисты и убили самого инициатора перемен. К счастью, бразды правления перехватила властная рука Александра III.

Он остановил реформы, чтобы осмотреться.

После убийства отца Александр III собрал Совет министров, на котором и председательствовал. Многим казалось, что раз покойный император одобрил доклад Лорис-Меликова по переходу к демократии, то обсуждение его «Конституции» в Совете министров — простая формальность. Но император предупредил, что «вопрос не следует считать предрешённым». Начались споры, в которых высказывались мнения и «за», и «против» предлагаемого документа.

Чаши весов колебались, пока слово не взял обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев. Он заявил, что одно лишь «чистое» самодержавие, такое, каким оно сложилось при Петре I и Николае I, может противостоять революции. Неумелые реформаторы своими уступками, полууступками и полуреформами способны только расшатать здание самодержавного государства. После его выступления Александр III предложил ещё подумать над проектом.

Больше к этому проекту не возвращались никогда.

Александр III родился в 1845 году. Он был вторым сыном Александра II и его, как в своё время Николая I, не готовили к власти; он получил обычное для великих князей военное образование. Но в 1865 году умер его старший брат Николай; он стал наследником престола, а вскоре ещё и женился на невесте своего покойного брата, датской принцессе, в православии принявшей имя Марии Фёдоровны.

Внешность Александра III была далека от аристократической. Он носил бороду лопатой, был неприхотлив в быту, в обыденной обстановке ходил в простой рубахе. Его оболгали, как и Павла; ему не прощали ни «реакционной» политики, ни внешнего вида, ни поведения — ведь он обзывал своих царедворцев и министров «скотинами» или «канальями». Правда, вполне за дело. Любимым его занятием была рыбная ловля, требовавшая усидчивости и отвечавшая его неторопливому темпераменту. «Европа может и подождать, пока русский царь рыбачит», — сказал он однажды, и действительно отправился на рыбалку.

В августе 1881 года было им было издано «Положение об усиленной и чрезвычайной охране». При введении чрезвычайного режима в какой-либо местности власти получали чрезвычайные права, в том числе: высылать нежелательных лиц, закрывать учебные заведения, передавать дела на рассмотрение военного суда вместо гражданского, приостанавливать периодические издания. В «Положении» отмечался его временный характер, но оно просуществовало вплоть до падения самодержавия, то есть более четверти века. Некоторые местности десятилетиями находились в режиме чрезвычайного управления, хотя особой нужды в том не было. Просто губернаторы не хотели расставаться с дополнительными полномочиями.

В это время наиболее сложный характер имела крестьянская проблема. Реформа 1861 года за прошедшие двадцать лет себя исчерпала; требовались новые меры, которые сделали бы крестьянина полноправным членом общества и помогли ему приспособиться к рыночным отношениям. Короче, реформу надо было тем или иным способом завершить, покончив с неопределённостью и нестабильностью.

***1881-1882**. — Первая волна антиеврейских погромов.*

***1881, декабрь**. — Указ о понижении выкупных платежей и обязательном переводе на выкуп всех помещичьих крестьян.*

В конце предыдущего царствования факт истощения платёжных сил и всеобщего понижения благосостояния крестьянского населения был признан самим правительством, но вопрос о понижении выкупных платежей не решался. Только при Александре III, когда удалось провести важнейшие улучшения финансовой системы, хоть что-то было сделано.

В мае 1881 года к должности министра финансов император призвал бывшего киевского профессора Н.Х. Бунге. Тот предложил целую программу действий, предусматривавшую, в частности, приведение в равновесие доходов с расходами через соблюдение самой строгой и разумной экономии и улучшение податной системы посредством более справедливого распределения налогов.

Осенью 1881 года последовало Высочайшее повеление о соблюдении всеми ведомствами строгой бережливости и о неуклонном исполнении сметных правил. Сверхсметные ассигнования были сокращены вдвое, и всё равно недостаточность финансовых средств не была устранена. Необходимость покрытия дефицитов, а также чрезвычайные расходы по погашению временных выпусков кредитных билетов и по возобновившейся с 1881 года постройке железных дорог

вынуждали приобретать средства путём новых займов, и в итоге не удалось привести в равновесие государственный бюджет.

Однако ту часть своей программы, которая касалась улучшения податной системы, Н.Х. Бунге исполнил успешно; он всегда признавал это важнейшей целью своего управления. Были понижены выкупные платежи и постепенно отменена подушная подать. С крестьян было снято налогов на 53 млн. рублей, с привлечением к обложению других, более имущих классов населения, до тех пор освобождённых от прямого обложения, или недостаточно обложенных. Вводя необходимую уравнительность в податную систему, эти мероприятия, по мысли Бунге, должны были подготовить почву для введения со временем подоходного обложения.

1882. — *Отмена подушной подати. Создание Крестьянского поземельного банка, выдававшего освободившимся от крепостной зависимости лицам ссуды на покупку земли. Вскоре, с 1 января 1883 года все крестьяне, не заключившие с помещиками выкупных сделок, были переведены на обязательный выкуп. Сумма выкупных платежей была понижена ещё в 1881 году. Впрочем, главным результатом деятельности Крестьянского банка стало предоставление возможности российскому дворянству выгодно продавать через него свои земли.*

1882, ***май***. — *Запрет евреям селиться вне городов и местечек, т.е. в сельской местности.* ***Июнь***. — *Учреждение Фабричной инспекции, начало фабричного законодательства. Введение административной ссылки.* ***Июль***. — *Открытие в Петербурге первой телефонной станции.* ***Август***. — *Временные правила о печати, ужесточившие цензурные ограничения.*

Император учредил церковноприходские школы; в интересах улучшения народного хозяйства создал министерство земледелия. В 1882—1884 годах были закрыты многие печатные издания, опять упразднена автономия университетов. Начальные школы передали церковному ведомству — Синоду. Через народные училища, земские школы, гимназии и другие учебные заведения за тридцать пореформенных лет прошло несколько сотен тысяч учеников: если в предреформенное десятилетие грамотность в России составляла примерно 5-6 %, то во второй половине 1890-х — 18-21 %.

1883, 7 мая. — *Установление бело-сине-красного флага Российской империи.*

1883. — *Появление первой марксистской организации, группы «Освобождение труда».*

В 1885 году был создан Дворянский банк. В этом банке помещики могли получить льготный кредит под залог имений;

допускался и перезалог. Неуплаченные проценты нередко списывались. При помощи этих мер правительство фактически субсидировало помещиков. А с их стороны шли постоянные жалобы на то, что мужики «разбаловались», а мировые судьи недостаточно строги. Учитывая пожелания дворянства, правительство ввело в 1889 году «Положение о земских участковых начальниках». Мировой суд в деревне был упразднён. Земские начальники (которые, на деле-то, к земству отношения не имели) сосредоточили в своих руках всю административную и судебную власть, а на эти должности назначались дворяне из числа местных землевладельцев, и общее руководство земскими начальниками в уезде осуществлял предводитель дворянства. Так земский начальник стал полновластным распорядителем в своём участке. Сельские и волостные сходы оказались в полной от него зависимости! Он мог отменить любой их приговор, арестовать сельского старосту или волостного старшину и оштрафовать всех участников схода.

В эти же годы был принят ряд других законов, которые сильно затруднили семейные разделы, выход из общины отдельных крестьян и земельные переделы. Эта серия законов свелась к попыткам сохранить большую патриархальную семью и общину, усилить начальственный надзор над ними. В такой обстановке крестьянину трудно было проявить хозяйственную инициативу.

***1885**. — Запрещение ночной работы подростков и женщин, начало рабочего законодательства.*

***1886, июнь**. — Правила о надзоре за фабриками и заводами. Закон об обязательном переводе на выкуп всех государственных крестьян.*

***1887, 18 июня**. — Циркуляр министра народного просвещения И. Д. Делянова о «кухаркиных детях», повышение в университетах платы за обучение в пять раз. Введение квоты для поступления евреев в университеты: в черте оседлости 10 %, вне черты 5 %, в Москве и Петербурге — 3 %.*

В 1887 году случился огромный, небывалый урожай в России и плохой в Европе. Вывоз хлеба достиг пределов, до тех пор неслыханных. Последствием огромного вывоза стало усиление доверия к России и повышение её кредита на иностранных рынках. Это позволило приемнику министра финансов Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградскому, в корне изменить всю финансовую систему.

Главной своей задачей И.А. Вышнеградский видел восстановление обращения металлических денег. При нём комитет финансов признал желательным стремиться к упрочению ценности рубля посредством размена его на золото по курсу 1 рубль 50 копеек

кредитками за 1 рубль металлический. Одновременно Вышнеградский продолжил накопление золотых запасов, необходимых для покрытия размена. Золото приобретали не займами, а покупкой, чтобы обеспечить привлечения и удержания золота в стране. Вышнеградский держался крайней бережливости в ассигновании государственных средств и добился совершенного устранения сверхсметных кредитов.

1889. — *Закрытие мировых судов за исключением крупных городов, ограничение компетенции суда присяжных.*

1890. — *Новое «Положение о земских учреждениях», усилившее правительственный надзор над местным самоуправлением. Для дворян-землевладельцев был понижен имущественный ценз, для горожан — повышен. Земство, таким образом, стало сословным: прежний закон не различал среди землевладельцев дворян и не дворян. Крестьянских гласных стал назначать губернатор из числа кандидатов, заявленных на волостных сходах. Но несмотря ни на что, земское дело продолжало развиваться.*

Александр III мудро избегал войн. Не менее осторожно он действовал и во внутренней политике. Когда он сам сравнивал царствование отца и деда, сравнение было не в пользу отца: Александр II слишком много «нареформировал». Постепенный возврат к старому, укрепление сословного строя и самодержавия — вот что составляло суть внутренней политики императора, и ему удалось быстро стабилизировать обстановку после убийства Александра II. Однако в стране так и сохранилось немало острейших проблем, которые выявились уже в следующее царствование.

В царствование Александра III возродился и отстроился русский военный флот. Было спущено на воду 114 новых кораблей, в том числе 17 броненосцев и 10 бронированных крейсеров. Водоизмещение русского флота достигало 300 тыс. тонн; по этому показателю Россия занимала третье место в мире после Англии и Франции.

В 1887 году неожиданно было выяснено, что ещё в 1879-м Австро-Венгрия и Германия втайне заключили союз, направленный против России и Франции, а в 1882-м к нему присоединилась Италия. Между тем, русскую общественность давно беспокоило, что Германия, неуклонно наращивая военную мощь, начинала претендовать на роль ведущей европейской державы. В печати высказывалась мысль, что только союз с Францией может гарантировать безопасность России. Однако российский МИД продолжал попытки сближения с Германией: прогерманские настроения были сильны в придворных кругах; многие великие князья были женаты на немецких принцессах.

И только в 1887 году, когда русский дипломат Павел Шувалов вёл переговоры с германским канцлером Отто Бисмарком о заключении союза, канцлер зачитал изумлённому Шувалову важнейшие статьи секретного австро-германского соглашения. Так русская дипломатия убедилась в существовании Тройственного союза, о котором прежде ходили неопределённые слухи. Срывая с факта существования союза покров дипломатической тайны, канцлер рассчитывал, что этот союз, перестав быть секретным, ещё более усилит политический вес Германии и даст ей возможность диктовать свою волю соседям, которые, — полагал Бисмарк, — между собой никогда не смогут объединиться. Действительно, трудно было представить, что самодержавно-монархическая Россия пойдёт на союз с республиканской Францией. Что же касается Англии, то она пребывала в «блестящей изоляции», считая себя достаточно сильной, чтобы не присоединяться ни к каким военным блокам. К тому же отношения между Россией и Англией ещё со времён Крымской войны были весьма натянутыми.

Однако произошло, казалось бы, невозможное: началось франко-русское сближение. Пока российское Министерство иностранных дел продолжало искать взаимопонимания с Германией, в диалог с Францией вступили военные, а затем, не добившись успеха, вынуждены были изменить позицию и русские дипломаты.

В 1891 году состоялся визит в Кронштадт французских военных кораблей. Встречая гостей, Александр III с непокрытой головой выслушал французский гимн — «Марсельезу». Руководители обеих держав, проявив государственную мудрость, решили пренебречь идеологическими расхождениями. Это сближение завершилось в 1892 году заключением тайного союза, дополненного военной конвенцией. Так впервые в мировой истории началось экономическое и военно-политическое противостояние устойчивых группировок великих держав.

Тем временем в финансовой области стараниями Вышнеградского было, наконец, установлено равновесие между доходами и расходами, и впервые наступило превышение первых над последними. Другая цель — установление выгодного торгового баланса, достигалось двумя далеко не безопасными путями. Во-первых, всевозможным поощрением к усилению хлебного вывоза, для чего правительство воспользовалось правом установления железнодорожных тарифов и чему косвенно способствовало усиленное взыскание недоимок и податей, вынуждавшее крестьян к спешной продаже хлебных запасов; во-вторых, установкой препятствий к увеличению ввоза товаров.

Вообще в таможенной политике идеалом Вышнеградского был минимальный ввоз при возможно крупных размерах таможенного дохода, ради чего ежегодно повышались те или иные тарифные ставки. Наконец, желаемая цель, — правда, благодаря ряду урожайных годов, — была удачно достигнута. Торговый баланс в пользу России, равнявшийся в 1882—1886 годы в среднем 65,9 млн. рублей ежегодно, при управлении И.А. Вышнеградского достиг в 1891 году 327,4 млн. рублей. Достижение такого высокого перевеса вывоза над ввозом дало возможность не только вполне покрывать заграничные платежи по металлическим займам, но и приобретать золото для увеличения металлического фонда.

1891-1892. *— Неурожай и массовый голод в двадцати губерниях. Строительство Сибирской железной дороги, соединившей Челябинск с Владивостоком.*

1892, июнь. *— Новое Городовое положение, уменьшение числа избирателей на 2/3.*

Блестящая финансовая деятельность Вышнеградского не соответствовала, однако, экономическому состоянию населения, к тому же первый же неурожай привёл всю систему к сильнейшей нестабильности. Быстрое усиление податного бремени и энергичные меры по взысканию не только текущих платежей, но и недоимок по уже отменённым сборам быстро разоряли крестьянское население. Бедственный 1891 год показал глубокое оскудение крестьянства и потребовал экстренных мер со стороны финансового управления, в виде затраты 161 млн. рублей на продовольствие голодающим.

Превратив за предшествовавшие годы свободные ресурсы казначейства и государственного банка в запасы золота, не имевшего обращения на внутреннем рынке, правительство оказалось вынужденным выпустить кредитных билетов на 150 млн. рублей. Пришлось также запретить вывоз хлеба, а вызванное этой мерой опасение за выгодность торгового баланса и целость с таким трудом накопленного золота заставила прибегнуть к внешнему золотому займу, окончившемуся неудачей. Расход на продовольствие населению поглотил почти все свободные средства казначейства, а расстройство хозяйственного положения разорённых неурожаем местностей увеличило до громадных размеров недоимки и отразилось значительным недобором по всем главнейшим статьям государственных доходов.

Устранить все эти финансовые затруднения и довести до конца разрешение основных задач финансового управления России пришлось преемнику И.А. Вышнеградского, С.Ю. Витте. Новый министр в общем направлении финансовой политики во многом

вернулся к идеям Н.Х. Бунге. Он выставил принципом, что «финансовая политика… должна поставить своей задачей разумное содействие экономическим успехам и развитию производственных сил страны».

Однако потребовалось новое увеличение податного бремени! В конце 1892 года одно за другим были проведены повышения налога: с пива на 50 %, спичечного налога вдвое, нефтяного акциза и патентного табачного сбора на 50 %; установили также дополнительный табачный акциз, выросли питейные акцизы со спирта и фруктовых водок, и другие. В 1893 году был установлен государственный квартирный налог, явившийся первой попыткой обложить, хотя бы по внешнему признаку, общую совокупность доходов плательщиков.

Занимался Витте и железными дорогами. Ведь свою карьеру он начинал в качестве специалиста по эксплуатации железных дорог. И вот, он санкционировал включение в правление частных железных дорог, а впрочем — также банков, страховых обществ, крупных экспортных торговых товариществ, своего рода «свадебных генералов» — сановников, получавших на этих дутых должностях большие деньги.

20 октября 1894 года в Крыму от острого воспаления почек внезапно скончался 49-летний Александр III.

Мы говорили уже о расколе российского общества на две неравные части: народ и элиту, которая состояла не из всего дворянства, а только из самого высшего его слоя, и будучи весьма немногочисленной, держала всю высшую власть. Эти две части разделялись культурой, образом жизни и, конечно, её уровнем.

Но изменения, конечно, происходили, в том числе и в деревне. Например, распространялось керосиновое освещение, хотя керосин был дорог. Избы освещались маленькими лампами, а в глухих местах продолжали жечь лучину. Уровень жизни крестьян в Новороссии, Самарской, Уфимской, Оренбургской губерниях, в Предкавказье и Сибири был значительно выше, чем в центральных губерниях, но в целом жизненный уровень народа в России был низок. Об этом говорит средняя продолжительность жизни: в 1870—1890-х годах она в России составляла для мужчин 31 год, для женщин 33 года, а в Англии соответственно 42 и 55 лет.

Происходили значительные изменения в городском быту, развивалось коммунальное хозяйство. В городах мостились улицы (обычно булыжником), улучшалось их освещение — появились керосиновые, газовые, затем электрические фонари. В 1860-е годы был построен водопровод в Петербурге и семи губернских городах (Риге,

Ярославле, Твери, Воронеже и др.; в Москве, Саратове, Вильне, Ставрополе он существовал и до 1861), до 1900 года он появился ещё в сорока крупных городах.

В начале 1880-х в России появился телефон, и к концу XIX века почти все значительные города имели телефонные линии. В 1882 году была проведена первая междугородная телефонная линия Петербург — Гатчина, в конце 1880-х вступила в действие линия Москва — Петербург, одна из наиболее протяжённых в мире.

Рост населения больших городов вызвал необходимость постройки железных дорог и развития городского транспорта. Первая конка была организована в начале 1860-х в Петербурге, в 1870-х она стала работать в Москве и Одессе, в 1880-х — в Риге, Харькове, Ревеле. С 1890-х конки начали сменяться трамвайным сообщением; первый трамвай в России пошёл в Киеве в 1892 году, второй — в Казани, третий — в Нижнем Новгороде. Впрочем, окраины даже в столицах оставались неблагоустроенными.

Отходила в прошлое полусельская жизнь больших дворянских усадеб. Европеизировался быт купечества. Трудовое население больших городов, жившее прежде в маленьких домиках, всё больше стало скучиваться в каменных громадах, доходных домах, снимая там каморки и койки у хозяев квартир. При заработной плате рабочего 12-20 рублей в месяц каморка — помещение с перегородками, не доходящими до потолка, — стоила 6 рублей, одиночная койка — 2 рубля, половинчатая — 1,5 рубля.

Элита жила несравнимо богаче.

Но помимо этого «материального» раскола, был ещё и раскол в духовной области. Он начался со времён Петра I и в следующие полтора столетия только углублялся. В XIX веке монархия продолжала дело «европеизации России», не считаясь с традициями отечественной культуры, в том числе духовной. Выдающиеся достижения европейской науки, литературы, искусства были доступны лишь ограниченному числу русских людей; они мало влияли на повседневную жизнь простого народа. Человека другой культуры крестьяне воспринимали как «чужака».

Но всё же дело высшего образования и науки не стояло на месте. Росла численность университетов и высших технических учебных заведений. Российская наука вышла на новый уровень, разделившись на фундаментальную и прикладную, и во второй половине XIX века добилась замечательных успехов. К концу века в империи выходило около пятисот специальных и научных изданий (к началу 1850-х их было около шестидесяти).

В эти годы работали А.М. Бутлеров (в области изучения химического состава и строения органических тел), Д.И. Менделеев (открытие периодической таблицы, работы в самых различных областях знания); русские математики П.Л. Чебышов, А.М. Ляпунов, А.А. Марков, С.В. Ковалевская. В области физики успешно работали А.Г. Столетов (изучение фотоэлектрических явлений), П.Н. Яблочков (изобретатель дуговой лампы, «свечи Яблочкова»), А.Н. Лодыгин (создание ламп накаливания), А.С. Попов (изобретение в 1895-м радиоприемника). Заметным явлением в науке стали труды астронома Ф.А. Бредихина.

Крупный вклад в биологию и физиологию внесли К.А. Тимирязев (проблемы фотосинтеза, агрономии), И.М. Сеченов (физиология и психология), И.И. Мечников (защитные свойства организма); к 1870—1880-м годам относится начало деятельности известного русского физиолога И.П. Павлова.

Значительный вклад в мировую науку внесли русские географы и этнографы. Энциклопедическими знаниями в области географии, геологии, ботаники, статистики обладал П.П. Семенов, прославившийся изучением труднодоступных районов Тянь-Шаня. Районы Центральной Азии были изучены Н.М. Пржевальским. Много лет отдал исследованию Новой Гвинеи Н.Н. Миклухо-Маклай.

КАНУН РЕВОЛЮЦИИ

*«Оторванность от народа», «пропасть между народом и интеллигенцией», «потеря русского гражданства» и прочее заключается вот в чём: интересы русского народа — такие, какими он **сам** их понимает, заменены: с одной стороны, интересами народа — такими, какими их понимают творцы и последователи утопических учений, и, с другой стороны, интересами «России», понимаемыми, преимущественно, как интересы правившего сословия.*

Иван Солоневич.

Провал реформ С.Ю. Витте

Николай II (1868—1918) был старшим сыном Александра III. Он получил домашнее образование, причём первые восемь лет его обучения были посвящены предметам гимназического курса, а с 1885 по 1890 годы он проходил по особой программе курсы по экономике, юриспруденции и военным наукам в объёмах, преподаваемых в университете и Академии Генштаба. В отличие от подавляющего большинства царей всей предшествующей эпохи, начиная от Петра I, этого юношу готовили в императоры России.

Из преподавателей наибольшее влияние на него оказал К.П. Победоносцев, прививший своему воспитаннику твёрдое убеждение в невозможности существования России вне самодержавия.

Для практического ознакомления с вопросами гражданского управления цесаревич с 6 мая 1889 года участвовал в работе государственного совета и комитета министров. Для усвоения строевой службы и ознакомления с войсковым бытом — провёл несколько лагерных сборов в различных гвардейских полках, и до восшествия на престол командовал в чине полковника 1-м батальоном лейб-гвардейского преображенского полка. Для изучения конкретных условий жизни в различных областях России сопровождал отца, Александра III, во многих его поездках по России. В октябре 1890-го через Вену, Триест, Грецию и Египет предпринял путешествие на Дальний Восток, — в Индию, Китай и Японию; по пути туда практически ознакомился с военно-морским делом, а обратный путь совершил через Сибирь.

В 1891-1892 году Николай председательствовал в комитете по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая. В 1892-м стал председателем комитета Сибирской железной дороги, и остался в этой должности даже после восшествии на престол.

В 1894 он женился на дочери великого герцога гессен-дармштадтского Алисе и в том же году, после смерти отца, вступил на престол. Короновался 18 мая 1896 в Москве, а торжества по этому поводу были омрачены «ходынской давкой».

У него было четыре дочери и сын Алексей, наследник престола.

1895. *— Возникновение в Петербурге организации «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», положившей начало соединения марксизма с рабочим движением. Изобретение А.С. Поповым радио. Пуск в Москве первого в России электрического трамвая. Введение винной монополии.*

1896, 18 мая. *— Коронация императора Николая II в Москве, трагедия на Ходынском поле. Заключение Оборонительного союза между Китаем и Россией против Японии и Договора о строительстве Китайской Восточной железной дороги.*

1897, январь. *— Введение золотого стандарта. Первая всеобщая перепись населения.* ***Июнь***. *— Закон о нормировании рабочего дня (11,5 часа) и запрещении работ в воскресенье.*

Практически с самого своего начала царствование Николая II проходило в обстановке почти непрерывно нараставшего революционного движения, на борьбу с которым были направлены армия, полиция, суды. Причину этому можно найти в том, что России во имя собственного сохранения требовалось создание мощного военного потенциала. Правительство проводило политику, направленную на форсированную индустриализацию страны, то есть российский капитализм рос как естественным путем, так и усиленно насаждался «сверху».

Однако его развитие носило крайне неравномерный, очаговый характер, как в отраслевом, так и в территориальном плане, а наряду с капиталистическими отношениями продолжал существовать и полукрепостнический уклад, представленный помещичьим отработочным хозяйством в деревне, старой горнозаводской промышленностью Урала. Мелкотоварный (крестьянское хозяйство, связанное с рынком), патриархальный (натуральный) уклад сохранялся, и даже не только на окраинах империи.

«Машинный» прогресс в Западной Европе заставил Россию активно насаждать индустриальные порядки, и это определило специфику модернизации России. Наше государство, выборочно

заимствуя с Запада технико-организационные элементы, одновременно консервировало традиционные структуры, и это привело в дальнейшем к социальным потрясениям.

Иначе говоря, власть вынужденно начала индустриализацию, но не смогла справиться с её последствиями.

Всё это было весьма болезненным для широких народных масс, и способствовало обострению социальных антагонизмов.

Для революций в России быстро создались объективные предпосылки, что можно показать даже статистически. Например, был чрезвычайно велик разрыв между высшими слоями и основной массой населения, — и он увеличивался. Взаимное отчуждение и противостояние двух «народов», бедного и богатого, как раз и окончилось их столкновением в период стремительного рывка страны вперёд, в ходе модернизации России, когда рушилась старая сословная структура и возрастала социальная активность широких слоёв населения.

При Николае II столкнулись две концепции развития страны. Всем было ясно, что будущее за капитализмом; но как его внедрять — медленно и с оглядкой, или быстро и решительно?

Видные царские сановники В.К. Плеве и К.П. Победоносцев считали, что капитализм в России нужно внедрять так, чтобы он вписался в систему традиционных духовных ценностей русского народа. В.К. Плеве утверждал: «Россия имеет свою отдельную историю и специальный строй».

С другой стороны, министр финансов (с 1892) С.Ю. Витте настаивал на необходимости и возможности быстрого превращения России в индустриальную страну, — чтобы преодолеть экономическое отставание от стран Запада и завоевать прочные позиции на рынках Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Однако быстрое внедрение капитализма по западному образцу требовало не менее быстрого слома духовных традиций народа.

Традиции русской жизни формировались в течение веков, и они отторгали стяжательство, индивидуализм, «голый» практически расчёт — и вы вскоре увидите, что для этого были вполне конкретные экономические основания. На Западе протестантская этика, наоборот, провозглашала критериями истинности личный успех и богатство, а православным россиянам такой подход был чужд; если коротко, суть противостояния русской традиции и западной этики — в соотношении общинного и индивидуального в сознании народа.

Развитие капитализма пошло по планам С.Ю. Витте, и его реформы разрушили устойчивость всей системы. А ведь мы знаем уже (на примере быстрых и непоследовательных реформ Александра II),

что если начать выкатывать социальную систему из стабильного состояния в нестабильное, то система начнёт сопротивляться.

Что и произошло.

Так посмотрим же на суть реформ и на их результаты.

Для решения основной задачи — быстрого превращения России в индустриальную страну, С.Ю. Витте предложил применить сразу все тактические средства и методы, известные тогдашней экономической науке. Среди них: жёсткая регламентация сверху, и одновременно полная свобода частной инициативы; протекционизм (таможенное ограждение русской промышленности от иностранной конкуренции), и привлечение иностранных капиталов; поощрение русского экспорта, и накопление внутренних ресурсов с помощью казённой винной монополии и усиления косвенного налогообложения.

Результатом стала первая русская революция 1905—1907 годов.

Наиболее удачным делом С.Ю. Витте можно считать постройку Транссибирской магистрали.

Мысль о соединении Европейской России и Сибири удобным транспортным путём высказывалась задолго до него. Большинство проектов предусматривало строительство не сплошного пути, а отдельных дорог, которые связали бы между собой различные местности Сибири. Предлагалось построить шоссе, конно-рельсовый путь, узкоколейную железную дорогу и т.п. Выдвигались также альтернативные варианты: например, канал между Обью и Енисеем и расчистка русла Ангары от порогов могли бы обеспечить сплошной водный путь по Сибири. В этом случае надо было проложить всего 18 вёрст железной дороги на перевале через Яблоновый хребет.

И.А. Вышнеградский, предшественник С.Ю. Витте на посту министра финансов, стоял на том, что строительство железнодорожного пути протяжённостью в несколько тысяч вёрст будет разорительным для казны. Когда было принято решение о Транссибирской магистрали, он не советовал объявлять об этом публично, чтобы не вызвать падения курса государственных бумаг.

Но Витте считал иначе. В записке, составленной в 1892 году, он признавал, что в ближайшие десятилетия вряд ли удастся вернуть средства, затраченные на строительство. Однако сплошная через всю Сибирь железная дорога — предприятие государственное в широком смысле слова, и с этой точки зрения сооружение Сибирской магистрали не только имеет полное оправдание, но должно быть признано задачей первостепенного значения.

Если даже не учитывать отдалённые местности, отмечал Витте, а считать, что экономическое оживление коснётся только

стовёрстной полосы по обе стороны дороги, то и в этом случае в хозяйственный оборот будут вовлечены территории, равные по площади Австро-Венгрии, Бельгии, Германии, Голландии и Дании, вместе взятых. Появление дороги вызовет спрос на продукцию металлургических и металлообрабатывающих заводов; по рельсам можно доставлять тяжёлые механизмы на золотые прииски, быстро и дёшево вывозить местные товары. По замыслу Витте, железнодорожная магистраль должна была превратиться в становой хребет сибирской промышленности.

Одновременно с укладкой рельсов Витте проектировал заложить десятки промышленных предприятий вблизи узловых станций.

Но главная мысль, которую он неустанно подчёркивал: Транссибирская магистраль откроет Европе ворота на Азиатский Восток, и Россия, стоя на страже у этих ворот, воспользуется всеми преимуществами посредника. Именно по этой причине Витте называл строительство дороги событием, каким начинаются новые эпохи в истории народов, и которые вызывают нередко коренной переворот установившихся экономических отношений между государствами.

Надо заметить, что относительно этого последнего тезиса его справедливо критиковали те, что считал, что дорога должна служить освоению территории России, а не допуску чужих товаров в страну. К сожалению, не понимая особенностей России, министр финансов и все остальные реформы проводил в пользу западного производителя.

По неполным подсчётам, возведение дороги обошлось России почти в миллиард рублей. Смета была чудовищно превышена. Конечно, часть перерасхода можно отнести на недобросовестность подрядчиков и махинации вокруг заказов. Однако даже самые непримиримые критики не могли поставить эти злоупотребления в один ряд с Панамским скандалом, который разразился как раз в это самое время. Вопреки стойкой репутации российских чиновников как сплошных взяточников, Комитету Сибирской дороги удалось свести хищения до минимума: потери от различного рода злоупотреблений составили чуть более 4 млн. рублей. Основная же причина гигантского перерасхода сметы была вызвана тем, что предварительное обследование трассы было проведено небрежно, и строители дороги сразу столкнулись с непредвиденными трудностями. Впрочем, в случае более тщательных изысканий правительство, наверное, вообще не решилось бы начать строительство.

Но если Транссибирская магистраль — несомненное достижение Витте, — хотя кое в чём проявившееся вопреки его идеям,

— то введение в России золотого денежного обращения стало наиболее спорным его деянием.

По Указу от 29 августа 1897 года в России была установлена денежная система в золоте, по которой:

«Государственные кредитные билеты выпускаются Государственным Банком в размере строго ограниченном настоятельными потребностями денежного обращения, под обеспечение золотом; сумма золота, обеспечивающего билеты, должна быть не менее половины общей суммы выпущенных в обращение кредитных билетов, когда последняя не превышает 600 миллионов рублей. Кредитные билеты, находящиеся в обращении свыше 600 миллионов рублей, должны быть обеспечены золотом, по крайней мере, рубль за рубль, так, что каждым 15 рублям в кредитных билетах, соответствовало обеспечение золотом на сумму не менее одного империала».

Первый «прокол» произошёл, когда при переходе на золото Россия перевела на новый золотой рубль и все свои прежние долговые обязательства, заключённые в серебряных рублях. Один только наш государственный долг по внутренним займам, перешедший большей частью в руки заграничных банкиров, составлял в 1897 году 3 млрд. рублей, — в весе слитков серебра это 70312 тонн. Переводя же этот трёхмиллиардный долг на новый золотой рубль без оговорки, его вес в серебре увеличили на 25 304 тонны.

Казалось бы, правительство имело полное нравственное право при переходе на новую валюту учесть изменение стоимости рубля в серебре. Владельцам обязательств, — банкирам, это было бы не выгодно, но было бы выгодно стране! Но этого не сделали, и с введением золотой валюты Россия увеличила всю свою прежнюю задолженность без малого на 50 %. На те же 50 % произошло и увеличение ежегодного платежа процентов по этой задолженности.

Но это ещё не всё! Россия немедленно, — и не в первый раз, — столкнулась с недостатком драгоценного металла. У нас ежегодно добывалось золота на сумму от 40 до 46 миллионов рублей. Это очень мало, при более чем миллиардном бюджете страны. Был и другой источник его пополнения — внешняя торговля. За пятилетие 1897—1901 годов Россия имела положительный торговый платёжный баланс, за исключением лишь 1899 года. Но за счёт уплаты процентов по заграничным займам, уплаты процентов на иностранные капиталы, вложенные в промышленные предприятия, и с учётом сумм, расходуемых гражданами, а также военным и морским ведомствами за границей, общий баланс за пятилетие составил миллиард с четвертью рублей не в пользу России.

Сторонники реформы говорят, что переход на золотой рубль привлёк в Россию иностранные капиталы. Это правда, но лишь наполовину. Иностранных капиталов, вложенных в российские предприятия, к 1 января 1902 года было чуть больше, чем на миллиард рублей. Но и доходы с этих капиталов вывозили из страны тоже в золоте, и такой ввоз скорее уменьшал золото в стране, а не увеличивал.

По данным А.Д. Нечволодова, за двадцать лет Россия уплатила процентов и срочного погашения на иностранные капиталы, вложенные в государственные и частнопромышленные бумаги, на сумму почти в 4,4 млрд. рублей. Если к этому добавить расходы русских за границей, составившие за те же 20 лет 1,370 млрд. рублей, то окажется, что Россия за период с 1882 до 1901 год перевела на Запад без малого 6 миллиардов рублей, и не абы в чём, а в золоте!

Как же это было возможно? А только через полное разорение значительной части сельского населения страны.

***1898**, **1-2 марта**. — Съезд Российской социал-демократической рабочей партии (далее — РСДРП).*

***1898**, **март**. — Русско-китайский Договор об аренде Ляодунского полуострова и города Люйшунь (Порт-Артур). Положение о государственном промысловом налоге, открывшее возможность для занятия предпринимательской деятельностью любому человеку и лишившее прежней значимости принадлежность к купеческой гильдии.*

***1899**, **февраль**. — Всероссийская студенческая забастовка. Начало международного экономического кризиса.*

***1900**, **ноябрь**. — Образование консервативно-монархической организации «Русское собрание».*

Ограниченность количества денежных знаков в стране всегда влияет на её экономическое развитие. Так, на 1 января 1899 года, денежных знаков в России было всего по 10 рублей на каждого жителя. В том же году в остальных государствах денежных знаков на каждого жителя приходилось (в пересчёте на франки):

В России (10 руб.)	25 франков
в Австрии	50 франков
в Италии	51 франк
в Германии	112 франков
в США	115 франков
в Англии	136 франков
во Франции	218 франков

В провинциях, при казначействах и отделениях Государственного Банка с 1884 года, при учреждениях почтово-телеграфного ведомства, фабриках и заводах с 1889-го, а при станциях железных дорог с 1900 года были созданы государственные сберегательные кассы. Сохранившиеся документы этих учреждений позволяют сделать вывод, что сбережения нашего населения были минимальными, по сравнению с другими странами. В России в 1908 году на одного жителя приходилось 9 руб. 84 коп. вкладов, а во Франции (в пересчёте) 45 руб., в Австрии 67 руб., в Германии 87 руб., в Дании 158 руб.

Провинциям открытие правительственных сберкасс не только не принесло пользы, но напротив, усилило их безденежье и ухудшило условия кредита; из провинциальных касс народные сбережения пересылались в центральное казначейство и здесь тратились финансовым ведомством не на местные, а на общегосударственные потребности, а именно на покрытие золотой задолженности.

В конечном итоге разрекламированное как большой успех привлечение иностранного капитала свелось к тому, что произошёл временный прилив золота в нашу страну, а затем в течение длинного ряда лет было высосано из России, в виде дивидендов на затраченный капитал, значительно больше золота.

Но что дало это «изобилие» инвестиций нашей экономике?

С начала 1880-х и до начала 1890-х годов, за несколько лет до денежных реформ Витте, создание новых капиталов шло медленно, но довольно равномерно. В среднем ежегодно возникало новых промышленных паевых и акционерных предприятий на сумму 37,5 млн. рублей. С 1893 года капиталисты усилили помещение денег в предприятия. В следующие шесть лет из-за введения золотого рубля ежегодный прирост капиталов сразу поднялся до 322 млн., прежде всего за счёт роста иностранных инвестиций; суммарно же за 1893—1903 годы из полутора миллиардов рублей, вложенных в промышленность, до девятисот миллионов принадлежало иностранцам.

Привлечь инвестиции удалось, но быстрый рост промышленности совсем не вызвал роста благосостояния населения, и в результате увеличение производства не было покрыто ростом спроса и потребления, а кое-как держалось на казённых заказах и субсидиях (преимущественно по железнодорожному строительству).

Безнаказанно такое мнимое процветание капитализма пройти не могло: быстро обнаружились признаки промышленного кризиса, который и разразился в 1899 году. Миллиард ценностей,

котировавшихся на бирже, сразу упал до 611 млн., — капиталисты потеряли 40 % своего капитала. Правительство пыталось поддержать биржу и промышленные предприятия, затратив на эту поддержку до 170 млн. рублей, что только затянуло кризис на четыре года и помешало сразу переоценить предприятия по их действительной, а не дутой доходности.

После этого краха новых предприятий возникало ежегодно всего на 40 млн., то есть почти на столько же, что и до феерического расцвета промышленности в 1890-х годах. Но эти крахи надежд, разумеется, подстегнули общественную активность народа.

***1902**, **январь**. — Образование партии социалистов-революционеров (эсеров).*

***1902**, **2 апрель**. — Убийство министра внутренних дел С.Д. Сипягина. Назначение новым министром внутренних дел В.К. фон Плеве.*

***1902**, **июнь**. — Начало издания за границей журнала либеральной оппозиции «Освобождение».*

***1902**, **сентябрь**. — Создание охранных пунктов, переименованных позднее в охранные отделения.*

***1904**, **январь**. — Учредительный съезд нелегальной организации либеральной оппозиции «Союз Освобождения». **27 января**. — Начало русско-японской войны. **15 июля**. — Убийство министра внутренних дел В.К. фон Плеве; новым министром назначен князь П.Д. Святополк-Мирской. Начало «либеральной весны»; отмена телесных наказаний для крестьян, солдат, матросов и других категорий населения. **Осень**. — Конференция революционных и оппозиционных партий в Париже, решение об объединении сил в борьбе против самодержавия.*

В 1904 году потребовались деньги на войну с Японией, и наши военные неудачи и внутренние неурядицы совершенно расшатали кредит. В бюджете немедленно появился дефицит. Пришлось устранять недостачи в расчётном балансе ежегодными невыгодными внешними займами, которые в основном так и оставались в карманах заграничных поставщиков и комиссионеров.

Наконец, стало ясным, что единственный путь для укрепления финансов — *в усилении производительных сил населения*, без которых нельзя повысить и его покупную и платежную силу. Но было поздно: население качнулось к революции, — свержению власти.

Не оправдалась также политика С.Ю. Витте по завоеванию новых рынков и расширению старых.

Главным предметом экспорта России были продукты сельского хозяйства, прежде всего хлеб, и естественные богатства в

сыром или полуобработанном виде: лес, нефть, металлы и прочее. Мануфактурный же товар Россия вывозила всего на сумму в 20 млн. рублей в год из-за жёсткой конкуренции с промышленностью Англии, Германии, Франции и Соединённых Штатов.

С введением золотого рубля русская торговля увеличила обороты, но подавляющая часть вывоза всё равно состояла из сырья, а хлеб составлял более половины всей суммы. Русская железнодорожная сеть быстро достигла значительных размеров, но, во первых, из каждого рубля, затраченного на железные дороги, частные предприниматели внесли только 8 коп., а остальные 92 коп. доплатило правительство; а во-вторых, главный доход железным дорогам давали опять-таки хлебные грузы и сельские рабочие.

Короче говоря, обращение капиталов в стране значительно усилилось, но бульшая часть этих капиталов употреблялась для того, чтобы обернуться с русским урожаем. Каждую осень деньги уходили из банков в провинцию, и потребность в денежных знаках усиливалась настолько, что правительству приходилось каждый год делать чрезвычайную эмиссию бумажных денег. А эти деньги, купив и продав хлеб, снова обрушивались в правительственные и частные кассы.

Попытки найти новый рынок в Китае и решить через это все проблемы привели к миллиардным затратам; покрыть их оказалось возможным только взятием в долг под золото. Причём постройка города Дальнего, вместе с сооружением Восточно-Китайской железной дороги, привели к полной гибели и без того незначительной российской торговли, существовавшей по границе с Северо-восточным Китаем, так как само русское правительство своими действиями открыло удобный доступ в него с моря иностранным товарам.

17 мая 1906 года вступил в силу в высшей степени неблагоприятный договор с Германией, по которому главные предметы российского вывоза были обложены большими дополнительными пошлинами: на пуд ржи лишних 10 копеек, на пуд пшеницы 13 копеек, и на пуд овса лишних 18 копеек. Это ещё больше затруднило конкуренцию России с Новым Светом; а дальше так и шло — каждая победа на внешнем рынке давалась через всё большее и большее разорение у себя дома.

В целом можно сказать, что иностранные капиталы и в самом деле выполняли миссию, ожидавшуюся Витте: модернизировали российскую промышленность. Но факт их господства вызывал неоднозначные оценки.

Во-первых, он показал неспособность российских промышленников эффективно использовать достижения российских же

естествоиспытателей и изобретателей. Например, электротехника и химия были едва ли не витриной мировых достижений русской научно-технической мысли: достаточно вспомнить синтез анилина Н.Н. Зининым или «русский свет» на Всемирной выставке в Париже в 1878 году. Имена электротехников Лодыгина, Яблочкова, Лачинова, Шпаковского, Чиколева и других, или химиков Бутлерова, Коновалова, Кучерова, Каблукова, — даже не говоря о Менделееве, — были на слуху. Но электрическая и химическая промышленность России своим существованием были почти целиком обязаны германскому капиталу.

Во-вторых, хотя в большинстве случаев капиталы в Россию ввозили не в целях развития добывающих отраслей для снабжения сырьём стран-инвесторов, прецеденты добычи грузинской марганцевой руды и алтайской платины исключительно на вывоз в Германию были достаточно тревожны: Россию превращали в сырьевой придаток.

С началом Первой мировой войны стала очевидной экономическая зависимость от главного противника — Германии, на долю которой приходилось более половины всего импорта и почти половина всего экспорта России в 1913 году. А в машиностроении Россия зависела не только от Германии, но и — в производстве простого оборудования для текстильной промышленности, от Англии (сложные машины по-прежнему ввозились из Англии). Особенно неблагоприятная ситуация сложилась в России в сельскохозяйственном машиностроении: первые предприятия этой отрасли (завод в подмосковных Люберцах) стали возникать на американские капиталы лишь накануне войны.

Итак, открывшись мировому рынку и сделав свою валюту удобной для вывоза, Россия проиграла.

В августе 1903 Витте был назначен председателем Комитета министров, а с октября 1905 по апрель 1906 возглавил Совет Министров.

Он был инициатором посылки карательных экспедиций в Сибирь, Прибалтику, Польшу; им были направлены войска из Петербурга для подавления Московского вооружённого восстания. А ведь все события, потребовавшие силового подавления со стороны государства, были вызваны реформами самого Витте!

Наконец, он подал в отставку, которая была принята 16 апреля 1906 года. Его отставка не привела к пересмотру основ политики самодержавия в области промышленности. Русско-японская война и революция 1905—1907 годов расстроили государственные финансы, и, конечно, правительство вынуждено было корректировать тот курс, который осуществлял в свое время С.Ю. Витте, — никакие

попытки выправить положение, в том числе и реформы П.А. Столыпина, уже не дали ничего хорошего.

Русско-японская война

Рывок в наших русских горках, начавшийся при Петре I в начале XVIII века, уже в конце того же века скатился к стагнации. Павел I попытался исправить положение, и всё же, несмотря на явное наличие «малого» рывка в связи с нашествием войск Наполеона, в первой четверти XIX века стагнация перешла в стадию кризиса. Этот кризис тянулся затем без малого сто лет; для него был характерен рост доли государственной задолженности и трат на аппарат управления. Доля в государственном бюджете военных расходов, несмотря на огромное их увеличение в абсолютных цифрах, постепенно уменьшалась.

Правда, от Петра и до 1917 года не было почти ни одной войны, расход на которую можно было бы покрыть из одних лишь текущих государственных доходов. Всегда приходилось изыскивать для покрытия чрезвычайных военных издержек какие-нибудь чрезвычайные средства. Европейские правительства с давних пор прибегали в таких случаях к займам. Во время Петра I Англия вошла в такие долги, что одни проценты по ним равнялись всему расходу на войско и флот; долг Австрии в средине XVIII века был больше её годового дохода в 3 раза; долг Франции превышал её годовые доходы аж в 18 раз. Россия, при всем желании, не могла занимать, так как никто ей в долг не верил. Даже после Петра, при Елизавете, попытка сделать заём у иностранцев кончилась совершенной неудачей. Оставалось прибегнуть к принудительному внутреннему кредиту в известной уже нам форме — порчи денег или замены их кредитными знаками.

Поэтому-то, как только при Екатерине II достигли получения иностранного кредита, русское правительство тотчас же перешло к системе займов. Займами покрыты были издержки на войны императоров Николая I и Александра II; посредством займов правительство не раз старалось выкупить и кредитный бумажки, с помощью которых покрывались издержки прежних войн; — так внутренний беспроцентный долг правительства перед страной превращался во внешний процентный долг с постепенным погашением.

К сожалению, в момент получения денег, занятых на погашение внутреннего долга, всегда оказывалась налицо какая-нибудь

очередная, ещё более настоятельная, нежели расплата со своим населением, государственная нужда. Деньги, полученные для выкупа бумажек и погашения старых долгов, употреблялись на иные потребности, или выкупленные уже бумажки не уничтожались, как было предположено, а снова пускались в оборот. Одним словом, прямая цель государственных займов большей частью оказывалась не достигнутой.

Но для нас тут важно, что, прямо или косвенно, русские государственный долг был сделан или употреблён почти исключительно на покрытие военных расходов и на уплату занятых ради этих расходов денег. Исключение составляют только займы на выкуп крестьянских повинностей при освобождении от крепостного права (незначительные) и займы на постройку железных дорог. Однако последние, во-первых, тоже можно провести по военному ведомству, поскольку железнодорожный транспорт армия использовала вовсю, а во-вторых, ещё в 1886 году железнодорожные займы составляли лишь 28 % всего государственного долга. Правда, к концу XIX века займы на железнодорожные надобности выросли, и составляли в 1902-м 47 % госдолга.

На Японскую войну правительство задолжало, по займам 1904-1907 годов, 2,6 млрд. исключительно на военный нужды, и в 1909 году государственный долг уже составил 9 млрд. с лишком, почти вчетверо превышая ежегодный доход государства. Затраты на обслуживание долгов того года составляли 16 % госбюджета страны, но есть и такие данные, что — 23 %.

И всё оттого, что потребность в военной силе была с самого начала и осталась до нашего времени главнейшей потребностью государства.

Но ведь даже армия не поддерживалась в достойном состоянии! Мы говорили уже, что, живя, «как все», Россия отстаёт от «всех». Она и отставала, да так, что отстала и от Японии.

В конце XIX — начале XX века противоречия между ведущими державами, завершившими к этому времени в основном территориальный раздел мира, обострились. Всё более ощутимым становилось присутствие на международной арене «новых», бурно развивающихся стран — Германии, Японии, США, целеустремлённо добивавшихся передела колоний и сфер влияния. Россия в этом разделе не участвовала: единственную территорию, которую можно было бы с некоторой натяжкой назвать её колонией — Аляску, она уступила Америке.

А в мировом соперничестве великих держав на первый план постепенно выдвигался англо-германский антагонизм. В этой

сложной, насыщенной международными кризисами обстановке и действовала на рубеже веков российская дипломатия.

Задолго до этого, в 1633, 1636 и 1639 годах в Японии последовало три указа о «закрытии страны» (под страхом смерти запрещены въезд иностранцев, выезд японцев за границу и строительство больших судов). С 1641 года ограниченная торговля с Китаем и Голландией была разрешена лишь в порту Нагасаки. Только под военным давлением США и европейских государств Япония отказалось от этой политики. Послав эскадру М. Перри, США добились в 1854-м открытия портов Симода и Хакодате для иностранных кораблей, и затем договоры, заключённые США и европейскими державами с Японией в 1854—1858, включали её в мировой рынок. В 1855-м был заключён первый русско-японский договор, положивший начало официальным межгосударственным отношениям между Японией и Россией.

Национальная торгово-промышленная буржуазия Японии требовала перемен. Старая феодальная система была в глубоком кризисе. Народ и элиту раздирали противоречия. Всё это, — да и просто необходимость укрепления экономической мощи в противостоянии колониальной политике США и европейских держав, — толкнуло Японию к проведению политических и социальных преобразований.

В 1881 году император издал указ с обещанием созвать парламент в 1890-м. В 1889 году была опубликована конституция, составленная по прусскому образцу и наделявшая императора исключительно широкими правами. Вскоре, — в июне 1894-го, под предлогом подавления вспыхнувшего в Корее крестьянского восстания Япония направила свои войска в Корею и развязала японо-китайскую войну. Фактически при поддержке Великобритании и США Япония в результате войны приобрела первые свои колонии: Тайвань, Ляодунский полуостров и острова Пэнхуледао, получила большую контрибуцию, значительно расширила своё влияние в Китае и Корее.

Францию и Германию усиление Японии, союзницы англичан и американцев, не радовало. И они мягко направляли Россию на противодействие ей. Россия вынудила Японию отказаться от Ляодунского полуострова, как части китайской территории. В 1896 году заключила с Китаем договор об оборонительном союзе против Японии. Китай предоставил России концессию на сооружение железной дороги от Читы до Владивостока через Манчжурию, что соответствовало линии С.Ю. Витте на захват внешних рынков для развивающейся отечественной промышленности. На самом деле эта

политика вела к конфликту с Японией; надо было строить дорогу севернее, для развития собственных территорий.

Русская дипломатия вынудила Японию (в 1896) согласиться с установлением совместного русско-японского протектората над Кореей при фактическом преобладании России, хотя до этого Япония владычествовала там, как хотела. Эти победы наших дипломатов, естественно, раздражали власти Японии, Англии и США. Они-то хотели сами «скушать» этот рынок…

Подталкиваемая Германией и следуя её примеру, Россия захватила Порт-Артур и в 1898 году получила его от Китая в аренду вместе с некоторыми частями Ляодунского полуострова для устройства военно-морской базы. Однако захват Порт-Артура подорвал влияние русской дипломатии в Пекине, и вообще ослабил позиции России на Дальнем Востоке, вынудив, в частности, царское правительство пойти на уступки Японии в корейском вопросе. Новое русско-японское соглашение от 1898 года фактически разрешало захват Кореи японским капиталом.

В 1899 году в Китае началось мощное народное восстание («боксёрское восстание»), направленное против беззастенчиво хозяйничавших в государстве иностранцев; Россия совместно с другими державами приняла участие в подавлении этого движения, и в ходе военных действий оккупировала Манчжурию. Япония, при поддержке Англией и США, желала вытеснить Россию из Манчжурии.

Считается, что в правящих кругах России не было единства по дальневосточной проблеме. С.Ю. Витте с его программой экономической экспансии (которая всё равно сталкивала Россию с Японией) противостояли политики, выступавшие за прямые военные захваты. Их взгляды разделял и Николай II, уволивший Витте с поста министра финансов. Кое-кто из правящих лиц рассматривал успех в войне с Японией как средство преодоления внутриполитического кризиса.

24 января 1904 года японцы объявили о разрыве дипломатических отношении, а вечером 26 января японский флот атаковал порт-артурскую эскадру. Так началась русско-японская война.

Соотношение сил на театре военных действий складывалось не в пользу России. Трудно было сосредоточивать войска на отдалённой окраине империи; военное и военно-морское ведомства отличались неповоротливостью, грубыми просчётами в оценке возможностей противника. С самого начала войны русская Тихоокеанская эскадра понесла серьёзные потери. Тяжёлым ударом для России стала гибель командующего Тихоокеанской эскадрой, выдающегося флотоводца С.О. Макарова. Японцам удалось завоевать

господство на море, высадить крупные силы на континенте и развернуть наступление на Порт-Артур и на русские войска в Манчжурии.

Командующий армией генерал А.Н. Куропаткин действовал крайне нерешительно.

В феврале 1905 года произошло Мукденское сражение, в котором русская армия потерпела тяжёлое поражение, и после этого война на суше начала затихать. 14-15 мая 1905 года японский флот уничтожил в Цусимском сражении русскую эскадру, переброшенную на Дальний Восток с Балтики. Эта трагедия решила исход войны. Россия не могла больше продолжать борьбу; крайне истощена войной была и Япония. В мае 1905 года она обратилась к США с просьбой о посредничестве, и 27 июля в Портсмуте (США) при посредничестве американцев начались мирные переговоры. Россия уступила Японии южную часть Сахалина, свои арендные права на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу, соединявшую Порт-Артур с Китайско-Восточной железной дорогой. В итоге вместо развития собственной территории получили кровопролитную войну и потеряли часть дороги, «завернувшей» не туда. И это типичный пример неправильно поставленной задачи в управлении государством.

Во время войны с Японией практически погиб весь наш флот. Финансы оказались в тяжёлом состоянии. Всё это, равно как и серьёзнейшие внутриполитические проблемы, возникшие перед властью во время революции и после её подавления, вынуждало дипломатию к проведению такого курса, который позволил бы стране избегать участия в международных конфликтах.

И как раз во время войны Германия, которая уже превзошла Англию по экономической мощи, а германские товары теснили английские на внешних рынках, навязала России крайне невыгодный Торговый договор 1904 года. Одновременно русско-австрийские интересы столкнулись на Балканах. Россия опять оказалась орудием в руках иностранцев, добивавшихся своих целей в ущерб нашим.

В 1907 году Россия и Япония подписали соглашение по политическим вопросам. Стороны договорились поддерживать «статус кво»; Северная Манчжурия и Внешняя Монголия признавались сферой влияния России, а Южная Манчжурия и Корея — Японии.

В том же 1907 году были заключены русско-английские конвенции о Персии, Афганистане и Тибете. Персия делилась на три зоны: северную (русская сфера влияния), юго-восточную (английская сфера влияния) и центральную (нейтральную). Афганистан признавался сферой влияния Англии. По поводу Тибета стороны взяли на себя

обязательство соблюдать его территориальную целостность и сноситься с тибетскими властями только через китайское правительство. В дальнейшем эти соглашения, смягчив русско-английское соперничество в Азии, оказались важными в процессе формирования антигерманской коалиции.

Раскрестьянивание

Надежды верхов укрепить свои позиции с помощью «маленькой победоносной войны» с Японией не оправдались. Неудачный ход боевых действий окончательно дискредитировал существующий строй; революция 1905—1907 годов стала её итогом.

Началом этой революции стали события 9 января 1905 года, так называемое «Кровавое воскресенье» — расстрел в Петербурге мирной рабочей демонстрации, инициатором которой было «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга», действовавшее под руководством священника Г. Гапона. Весной и летом события только нарастали.

***1905, март-май**. — Возникновение профессиональных союзов. Указ о свободе вероисповедания. **22 апреля**. — Первый легальный Земский съезд в Москве. Май. — Создание объединения профессиональных союзов — Союза союзов. **Июнь**. — Восстание на броненосце «Князь Потёмкин Таврический». **31 июля — 1 августа**. — Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза в Москве.*

6 августа был издан Манифест Николая II о созыве представительного органа — Государственной думы. Она получала совещательные права, — власть императора оставалась неограниченной.

***1905, 6 августа**. — Издание Положения о Государственной думе и Закона о выборах в нее. **27 августа**. — 5-й Университетский устав, восстановивший университетскую автономию. 7 октября. — Начало всеобщей политической стачки. **12-18 октября**. — Учредительный съезд партии народной свободы (конституционно-демократической). **13 октября**. — Возникновение Петербургского Совета рабочих депутатов (первый председатель — М.С. Зборовский, второй — Г.С. Носарь-Хрусталёв, третий — Л.Д. Бронштейн-Троцкий, четвёртый — А.Л. Гельфанд-Парвус). **17 октября**. — Дарование России Конституции. **19 октября**. — Преобразование Совета министров, назначение С.Ю. Витте премьер-министром.*

17 октября 1905 года Николай II подписал после долгих колебаний Манифест, составленный в духе программы С.Ю. Витте. Этот акт обещал даровать населению демократические свободы, предоставить Думе законодательные права, расширить круг лиц, имевших возможность участвовать в выборах депутатов. 19 октября 1905 года именным указом был реорганизован существующий ещё с 1857-го, но крайне редко собиравшийся Совет министров. Он превратился в постоянно действующее высшее учреждение — правительство Российской империи. Руководство им было возложено на особое должностное лицо, председателя Совета министров, как главу правительства.

В целях успокоения недовольных крестьян 3 ноября был опубликован Манифест, которым с 1 января 1906 года выкупные платежи с бывших крепостных сокращались наполовину, а с 1 января 1907-го прекращались вообще. Этим должна была закончиться, наконец, реформа 1861 года. В самом деле, выросло два новых поколения, а со следами крепостничества до сих пор не покончено!

***1905, 6 ноября**. — Возникновение организации «Союз русского народа». **10 ноября**. — Возникновение партии «Союз 17 октября» (октябристов). **11-16 ноября**. — Вооружённое восстание в Севастополе.*

***1905, 2 декабря**. — Публикация Финансового манифеста Петербургского Совета рабочих депутатов и Всероссийского крестьянского союза с призывом не платить налоги, изымать свои вклады из Государственного банка и требовать обмена кредитных билетов на золото. **3 декабря**. — Арест Петербургского Совета рабочих депутатов. **7 декабря**. — Начало новой всеобщей политической стачки, которая во многих городах стала перерастать в вооружённые столкновения. **11 декабря**. — Новый Избирательный закон о выборах в Государственную думу. **9-19 декабря**. — Баррикадные бои в Москве.*

***1906, 20 февраля**. — Реформа Государственной думы и Госсовета, наделение их законодательными правами. **4 марта**. — Утверждение Временных правил об обществах и союзах. Временные правила о собраниях. **Апрель**. — Отставка правительства С.Ю. Витте. Назначение премьер-министром И.Л. Горемыкина. Новая редакция Основных законов Российской империи, ставшая первой российской Конституции. Открытие Первой Государственной думы и реформированного Государственного совета. **Май**. — Образование Организации объединенного дворянства во главе с графом А.А. Бобринским. **Июль**. — Отставка И.Л. Горемыкина с поста премьера, назначение на этот пост министра внутренних дел П.А. Столыпина.*

В начале июля 1906 года царь распустил только что созданную Думу. Отчего же? А оттого, что большинство депутатов требовало признания земли общенародной собственностью и отмены частного землевладения помещиков. Такой вариант правительство не устраивал; как мы знаем из дальнейшего, оно решило, наоборот, распространить право землевладения на крестьян.

***1906, 10 июля**. — Выборгское воззвание 182 членов Государственной думы с призывом населения к пассивному сопротивлению (не платить налоги и не идти на военную службу) до тех пор, пока не будет созвана новая Государственная дума. По сути, они повторили призыв Петербургского Совета рабочих депутатов и Всероссийского крестьянского союза полугодовой давности. Поддержки народа они не получили, зато начались аресты и судебные репрессии по отношению к депутатам, протестовавшим против правительственного произвола. **Июль**. — Восстания в Свеаборге и Кронштадте.*

Назначенный главой правительства П.А. Столыпин (1862—1911), который до этого был министром внутренних дел, предложил широкую программу преобразований (в августе 1906) и закон о введении военно-полевых судов против революционеров. Что он был за человек, Пётр Столыпин? Его наивные представления о родной стране, презрение к существовавшему в ней много столетий хозяйству и буквально восторг перед Западной Европой ясно видны из той записки, которую он летом 1906 года направил Николаю II:

«*У нас нет прочно сложившегося мелкого землевладения, которое является на Западе опорой общественности и имущественного консерватизма; крестьянство в большинстве не знает ещё частной собственности на землю и, освоившись в условиях своего быта с переделом общинной земли, весьма восприимчиво к мысли о распространении этого начала и на частное землевладение. Нет у нас и тех консервативных общественных сил, которые имеют такое значение в Западной Европе и оказывают там свое могучее влияние на массы, которые, например, в католических частях Германии сковывают в одну тесную политическую партию самые разнообразные по политическим интересам разряды населения: и крестьян, и рабочих, и крупных землевладельцев, и представителей промышленности; у нас нет ни прочной и влиятельной на местах аристократии, как в Англии, ни многочисленной зажиточной буржуазии, столь упорно отстаивающей свои имущественные интересы во Франции и Германии.*

При таких данных в России открывается широкий простор проявлению социальных стремлений, не встречающих того

отпора, который даёт им прочно сложившийся строй на Западе, и не без основания представители международного социализма рассматривают иногда Россию как страну, совмещающую наиболее благоприятные условия для проведения в умы и жизнь их учений».

Что же касается использования военно-полевых судов против участников возникавших то тут, то там вооруженных выступлений рабочих, солдат и матросов, — вину за создание которых часто возлагают на Столыпина, — то указание об этом дал лично император ещё до роспуска I Госдумы. Столыпин просто оформил это указание, и провёл его в жизнь.

***1906, ноябрь**. — Начало аграрной реформы П.А. Столыпина. Создание народно-социалистической партии. Закон об ограничении рабочего дня 10 часами.*

20 февраля 1907 года начала свою работу II Государственная дума, но уже 3 июня того же года она была распущена, и издан новый избирательный закон, резко перераспределявший голоса избирателей в пользу помещиков и крупной буржуазии. Осенью собралась III Дума, — понятно, кто попал в неё, благодаря новому закону о выборах, и не менее понятно, почему большинство Думы поддержало реформы, предложенные Столыпиным. И кстати понятно, почему этого деятеля воспевали наши новые реформаторы в конце XX века.

Но прежде чем рассмотреть (в следующей главе) его реформы, углубимся в историю.

После 1861 года экономическое состояние русского крестьянина сильно ухудшилось. В 1900-м он в целом был беднее, чем в 1800-м. Вторая половина XIX века обернулась для сельского населения, особенно в чернозёмной зоне, полосой всё большего упадка и уныния.

Прежде всего, добавление выкупных платежей к обычным податям легло на бывших крепостных совершенно невыносимым бременем. Крестьянам было безумно трудно справиться с новой налоговой повинностью, особенно в тех районах, где барщина традиционно была главным способом расчёта, и где было мало возможностей заработать. Чтобы снять или прикупить ещё земли, они брали в долг, сначала у деревенского ростовщика под огромный процент, а затем, уже на лучших условиях, у Крестьянского Банка. Эта задолженность накладывалась на текущие платежи и увеличивала крестьянские недоимки.

В 1881-м правительство на четверть уменьшило сумму, причитавшуюся ему по условиям Положения от 19 февраля, но этой меры оказалось недостаточно. В 1907 году оно вообще отменило

выкупные платежи и аннулировало недоимки, но нанесённого ущерба было уже не поправить. Радикальные критики, утверждавшие, что землю надо было сразу передать крестьянам без выкупа, задним числом оказались правы, и не только в нравственном, но и в практическом смысле.

Суть здесь только в том, что наш крестьянин к моменту освобождения и так уже работал на грани сил. Даже сегодня фермер Запада и наш, имея одинаковую механическую вооружённость, окажутся в разных условиях: у первого сезон работ будет с февраля по декабрь, а у второго — с апреля до середины октября. Вечный дефицит рабочего времени в условиях российского земледелия и животноводства всегда требовал концентрации в относительно сжатые сроки большей массы рабочей силы, — а это означает неизбежность ведущей роли тех или иных форм крупного сельскохозяйственного производства.

Известнейший агроном и публицист, член организации «Земля и воля» А.Н. Энгельгардт писал в своих «Письмах из деревни»:

«Наш работник не может, как немец, работать ежедневно в течение года — он работает порывами. Это уже внутреннее его свойство, качество, сложившееся под влиянием тех условий, при которых у нас производятся полевые работы, которые вследствие климатических условий должны быть произведены в очень короткий срок. Понятно, что там, где зима коротка или её вовсе нет, где полевые работы идут чуть не круглый год, где нет таких быстрых перемен в погоде, характер работ совершенно иной, чем у нас, где часто только то и возьмешь, что урвёшь!.. Люди, которые говорят, что наш работник ленив, обыкновенно не вникают в эту особенность характера нашего работника... Крестьянин, работающий на себя в покос или жнитво, делает страшно много, но зато посмотрите, как он сбивается в это время — узнать человека нельзя».

Или вот ещё оттуда же:

«Говорят, у крестьян много праздников, а между тем это неправда... крестьяне празднуют все годовые праздники с тою только разницей, что на светлое воскресенье празднуют всего только три дня, а во многие другие праздники не работают только до обеда, то есть до двенадцати часов... Кроме того, по воскресеньям, в покос, даже в жнитво, крестьяне обыкновенно работают после обеда: гребут, возят и убирают сено, возят снопы, даже жнут. Только не пашут, не косят, не молотят по воскресеньям — нужно и отдохнуть, проработав шесть дней в неделю. Если всё сосчитать, то окажется, что у крестьян, у батраков в господских домах праздников вовсе не так уж много, а у так называемых должностных лиц — старост, гуменников, скотников,

конюхов, подойщиц и пр., вовсе нет, потому, что всем этим лицам и в церковь даже сходить некогда».

Даже в 1913 году 29,2 % крестьян были безлошадными и 30,3 % однолошадными и едва сводили концы с концами. Около половины крестьянских хозяйств ещё пахало сохой, а не плугом. В подавляющем большинстве случаев крестьяне продолжали сеять вручную, жать хлеб серпом и молотить его цепами. Любая механизация сельскохозяйственных работ автоматически делала значительную часть крестьян лишними и оставила бы их без работы и средств к существованию. Да и на какие капиталы всё это механизировать?!

Ряд официальных (!) исследований с несомненностью установил ужасающий факт крестьянского разорения за сорок лет, протёкших со времени освобождения крестьян. Размер надела за это время уменьшился в среднем до 54 % от прежнего (который тоже нельзя было считать достаточным). Урожайность уменьшилась до 94 %, а в неблагоприятной полосе даже до 62 %; сильно сократилось количество скота. Недоимки поднялись с 1871 года, в среднем, в пять раз, а в неблагоприятной полосе и в восемь, и в двадцать раз. Ровно во столько же раз увеличилось и бегство крестьян с насиженных мест в поисках заработка. Но цена на рабочие руки в среднем почти не поднялась, а в неблагоприятных местностях даже упала.

Одновременно падала цена вывозного хлеба, главного продукта производства и источника богатства населения. Падала так быстро, что количественный рост вывоза едва успевал за упадком его денежной ценности, чтоб хоть в общей сумме не потерять. В стране происходили периодические голодовки, что и не удивительно при нашей урожайности, — а Россия оставалась крупнейшим экспортёром хлеба, вывозя продовольствие не от избытка, а от недостатка средств на индустриализацию, потому что больше просто нечем было торговать.

«Продавая немцу нашу пшеницу, мы продаём кровь нашу», — писал А.Н. Энгельгардт. А министр финансов академик Вышнеградский говаривал: «недоедим, но вывезем». Вряд ли он лично недоедал. А вот крестьяне — да, недоедали, имея на питание 17-20 пудов хлеба в год, при норме в 25, и при крайнем недостатке в рационе мяса.

При введении всеобщей воинской повинности в 1873 году доля признанных негодными к военной службе не превышала 6 % призывников; до 1892 год этот показатель держался около 7 %. Но с 1892 года, когда начались финансово-экономические реформы, эта доля стала быстро повышаться. В 1901-м негодных к службе было уже 13 %, несмотря на то, что именно в это время требования, предъявляемые к новобранцам в отношении роста и объёма груди, были понижены.

Показательно, что смертность в российской деревне была выше, чем в городе, хотя в европейских странах наблюдалась обратная картина.

Повторим лишний раз: отмена крепостного права привела крестьянское хозяйство не к улучшению, а к ухудшению. А чтобы понять **суть эволюционных процессов**, углубимся в историю ещё дальше.

«Образцовая» для наших либералов Европа раньше нас прошла путь первоначального накопления капитала через превращение массы самостоятельных производителей (прежде всего крестьян) в наёмных рабочих, а средств производства и денежных богатств — в капитал. Если коротко, дело шло так: расширение товарно-денежных отношений усиливало разорение мелких товаропроизводителей, а появление мануфактуры вызывало увеличение спроса на рабочую силу, причём сначала и первый, и второй процессы решались насильственным путем, через экспроприацию крестьян и мелких ремесленников.

Раскрестьянивание, проходившее в целом ряде стран, как правило, было связано с большой кровью, — революцией и гражданской войной. Классическим примером стали огораживания пахотных наделов крестьян и общинных земель английскими лендлордами, особенно с конца XV века. В XVIII столетии английский парламент без всяких сомнений издал ряд законов, разрешавших крупным землевладельцам полностью присваивать общинные земли.

Массы людей были оторваны от привычных условий жизни, лишены не только прежнего хозяйства, но и крова. Быстро увеличивалась армия бродяг и нищих. А государства Западной Европы в этот период издавали законодательные акты, вводившие в практику жестокие наказания для тех, кто не имел дома и собирал милостыню без разрешения властей. Этих несчастных бичевали, клеймили, отдавали в рабство, при третьей поимке казнили. Парламентский «Акт о наказаниях бродяг и упорных нищих» 1597 дал окончательную формулировку закона о бедняках и бродягах, и действовал в таком виде до 1814 года! Только повешенных в период огораживания было более 70 тысяч человек. И это при том, что в XVII веке у Англии уже были колонии в Америке, и часть лишних людей можно было отправить туда!

К началу XIX века английское крестьянство исчезло как класс.

Аналогичные законы применялись и в других странах, вставших на путь капиталистического развития в XVI—XVIII веках (Нидерланды, Франция). Правда, «кровавые законы» не могли приостановить роста нищенства и бродяжничества, но позволяли

подавить сопротивление экспроприированных, превращали согнанных с земли крестьян в людей, готовых к наёмному труду на любых условиях.

В Европе процесс первичного накопления капитала шёл ускоренно, благодаря возможности выдаивать средства из колоний. Опираясь на поддержку своих государств, западноевропейские торговые компании диктовали колониальным странам грабительские условия коммерческих сделок, прибегали к прямым захватам земель, разграблению сокровищ, военным контрибуциям. В колониальных странах экономические проблемы решали военной силой. Создавались крупные плантационные хозяйства, где людей эксплуатировали самым бесчеловечным образом. Работорговля обеспечивала колоссальные доходы, превышавшие прибыли от любых промыслов того времени.

В США процесс первичного накопления в значительной степени опирался на обезземеливание местных индейских племен, работорговлю и хищническую эксплуатацию цветного населения.

Теперь, возвращаясь к российской истории, мы можем сказать, что именно исторически неизбежный процесс раскрестьянивания деревни определил железную логику социально-экономического развития России конца XIX — первой половины XX столетия. В эту логику укладывается даже кажущаяся непоследовательность властей по отношению к крестьянской общине. После отмены крепостного права Александр II законодательно усилил права общины, впервые юридически сделав её собственником бульшей части крестьянской земли. Ещё больше усилил права общины Александр III, который своим указом запретил даже простой раздел крестьянского двора без согласия общины. Да и Николай II до 1905 года придерживался той же позиции.

Общину поддерживали «сверху» оттого, что властям было гораздо легче собирать выкуп за землю с неё, чем с каждой крестьянской семьи в отдельности. Но когда община стала формой коллективного протеста против дальнейшего удушения крестьянства, то власть начала наступление на неё. И уж совсем она стала неинтересной дворянской элите после того, как указом Николая II были отменены «долги» крестьян по выкупным платежам за ранее полученную ими землю.

И вот, в этих условиях власть получил Пётр Столыпин.

Безумные реформы Петра Столыпина

Общину начали ликвидировать, чтобы создать новый класс высокоэффективных «фермеров», насадить то самое *«мелкое землевладение, которое является на Западе опорой общественности и имущественного консерватизма»* — о чём писал П.А. Столыпин в уже цитировавшемся письме Николаю II летом 1906 года. Однако общинной земли на всех крестьян, количество которых к тому же росло в силу естественного процесса деторождения, и так-то не хватало. Ликвидировать помещичье землевладение, и за счёт этих земель решить земельную проблему крестьянства было нельзя, так как её тоже кто-то обрабатывал и претендовал на неё. Оставалось либо раскрестьянить основную часть селян, превратив их в рабочих, либо отправить их из европейской части России куда подальше, например, в Сибирь.

О том, что ликвидация общины «должна была» улучшить обработку земли, дать увеличение сельскохозяйственного производства, заложить основы устойчивого экономического развития и роста государственных доходов, приходится слышать даже сегодня, а уж тогда-то учёных обоснований реформе было тем более немало.

Говорили, что хозяйствование улучшится при отмене чересполосицы. А практически урожайность в беспередельных общинах (где никакой чересполосицы не было) в среднем не отличалась от урожайности в передельных общинах. Практика упорно не желала подтверждать планы теоретиков. А самое удивительное, что частная собственность на дворянские земли в России к тому времени существовала уже полтора столетия, но эффективного собственника в лице русских помещиков страна так и не получила!

Признаем: да, это правда, что в начале XX века урожайность на землях помещиков в среднем была на 15-20 % выше, чем у крестьян. Однако объясняется это вовсе не различием в формах собственности на землю, а тем, что помещики изначально были более зажиточными, и в отличие от беднейших крестьян могли позволить себе обеспечить хотя бы минимальный уровень агротехники. Затем, среди помещиков не было безлошадных, а среди крестьян их было, напомним, до 30 %. Не будем также забывать, что все помещичьи поля распахивались с помощью плуга, а около половины крестьян ещё пахало сохой.

И даже при этом за полтора столетия помещики не смогли превратиться в эффективных собственников. Так какие же были основания полагать, что крестьяне, получив в частную собственность землю, как по мановению волшебной палочки повысят урожайность в разы? Не было для этого никаких оснований.

Однако Столыпин продолжал убеждать общество, что если русский крестьянин бросит общину и возьмёт землю в частную собственность, то от этого будет большая крестьянину польза.

Чтобы подтолкнуть крестьянина в эту сторону, было сделано немало политических шагов. Это и отмена выкупных платежей в ноябре 1905 года, и указ от 5 октября 1906 года об уравнении крестьян в гражданских правах: отныне крестьяне могли, не испрашивая разрешения «мира», менять место жительства и свободно избирать род занятий. Это и правительственная поддержка развернувшейся с января 1907 года энергичной работы по «землеустройству», состоявшей или в закреплении за отдельными крестьянами их наличных земельных участков (с сохранением чересполосицы), или в выделении новых участков в одном месте (отрубов). А то и в образовании отдалённых мелких имений для крестьян, выселявшихся из деревни на хутора.

Планы Столыпина предусматривали увеличение сельскохозяйственных угодий в одних руках, — но в силу «плохости» нашей земли это требовало финансового обеспечения, которого как раз и не было. Поэтому, хотя к 1915 году из общины вышло 3084 тыс. дворов, или 26 % от числа общинников, среди них преобладали бедняки, которые, получив наделы в собственность, тут же их продавали. Даже в благодатных местах, в Поволжье и на юге Украины, где выход из общины шёл наиболее активно, слой зажиточных деревенских хозяев, о котором мечтал Столыпин, всё же не смог сложиться из-за недостатка в сельском хозяйстве средств. А государство не могло оказать хуторянам и отрубникам помощи в том размере, какого требовала ситуация!

Таким образом, «фермера» в России не получилось, а с другой стороны — разрушение общины, при сохранении отсталых методов землепользования, неизбежно вело к социальной деградации деревни, массовому обнищанию, концентрации пашни в руках так называемых кулаков. Между тем эти последние совсем не аналог европейских или американских фермеров. Наш отечественный кулак социально и экономически оставался частью общины; именно за счёт общины он копил первоначальный капитал, — отнюдь не в конкуренции с товарностью помещичьего хозяйства, а во внутридеревенском ростовщичестве, паразитстве, «мироедстве». Он попросту замещал собой помещика, но на более низком уровне. А уж в появлении батрака вообще невозможно увидеть никакого «прогресса».

Легко понять, что аграрная политика Столыпина создала почву для острых конфликтов, не изжитых потом аж до 1930 года. В европейской части России лишь около четверти выделившихся из

общины получили согласие сельского схода, тогда как остальные пошли на укрепление земли в собственность против воли односельчан. Выход из общины часто сопровождался столкновениями выделяющихся с крестьянами-общинниками, а последних с властями, которые столь же интенсивно стремились покончить с общиной, как прежде пытались её законсервировать. В то же время весьма нередко в роли ревнителей «общинных традиций» выступали деревенские богачи — кулаки, использовавшие старые порядки для эксплуатации односельчан.

Анализируя сходные процессы в разных странах мира, мы можем сделать вывод, что экономическое раскрестьянивание села и увеличение городского населения России в начале XX века, бесспорно, соответствовало историческим потребностям. Основные экономические проблемы России конца XIX — начала XX века, это: аграрное перенаселение (в центральных районах свободной земли практически не было), нехватка капиталов, узость внутреннего рынка. И решать их следовало, исходя из магистрального направления развития страны — индустриализации. Но индустриализации не началось, а раскрестьянивание пошло само по себе, как побочный и никого из числа властителей не интересующий процесс, порождая социальную напряжённость и целый ряд других отрицательных общественных явлений. Благо, хоть бродяг вдоль дорог не вешали, как это было в Англии в XV—XVII веках. Впрочем, и повесили кое-кого: за 8 месяцев 1906 года по решениям военно-полевых судов было казнено 1102 человека, более 137 в месяц.

***1907, август**. — Русско-английское соглашение о разделе сфер влияния в Азии, оформление Антанты.*

***1908, март**. — Создание организации «Союз Михаила Архангела». Май. — Закон о постепенном в течение 10 лет введении всеобщего обязательного среднего образования.*

***1909, апрель**. — Правительственный кризис.*

Об аграрной реформе Столыпина бродит немало мифов. То ли она удалась, то ли нет. Часто пишут, что он смог бы достичь отличных результатов, если бы не тупой крестьянин, который «оказывал противодействие» и не желал становиться «мелким собственником». Но дело-то в том, что слой мелких собственников как раз был создан, а земля превратилась в товар. В относительных числах стали собственниками 22,1 % общинников. Было продано 3,4 млн. десятин, или 19,7 % всей укреплённой в собственность земли. И оказалось, что проблемы в сельском хозяйстве возникают не из-за отсутствия или присутствия права на продажу-покупку земли. Даже наоборот, введение земли в торговый оборот *ухудшило* ситуацию!

Экономические итоги реформы были следующие. Количество лошадей (в расчёте на сто жителей) *сократилось* в европейской части России с 23 в 1905-м до 18 в 1910 году. Количество крупного рогатого скота — соответственно с 36 до 26 голов. Средняя урожайность зерновых *упала* с 37,9 пуда с десятины в 1901-1905 годах до 35,2 пуда в 1906-1910 годах. Производство зерна на душу населения *снизилось* за тот же период с 25 до 22 пудов. И если к 1913 году доход на душу деревенского населения всё же увеличился (о чём не устают вспоминать любители реформатора), то только благодаря прекрасным в целом погодным условиям последних лет этой эпопеи (неудачным был только 1911 год). А также из-за повышения цен на сельхозпродукцию на мировом и внутреннем рынке и отмены выкупных платежей. К тому же с 1901 по 1913 год посевная площадь в 62 губерниях империи (без Закавказья, Туркестана и Дальнего Востока) расширилась на 15,6 %. Это обстоятельство, а также рост урожайности обусловили увеличение годового сбора сельскохозяйственных культур.

Таким образом, имеющиеся успехи получились вопреки реформе Столыпина, а неудачи напрямую связаны с нею. Можем предположить, что если бы Пётр Аркадьевич просто ничего не делал, результат для страны мог бы быть лучше.

Проблема аграрного перенаселения этой реформой тоже не была решена. Несмотря на то, что доля сельского населения в начале XX века несколько снизилась, — с 87 % в 1898 году до 82 % в 1913 году, тем не менее *прирост* сельского населения существенно превышал скорость раскрестьянивания. Абсолютное число сельских жителей продолжало расти, увеличившись за этот период на 22 миллиона человек, а среднегодовая миграция селян в города в 1908-1913 годах не превышала 500 тысяч человек.

Деревню, в силу самой идеологии проводимой Столыпиным аграрной реформы, покидали, разорившись дотла, прежде всего самые бедные и, как правило, безграмотные и неприспособленные к городской (и ни к какой прочей) жизни люди, не имеющие какой-либо специальности и надежды её получить. В результате в городах быстро собирался взрывоопасный контингент нищих, голодных и никому не нужных масс париев, представлявших собой идеальную базу для социальных потрясений и революций. Не они ли позже — через 15-20 лет, составили костяк так называемых «двадцатипятитысячников» и прочих отрядов ВКП(б), вернувшихся на село?..

Создавая армию безработных, правительству следовало озадачиться созданием рабочих мест в городах, направив избыток населения в промышленность, но об этом не было и речи. С другой

стороны, даже относительное уменьшение численности крестьянства требовало интенсификации сельского хозяйства, поскольку общее число едоков увеличилось, а работников на селе становилось относительно меньше. Вот почему не только создание новых рабочих мест в городах, но и сельское хозяйство требовало вложения капиталов, о которых никто не ставил вопроса. Причём для поднятия сельского хозяйства нужно было укрупнение хозяйств, иначе они не могли стать рентабельными.

Так реформа не решала и задачу индустриализации.

Промышленность России была незначительна по объёму, в сравнении с промышленностью Западной Европы и США. Но она уже носила вполне капиталистический характер, вследствие чего, несмотря на свою незначительность, создала многочисленный пролетариат, оторванный от земли и подверженный всем кризисам капиталистического производства. По понятным причинам она не могла конкурировать с иностранной промышленностью на внешнем рынке, а имея только один рынок — внутренний, — всецело зависела от него. Но наш внутренний рынок, вследствие общей бедности, имел малую ёмкость, что не давало российской промышленности развиваться до размеров, свойственных промышленности стран Запада. Но и это не всё: на нашем собственном внутреннем рынке действовали невыгодные для отечественного производителя торговые договора, а потому иностранцы побивали нашу промышленность и тут тоже.

А.Д. Нечволодов приводит данные для 1906 года. Ежегодное потребление угля на душу населения равнялось у нас 7 пудам, во Франции — 60, в Штатах — 147, а в Англии — 237. Ежегодное потребление чугуна на душу составляло в России 18 кг, тогда как в Германии оно достигало уже 123 кг, в Англии 161 кг, а в США 179 кг. Без чугуна не получить железа и стали, но чугунные болванки приходилось импортировать в объёме более 35 млн. пудов, что на себестоимости продукции сказывалось весьма и весьма нехорошо.

А между прочим, именно такое ненормальное положение российской промышленности приводило к аграрному кризису, который и пытался решить П.А. Столыпин своей реформой.

Ещё одна столыпинская задумка — переселение масс крестьянства из центральных районов в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, где имелся в наличии огромный свободный земельный фонд. Предполагалось организовать государственную помощь переселенцам транспортом, кредитами на постройку домов, покупку машин, скота и домашнего имущества, предварительное землеустройство участков.

В самом деле, заселение окраин было совершенно необходимым с точки зрения общегосударственного хозяйства. И несомненно, если бы Приамурье начали систематически заселяться с 1860-х годов, как предлагал тогда губернатор Н.Н. Муравьёв, то к началу XX века государство могло бы получать с этой местности большой доход; на деле же из-за ничтожного количества поселенцев и полного отсутствия культуры край этот, один из богатейших, дал России за то время, что она им владела, свыше 300 млн. рублей дефицита. А ведь наше политическое положение на Дальнем Востоке требовало возможно более сильного заселения местности к востоку от Байкала.

Как же велось переселение «по Столыпину»?

Крестьянский банк приобрёл в 1906-1916 годах 4614 тыс. га земли, которая должна была увеличить земельные угодья, принадлежавшие крестьянам. Но реально лишь сравнительно узкая прослойка богатых крестьян смогла с выгодой для себя воспользоваться услугами банка, налагавшего на заёмщиков большие проценты. Остальные выгоды не нашли, хотя переселенческое движение, благодаря содействию правительства, достигло значительных масштабов.

За 1906-1914 годы из губерний европейской части России за Урал переселилось примерно 3,1 миллиона человек, в два раза больше, чем за предыдущее десятилетие. Однако если прежде среди переселенцев преобладали середняки, то после 1906 года на Восток потянулись бедняки. Мало того, что около 17 % выехавших не смогло прижиться на новом месте из-за недостатка средств и вернулось назад, так эта мера не оправдалась и как способ решения основной задачи: снижения демографического пресса. Значительное само по себе число переселившихся крестьян покрыло менее 20 % естественного прироста сельского населения и, таким образом, не компенсировало увеличившегося избытка рабочих рук.

***1910**. — Постройка первых русских автомобиля и самолета. **14 июня**. — Закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении». **7 ноября**. — Смерть Л. Н. Толстого и волна связанных с этим событием массовых собраний, митингов и демонстраций.*

***1911**, **март**. — Парламентский кризис, связанный с провалом законопроекта о «западном земстве». **Май**. — Закон о землеустройстве.*

Столыпинский «пакет реформ» не исчерпывался, конечно, планами модернизации российской деревни. Планировалась реорганизация системы местного самоуправления с тем, чтобы дать

крестьянам-собственникам больше мест в тех земствах, где абсолютно доминировало дворянство; изменить законы о губернском и уездном управлении; ввести бессословную самоуправляющуюся волость; ввести поселковое управление. Сделано не было практически ничего, и только в шести западных губерниях появились земские учреждения.

Важное место в своей программе П.А. Столыпин отводил вопросам веры. Его «пакет» предусматривал ряд законопроектов, призванных облегчить положение старообрядцев и насильственно обращённых в православие униатов. Среди проектов были: отмена дискриминационных ограничений, установленных для инославных церквей (то есть христианских, но не православных), разрешение перехода из православия в другие христианские веры, облегчение смешанных браков.

Наконец, намечались реформы в области рабочего законодательства (введение страхования рабочих и т.п.).

Все эти проекты готовились ещё до прихода Столыпина к власти; он застал их на разной стадии разработки, собрал в единый «пакет» вместе с актами по аграрной политике, и чохом предложил ко внедрению. К сожалению, большинство законопроектов застряло в Государственном Совете, и ни на что не повлияли.

Столыпин, полагают, надеялся своей реформой предотвратить новый революционный взрыв.

Но не предотвратил.

Вот итоги реформы:

Земельный вопрос не решён; земля в основном осталась во владении у помещиков, крестьяне в большинстве остались безземельными.

Выход из общины разделил интересы крестьян, и разделил их имущественно, а значит, реформа не ликвидировала застарелого антагонизма между крестьянами и помещиками, но породила новые конфликты.

Выяснилось, что «мелкий собственник» из нужды не выбился, а будущее страны — за крупными коллективными хозяйствами типа общины.

Реформа проводилась насильственными мерами, а протест крестьян жестоко подавлялся правительством.

Провал земельной реформы приблизил революционный взрыв.

Для большинства тогдашних россиян Столыпин был такой же одиозной фигурой, как для нынешних — реформаторы Е. Гайдар или А. Чубайс. Он сумел озлобить и «правых», и «левых»; наиболее консервативные круги в правительственном лагере выступали

против практически всех его начинаний и, в конце концов, Николай II поддержал его противников. Влияния на ход государственных дел он лишился совершенно, и всё же 1 сентября 1911 года на него было совершено покушение: он был смертельно ранен в Киеве.

Гибель его от руки эсеровского боевика и одновременно платного агента царской охранки Д.Г. Богрова поставила крест на правительственном реформаторстве. В.Н. Коковцов, сменивший Столыпина на посту председателя Совета министров, не стал продолжать его программу реформ. Затем, когда в начале 1914 года В.Н. Коковцов был уволен в отставку, его преемником стал И.Л. Горемыкин, а наиболее влиятельной фигурой в Совете министров оказался главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин. Но и в этом случае возврата к столыпинщине не произошло; Кривошеин предложил некий «Новый курс», на реализацию которого получил согласие Николая II, однако и этот «курс» хоть сколько-нибудь ощутимых результатов не принёс, оставшись во многом чистой декларацией.

Впереди были войны, революции, коллективизация, мобилизация экономики и очередной, «индустриальный» рывок И.В. Сталина.

Экономика 1913 года

***1912, 4 апреля**. — Расстрел мирного шествия рабочих-забастовщиков на Ленских золотых приисках. **Июнь**. — Утверждение законов о рабочем страховании. **15 ноября**. — Начало работы IV Государственной думы. Возникновение партии прогрессистов.*

***1913, 21-23 февраля**. — Торжества, посвященные 300-летию Дома Романовых. Утверждение «Большой программы по усилению армии». **1-10 сентября**. — Первый Всероссийский сельскохозяйственный съезд, признавший необходимым встать на путь создания в деревне коллективных хозяйств.*

За 1894-1914 годы госбюджет страны вырос в 5,5 раза, золотой запас — в 3,7 раза. Значительные суммы из бюджета выделялись на развитие культуры и просвещения. Однако население с 1897 года (когда была проведена первая всероссийская перепись) по 1913 год возросло на треть, и перед Первой мировой войной составляло 165,7 млн. человек (без Финляндии). Такой значительный рост был достигнут за счёт высокого уровня рождаемости и снижения смертности, которая, впрочем, в России оставалась более высокой, чем

в экономически благополучных странах. Шёл быстрый рост городского населения, хотя его удельный оставался небольшим.

К 1900-м годам Россия располагала второй в мире по протяжённости сетью железных дорог. Интенсивное железнодорожное строительство способствовало развитию промышленности, в первую очередь тяжёлой; российская индустрия со времён Александра III росла самыми высокими в мире темпами и в целом за годы подъёма промышленное производство в стране более чем удвоилось, причём производство средств производства увеличилось почти в три раза.

Однако в конце 1890-х годов проявились симптомы промышленного кризиса, который затем перешёл в острую фазу и продолжался до 1903 года. Темпы прироста промышленного производства рухнули (в 1902 году прирост составил лишь 0,1 %), однако в силу разновременности охвата кризисом отдельных отраслей не произошло хотя бы уменьшения общего объёма выпускаемой продукции.

Первое десятилетие XX века тоже оказалось неблагоприятным для отечественной промышленности; полагают, на её развитие негативно повлияли русско-японская война и революция 1905-1907 годов, но всё же промышленный рост не прекращался, он составил за 1904-1909 годы в среднегодовом исчислении 5 %, а с 1910-го начался новый промышленный подъём. Отрасли, производящие средства производства, увеличили за этот период выпуск продукции на 83 %, а отрасли лёгкой промышленности — на 35,3 %; среднегодовой прирост промышленной продукции превысил 11 %.

Но мы обосновали уже основной принцип «русских горок»: в отличие от всех остальных регионов Земли общество и экономика России имеют скачкообразный путь развития, движение "рывками". Развиваясь "нормально", как все, даже с высокими процентами роста производства, по уровню экономики и жизни населения страна быстро отстаёт от других. *Это — наше нормальное состояние*; такая особенность была у нас всегда. Даже развиваясь темпами, которые показал период 1910-1914 годов, мы отстаём!

При поразительно высоких темпах развития доля России, например, в выпуске железа и стали за 1903—1914 годы снизилась с 6,1 % до 5,6 % среди индустриальных стран. А с учётом того, что значительная часть железноделательной промышленности страны работала на создание сети железных дорог, а при наших пространствах и населении дорог нам нужно было много больше, чем другим странам, ясно, мы сильно отставали и по дорогам тоже!

Иначе говоря, общие итоги развития страны того времени выглядят весьма внушительно: по объёму промышленного

производства Россия в 1913 году занимала 5-е место в мире, а по добыче нефти уступала только США, — но при этом оставалась аграрной страной и отставала по темпам. В канун Первой мировой войны по уровню индустриализации и экономическому потенциалу в целом Россия входила лишь в третью группу индустриально развивающихся стран, уступая не только США, Германии, Великобритании и Франции, но и второму эшелону промышленно развитых государств — Австро-Венгрии и Италии, где процесс индустриализации ещё не вполне завершился. (В качестве шутки: как всегда, стояла задача «догнать Португалию.)

Наиболее показательно, что страна отставала от наиболее развитых государств по производству промышленных товаров на душу населения; по этому показателю США и Англия в 1913 году превосходили Россию примерно в 14 раз, а Франция в 10 раз.

Нам здесь кажется уместным напомнить вывод о том, что величина России отнюдь не избыточна. Она как раз такая, чтобы страна могла выживать, как равная среди других стран. В самом деле: если бы промышленные центры — Урал, Донецк, Москва и Петербург не были объединены в одну страну, то конгломерат этих территорий ни врозь, ни совместно не смог бы развиться в достаточной степени, чтобы защищать свои интересы на мировой арене…

Необходимо особо отметить, что в экономическом развитии России этого времени значительную роль сыграли иностранные инвестиции. В Западной Европе имелось немало свободных капиталов, искавших выгодного приложения, а царское правительство стремилось создать благоприятные условия для иностранных вложений. Они бы и так пришли: более низкая, чем на Западе, стоимость рабочей силы делала Россию весьма подходящим объектом для инвестиций в глазах зарубежных вкладчиков. Они не только получали бульшую, чем в Европе, прибыль, но и перекрывали затраты! За 27 лет, предшествующих 1913 году, *чистый доход* иностранцев от вложений в хозяйство России суммарно превысил почти на четверть *сумму прямых иностранных инвестиций*.

Современную угольную и сталелитейную промышленность Донецка и Кривого Рога основали англичане, а финансировалась она совместным английским, французским и бельгийским капиталом. Нефтяные промыслы Кавказа были пущены в ход английскими и шведскими предпринимателями. Немцы положили начало русской электротехнической и химической промышленности. Доля иностранного капитала в горном деле, металлообработке и машиностроении составляла 63 %.

Ткацкие фабрики, основанные крепостными предпринимателями в центральных районах страны, были единственной отраслью промышленности, действительно созданной русскими людьми.

Бурный подъём русского промышленного производства в 1890-х был не столько естественным продолжением внутреннего хозяйственного развития России, сколько следствием пересадки в неё западных капиталов, техники и, главное, западных организаторов индустрии. Россия вкладывала дешёвые рабочие руки по принципу: нам — маленькая зарплата, вам — высокие прибыли. Вот поэтому и отставали.

А русские капиталисты и купцы, как и богатые землевладельцы, предпочитали вкладывать деньги в облигации императорского правительства, в надёжность которых они свято верили, нежели рисковать в коммерческих предприятиях. Лишь после того, как главный риск взяли на себя иностранцы, в тяжёлую промышленность устремился русский капитал. По этой причине накануне революции треть промышленных капиталовложений в России и половина банковского капитала были иноземного происхождения.

После экономического кризиса 1900-1903 годов, нанёсшего чувствительный ущерб действовавшим в России зарубежным акционерным обществам, иностранное засилье стало снижаться. Теперь зарубежные вкладчики предпочитали направлять свои инвестиции в те российские компании, в которых был достаточно силён капитал местный. В период предвоенного экономического подъёма удельный вес российского капитала повысился практически во всех отраслях промышленности.

Но если зависимость народного хозяйства России от иностранных капиталов со временем явно ослабевала, то финансовая зависимость царского правительства от крупнейших держав, напротив, возрастала. К концу 1913 года внешний государственный долг страны составил 5,4 млрд. рублей. Главным кредитором России была Франция, спасшая самодержавие с помощью огромного займа от финансового краха во время революции 1905-1907 годов.

При этом Россия — сама объект ввоза иностранного капитала, — сама же экспортировала капиталы за рубеж, прежде всего в отсталые государства Востока (Китай, Персию). Впрочем, вывозились преимущественно государственные или даже заёмные капиталы, а их размещение в соответствующих странах обусловливалось не столько экономическими, сколько военно-политическими соображениями, а также стремлением «застолбить» на будущее внешние рынки. В 1890-е годы были созданы Учётно-ссудный банк Персии (фактически филиал

Государственного банка России) и Русско-Китайский банк, который контролировался российским правительством.

Частный капитал нашей страны не мог активно действовать на зарубежных рынках; он был слаб. Вообще в 1905-м годовой доход от торгово-промышленной деятельности на сумму свыше 20 тыс. рублей получало во всей стране всего 12 377 человек.

Узкий слой российской финансовой олигархии формировался главным образом за счёт петербургской буржуазии, сложившейся в результате «насаждения» капитализма сверху. Представители этой группировки — как правило, выходцы из среды технической интеллигенции, чиновничества, а также иностранные капиталисты — были теснейшим образом связаны с царской бюрократией. Но и в Москве имелись предприниматели (Рябушинские, Морозовы, Мамонтовы и другие), которые обладали многомиллионными состояниями и претендовали на роль лидеров российского делового мира.

Но даже в это время на положении первого сословия империи оставалось дворянство, сохранившее свой привилегированный статус, — но экономическая сила этого класса неуклонно падала.

Соответственно росту индустрии возрастали численность и значение промышленного пролетариата. В 1913 году в стране насчитывалось 4,2 млн. фабрично-заводских, горных и железнодорожных рабочих, общее же количество пролетариев доходило до 18 млн. человек. Состав рабочего класса был неоднороден: в крупной промышленности преобладали потомственные рабочие, в строительстве, на водном транспорте и т.п. было много недавних выходцев из деревни. Доля высококвалифицированных и соответственно высокооплачиваемых рабочих была сравнительно невелика. Средний заработок в обрабатывающей промышленности составлял в 1913 году около 24 рублей в месяц, в то время как прожиточный минимум даже десятилетием раньше равнялся в Петербурге 21 рублю для одиноких и 32 рублям — для семейных, а в Москве примерно 20 и 30 рублей.

Ещё несколько миллионов крестьян занимались обрабатывающей промышленностью у себя в деревне, не бросая земледелия. И для этого были две особые причины: климатическая и финансовая.

Из-за нашего климата земледелие оказывается в худших условиях, чем западное. Приходится в четыре месяца сделать на земле те же работы, которые на западе можно разложить на семь, а то и десять. Зато в остальные восемь месяцев нет никакого дела,

относящегося к земледелию, и рабочий труд может быть употреблён на другое занятие.

А финансовая причина в том, что земледелие не даёт дохода, достаточного для покрытия обязательных расходов крестьянского хозяйства (прежде всего податей). В таком положении находилась вся центральная полоса России, а потому домашняя промышленность и отхожие промыслы стали здесь уже с давних пор необходимым вспомогательным ресурсом крестьянина.

Понятно, что развитое русского кустарничества не есть «пережиток древних времён», а просто одна из форм, в которых выразилось общее оживление народного потребления и промышленной жизни. Сначала такие работы предшествовали появлению фабрики; потом работу кустарю заказывал фабрикант. Даже когда мастер кустарничал на свой страх и риск, он находился в зависимости от торговца-скупщика. Таким образом, это массовое кустарное производство и по происхождению своему, и по характеру было с самого начала капиталистическим предприятием, а не «народным развлечением», — хотя, разумеется, жители России всегда отличались незаурядной склонностью чем-нибудь занять руки, да и природная скудость почвы понуждала их к предпринимательству.

К 1913-му году фабрика начала вытеснять кустаря, давая рабочие места под своей крышей тем, кому раньше давала работу на дом. И всё же нельзя забывать, что на протяжении XVIII и XIX веков, и даже в начале XX в России процветала надомная промышленность, чьи застрельщики по своей энергичности мало чем отличались от американских предпринимателей-самородков. Правда, сочетание сельскохозяйственных и несельскохозяйственных занятий, навязанное населению экономическими обстоятельствами, тормозило развитие торговой и промышленной культуры, ибо там, где на коммерцию и промышленность смотрели всего лишь как на источник побочного заработка, они не могли выделиться в самостоятельные отрасли.

А в заключение этого маленького обзора напомним, что накануне Первой мировой войны зерно вывозили в ущерб своему народу, а хуже всех жил при этом производитель зерна, крестьянин. Дворянин по-прежнему паразитствовал. И.Л. Солоневич писал по этому поводу:

«По данным профессора Озерова — вероятно, преувеличенным, крестьяне платили (налог, — *Авт.*) с десятины в пять раз больше помещиков. По данным Плеханова, дворянство получило от казны (следовательно, от крестьянства по преимуществу) около семи миллиардов в виде выкупных платежей, банковских кредитов, арендной платы и т.п. Большая советская энциклопедия утверждает,

что в предвоенные годы крестьянство уплачивало дворянам-паразитам до 289 миллионов в год арендной платы за землю. Все эти цифры, может быть, и преувеличены: было бы легкомысленно принимать статистику очень уж всерьёз. Но, во всяком случае, вне всякого сомнения шёл процесс перекачивания денег из растущего крестьянского хозяйства в умиравшее дворянское. И именно этот процесс задерживал техническое переоборудование сельского хозяйства».

Первая мировая война

В последнем десятилетии XVIII века сильно вырос рабочий класс в Европе, и вместе с тем обнаружилась его крайняя необеспеченность: нищета и голод распространились в невиданных до тех пор размерах. Под этим впечатлением Т. Мальтус написал свою знаменитую книгу, в которой возлагал всю вину нищеты рабочего класса на него самого, — на его непредусмотрительное размножение, и доказывал, что население возрастает вообще гораздо быстрее, чем увеличиваются средства существования в силу неизбежного закона природы. Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами, среди которых А. Смит, Ж.Б. Сэй, Дж. Милль и другие; Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы.

Сто лет спустя, в конце XIX века, в Англии и особенно во Франции прирост населения значительно уменьшился или даже вовсе приостановился. Мальтузианство стало быстро терять здесь приверженцев: решили, что оно верно не для всех времён и не для всех народов.

Первая мировая война, голод и революции 1917—1922 годов дали идеям Мальтуса новую жизнь. Выдающийся экономист Джон Мэйнард Кейнс, проанализировав данные статистики, показал, что накануне войны в Европе наблюдались признаки перенаселения, что именно перенаселение Германии и России в конечном счёте вызвало Первую мировую войну и революцию в России. В таких условиях Германия активно готовилась к переделу мира и тратила большие средства на вооружение. Если к 1913 году, в сравнении с 1900-м, английский военно-морской бюджет увеличился на 186 %, а французский на 175 %, то германский поднялся на 375 % — рост вдвое выше, чем в Англии! Англия и Франция не имели такого прироста населения, как Германия, — и вот оказывается, что и в самом деле от

демографической динамики, сопоставленной с ёмкостью природы, зависит и экономика, и накал экспансии вовне.

Однако есть масса данных для предположения, что решающей в развязывании войны была роль США. Американский капитал исподволь науськивал европейские державы на столкновения с тем, чтобы, гигантски усилившись за счёт военно-промышленных поставок воюющим сторонам, в нужный момент предстать перед ослабевшими конкурентами в качестве «главного распорядителя» в решении международных вопросов.

А прологом и поводом к Первой мировой стали балканские войны 1912-1913 годов. В 1912-м объединившиеся в результате усилий русской дипломатии Сербия, Черногория, Болгария и Греция начали войну против Турции, столь долго угнетавшей их, и нанесли ей поражение. Германия и Австро-Венгрия, рассматривая образование Балканского союза как нежелательный для них успех России, постарались этот союз развалить, и подтолкнули Болгарию к выступлению против Сербии и Греции. В ходе второй балканской войны Болгария, на которую ополчились также Румыния и Турция, потерпела поражение.

Все эти события существенно обострили российско-германские и российско-австрийские противоречия, зато союз Англии, Франции и России — Антанта, укрепился.

16 июля 1914 года, после того, как Австрия начала военные действия в Сербии, Николай II подписал указ о всеобщей мобилизации, однако, не объявляя никому войны. Три дня спустя войну России объявила Германия, а 3 августа она же объявила войну Франции. На следующий день Англия, под предлогом нарушения немецкими войсками нейтралитета Бельгии, объявила войну Германии. Затем, 23 августа в войну на стороне Антанты вступила Япония. Вооружённый конфликт приобрёл мировой характер.

Хотя державы Антанты по людским и материальным ресурсам существенно превосходили австро-германский блок, степень их готовности к широкомасштабным боевым действиям была ниже. Рассчитывая, как, впрочем, и все страны-участники конфликта, на молниеносную войну, Германия предполагала быстро разгромить Францию, а затем всеми силами обрушиться на её восточную союзницу.

Экономика России развивалась хоть и быстро, но, как уже сказано, с отставанием от Европы, а особенно от Германии; громадным было отставание и по вооружению, что, конечно, снижало её шансы. Но самое печальное, что война эта так и не стала народной, в отличие от, например, войны с Наполеоном, хоть и обращался к народу государь с

просьбой о «консолидации» в своём манифесте: «*В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри. Да укрепится ещё теснее единение Царя и Его народа и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага…*» Ничего этого народ не понимал. В воспоминаниях героя войны А.А. Брусилова мы находим подтверждение этому:

«...Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герец-перц (австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд, — *Авт*.) с женой были убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать, было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя».

Уже 26 июля 1914 года при голосовании в IV Государственной думе (она начала работать в ноябре 1912) по вопросу о предоставлении военных кредитов правительству, фракция социал-демократов выступила со следующей декларацией о войне:

«*Настоящая война, порождённая политикой захватов, является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих теперь стран. Пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили — извне или изнутри. Но когда раздаются призывы к единению народа с властью, мы, констатируя, что народы России, так же как и все народы, вовлечены в войну помимо своей воли, по вине их правящих кругов, считаем нужным подчеркнуть всё лицемерие и всю беспочвенность этих призывов к единению*».

Присоединиться к этой декларации эсдеков собирался и лидер партии трудовиков А.Ф. Керенский, но раздумал.

«Конечно, в проявлениях энтузиазма — и не только казённого, — не было недостатка, особенно вначале, — писал позже лидер кадетов П. Милюков. — *Рабочие стачки – на время – прекратились. Не говорю об уличных и публичных демонстрациях. Что касается народной массы, то её отношение, соответственно подъёму её грамотности, было более сознательное, нежели отношение крепостного народа к войнам Николая I, или даже освобождённого народа к освободительной* (русско-турецкой, – *Авт*.) *войне 1877-1878 гг., увлёкшей часть нашей интеллигенции. Но в общем набросанная нашим поэтом картина — в столицах «гремят витии», а в глубине*

России царит «вековая тишина» — эта картина оставалась верной. В войне 1914 года «вековая тишина» получила распространённую формулу в выражении: «Мы – калуцкие», то есть до Калуги Вильгельм не дойдёт».

В обществе не было единства, у армии не было техники. В тех же воспоминаниях Брусилова читаем: «*по сравнению с нашими врагами мы технически были значительно отсталыми, и, конечно, недостаток технических средств мог восполняться только лишним пролитием крови*…»

В предвоенное пятилетие в России сложился своеобразный симбиоз казённой и вновь созданной частной военной промышленности. Адмиралтейский, Балтийский, Ижорский, Обуховский судостроительные заводы; мастерские адмиралтейства и портов; Тульский, Сестрорецкий и Ижевский оружейные, Пермский орудийный и сталелитейный; патронные, пороховые, трубочные, снарядные, снаряжательные заводы регулярно получали военные заказы. Почти исключительно на военные нужды работали уральские горные заводы. Велика была сеть казённых железных дорог; казна владела миллионами гектаров земли. И несмотря на то, что правительство отпустило на реконструкцию и новое строительство своих заводов около 200 млн. рублей, примерно только к 1917 году могли быть выполнены принятые накануне войны программы развития российских армии и флота.

В начале войны производимых в стране артиллерийских снарядов не хватало, чтобы достичь даже среднемирового, уж и не говоря о германском, уровня обеспечения артиллерии. Недостаток винтовок к ноябрю 1914-го достигал 870 тысяч, а ежемесячно производить планировалось лишь 60 тысяч штук. Кроме того, почти половина солдат были элементарно неграмотны. Исследование, проведённое в 1911-м, показало: в русской армии на каждую тысячу новобранцев свыше семисот были неграмотны, в германской армии — один…

1914, май-август. *— Волна забастовок в России.* ***1 августа***. *— Начало Первой мировой войны.* ***2 августа***. *— Введение «сухого закона».* ***Август***. *— Восточно-Прусская операция русской армии, заставившая Германию остановить наступление на Париж и перебросить часть своих сил на восток, срыв ставки Германии на молниеносную войну. Переименование Санкт-Петербурга в Петроград.*

С началом боёв с Германией и Австро-Венгрией русские армии образовывали два фронта, Северо-западный и Юго-западный. Когда осенью 1914 года в войну на стороне австро-германского блока вступила Турция, возник ещё один фронт, Кавказский.

Русская армия израсходовала мобилизационный запас снарядов за 4 месяца, а для его восстановления (при существовавших темпах производства) требовался год. С декабря 1914 по март 1915-го фронт получил лишь треть необходимого количества снарядов и винтовок.

Скажем несколько слов о развитии вооружений в предшествовавший период, прежде всего о разработках талантливого русского изобретателя В.С. Барановского. В 1872-1877 годах он создал ряд образцов скорострельных орудий, которые, к сожалению, в тот момент не были приняты на вооружение армии. Чуть позже, с изобретением в 1880-х бездымного пороха, принципы устройства скорострельных пушек Барановского были заимствованы всеми странами. В 1900-м на Путиловском заводе в Петербурге при участии Н.А. Забудского и А.П. Энгельгардта была сконструирована 3-дюймовая (76-мм) полевая скорострельная пушка, которая в 1902-м была усовершенствована и принята на вооружение полевой артиллерии русской армии.

Русско-японская война 1904-1905 показала явное превосходство скорострельных орудий над ранее существовавшими системами. Благодаря изобретению артиллерийского угломера и панорамы русские артиллеристы в этой войне впервые применили новый метод ведения артиллерийского огня — стрельбу с закрытых позиций. При осаде Порт-Артура выявилась необходимость применения навесного огня для поражения живой силы и огневых средств японцев в близко расположенных траншеях, лощинах, оврагах. Мичман С.Н. Власьев предложил использовать с этой целью мину для стрельбы из 47-мм морской пушки; так появилась идея нового вида артиллерийского вооружения — миномёта.

После русско-японской войны во всех странах Европы велась работа по созданию тяжёлой артиллерии, главным образом гаубичных систем. В России в 1909-1910 было принято на вооружение несколько образцов гаубиц 122-мм и 152-мм калибра и 107-мм тяжёлая пушка. С этими орудиями, а также 76-мм полевой и горной пушками Россия и вступила в Первую мировую войну; проблема была в их нехватке на фронтах. Надо отметить, что в ходе войны во всех армиях наряду с количественным ростом артиллерии улучшалось её качество: увеличивались дальнобойность и мощность орудий. Но к началу войны Россия имела 7088 артиллерийских орудий, Франция 4300, Англия 1352, Германия 9388, Австро-Венгрия 4088.

И всё же итоги кампании 1914 года оказались для Германии и её союзников неутешительными: война становилась

затяжной, а это позволяла Антанте реализовать свой перевес в ресурсах.

***1915, 7 июня**. — Образование военно-промышленных комитетов во главе с А.И. Гучковым. **Июль**. — Объединение Земского и Городского союзов (Земгор) во главе с князем Г.Е. Львовым. **Август**. — Создание особых совещаний по обороне, продовольствию, топливу и перевозкам. Правительственный кризис, требования отставки И.Л. Горемыкина с поста премьера.*

Наступление австро-германских войск на Восточном фронте весной и летом 1915 года показало всю глубину кризиса боеснабжения русской армии. В этих условиях буржуазные круги попытались взять на себя руководство делом военно-экономической мобилизации: в мае 1915-го IX съезд представителей промышленности и торговли принял решение о создании военно-промышленных комитетов, которые должны были заниматься переводом частных предприятий на военное производство. Политически активные круги российской буржуазии — главным образом представители делового мира Москвы, стремились использовать военно-промышленные комитеты для усиления своего влияния на управление страной.

Правда, в развитии военного производства комитеты большой роли не сыграли. В целом их доля в общей массе заказов военного ведомства в 1915—1917 годах составила лишь 3-5 %, и не более 2-3 % в фактических поставках. Ряд военнохозяйственных функций выполняли возникшие ещё летом 1914 года Всероссийский земский и Всероссийский городской союзы; для координации их деятельности в 1915-м был образован Главный комитет по снабжению армии (Земгор), который также решал задачу организации среди кустарей производства одежды, обуви, сбруи и некоторых боеприпасов для армии.

Правительство тоже приступило к созданию государственной системы экономического регулирования для перевода народного хозяйства на военные рельсы и удовлетворения нужд фронта. Основу этой системы составили образованные в августе 1915 года четыре чрезвычайных высших государственных Учреждения: Особые совещания по обороне, перевозкам, продовольствию и топливу. Наиболее важная роль в этой системе отводилась Особому совещанию по обороне, которое вело надзор за работой соответствующих промышленных предприятий, содействовало образованию новых заводов, распределяло военные заказы, контролировало их выполнение и т.п.

Официальным лидером московских деловых кругов стал с 1915 года П.П. Рябушинский, председатель Московского биржевого

комитета и председатель Московского Военно-промышленного комитета. Он призывал деловые круги «вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти». Рябушинский и его окружение пытались склонить к соглашательству резко оживившее рабочее движение. Однако попытка в 1916 году созвать «беспартийный рабочий съезд» под лозунгом единства всех национальных сил окончилась неудачей. Также летом 1915 года оформился Думский прогрессивный блок, имевший целью ограничение власти самодержавия. Позднее лидеры буржуазных партий пытались организовать дворцовый переворот, рассчитывая избавиться от Николая II и предотвратить нараставший революционный взрыв.

Это, кстати, лишний штрих к картине «консолидации» общества.

К осени 1915-го Россия оставила Польшу, Литву, почти всю Галицию, часть Волыни. Потери убитыми, ранеными, пленными составили более 2 млн. человек. Однако добиться своей главной цели — вывести Россию из войны, Германия не смогла.

***1915, 23 августа**. — Отстранение великого князя Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего, назначение на этот пост императора Николая II. Возникновение Прогрессивного блока, в состав которого вошли представители шести ведущих фракций Государственной думы от кадетов до националистов (236 депутатов из 422). Создание по инициативе В.И. Вернадского Комиссии по изучению естественных производительных сил страны (КЕПС). В неё вошли такие крупные учёные, как химики Н.С. Курнаков, Л.А. Чугаев, агрохимик Д.Н. Прянишников, минералог А.Е. Ферсман, геолог В.А. Обручев, экономико-географ В.П. Семенов-Тян-Шанский и другие.*

Военные неудачи 1915 года имели свои последствия для внутреннего развития России. Миллионы беженцев, хлынувшие на Восток, увеличили продовольственные и транспортные затруднения, создали социальную напряженность в обществе. Возросло недовольство руководством страны, усилилась тревога за её будущее.

***1915, декабрь**. — Представление императору Николаю II неофициального предложения Германии о желательности заключения сепаратного мира.*

***1916, 20 января**. — Отставка антантофила И.Л. Горемыкина с поста премьера, назначение на этот пост сторонника заключения сепаратного мира с Германией члена Государственного совета Б.В. Штюрмера. Введение гужевой (подводной) повинности.*

Боевые действия продолжались. 1916 год показал, что русская армия сохранила способность одерживать победы. Принятые

(правда, с опозданием) меры по переводу экономики страны на военные рельсы принесли свои плоды; материальное обеспечение войск значительно улучшилось.

В мае 1916 года армии Юго-Западного фронта под руководством генерала А. Брусилова перешли в наступление и нанесли австрийской армии тяжелейшее поражение. Этот успех России оказался полной неожиданностью для союзников, а также и для противников. Австро-Венгрия оказалась на грани поражения и в дальнейшем уже не предпринимала самостоятельных военных операций. Германия приостановила операции у Вердена, где с начала 1916 года развернулось кровопролитное сражение, и чтобы спасти положение на Востоке перебросила отсюда на Восточный фронт одиннадцать дивизий. Румыния из нейтральной страны превратилась в воюющую на стороне Антанты, расширив тем самым Восточный фронт от Балтики до Балкан.

За 1914-1916 годы немецкая армия потеряла на Восточном фронте 1739 тыс., а австрийская — 2623 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными. Крайне велики были и потери русской армии, что вызывало недовольство народа, тем более, что смысл войны оставался народу непонятен. Особенно возмущали население факты посылки русских войск за границу. Весной 1916 году в Марсель и Бордо прибыли из России две особые пехотные бригады, каждая численностью 10,5 тысячи человек. Затем в августе—сентябре того же года были отправлены ещё две пехотные бригады. Царское правительство меняло живых людей на поставки в Россию артиллерии и снарядов!

С весны 1916 года на фронте участились случаи братания солдат, росло число дезертиров и сдавшихся в плен. Лишившаяся в жестоких боях вышколенных службой кадров мирного времени, многомиллионная армия уже не была надёжной опорой режима.

***1916, июнь**. — Встреча в Стокгольме вице-председателя Госдумы А.Д. Протопопова с неофициальным представителем германского посольства в Швеции Ф. Варбургом, обсуждение возможных условий сепаратного мира между Россией и Германией. Восстание в Средней Азии в ответ на Указ о мобилизации на принудительные работы 400 тыс. человек. **Июль**. — Запрет убивать скот и торговать мясными продуктами без разрешения государства. Обсуждение вопроса о необходимости введения продовольственной диктатуры.*

Меры по переводу народного хозяйства страны на военные рельсы принесли хорошие результаты: производство вооружений росло очень высокими темпами. В августе 1916-го

винтовок было изготовлено на 1100 % больше, чем в августе 1914 года. Производство пушек (76 мм и горных) с января 1916-го по январь 1917-го увеличилось более чем на 1000 %, а 76 мм снарядов на 2000 %. Выработка пороха и взрывчатых веществ возросла на 250-300 %. Снабжение фронта, таким образом, существенно улучшилось.

Однако преимущество германских войск в артиллерии, особенно тяжёлой, сохранялось, что оборачивалось для русской армии сравнительно большими потерями в живой силе. Так, из каждой тысячи солдат английская армия потеряла в войну 6, французская — 59, а русская — 85 человек. Удовлетворить в полном объёме потребности фронта в вооружении (особенно повышенной технической сложности) отечественная промышленность не могла. Русская армия зависела от военных поставок союзников.

Хозяйство было милитаризовано свыше 70 %, и при этом Германия превосходила Россию по общему уровню военных расходов, в том числе вдвое-втрое по производству новейших видов вооружения (аэропланы, пулеметы). Свирепствовал острый ресурсный голод: потребность в стали и цветных металлах была вчетверо больше их выплавки. Чувствительным ударом для экономики стали захват немцами Домбровского угольного района и блокирование доставки английского угля в Петербург.

Самым ярким симптомом грядущего полного расстройства хозяйственной жизни стал продовольственный кризис. Съестные запасы в стране имелись в достаточном количестве: в 1914-1916 было собрано 216 млн. тонн продовольственных и кормовых хлебов, и этого вполне хватило бы и для удовлетворения нужд фронта, и для обеспечения городского населения. Однако деградация железнодорожного транспорта сделала проблему снабжения городов неразрешимой. В то время как на Дону, Урале и в Сибири скопились значительные запасы продовольствия, центр России голодал; Донбасс был завален не вывезенным углем, а столицы мёрзли из-за нехватки топлива.

Несмотря на введение принудительной развёрстки хлебных поставок, привоз продовольствия в Петроград и Москву в январе-феврале 1917-го составлял лишь 25 % от запланированного. С 1916 года во многих городах была введена карточная система снабжения продовольственными товарами.

Поглощение войной почти половины трудоспособных мужчин и почти четверти лошадей нанесло ощутимый урон сельскому хозяйству: сбор хлеба сократился почти на 20 %. Развалилась финансовая система. Количество денег в обращении к концу 1916 года увеличилось в шесть раз; к февралю 1917 года курс рубля на

внутреннем рынке упал до 27 копеек. В четыре раза вырос государственный долг, бюджетный дефицит возрос втрое. Цены на хлеб возросли в пять, на масло — в восемь, и на промтовары в четыре-шесть раз. Обыденным явлением стала спекуляция. Резко снизился уровень жизни широких масс: потребление рабочих в 1916 году, несмотря на номинальный рост зарплаты, составляло менее 50 % довоенного уровня.

***1916, 1 ноября**. — Выступление П.Н. Милюкова в Государственной думе с обвинениями Б.В. Штюрмера и императрицы Александры Фёдоровны в стремлении заключить сепаратный мир. **10 ноября**. — Отставка Б.В. Штюрмера с поста премьера, назначение на пост премьер-министра А.Ф. Трепова. **29 ноября**. — Введение хлебной развёрстки. **17 декабря**. — Убийство Г.Е. Распутина. **27 декабря**. — Отставка А.Ф. Трепова с поста премьера, назначение на пост премьер-министра члена Государственного совета князя Н.Д. Голицына.*

***1917, 16 января**. — Решение Особого совещания по продовольствию о введении хлебной и мясной развёрстки.*

К началу 1917 года Россия потеряла убитыми 2 млн., ранеными — около 5 млн., пленными около 2 млн. человек. В стране быстро нарастали антивоенные настроения. Между тем, на весну 1917-го армии Антанты наметили общее наступление на Западном и Восточном фронтах, — чему, однако, помешала Февральская революция в России. Никто её вроде не ждал, но обстановка в городах накалялась: массовая мобилизация в армию, приток беженцев и крестьян, шедших работать на фабрики и заводы, дали толчок к увеличению численности склонных к радикализму маргинальных слоёв, что создавало благоприятную почву для общественных катаклизмов.

Однако директор департамента полиции сообщал 30 октября 1916 года в МВД: «*Сравнение настроения населения Петрограда и Москвы и отношения его к центральному правительству в данное время и в период 1905-1906 гг. устанавливает, что теперь оппозиционность настроений достигла таких исключительных размеров, до которых она далеко не доходила в широких массах в упомянутый смутный период. Вся тяжесть ответственности за переживаемые родиной невзгоды возлагается ныне уже не только на правительство, в лице совета министров, но даже и на верховную власть…*»

А дальше, сообщая, что экономические условия в деревне благоприятны, и крестьяне спокойны, он делал вывод: «*Между тем, как показал революционерам опыт возбуждения частичных*

вооружённых восстаний, подобного рода выступления без участия в них крестьянских масс не могут достигнуть поставленных целей и неизбежно повлекут за собой лишь новый и на этот раз окончательный, по их мнению, разгром революции. Такое положение вещей в революционном лагере, в связи с неимением в распоряжении революционеров оружия для вооружения боевых дружин, и делает близкие революционные выступления неосуществимыми...»

Итак, менее чем за четыре месяца до февральских событий 1917 года один из высших чиновников полиции, признавая внутриполитическую напряжённость и возможность рабочих беспорядков в крупных городах, вместе с тем напрочь отрицает наличие в стране конкретных условий для осуществления революции…

Накануне нового цикла «русских горок»

В начале книги мы дали простую схему работы «русских горок». Но теперь, когда уже приведён фактический материал, могут возникнуть вопросы. Почему, например, мы называем громадную эпоху циклом Ивана Грозного, а не начинаем её от правления его деда, и не называем циклом Ивана III? Почему цикл Петра мы начинаем именно от Петра I, а не от его отца Алексея Михайловича или, ещё лучше, от Филарета и Михаила Романовых?

Для пояснения вспомним о природных климатических циклах. Люди обычно знают, какой сезон на дворе: зима, весна, лето или осень. Летом тепло, зимой холодно. Однако влияние на нашу погоду оказывают не только наше местоположение на Земном шаре или положение Земли относительно Солнца, но и различные циклоны. Например, пришёл полярный циклон, и летом становится очень холодно. А может придти тёплый атлантический циклон зимой, и станет тепло. Но эти колебания не заставят нас назвать лето осенью, а зиму весной.

Так и в случае развития страны. Нам известен основной процесс, который назван здесь «русскими горками», и он имеет свои «сезоны». Это: отставание, мобилизационный период, рывок, стагнация, отставание... Но ряд привходящих факторов, — своеобразные «циклоны», искажают основную картину. Вот некоторые из них: иерархия целей, принятая государством в конкретный момент, способ правления страной, действия соседей по отношению к России.

Об иерархии целей государства мы писали во вступительных главах, а здесь рассмотрим подробнее два остальных фактора.

Способ правления. В любой стране существует «два народа», или, иначе, два основных класса. Первый, основной — большинство населения страны, создающее материальные ценности. Второй — малая часть населения, называемая элитой. Обычно государство стремится к тому, чтобы различия между ними были как можно меньше. Если же власть осуществляется прежде всего в интересах элиты, а не большинства, то уровни жизни, мировоззрение, цели большинства и элиты начинают расходиться, и само поддержание государственности встаёт под вопрос, хотя государство и может существовать ещё очень долго, эволюционируя в ту или иную сторону.

Это — в общем случае и в любой стране. В России же способ правления принципиально важен, здесь перекос в пользу элиты приводит к неминуемым потерям. Наши российские «элитные» люди, обнаружив, что высшие классы ближних и дальних стран живут много лучше, чем они, стремятся жить не хуже. Но жизненный ресурс в России и так меньше, чем у других, и если взять на «прожигание» излишне много, то положение большинства катастрофически ухудшится.

При совпадении интересов, когда власть обеспечивает условия, чтобы все слои общества трудились на пользу государства (мы называем такой тип правления византийским, так как впервые он был позаимствован Россией от Византийской империи), государство укрепляется и успешно развивается. Когда же управление государством ведётся в интересах элиты (мы называем такой тип правления польским, по той же причине), то происходит элита теряет чувство реальности, а основные производители богатств остро чувствуют несправедливость такого положения. Если власть не примет мер к исправлению ситуации, то у страны нет будущего, или произойдут кровавые катаклизмы со сменой власти, опять же ради исправления перекоса.

Периоды, когда в России главенствовал «византийский» стиль управления, в совокупности занимают по времени существенно меньшую долю нашей истории, нежели когда государство управлялось по «польскому» типу. А это значит, что господствовавшая на протяжении почти всего нашего прошлого элита имела достаточно времени, чтобы по-своему описать историю страны, расставив выгодные для себя акценты. А, по мнению элиты, «византийский» тип управления — самый плохой и отсталый, а вот «польская вольница» есть прогресс и вершина государственной мудрости.

Поэтому эпоха Ивана Грозного и сама личность этого правителя, как в отечественной историографии, так и в зарубежной, изображается только в чёрных красках. Зато Смуту с её избранным боярским царём считают чуть ли не предтечей всей демократии в Европе. Так, А.Л. Янов отмечал, что конституция Михаила Салтыкова, принятая и одобренная Боярской думой 4 февраля 1610 года, — во времена, когда конституционной монархией в Европе даже не пахло, — была самым прогрессивным событием этого времени. Также и В.О. Ключевский считал, что конституция 1610 года — «это целый основной закон конституционной монархии, устанавливающий как устройство верховной власти, так и основные права подданных».

А если посмотреть с точки зрения устойчивости государства, то принятие этого документа было как раз действием, разрушающим устойчивость. И понятно, что, давая свои оценки тому давнему периоду, эти историки исходили из принятых *в их время* идеологических моделей, а вовсе не из *тогдашних* интересов страны, историю которой они описывают. Янов живёт интересами стран Запада (вот и хвалит конституцию, «предвосхитившую» очень правильные западные порядки), а Ключевский отвечает интересам своего дворянского класса.

Влияние соседей на выживание страны. Естественно, что на международном уровне никакая страна не будет воспитывать себе конкурента. Всегда, когда предоставляется возможность, соседи силовыми или другими методами подчиняют своей воле слабых, вплоть до уничтожения их государственности. Например, Турция поддерживала крымских татар в их набегах на Русь. Но и русские цари поддерживали казаков в их нападениях на турецкую и иранскую территорию, в то же время не позволяя им своевольничать у себя.

А чем, как не давлением, была многовековая блокада Московии, её отсечение от внешних рынков западными странами?

Но это примеры раскачивания, а когда государство теряет устойчивость, наступает время прямой агрессии. Вот именно преддверие агрессии, которая, как это понятно народу, может прекратить существование страны, и кладёт начало новому циклу в «русских горках»: происходит мобилизация общества и рывок. Так было при Иване IV Грозном и Петре I Великом, и эти циклы мы назвали их именами.

Люди, которые вводили мобилизационную экономику — хоть Иван, хоть Пётр, — с одной стороны, обычные люди со своими недостатками и слабостями, поэтому не следует делать из них безгрешных кумиров. Но с другой стороны, не следует и безоглядно верить «клевете» элиты, представители которой, сочиняя свои

воспоминания, прекрасно помнили время, когда их заставляли работать в интересах государства, а не своего кармана.

Также нельзя забывать, что для реализации государственных целей царям нужны были исполнители, а, как правило, выбор оных очень небольшой. Исполнителей надо готовить, а на это может и не быть времени. Поэтому приходится пользоваться услугами тех, кто есть, а они, как правило, очень неподходящий материал. Скажем, Ивану Грозному пришлось изначально опираться на людей, цели которых имели хоть что-то общее с его, царскими целями. Поэтому по ходу выполнения своей программы ему приходилось расставаться с теми из помощников, чьи цели начинали очень сильно уходить в сторону. Например, так произошло с Адашевым, наиболее долго сотрудничавшим с царем. Но что делать с оставшейся не у дел «элитой»? Ведь эти люди прекрасно понимают, к чему идёт дело, и это заставляет их консолидироваться в какие-то структуры. И хорошо, если цели этих структур совпадают с целями сохранения устойчивости государства, но обычно-то они действуют во вред ему, — вспомним убийство Павла I, или поведение боярства во времена малолетства Ивана IV. С этими боярами пришлось бороться, и позже заменить их дворянством, лишив экономических ресурсов. Старая «элита» стала просто вести к целям, прямо противоположным царским, а сложная геополитическая обстановка требовала срочных мер, и царь устранил их очень искусно.

Когда он вводил опричнину, то вместо репрессий против негодной элиты уехал из столицы, и объявил, что часть страны отдаёт боярам: правьте, как хотите. Он добился, что простой народ встал на его сторону, так как царь оказался «обиженным». И дальше, при репрессии того или иного боярского рода, народ и другие бояре особо не возмущались, потому что в бульшей части репрессии были обоснованны. А вот если бы он сразу начал с репрессий, то пострадавшие не согласились бы на роль жертв, и сочувствие народа было бы на их стороне. А соображения, которые при Иване удерживали старую элиту от активного протеста, заключались вот в чём: она знала, что стране всё равно нужна управляющая элита, и поэтому «всех не вырежут» и удастся не только отсидеться, но и перескочить в новую элиту.

В последующем историографы исказили этот процесс, выставив репрессированных жертвами произвола. Но их преследовали по суду! А разве сегодня большинство народа стало бы считать произволом судебное преследование Ельцина, Чубайса, Гайдара и прочих подобных? Ведь народ хлебнул от этой «элиты» в полной мере.

При реализации опричной программы, Грозный в очередной раз столкнулся с дефицитом кадров. Сами исполнители, опричники, оказались не способными понять, что от них требуется, а стали реализовывать свои собственные цели, дискредитировав всю идею.

Затем, при правлении Петра шла реализация целей очень высокого уровня. Если этого не учитывать, то может показаться, что в его действиях была некоторая хаотичность. Какие-то дела начинаются, не заканчиваются, начинаются новые. Вполне возможно, Пётр, наблюдая своих ближайших помощников, понимал, что они не в состоянии ставить и осуществлять самостоятельно цели даже невысокого уровня. Без должного контроля они мгновенно забывали о государственном интересе, — не забывая, однако, о своём собственном. Вот он и хотел, начав разные дела, создать некоторую структуру, которая заставила бы его наследников действовать в определённых рамках. И это ему удалось. А то, что казалось хаотичным, непродуманным, обернулось источником развития страны в последующие царства.

К сожалению, его наследники (за исключением Павла I и Александра III, которые работали в рамках более высоких целей, чем остальные, но не на самом высоком уровне) не были в состоянии подняться на достаточно высокий уровень целей. А когда работа, запланированная высоко, идёт на сниженном уровне, то многие осмысленные действия превращаются в свою противоположность.

Например, введение Табеля о рангах планировалось Петром как механизм привлечения в систему управления наиболее талантливых людей страны, чтобы человек талантливый мог бы пробиться наверх из самых низов, что делало общество, в целом, достаточно социально мобильным и способствовало бы улучшению качества элиты. Но после Петра эта система стала костенеть и превратилась в тормоз для социальной мобильности. Кстати, страшно смотреть, как быстро костенеет элита при Путине.

Другой пример, учреждение Академии наук. Её задачей было создание национальных научных кадров, но при наследниках Петра она стала синекурой для иностранцев, которые в большинстве своём старались препятствовать именно созданию национальных кадров, чтобы те не стали бы их конкурентами. И таких примеров множество.

Заложенные Петром общественные механизмы позволили России сохранить устойчивость в период «женского царства» после его смерти, но дворяне смогли перевести развитие страны с византийского стиля правления на польский. Ведь императриц на трон сажали они,

дворяне, и, естественно, в своих интересах. Полного краха в этот период удалось избежать только благодаря разгрому Турции и приобретению южных чернозёмов, что дало новый экспортный товар — хлеб.

Завоевание юга было долгосрочной программой в политике России; об этом думал ещё Иван Грозный. Страна давно готовилась к решению этой программы. То, что её удалось реализовать во времена Екатерины II, случайность. Но это событие позволило довольно посредственному, с точки зрения целей государства, правлению этой императрицы предстать в глазах потомков очень хорошим. А хлеб юга не только позволил удержаться ей, но и дал изрядную устойчивость (и резерв для развития) правлениям XIX века. То же самое мы видим и в наше время: с 1970-х годов и до сих пор точно так же, как раньше хлеб, нефть застилает глаза: деньги есть, элита шикует, но страна отстаёт от всего мира просто фантастически. Этого пока не заметно, но как только нефть кончится, люди спохватятся. Уж тогда-то они одобрят и репрессии, и всё, что угодно, лишь бы вернуть силу и истинное богатство. Тем более что внешний вызов налицо, и агрессия против нас не за горами.

Вернуться к византийскому типу функционирования государства пытался Павел I, но история уже показала, что отсутствие помощников может загубить самые лучшие начинания. Его «помощники» — сформировавшаяся в прошлые царствования дворянская элита, — не просто противились его начинаниям, но пошли на прямое устранение не устроившего их правителя. А заодно было создано о нём превратное мнение, как о сумасшедшем.

Последующие правители делали робкие попытки умерить аппетит элиты, но эти полумеры обернулись экономическим кризисом, а вслед за ним и политическим, и военным: Крымской войной.

Считается, что, пытаясь выйти из этого кризиса, начал свои антикрепостнические реформы Александр II, но это привело к внутренней неустойчивости в стране, так как не решался главный вопрос: единение страны, уменьшение напряжения между народом и элитой.

Определённые шаги сделал Александр III. Что интересно, его готовили как главнокомандующего, но при нём Россия не воевала вовсе, так как он работал на более высоком уровне целей, чем его отец. В его царствование появилось выражение: «Россия сосредотачивается».

А Николай II, хоть и получил специальную подготовку, как будущий царь, не имел силы воли, чтобы поставить и провести в жизнь более или менее достойные цели. Он следовал за обстоятельствами, а важнейшей целью, стоящей перед страной, было

проведение индустриализации. Наладить этот процесс взялся С.Ю. Витте, но темпы были не те, в каких нуждалась Россия. Ведь для модернизации страны взяли западные «лекала», а они нам никак не подходят!

Надо же было понять, что невозможно догнать Запад завтра, сегодня взяв на вооружение его вчерашние методы. Никто из властителей этого не понимал; предлагались разные, внутренне противоречивые программы, которые не могли ничего дать, а только разбалансировали и без того изношенный механизм. В итоге страна попала в такую ситуацию, выход из которой был только в новом рывке.

Но его готовили и проводили уже совершенно другие люди.

РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Февральский переворот

В конце 1916 года в высших сферах власти сложилось два политических течения, а в начале 1917 они уже вовсю действовали. Приверженцы первого (консервативного) считали, что выход из революционной ситуации — в ужесточении репрессивных мер, чтобы подавить не только социалистов, но и буржуазную оппозицию. Соответственно этому мнению были значительно увеличены штаты полиции (по одному городовому на четыреста жителей), полиция в городах была вооружена пулемётами. Готовился роспуск Думы.

Сторонники второго течения, состоявшего как раз из буржуазных оппозиционеров, в число которых входили депутаты Думы (в основном кадеты и октябристы) и генералитет, видели выход в дворцовом перевороте, и они нашли сочувствие этой затее у некоторых родственников царя. Назревал традиционный для Руси заговор для смены монарха; о сломе государственного строя, об отказе от монархии и речи не шло. Не исключено, что за их спинами традиционно скрывались англичане.

В нашей терминологии это были «западники», сторонники «польского» стиля управления. Как показала их дальнейшая деятельность, от народа они давным-давно оторвались. Вполне возможно, что они сами спланировали и продовольственно-топливный кризис в столице, и «стихийные народные выступления», в ходе которых — вопреки ожиданиям заговорщиков — народ реанимировали Советы рабочих и прочих депутатов, придумку 1905 года. К этому времени система уже потеряла устойчивость, и процесс перетёк в неуправляемую фазу: всем его участникам приходилось следовать за событиями; планировать их, а тем более выполнять планы было уже невозможно.

В начале 1917 года возникли перебои в снабжении хлебом Петрограда и ряда крупных городов. Не важно, были они созданы искусственно (ибо запасы хлеба в России были достаточными), либо произошли случайно. Главная причина была не в конкретных бедах, а в неустойчивости системы. Короче, подвоз продуктов в Петроград в январе составил половину от минимальной потребности.

Продразверстка, введённая правительством осенью 1916 года, провалилась.

Начало 1917 года ознаменовалось также самой мощной за весь период Мировой войны волной забастовок. 18 февраля выступили рабочие Путиловского завода; их поддержали рабочие Невской заставы и Выборгской стороны. По городу поползли слухи о приближающемся голоде. Спрос на хлеб резко возрос; имевшиеся в булочных и пекарнях запасы его не удовлетворяли.

***1917, 22 февраля**. — В Петрограде начались стихийные волнения. **23 февраля**. — Многолюдные митинги под лозунгами «Хлеба!», «Мира!», «Свободы!». **24 февраля**. — Несмотря на официальное сообщение властей, что запасы муки в городе достаточны, движение продолжало разрастаться. Демонстранты вышли на главные улицы города с красными флагами и лозунгами «Долой войну!», «Долой самодержавие!». Полиция не могла справиться с движением, а войска не обнаруживали склонности усмирять толпу.*

На 27 февраля намечались два события, связанные с Думой. Сторонники первого политического течения — консерваторы, собирались её распустить. О возможности такого решения царь ещё 10 февраля предупредил председателя Госдумы М.В. Родзянко. Сторонники второго течения — кадеты и октябристы, наоборот, собирались перетянуть власть на себя так, чтобы она, Дума, а не царь-государь, формировала правительство, — они искали консенсуса с царём.

За два дня до этих запланированных событий, 25 февраля, массовые выступления возобновились, а стачка приобретала всеобщий характер. Ночью прошли аресты активистов революционных организаций, но изъятие «смутьянов» не нормализовало обстановку. Расстрел демонстрантов на Знаменской площади и Невском проспекте вызвал перелом в настроениях войск: вечером 26 февраля начались волнения в полках. В ночь с 26 на 27 февраля Родзянко получил указ о «перерыве занятий Государственной думы»; возможности мирного улаживания конфликта были исчерпаны. 27 февраля войска Петроградского гарнизона стали переходить на сторону революции, толпы рабочих и солдат громили полицейские участки и вылавливали городовых.

***1917, 27 февраля**. — Образование Временного комитета Государственной думы во главе с её председателем М.В. Родзянко. В тот же день — начало работы сформировавшегося накануне Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. **1 марта**. — Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, начало демократизации и разложения старой армии. **2 марта**. —*

Образование первого Временного правительства во главе с князем Г.Е. Львовым, состоящего из октябристов и кадетов. В тот же день — отречение императора Николая II от престола в пользу брата, великого князя Михаила Александровича. ***3 марта****. — Отказ великого князя Михаила Александровича принять корону до Учредительного собрания.*

Итак, вырисовывается как бы следующая картина: стихийные беспорядки в столице переросли в вооружённое выступление против властей только после того, как император в очередной раз запретил собраться народным представителям (думцам) на их заседания. А обиженная Дума тоже стихийно (в силу сложившихся обстоятельств) оказалась во главе «революции», вина за начало которой, таким образом, полностью легла на Николая II.

Картина логичная, однако не вполне точная.

Дело в том, что «вынужденная» роль руководителей народной революции стала ускользать из рук думских заговорщиков в самом начале событий, поскольку они развивались вопреки кадетскому плану дворцового переворота. Ещё 26 февраля в Таврическом дворце открыл свои заседания Совет рабочих депутатов. Председателем был избран Н.С. Чхеидзе (социал-демократ, меньшевик), а одним из его заместителей стал А.Ф. Керенский (трудовик, с марта 1917 — эсер).

Дело пахло даже не двое-, а троевластием.

Думцы (либералы), обнаружив, что народное недовольство принимает вполне конкретные очертания революции, руководимой левыми партиями (демократами), вновь попытались договориться с царём (с консерваторами) о своем участии в органах исполнительной власти, уже и не думая о смене императора. Но Николай обрушил свой гнев именно на Думу, закрыв её заседания!

И вот тогда, поняв, что ни на какие договорённости с Думой царь не пойдет, а Петросовет захватывает инициативу, частное собрание нескольких членов распущенной царём Думы приняло решение о формировании «Временного комитета для восстановления порядка и сношения с учреждениями и лицами». Этот комитет со странным названием тут же обратился к населению с воззванием:

«*Временный комитет членов Государственной думы при тяжёлых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашёл себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием*».

Очевидно, из-за отсутствия какой-либо уверенности в поддержке населения, одновременно с обнародованием этой агитки М.В. Родзянко направил телеграмму главнокомандующему ближайшего к Петрограду Северного фронта с таким текстом:

«*Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно беспомощна восстановить нарушенный порядок. России грозит унижение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю единственным и необходимым выходом из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения... Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно*».

Генералитет благосклонно принял план переворота, и, рассчитывая на поддержку армии, думские заговорщики перешли к активным действиям. П. Милюков вспоминал: «Никто из руководителей Думы не думал отрицать большой доли её участия в подготовке переворота. Вывод отсюда был тем более ясен, что... кружок руководителей уже заранее обсудил меры, которые должны были быть приняты на случай переворота. Намечен был даже и состав будущего правительства. ...Личный состав министров старого порядка был ликвидирован арестом их, по мере обнаружения их местонахождения. Собранные в министерском павильоне Государственной думы, они были в следующие дни перевезены в Петропавловскую крепость».

Арестовав министров, Временный комитет Госдумы стал выглядеть в глазах населения, — по крайней мере, части населения столицы, органом власти. Но Петроградский Совет рабочих депутатов тоже опубликовал своё воззвание, и назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах той же столицы.

Таким образом, в феврале—марте 1917 года на улицах Петрограда, когда легитимной властью всё ещё оставался царь, столкнулись две политические группировки, заранее готовившиеся взять власть в свои руки: кадетско-октябристское большинство Госдумы, совершавшее верхушечный дворцовый переворот, и меньшевистско-эсеровские лидеры Петросовета, совершавшие буржуазно-демократический государственный переворот. Эти лидеры тоже были «западниками», только сторонниками других социально-экономических моделей.

Петросовет сразу начал действовать как главный орган власти. 1 марта им был издан Приказ №1, и четвёртый пункт его, признавая думскую комиссию, низводил её в «сообщники» Совета:

«*Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов*».

В тот же день Петросовет принял еще одно постановление, не менее важное. Вот его требования:

1) Все государственные финансовые средства должны быть изъяты немедленно из распоряжений старой власти. Для этого немедленно революционными караулами должны быть заняты в целях охраны:

а) Государственный банк, б) главное и губернское казначейства, в) Монетный двор, г) Экспедиция заготовления государственных бумаг.

2) Совет рабочих депутатов поручает Временному комитету Государственной думы немедленно привести в исполнение настоящее постановление...»

Как видим, и в этом случае Петросовет поручает Временному комитету Госдумы выполнить своё распоряжение.

Сходная картина была и в Москве. Того же 1 марта в Моссовете был «заслушан доклад Временного революционного комитета о его деятельности. Постановлено: задача текущего момента — захват народом власти в Москве. Для выполнения этой задачи избран комитет Совета рабочих депутатов в количестве 44 человек. В комитет вошли по партийным спискам: 16 представителей от Российской социал-демократической рабочей партии, 9 социал-демократов меньшевиков, 7 социал-революционеров, 3 от Бунда. Остальные места предоставлены профессиональным союзам, больничным кассам и кооперативам».

Советы фактически (де-факто) захватывали власть, включив думский «заговор» и свои действия составной частью. Что могли противопоставить этому дворяне-заговорщики? Только захват власти де-юре, создав видимость законности овладения именно ими высшей властью в стране. Для этого именно им нужно было получить отречение от престола правящего императора, — до сих пор легитимной власти России, — с тем, чтобы Комитет мог сформировать правительство на основе этого юридического акта.

Но им нужна была не республика, а конституционная монархия, только не с Николаем в качестве царя, — ибо в то время, по словам А.И. Деникина, «врагом народа его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединённое дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты...»

В конце концов, они получили право формирования законного правительства. Да вот только Николай II, соглашаясь на все предложения думских посланцев, был далеко не так прост, как это выглядело. По законам о престолонаследии царь мог отречься только за себя, но не имел права отрекаться за сына. Однако заговорщики решили: пусть будет править Михаил. Но тонкость здесь в том, что незаконность решения о совместном отречении от престола отца и сына делала недействительным сам акт отречения в целом.

Вероятно, великий князь Михаил Александрович понял замысел брата и на следующий же день (3 марта) отказался от такого «наследства». Правда, не окончательно: «Одушевлённый единой со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твёрдое решение в том лишь случае восприять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского»…

Так что на отречении Николая II история российской монархии не закончилась! Временное правительство, главу которого, Г.Е. Львова, Николай II утвердил задним числом, формально и по существу (Россия была объявлена республикой лишь полгода спустя) было правительством императорским. По крайней мере, до формирования Временного правительства социалистов в июле 1917 года.

Временное правительство

Итак, 2 марта было сформировано Временное правительство под руководством Г.Е. Львова. Оно разом заменило царя, Госсовет, Думу и Совет Министров, соединив в себе законодательную и исполнительную власть и подчинив высшие учреждения, Сенат и Синод. Для решения второстепенных вопросов создали Совещание товарищей (заместителей) министров. Среди тридцати семи человек, входивших в четыре состава этого правительства, был один академик, пять профессоров, два приват-доцента, семь инженеров, шесть юристов, пять экономистов, три врача и три историка. Когда сегодня вас уверяют, что Россию спасёт только профессиональная власть, состоящая из юристов и экономистов, вспомните о высоком профессионализме членов Временного правительства.

В момент его создания большинство населения страны верило ему и поддерживало его. Но в течение восьми месяцев оно пережило несколько кризисов (3–4 мая, 3–23 июля, 26 августа–24 сентября), потеряло доверие практически всех слоёв населения, и в октябре 1917 года было легко свергнуто.

Присмотримся к этой истории; она очень поучительна. Сразу предупреждаем: нам придётся время от времени перескакивать то вперёд, то назад, — ничего не поделаешь, время было сложное.

3 марта 1917 года газеты опубликовали программную декларацию Временного правительства. В ней провозглашались: полная и немедленная амнистия по всем политическим делам; свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек; отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, тайного и прямого голосования Учредительного собрания; замена полиции народной милицией; выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, и т.д.

В короткий срок все пункты декларации были либо выполнены, либо предпринимались серьёзные шаги к их осуществлению. И даже многое сделали с перебором. Так, например, провели всеобщую амнистию не только для политических заключённых, но и для уголовников, — и страну захлестнул вал преступности.

Однако быстро выяснилось, что большинство населения мало волнует *свобода слова и печати*; ему хотелось другого: мира, земли и 8-часового рабочего дня.

***1917, 10 марта**. — Соглашение Петроградского Совета и Петербургского общества заводчиков и фабрикантов о введении 8-часового рабочего дня. Однако представители капитала впоследствии заявляли, что страна не в состоянии ввести 8-часовой рабочий день из-за конкуренции других стран, поскольку такая мера удорожит продукцию. Это был вопрос, затрагивающий разные интересы, а потому он и не решался. **14 марта**. — Обращение Петроградского Совета «К народам всего мира» с осуждением захватнической войны и призывом к её прекращению. **25 марта**. — Постановление Временного правительства «О передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах» (введение хлебной монополии).*

Самым острым был вопрос о войне и мире: он затрагивал все без исключения слои общества. Недаром один из популярнейших лозунгов февральской революции — «Долой войну!». А позиция Временного правительства была однозначной: верность союзническим обязательствам, война до победного конца. И оно же само разрушило

армию! Ещё 1 марта в только что созданное Временное правительство был передан от ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов известный Приказ № 1: в войсках вводились выборные комитеты из нижних чинов, у офицеров изымалось оружие и устанавливались не ограниченные «ни в чём» свободы для солдата. И этот приказ выполнялся! Чуть позже, став военным министром, А.Ф. Керенский издал аналогичный приказ, вошедший в историю как «декларация прав солдата».

В армии провели чистку командного состава; за первые же недели было уволено около половины действующих генералов. На главные посты были назначены близкие к думским оппозиционным кругам выдвиженцы — А.И. Деникин, Л.Г. Корнилов и А.В. Колчак.

Но, взяв курс на продолжение войны «до победного конца», Временное правительство столкнулось с созданными им самим трудностями — армия стала неуправляемой, началось массовое дезертирство. Позже, в июле, на фронте были восстановлены упразднённые во время революции военно-полевые суды, но это не поправило дела.

В деревнях дезертиры организовывали крестьян на передел земли.

Продразвёрстка, именовавшаяся отчуждением, была введена 25 марта: «*…всё количество хлеба, продовольственного и кормового урожая прошлых лет, 1916 г. и будущего урожая 1917 г., за вычетом запаса, установленного в статьях 3 и 4 и необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд владельца, поступает, со времени взятия хлеба на учёт, в порядке статьи 5, в распоряжение государства…*». А мы напомним, что ещё в конце 1916 года на изъятие хлеба царским правительством посылались вооружённые отряды; теперь продразвёрстку возобновило буржуазное правительство, и позже большевистское правительство лишь продолжит традицию продразвёрстки и продотрядов, а вовсе не придумает её.

***1917, 18-20 апреля**. — Первый политический кризис Временного правительства. **21 апреля**. — Создание земельных комитетов для подготовки аграрной реформы. **23 апреля**. — Закон о создании фабрично-заводских комитетов для установления контроля над наймом и увольнением рабочих.*

18 апреля 1917 года министр иностранных дел П.Н. Милюков разослал правительствам стран Антанты ноту, в которой сообщал, что Россия намерена довести мировую войну до решительной победы. Такая позиция правительства шла вразрез с чаяниями народа; более ста тысяч рабочих и солдат Петрограда вышли на демонстрацию с тем самым лозунгом «Долой войну!». Это выступление масс вызвало

правительственный кризис, но Временное правительство продолжало форсированную подготовку наступления на фронте (позже названного Июньским), надеясь, что первые же слухи о военных успехах погасят антивоенную волну. Подготавливая войска к наступлению, члены правительства даже совершали агитационные поездки в воинские части, но… никаких успехов не получилось.

Июньское наступление закончилось провалом; была оставлена Галиция, а потери армии превысили 150 тысяч человек. Начались волнения: солдаты оказывали прямое неповиновение офицерам, солдатские комитеты смещали и арестовывали наиболее реакционных генералов и офицеров. Усилилась борьба за демократический мир. В сентябре-октябре широко развернулся процесс братания с вражескими солдатами на фронтах. Шло повальное дезертирство.

Решимость правительства продолжать войну и быть верными «союзническому долгу» даже вопреки ясно выраженной воле народа объяснялась финансовой причиной: Россия задолжала союзникам крупные суммы, а в сентябре американское правительство предоставило новый кредит размером в 125 млн. долларов.

В апреле социал-демократическая рабочая партия, состоявшая из фракций меньшевиков и большевиков, разделилась на две партии.

В государственном аппарате на местах шли более крупные изменения, чем в центре. Здесь одновременно происходила децентрализация (из-за ослабления государства и местнических устремлений буржуазии) и демократизация. Были ликвидированы посты генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, распущены полицейские и жандармские управления. Но работу-то выполнять надо было, и вместо упразднённых должностей появились комиссары Временного правительства. Одновременно с этим работали Советы рабочих депутатов, а буржуазия создавала свои комитеты общественных организаций, которые сотрудничали с комиссарами.

***1917, 4-28 мая**. — Первый Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. **5 мая**. — Образование второго (первого коалиционного) Временного правительства под председательством князя Г.Е. Львова с участием кадетов (2/3 портфелей) и социалистов (1/3 портфелей).*

25 мая было образовано Особое совещание по подготовке закона о выборах в Учредительное собрание. Выборы были назначены на 17 сентября, а затем перенесены на 12 ноября.

С 3 по 24 июня проходил Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Был избран Всероссийский

Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) во главе с Н.С. Чхеидзе. Съезд санкционировал давно готовящееся наступление на фронте, а в вопросе о власти подтвердил необходимость коалиции. Преодоление кризиса в экономике делегаты съезда видели в усилении централизации управления народным хозяйством, в «умеренном» обложении налогами предпринимателей.

Помимо вопроса о мире, другой главный вопрос *подавляющего большинства* звучал так: кто будет владеть землей?! Весной и в начале лета 1917 года большинство крестьян рассчитывали, что Временное правительство передаст им землю. Но шли недели и месяцы, а кроме слов крестьяне практически ничего не получали.

Напомним, что население страны было крестьянским на 80 %, и вот оно-то и настаивало на издании закона, запрещающего земельные сделки. Проблему обострила начатая за несколько лет до этого П.А. Столыпиным очень рискованная реформа по разрушению крестьянской общины. Она велась через приватизацию земли, но не затрагивала помещичье землевладение. Однако расчёт на то, что конкуренция разорит «слабых» и создаст слой сельской буржуазии как оплота государства, не оправдался; реформа ухудшила экономическую и политическую ситуацию, а потому практически везде, где этот вопрос решался, он сопровождался вооружённым противостоянием.

В мае Всероссийский съезд крестьянских депутатов потребовал немедленно запретить куплю-продажу земли. Причина была в том, что помещики начали спекуляцию землёй, в том числе дешёвую распродажу её иностранцам. Землю делили малыми участками между родственниками, закладывали по бросовой цене в банках. На хищнический сруб продавали леса, так что крестьяне нередко снимали в лесах стражу помещиков и ставили свою. Вообще захваты, запашка частновладельческих земель, конфискация инвентаря, взятие под охрану лесов, принадлежащих помещикам, стали обычным делом.

В России, при всех её громадных размерах, нет лишней земли. Той, что имеется, мало для прокорма собственного населения. Крестьяне, наиболее близкие к земле люди, выживающие только трудом на ней, острее всех чувствовали, куда заведёт политика распродажи земли после введения её в торговый оборот.

Земельный вопрос не имел решения, которое устроило бы всех. По уму, надо было бы действовать в интересах большинства, то есть крестьянства. Но правительство отложило решение аграрного вопроса до Учредительного собрания. Пойти на национализацию земли оно не могло, поскольку половина земель (помещичьей) уже была заложена, и национализация разорила бы банки. Правительство

учитывало интересы банкиров, помещиков и земельных спекулянтов, не желая учитывать интересов крестьян.

Для того, чтобы, наконец, решить хоть какую-то проблему тем или иным образом, нужна была политическая воля, а Временное правительство не овладело ходом событий; оно было загнано в ещё более худшее положение, чем незадолго до этого царь.

Была развалена система правоохранительных органов Российского государства, которая складывалась в течение столетия, а кадры деморализованы. Милиция, созданная взамен полиции, находилась в ведении земского и городского самоуправления (которые избирали начальников милиции), была разношёрстной и не имела квалифицированных кадров. Комиссары Временного правительства, ответственные за подбор офицерского состава милиции, справиться с этим не могли из-за противодействия Советов и местных буржуазных организаций. Более сильная и организованная рабочая Красная гвардия охраняла порядок в рабочих кварталах, но Временному правительству она не подчинялась, и опорой его стать не могла.

Провал летнего наступления на фронте стал причиной нового политического кризиса. В столице прошли демонстрации с требованиями передачи всей полноты власти в руки Советов, отставки правительства. Ситуация осложнилась ухудшающимся экономическим положением. 2 июля министр продовольствия А.В. Пешехонов информировал о продовольственном кризисе, охватившем столицу и ее окрестности, а топливный комитет — о надвигающейся остановке фабрик и заводов из-за отсутствия топлива. Подобное наблюдалось и в других промышленных центрах.

3 июля было нарушено неустойчивое равновесие сил между Временным правительством и Петроградским советом, была расстреляна демонстрация под советскими лозунгами. Партия кадетов объявила об отзыве своих министров из состава правительства. После короткого владычества в правительстве социалистов новое, сформированное 24 июля правительство стало сдвигаться вправо, а его председатель А.Ф. Керенский (перешедший в партию эсеров) помимо председательства занял посты военного и морского министра; в третьем правительстве он был председателем и Верховным главнокомандующим.

Принятые меры по стабилизации обстановки: подавление демонстраций силой оружия и введение смертной казни на фронте, закрытие левой прессы, отсрочка выборов в Учредительное собрание показывают, что борьба из сферы политического диалога между различными политическими силами всё более переходила в сферу насилия.

***1917, начало июля**. — Отказ Первого пулеметного полка в Петрограде идти на фронт и обращение его к другим воинским частям с предложением поддержать требование отставки Временного правительства. **5 июля**. — Обвинение партии большевиков в том, что она организовала в Петрограде вооружённое восстание против Временного правительства по заданию германского Генерального штаба. Начало репрессий против руководства партии. **7 июля**. — Отставка князя Г.Е. Львова с поста премьер-министра, назначение премьер-министром А.Ф. Керенского. **25 июля**. — Образование третьего Временного правительства во главе с А.Ф. Керенским, состоящего наполовину из кадетов, наполовину из социалистов. **26 июля — 3 августа**. — VI съезд РСДРП(б), принятие решения о необходимости подготовки вооружённого восстания против Временного правительства.*

До апрельского кризиса Временное правительство было чисто либеральным, в нём были только члены буржуазных партий. Кризис привёл в него демократов, в частности, трудовика А.Ф. Керенского; позже (после июньского кризиса, сопровождавшегося вооружённым восстанием) власть сосредоточилась в руках умеренных (правых) социалистов, руководивших работой и Временного правительства, и Советов. Но правосоциалистическое правительство Керенского просуществовало недолго: уже 25 июля оно вновь стало коалиционным.

Каждый новый состав правительства заявлял о своей решимости остановить падение экономки, наладить хозяйственную деятельность — но непременно *в условиях продолжающейся войны*. Обещали крайнюю бережливость в расходовании народных денег, установление твёрдых цен на предметы первой необходимости и доставку их населению по возможно заниженным ценам. Все составы правительства сходились на необходимости государственного регулирования экономики и усиления контроля деятельности частных торговцев и предпринимателей. Так что всё это, после Октября, не было большевистским нововведением.

Принимались экстренные меры для уборки урожая. На сельскохозяйственные работы были направлены трудовые дружины учащихся, военнопленные (около полумиллиона) и солдаты тыловых гарнизонов (более полумиллиона). У политиков различных направлений была популярна идея всеобщей трудовой повинности, так что «трудармии» — тоже не изобретение большевиков.

С 25 августа по 2 сентября длился неудачный мятеж генерала Л.Г. Корнилова, который вместе с рядом других генералов пытался свергнуть Временное правительство. Между тем, поведение

кадетов накануне и в ходе кризиса (они, по требованию Корнилова, дружно подали в отставку) привело к резкому падению авторитета этой партии среди народа. Одновременно из-за внутренних разногласий углублялся раскол и в партиях эсеров и меньшевиков.

После ухода из правительства министров-кадетов, 30 августа – 1 сентября была сформирована Директория из пяти человек во главе с Керенским (она просуществовала до 24 сентября), — это было правительство умеренных социалистов. В тот же день, 1 сентября, правительство покончило с двусмысленностью государственного строя, возникшей после отречения Николая II, а именно, опубликовало постановление, провозгласившее Россию республикой.

Неудачный военный переворот генерала Корнилова, высветивший непоследовательность и слабость правительственных партий, поднял авторитет большевиков: они действовали явно и прямо, организовав оборону города и подавление корниловщины силами отрядов Красной гвардии. После этого стал усиливаться их контроль над Советами. Если 2 марта в Петросовете за резолюцию большевиков против передачи власти в руки Временного правительства было подано 19 голосов против 400, то 31 августа уже абсолютное большинство Совета поддерживало большевиков, требовавших: «вся власть Советам!»

Этот лозунг становился всё популярнее в народе, потому что все видели: любое начинание Временного правительства тонет в бесконечных словопрениях и дискуссиях. Вместо того, чтобы действовать решительно, оно создавало всё новые комиссии и комитеты, которые, как правило, тихо умирали, не оставив ничего, кроме кипы бумаг. Между тем, с каждым месяцем, с каждой неделей положение в экономике становилось всё более угрожающим.

Все жаловались на безобразную работу транспорта. Сами железнодорожники ожидали, что с наступлением зимнего периода разрушение подвижного состава станет неизбежным.

Нарастал финансовый кризис. Вместо сокращения государственные расходы росли гигантскими темпами. Промышленники, землевладельцы, почтово-телеграфные чиновники доказывали убыточность существующих цен и тарифов, настаивали на их увеличении. Рабочие и служащие в свою очередь требовали повышения зарплаты, ссылаясь на бешеный рост цен и тарифов. С рынка исчезали сахар, белая мука, масло, обувь, ткани, мыло, дешёвые сорта чая и многое другое.

Денежный печатный станок работал беспрерывно. Стали выпускаться деньги достоинством в 20 и 40 рублей. Они печатались

неразрезанными, на плохой бумаге, без всякой нумерации, с большим количеством ошибок.

Правительство пыталось регулировать потребление продовольствия и промышленных товаров, но, несмотря ни на что, в стране начинался голод. Нужду в хлебе в течение всего лета испытывали многие губернии, сильно ухудшилось продовольственное положение на фронте. В августе в Москве и Петрограде паёк был 3/4 фунта хлеба на душу. Официальные донесения местных правительственных и общественных органов сообщали в октябре о реальном голоде, охватившем ряд городов и губерний. Продовольственные трудности испытывало даже население Украины! Запомним и это: разруха и голод досталась большевикам в наследство от демократов, а не были ими «организованы», как сообщают некоторые нынешние историки.

Резко увеличилось имущественное расслоение населения. Одни голодали, — таких было большинство. Другие скупали мебель, бронзу, ковры, золото и серебро, бриллианты, меха и недвижимость.

А правительство призывало народ к терпению и к новым жертвам на «алтарь Отечества».

Ответом на беспомощность правительства, ухудшение экономического положения стало усиление самоорганизации народа. Фабричные комитеты брали на себя вопросы найма и увольнения, производства и распределения. Ими в явочном порядке был введён 8-часовой рабочий день, достигнуты договоренности о заключении трудовых соглашений с предпринимателями.

В деревне начинает достигать апогея борьба крестьян против помещиков, вылившаяся в стихийный и самовольный захват земли. Временное правительство как государственный, законоисполнительный орган пыталось препятствовать данным акциям, но споры о земле находили отзвук в армии; солдаты уходили домой с оружием, что ввергало деревню в ещё большую анархию. К тому же социальные противоречия города и деревни преломлялись через призму межнациональных отношений, многократно углубляя кризис в стране.

Национальный сепаратизм поразил армию. Еще до Февраля были созданы национальные части: латышские батальоны, Кавказская туземная дивизия, сербский корпус. После Февраля был сформирован чехословацкий корпус. Теперь представители разных наций стали требовать создания национальных войск, а командование и правительство не имели определённой установки и не были готовы к этому. Разгорелась борьба за Черноморский флот; украинцы поднимали на мачтах свои флаги, с кораблей списывали матросов – не украинцев.

Начался территориальный распад. После Февраля Польша и Финляндия потребовали независимости. Временное правительство, на словах взявшее курс на сохранение «единой и неделимой» России, в реальности всей своей практикой способствовало децентрализации и сепаратизму не только национальных окраин, но и русских областей.

***1917, 1 сентября**. — Провозглашение России республикой. **5 сентября**. — Переход Московского Совета рабочих и солдатских депутатов на сторону большевиков. **14-22 сентября**. — Демократическое совещание, избрание Совета Республики.*

В.И. Ленин предложил создать правительство из представителей левых партий, ответственных перед ЦИК Советов, — советское правительство, и передать всю власть на местах советам. На вхождении большевиков в такое правительство Ленин не настаивал. Но меньшевистско-эсеровский ЦИК Советов отверг это предложение.

***1917, 25 сентября**. — Образование четвёртого Временного правительства во главе с А.Ф. Керенским, состоявшего наполовину из кадетов, наполовину из социалистов. **29 сентября — 6 октября**. — Высадка немецких войск в Эстонии. **4 октября**. — Решение Временного правительства об эвакуации из Петрограда в Москву. Была создана возглавляемая министром внутренних дел Комиссия по «разгрузке Петрограда», которая готовила переезд в Москву правительства и высших учреждений власти. Так что даже переезд правительства в Москву придумали не большевики.*

Накануне октября на секретном совещании в Ставке, в котором участвовали деятели буржуазных партий, был утверждён план военного переворота. С фронта снимались войска и располагались вблизи крупных городов.

10 октября члены ЦК партии большевиков во главе с В.И. Лениным приняли решение о необходимости вооружённого выступления против Временного правительства; через несколько дней на новом заседании они подтвердили необходимость вооружённого свержения Временного правительства.

20 октября в Петрограде был образован Военно-революционный комитет, боевой орган при Совете рабочих и солдатских депутатов.

24 октября А.Ф. Керенский выступил в Предпарламенте с анализом ситуации в стране. После обсуждения его доклада была принята резолюция, предложенная левыми фракциями меньшевиков и эсеров: поддержка правительства при условии немедленного осуществления радикальной программы «земли и мира», создание комитета общественного спасения с участием представителей Советов.

Эта резолюция была отклонено А.Ф. Керенским, ибо в ней в завуалированной форме выражалось недоверие правительству.

Вечером 24 октября началось вооружённое восстание. В течение ночи и последующего дня — генштаб, телеграф, вокзалы и другие объекты — оказались в руках восставших. Утром 25 октября Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов объявил Временное правительство низложенным. Вечером того же дня начал работу II Всероссийский съезд Советов: из 670 делегатов 507 поддержали переход власти в руки Советов.

Съезд принял два основных документа. «Декрет о мире» содержал предложение всем воюющим народам и правительствам немедленно начать переговоры о справедливом и демократическом мире. «Декрет о земле» предусматривал, что вся земля передаётся в общенародное достояние, частная собственность на землю отменяется, каждый может обрабатывать землю только своим трудом на основе уравнительного землепользования. Съезд подтвердил гарантии созыва Учредительного собрания, обеспечение права наций на самоопределение. Власть на местах передавалась в руки местных Советов. На съезде был сформирован новый состав ВЦИК — 101 человек; в него вошли 62 большевика и 29 левых эсеров. Возникло первое советское правительство — Совет народных комиссаров во главе с В.И. Лениным.

Вдохновители Февраля были западниками, их идеалом была буржуазная республика. Они считали, что достаточно это провозгласить, и всё сделается само собой. В итоге Временное правительство не решило ни одного важнейшего вопроса; все его начинания закончились неудачей. Эти люди не знали страны и не понимали основных нужд народа, они стремилось быть хорошим для всех. В итоге правительство «профессионалов» потеряло доверие практически всех слоев общества, и было сменено.

А кстати, Советскую власть поддержала и часть буржуазной элиты. Из числа крупных капиталистов можно назвать председателя Совета Петербургского общества заводчиков и фабрикантов А.А. Бачманова; крупного пароходовладельца и хлеботорговца с миллионным состоянием Н.В. Мешкова, директора московского отделения французского банка «Лионский кредит» А.А. Познера, председателя Сибирского торгового банка В.В. Тарковского; руководителей крупных банков И.А. Баранова, Д.А. Калмыкова, А.Р. Менжинского, А.Д. Шлезингера и многих других.

Гражданская война

Сразу отметим главное: *приход к власти именно большевиков не был закономерным*. Россия находилась в состоянии неустойчивости, и малые флуктуации подействовали так, что к власти пришли они. А дальше им удалось удержаться и закрепится у власти в результате постоянной корректировки своей политики. То есть они подстраивались под складывающиеся условия, а не пытались преобразовать действительность под абстрактные схемы, как прочие до них. Этому в немалой степени способствовало то, что во главе движения стоял В.И. Ленин, человек умный, способный для достижения цели искать обходные пути, а не фанатик, который при встрече с препятствием бьётся об него головой.

Но перейдем к хронике событий того времени.

II Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов начал свою работу в 22 часа 40 минут 25 октября 1917 года. В первом же документе съезда — обращении «К рабочим, солдатам и крестьянам», говорилось, что съезд берёт власть в свои руки, а Временное правительство низложено. Съезд постановил, что власть на местах переходит к Советам рабочих и крестьянских депутатов. Таким образом, съезд юридически оформил Республику Советов. Также Съезд принял два важных декрета: «О мире» и «О земле», — то есть сделал именно то, на что не решались предыдущие правительства.

Из всего этого со всей непреложностью следует, что октябрьские события 1917 года не были большевистским переворотом, а были — советским. *Советы пытались взять власть ещё в феврале, даже до образования Временного правительства, больше того — до появления большевиков, как отдельной партии* (это произошло в апреле). Сам Л.Д. Троцкий признавал: «Протоколы показывают, что важнейшие вопросы: о съезде Советов, о гарнизоне, о Военно-революционном комитете не обсуждались предварительно в ЦК, не исходили из его инициативы, а возникали в Смольном, из практики Совета…»

Советский характер переворота подтверждается и многопартийностью его участников, и содержанием первых декретов. Декрет о земле, например, вообще противоречил большевистской программе, и был эсеровским продуктом. Так что ни переворот сам по себе, ни II Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов не открывали какую-то новую, «большевистскую» страницу истории, а были логичным продолжением общероссийской истории.

Советы взяли на себя власть, когда в России во многих структурах царил хаос, а остальные находились на грани хаоса. Это, с одной стороны, создавало для новой власти огромные трудности в жизнеобеспечении страны, но, с другой, облегчало государственное строительство, поскольку сопротивление старых структур было ослаблено.

Отметим: в этот момент ВСЕ политические силы были согласны, что под угрозой находилась сама российская государственность.

Рассмотрим два документа.

В августе 1917 года Временное правительство провело так называемое Государственное совещание в следующем составе: представителей четырёх Государственных дум — 488, крестьян — 100, представителей Советов, исполнительных комитетов общественных организаций — 129, городов — 147, земского и городского союзов — 18, земств — 118, торгово-промышленных кругов и банков — 150, научных организаций — 99, трудовой интеллигенции — 83, армии и флота — 117, духовенства и духовных организаций — 24, национальных организаций — 58, продовольственных комитетов — 90, сельскохозяйственных обществ — 51, кооперативов — 313, профессиональных союзов — 176, правительственных комиссаров — 33, военного ведомства — 16, сословных учреждений — 4, членов правительства, представителей министерств — 15. В течение 13 августа к собранию прибавилось свыше 100 членов, в том числе епископ Евлогий, генерал Корнилов (Верховный главнокомандующий с 19 июля), министры Скобелев и Юренев. В общем, делегатов было более 2500.

Выступая на этом весьма представительном совещании, А.Ф. Керенский очень красочно изложил своё видение катастрофического состояния, в котором находилась Россия:

«Все мы ощущаем в душе своей смертельную тревогу... Голодающие города, всё более и более расстраивающийся транспорт... падение производительности в промышленной и заводской работе, открытый отказ поддерживать государство великими жертвами имущества и достояния своего со стороны многоимущих... исчезновение национальных богатств... То же и ещё большее мы видим и в политических настроениях, где процесс распада и распыления на всё новые и новые враждующие между собой политические партии и группы сталкивается с всё более и более поднимающим голову стремлением некоторых национальностей государства Русского искать спасения не в более и более тесном единении с живыми силами

государства Российского, а в стремлении отмежевать... судьбу свою от нас...»

Выход из тяжелого положения, по мнению, Керенского, был лишь в единении власти и общества — в консолидации. Сегодня, в начале XXI века, мы тоже слышим призывы к консолидации. Так вот, для объединения нужно общее дело. А как раз его-то Керенский и не предложил.

Но мы привели здесь отрывок из его выступления, чтобы показать: понимание провала всей предыдущей политики было всеобщим. Резолюция большевистского съезда «О текущем моменте» чуть ли не текстуально совпадает с положениями речи министра-председателя:

«После трёх лет войны экономическое положение России представляется в следующем виде: полное истощение в сфере производительного труда и дезорганизация производства, всемерное расстройство и распад транспортной сети, близкое к окончательному краху состояние государственных финансов и, как последствия всего этого, доходящий до голода продовольственный кризис, абсолютная нехватка топлива и средств производства вообще, прогрессирующая безработица, громадное обнищание масс и т.д. Страна уже падает в бездну окончательного экономического распада и гибели».

Большевики вовсе не были монстрами, которые, вопреки происходящим «демократическим» переменам, просто и тупо, исключительно ради своей прихоти желали получить власть в идущей к капиталистическому счастью стране. Это была политическая организация, одна из многих, понимавших, что положение критическое. В конце 1917 года единственным отличием РСДРП(б) от прочих партий состояло в том, что она готова была взять на себя ответственность за страну, и взяла её, сформировав правительство. Затем пришлось провести большую теоретическую, аналитическую и практическую работу по возвращению управляемости и нормального функционирования государства. Следовало быстро принимать и проводить в жизнь решения, налаживать быстродействующие обратные связи.

Конечно же, новая власть не всегда соответствовала вставшим перед нею задачам. Но она быстро училась.

***1917, 2 ноября**. — Принятие Декларации прав народов России, признавшей за ними право на самоопределение. **5 ноября**. — Восстановление на Всероссийском церковном соборе патриаршества. **11 ноября**. — Упразднение сословий и гражданских чинов. **12 ноября**. — Выборы в Учредительное собрание. **14 декабря**. — Декрет о национализации банков. **18 декабря**. — Признание независимости*

*Финляндии. **1 января**. — Декрет об аннулировании государственных займов.*

Успеху большевиков способствовало то, что народ России проявил себя как народ, обладающий целостной культурой и исторической памятью, включающей богатейший опыт государственного строительства и самоуправления (как общинного, так и городского). Советское государство устраивало народ, которому была близка сама идея Советов как типа соборной власти.

Сразу же после 25 октября 1917 года власти Советов пришлось отражать наступление на Петроград войск Керенского-Краснова, а в самом Петрограде и Москве ликвидировать выступление юнкеров. И они сумели организовать защиту. А большевики, не обладая достаточным авторитетом, были согласны сотрудничать в Советах со всеми партиями социалистической ориентации. Но меньшевики и правые эсеры выступили с осуждением их действий в октябрьские дни, и выдвинули требование создания однородного социалистического правительства. Поэтому не они, а левые эсеры уже в ноябре получили предложение от большевиков войти в состав правительства. Сначала эсеры отказались, но в последующие недели наметилось сближение позиций, и в декабре четыре левых эсера вошли в состав Совнаркома. Кроме того, левые эсеры получили ряд постов в армии и в ВЧК.

После этого российские социалисты окончательно разделились на сторонников Советов (большевики и левые эсеры) и сторонников Учредительного собрания (меньшевики и правые эсеры). Обратим внимание, что по разные стороны «баррикад» оказались части двух партий: социал-демократов и социалистов-революционеров.

Так большевики и левые эсеры показали себя более ответственными политиками, нежели все прочие. Правда, позже левые эсеры подняли мятеж против Советской власти, но это было позже. Пока же Учредительное собрание выглядело делом будущего, пусть и скорого, а налаживать жизнь страны надо было немедленно. Нельзя назвать ответственной и деятельность нескольких антисоветских организаций, активную роль в которых играли конституционные демократы (кадеты). В общем, страна поддержала советское правительство, поскольку оно вели дело к стабилизации *сегодня*, а не к продлению неустойчивости в теоретических поисках какого-то лучшего состояния.

Учредительное собрание начало свою работу 5 января 1918 года. На нём было представлено 715 делегатов, в том числе 412 эсеров и 183 большевика. Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов предложил собранию признать Советскую власть и принять

«Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой были отражены уже принятые декреты. Этого не произошло, и в знак протеста большевики и левые эсеры покинули зал заседаний. Хотя Собрание лишилось кворума, но продолжило свою работу. Оно провозгласило Россию демократической республикой с признанием суверенитета народов России, приняло кодекс о земле и отвергло «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

10 января 1918 года открылся III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, а 13 января — III Всероссийский съезд крестьянских депутатов, и в тот же день оба съезда приняли решение об объединении. Объединённый съезд утвердил отвергнутую Учредительным собранием «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Приставка к правительству — слово «временное» — была снята. Съезд объявил бывшую имперскую Россию Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР).

На съезде был избран ВЦИК.

Между тем, одно из заседаний Учредительного собрания затянулось далеко заполночь, в зал вошла вооружённая охрана, и было объявлено, что «караул устал». Возможно, он и в самом деле устал. После этой хамской выходки оставшиеся делегаты (и без того не составлявшие кворума), в основном от буржуазных партий, разъехались. Хотели этого большевики, или не хотели, Учредительное собрание не состоялось, но говорить, что его «разогнали», юридически не верно.

После «разгона» Учредительного собрания противники большевиков решили доказать свою правоту с помощью оружия. Начало гражданской войны было положено ими. Но скоординированное «Белое движение» только начиналось! Произошедшие раньше поход генерала П. Краснова на Петроград и мятежи юнкеров в столицах в октябре 1917 года; восстания атаманов А. Каледина на Дону и А. Дутова на Южном Урале; наступление Л. Корнилова на Екатеринодар в конце 1917 – начале 1918 годов были разрозненными актами.

***1918, 15 января**. — Декрет о создании Красной Армии. **20 января**. — Отделение Церкви от государства, а школы от Церкви. **24 января**. — Декрет о введении с 1 февраля григорианского календаря. **3 марта**. — Брестский мир.*

Перед страной по-прежнему стояла проблема участия в Мировой войне. Народ её не желал, а после разрушения основных государственных институтов царской России продолжать войну было просто нельзя. Советы, взяв власть под обещанием «мира без аннексий

и контрибуций», начали переговоры о мире. Советская республика предложила сепаратный мир, Германия согласилась на переговоры, которые и начались в Брест-Литовске 14 ноября 1917 года, и завершились, после февральских неурядиц «из-за Троцкого», подписанием мирного договора 3 марта 1918 года с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с аннексиями и контрибуциями. От РСФСР отторгались Украина, Финляндия, Грузия, Польша, Прибалтика; на Россию накладывалась изрядная контрибуция.

Тут надо учитывать вот что. Частные, конкретные решения, которые спустя десятилетия представляются явно ошибочными, начинают выглядеть совсем по-иному, как только посмотришь на них более широким взглядом. Конечно же, подписанный в Брест-Литовске мир был грабительским, но большевики действовали из тех соображений, что в ближайшее время революция произойдёт и в Германии, а в этом случае все эти договорённости будут ничтожными.

Традиционно вина за февральский срыв переговоров возлагается на главу советской делегации Л. Троцкого из-за его позиции «ни войны, ни мира». Но заметим, что, во-первых, эта позиция советским правительством полностью не отвергалась и, по словам В. Ленина, была *«*дискутабельной*»*; во-вторых, на совещании членов ЦК РСДРП(б) с партработниками 8 января 1918 года за предложения Л. Троцкого проголосовало 16 человек, за требование В. Ленина немедленно подписать мир было подано лишь 15 голосов, а за начало «революционной войны» высказалось 32 человека. К тому же так называемых левых коммунистов, требовавших разрыва переговоров о мире, поддерживала и значительная часть ЦК правящей партии левых эсеров.

И лично Л. Троцкий переговоров не срывал. 10 февраля в ответ на германский ультиматум он заявил следующее: *«Именем Совета народных комиссаров правительство Российской Федеративной Республики... доводит до сведения правительств и народов воюющих с нами союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращённым. Российским войскам одновременно отдаётся приказ о полной демобилизации по всему фронту»*. И уехал для консультаций в Петроград. Только 18 февраля германское командование начало наступление, в ходе которого и были сформулированы новые условия мира.

Ленин по этому поводу сказал: *«Что новые условия хуже, тяжелее, унизительнее худых, тяжелых и унизительных брестских*

условий — в этом виноваты, по отношению к великороссийской Советской республике, наши горе-«левые» Бухарин, Ломов, Урицкий и К°». Как видим, Л. Троцкий среди виновных не назван.

Весь этот период — с октября 1917 по март 1918 года, характерен установлением Советской власти по всей стране. Повсюду началась организация новой системы управления. К лету 1918-го Совет ВЦИК и Совнарком приняли около семисот декретов, ставших основой будущего законодательства. Учреждались суды; острота борьбы заставила создать орган госбезопасности, и 7 декабря 1917 года СНК учредил Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем во главе с Ф.Э. Дзержинским. Считалось, что это будет временный орган, а пока, опираясь на эти новые структуры, советское руководство провело частичную национализацию, как меру борьбы с саботажем. Были национализированы не только отдельные предприятия, но и целые отрасли.

Для осуществления своих полномочий ВЧК имела свои вооружённые силы. Со второй половины декабря 1917 года местными Советами стали создаваться местные ЧК. В волости и небольшие уезды назначались комиссары ЧК. К концу мая 1918 было создано 40 губернских и 365 уездных ЧК (в январе 1919 в связи с определённой стабилизацией обстановки уездные ЧК были упразднены).

31 января 1918 года Совнарком вменил в обязанности ВЧК розыск, пресечение и предупреждение преступлений. Материалы для следствия надлежало передавать в следственную комиссию трибунала, которая уже направляла дела в суд. (Позже, в ноябре 1920 года, к функциям ВЧК добавили охрану границ государства.) Всё это было хорошо и правильно, но 21 февраля 1918 года ВЧК наделили правом внесудебного решения дел с применением высшей меры наказания — расстрела. Вот это и привело в дальнейшем к неизбежным при отсутствии процессуального контроля ошибкам и злоупотреблениям, в ряде случаев кончавшихся гибелью невиновных.

Но надо учитывать, что такие права ВЧК получила в условиях беспрерывных мятежей. Экономическое положение страны продолжало ухудшаться, — оно и не могло улучшиться мгновенно; продолжался голод в городах. Поэтому большевики продлили политику продовольственной диктатуры предыдущей власти, но только теперь продовольственные отряды состояли из рабочих, которые отправлялись в деревню для изъятия излишков хлеба, а в деревне параллельно с Советами стали создаваться комитеты бедноты.

В ответ прокатились бунты; летом 1918 года в двадцати губерниях страны произошло 245 антибольшевистских крестьянских выступлений, за которыми в идейно-политическом плане стояли эсеры.

В эти же дни началась Гражданская война.

Обычно её начало датируют вводом на территорию России войск Антанты (Англия высадила войска в Мурманске 9 марта 1918), и возникновением контрреволюционных белых армий, и различают несколько этапов войны. 1) Лето – октябрь 1918 года, распространение войны на всю территорию. 2) Ноябрь 1918 – апрель 1919 года, усиление интервенции Антанты и крушение этой попытки (ещё этот период называют периодом Колчака). 3) 1919 год, решающие события войны (период Деникина). 4) 1920 год, советско-польская война, поражение Врангеля и конец Гражданской войны, который относят на весну – ноябрь 1920 года. 5) Эпилог войны: весна 1921 – конец 1922 года.

То, что начало русской Гражданской войны произошло при явной и активной поддержке иностранцев и с участием иностранных войск, это факт. Но внесём небольшие коррективы. Перманентные вооружённые стычки внутри страны шли уже с декабря 1917 года, а если учитывать корниловский мятеж, то они начались ещё при Временном правительстве. Во-вторых, серьёзные боевые действия велись в мае 1918-го, и не в связи с выступлением белой гвардии или интервенцией англичан, а были инспирированы эсерами, которые организовали восстание чехословацкого корпуса, у которого возникли с советским правительством трения финансово-продовольственного характера.

Брестский мир расколол анархистов. Выявились сторонники Советской власти, и некоторые из них сражались в составе Красной Армии. Другая, более значительная часть анархистов заняла антибольшевистскую позицию. Создавались отряды «чёрной гвардии», их вооружённые выступления прошли в Курске, Воронеже, Екатеринославе. Анархисты участвовали в мятеже левых эсеров, а после его подавления перешли на позиции активного террора против большевиков.

Эсеры тоже выступили против большевиков, но они вызывали подозрение у белых, не забывавших о «вкладе» эсеров в развал прежней государственности. Эсеровско-меньшевистские правительства не смогли удержаться у власти в Сибири и на Дальнем Востоке; их сменила военная диктатура адмирала Колчака.

Трудно сказать, такими же или нет были бы действия эсеров и меньшевиков, если бы к власти пришли не большевики, в победил бы планировавшийся в 1917 году военный переворот

генералитета и буржуазных партий. И в каких отношениях были бы те и эти с большевиками в таком случае. Ведь буржуазным демократам, сумей они опять взять власть, пришлось бы решать накопившиеся проблемы, и непременно за счёт крестьян, и обязательно с применением насилия к народу. Так было раньше, и так было позже. Они уже у власти были, а решать проблемы за счёт, например, банкиров не желали. Всё равно страдал народ. Сегодня они опять у власти, и происходит то же самое.

Но не будем гадать; произошло то, что произошло.

Белое движение, лишь только сорганизовавшись, стало самым последовательным противником большевиков. Его истоки идут от сложившейся в середине 1917 года коалиции кадетов, монархистов и националистов. Его идеологи стремились консолидировать эти силы на базе национальной идеи, предполагавшей борьбу за возрождение сильной российской государственности, против «засилья Интернационала».

Мы отмечали уже, что белые втянулись в полномасштабную гражданскую войну вслед за иностранной интервенцией, как её второй эшелон. Ведь и в самом деле: первым актом систематической войны была высадка английских войск на Севере и мятеж чехословацкого корпуса в Поволжье. Но белые неверно оценили и мотивы, и возможности западной помощи: как только правящие круги Запада убедились, что белые овладеть ситуацией в России не смогут, они перестали их поддерживать. Не исключено, что если бы не вмешательство Запада, мы тут разобрались бы иначе, «малой кровью».

Вот как развивалась интервенция.

В январе 1918 Румыния захватила и аннексировала Бессарабию.

В марте в Мурманске высадились 2 тыс. английских солдат; за ними сюда же вскоре прибыл крупный контингент американских, английских и французских войск. Первые японские соединения высадились во Владивостоке 5 апреля, за ними последовали американские войска. Но если американцев было всего 7500 человек, то японцев — более 70 тысяч. У Японии были не столько антибольшевистские, сколько экспансионистские намерения.

В августе 1918 года смешанные части англичан и канадцев вступили в Закавказье и заняли Баку, где с помощью местных умеренных социалистов свергли большевиков, а потом отступили под натиском Турции. Почти одновременно английские войска заняли Закаспийскую область и англо-французские войска высадились в Архангельске. Французские войска, находившиеся в Одессе,

обеспечивали тыловые службы армии Деникина, которая действовала на Дону.

Союзница Германии, Турция повела наступление в Закавказье. А сама Германия, нарушив Брест-Литовский договор, по просьбе меньшевиков ввела свои войска на Украину и на территорию Грузии.

В конце 1918 года добровольческую Белую армию возглавил генерал А. Деникин. Основные его идеи выражены в словах: «Большевизм должен быть раздавлен... вопрос о формах государственной власти является последующим этапом и будет решён волей русского народа».

Итак, на северо-западе страны действовал генерал Н. Юденич, на юге — А. Деникин, на севере — Е. Миллер. Была установлена связь между ними, но соединения фронтов не получилось. Командующих этих армий объединяло такое общее понимание ситуации: смута, возникшая из-за «безответственности политических болтунов». Преодоление же её они видели в ужесточении управления с помощью военных и в подъёме патриотизма. А на востоке страны вооружённую борьбу против Советской власти возглавил бывший командующий Черноморским флотом А. Колчак. Сначала он вошёл в состав эсеровского Сибирского правительства (Директории) в качестве военного министра, а после переворота в ноябре 1918 года объявил себя «верховным правителем».

Заметим, что перевес красных был далеко не безусловным. Летом и осенью 1919 года крупные победы одерживала армия Деникина. В октябре ей оставалось всего лишь 300 км, чтобы занять Москву. Тем не менее, белым не удалось выиграть решающих сражений.

В целом поражение белых было вызвано тем, что их движение вбирало в себя элементы самой разнообразной политической окраски. А главное — белые не смогли обеспечить себя поддержкой крестьянства, которое на протяжении всей войны было враждебной и тем, и другим, так как питание и тех и других происходило за их счёт; мобилизация рекрутов, реквизиция лошадей и фуража для армии проводились насильно и белыми, и красными.

Ещё одна сила войны: крестьянское повстанческое движение, — нередко выступало под советскими, но антикоммунистическими лозунгами (в представлении крестьян Советская власть дала землю, а коммунисты отбирали хлеб по продразвёрстке).

И всё же большевикам удалось удержать государственную власть. Белые генералы и их правительства не смогли

привлечь к себе национальные движения, поскольку выступали под лозунгом «единой и неделимой России»; оттолкнули они и крестьянство — политикой «перерешения» земельного вопроса в пользу помещиков. Немалую роль сыграло и то, что большинство военных заводов России (главным образом казённых) размещалось в центральных районах и не попало в руки белых, а большевики, вводя в состав заводоуправлений представителей от рабочих, смогли использовать производственный потенциал и опыт старых административно-технических кадров — спецов.

Немало было и военспецов в Красной Армии.

В месяц переворота — в октябре 1917 года, в армии (на фронте) насчитывалось 6,3 млн. человек, ещё 3 млн. находилось в тылу. Солдаты больше не хотели воевать, а принятие Декрета о мире и проведение демобилизации в разгар брест-литовских переговоров ускорило развал вооружённых сил. У новой власти фактически не оказалось армии; для обороны столицы она располагала всего 20 тыс. человек, из них примерно 10 тыс. составляли красногвардейцы. Поскольку проблема вооружённой защиты власти требовала незамедлительного решения, перед большевиками встал выбор: либо использовать структуры старой армии, которую уже начали распускать, либо ввести обязательную службу рабочих, расширяя таким образом Красную гвардию и лишая заводы рабочей силы, либо создавать вооружённые отряды нового типа из солдат-добровольцев и выборных командиров.

15 января 1918 года Совнарком принял декрет «О рабоче-крестьянской Красной Армии», а уже в мае её численность составляла 300 тыс. бойцов (к марту 1919 их было уже около 1,5 млн., а в конце 1920 года до 5,5 млн.). Армия эта создавалась на классовой основе и на принципе добровольности. Но поскольку война была непопулярна среди солдат-крестьян, и дезертирство приняло массовый характер, план создания демократической армии провалился; народный военный комиссар, председатель Реввоенсовета Л. Троцкий установил жёсткую дисциплину и стал бороться с дезертирством. Он не остановился даже перед введением системы заложников, когда за дезертирство отвечали члены семьи дезертира.

Весной 1918 года, когда началась иностранная военная интервенция, ВЦИКу пришлось ввести всеобщую воинскую повинность. Созданные на местах военкоматы вели комплектование армии.

Были и другие жизненно важные проблемы: снаряжение и командование новой армии. Снаряжение было сосредоточено в руках аппарата чрезвычайного уполномоченного по снабжению Красной

Армии и Флота (им был председатель ВСНХ А.И. Рыков). В 1919-1920 годах половина одежды, обуви, табака, сахара, произведённых в стране, шла на нужды армии.

Что касается военспецов, то на сотрудничество с Советской властью пошло более 750 генералов, — а это около трети всего генеральского корпуса России. Всего же бывших офицеров к февралю 1923 года в составе Красной Армии имелось: среди командиров стрелковых полков — 82 %, среди командиров дивизий и корпусов — 83 %, среди командующих войсками — 54 % .

…Покончив с белыми, новая власть не завершила гражданскую войну. Пришлось потратить огромные усилия для борьбы с «антоновщиной», крестьянским движением в Тамбовской губернии. И как бы ни клеймили Красную Армию за жестокости в подавлении этого движения, ликвидировать «антоновщину» было необходимо, потому что никакая государственная власть не может терпеть мятежа на своей территории. А последним аккордом Гражданской войны стало чрезвычайно жестокое подавление Кронштадтского мятежа. Мятеж этот сам по себе означал полярное изменение политических симпатий балтийских матросов — ударной силы красных в начальный период Гражданской войны. Это событие определило переоценку В.И. Лениным политики «военного коммунизма» и переход к НЭПу.

Военный коммунизм

Высшими органами Советской власти с ноября 1917 стали Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК; первый председатель — Л.Б. Каменев, затем Я.М. Свердлов), избираемый Всероссийским съездом советов, а также Совет народных комиссаров (председатель В.И. Ленин). Среди их первых декретов — декреты о земле, об отмене сословий и гражданских чинов, о 8-часовом рабочем дне.

Советское государство было первым в мире, законодательно установившим 8-часовой рабочий день для всех лиц, занятых работой по найму. Продолжительность рабочей недели не должна была превышать 46 часов. Был запрещён ночной труд женщин и подростков до 16 лет; женщины и подростки до 18 лет не допускались к подземным и сверхурочным работам. Рабочий день подростков до 18 лет был ограничен 6 часами. Сверхурочные работы

оплачивались в двойном размере, и т.д. С Февраля по Октябрь именно этого ждал народ, и не смог получить от Временного правительства.

Впереди были четыре долгих года внутренних войн, но и позади тоже было четыре года Мировой войны и смута 1917 года. Страна, выкатившаяся, усилиями сановников царских времён, из стабильного состояния, проходила пик нестабильности. Общество, экономика, мораль были в ужасающем состоянии. Перечисленные выше декреты Советской власти давали «точку роста» новой стабильности. Никто другой такой точки не предложил!

Восстановление общества и экономики требовали борьбы с разрухой, а она, в свою очередь — создания специальных органов управления. Поэтому для руководства экономикой большевики создали, помимо хозяйственных наркоматов (финансов, земледелия, продовольствия), ещё и Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ) с очень широкими функциями и полномочиями. Он должен был вырабатывать общие нормы регулирования экономической жизни страны, согласовывать и объединять деятельность центральных и местных учреждений. ВСНХ участвовал в организации строительства, транспорта, торговли и финансов, но главными для него всегда были проблемы промышленности. Таким образом, Советы с самого начала взялись за то, что в своё время проигнорировал Столыпин.

Когда полномасштабная Гражданская война стала фактом, 2 сентября 1918 года ВЦИК объявил страну военным лагерем. Декретом от 30 ноября создался Совет рабочей и крестьянской обороны (в 1920 преобразован в Совет труда и обороны, СТО), которому была дана вся полнота власти в области обороны. Возглавил его председатель Совнаркома Ленин. СТО осуществлял руководство военными операциями, ведал вопросами комплектования и снабжения вооружённых сил, посылал на места чрезвычайных уполномоченных. Его постановления были обязательны для всех организаций, учреждений и граждан.

На момент октябрьского восстания и в первое время после него у большевиков не было чёткого и детального плана преобразований, в том числе в экономической сфере. Они рассчитывали, что после победы революции в Германии немецкий пролетариат как более передовой возьмёт на себя задачу выработки социалистического курса, а российскому останется только поддерживать этот курс. Но всемирная революция не состоялась, и в основу хозяйственной политики большевики взяли модель экономического устройства, описанную в трудах классиков марксизма. По этой модели, государство диктатуры пролетариата есть монополист всей собственности, все граждане — наёмные служащие у государства.

И в этом вопросе оказалось множество вариантов мнений.

Ленин представлял социалистическое хозяйство как единую фабрику, на которой инженеры будут работать за плату не выше, чем у хорошего рабочего. Троцкий считал наилучшим способом воспитания человека новой культуры милитаризацию труда, создание чего-то вроде военных поселений при Аракчееве. Для Бухарина методом формирования коммунистического человечества из материала капиталистической эпохи было внеэкономическое принуждение во всех его формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью.

В реальности было создано то, что назвали Военным коммунизмом. Прежде всего, брался курс на замену товарно-денежных отношений централизованным распределением продукции и административным управлением народным хозяйством, — то есть центр тяжести экономической политики с производства был перенесён на распределение. И это было логично, ибо главным для выживания общества стало нерыночное уравнительное распределение того, что имелось в наличии. Во весь предыдущий год жизненные ресурсы пополнялись лишь в малой степени, возникла их резкая нехватка, и при распределении через свободный рынок цены росли так быстро, что самые необходимые для жизни продукты становились недоступными для большей части населения.

Кроме того, политика военного коммунизма была вызвана необходимостью мобилизации ресурсов в условиях Гражданской войны и интервенции. Ведь армия, по сути, это обширная потребительская коммуна; в условиях большой войны принципы снабжения армии переносятся на всё общество. Риск здесь в том, что стабилизация общества на столь низком уровне — уровне распределения, в перспективе неизбежно ведёт к деградации и вымиранию (как мы знаем, самое стабильное состояние — в могиле), и для перехода на более высокий уровень предстояло пройти ещё через один этап нестабильности. Короче, войти в состояние военного коммунизма легко, выйти — трудно. Это отдельная и сложная задача.

При полном распаде и саботаже госаппарата Советскому правительству пришлось взвалить на себя функцию управления всей промышленностью. Но в это время основной капитал главных её отраслей принадлежал иностранным банкам. В горной, горнозаводской и металлообрабатывающей промышленности 52 % капитала было иностранным, в паровозостроении — 100 %, в электрических и электротехнических компаниях — 90 %. Все имеющиеся в России 20 трамвайных компаний принадлежали немцам и бельгийцам, и т.д.

Саботаж крупных предприятий и спекуляция продукцией, заготовленной для обороны, начались даже до Февральской революции.

Царское правительство справиться с этим не могло; «теневые» тресты организовали систему сбыта в масштабах страны, внедрили своих агентов на заводы и в госучреждения. В докладе Временного правительства в мае 1917 года о работе металлургической монополии «Продамет» было показано, как, уверенные в полнейшей безнаказанности, жулики спекулировали металлом, предназначенным для обороны страны. Но и Временное правительство не смогло решить эту проблему.

ВСНХ с весны 1918-го в случаях, если не удавалось договориться с предпринимателями о продолжении производства и поставках продукции, ставил вопрос о национализации. Невыплата зарплаты рабочим за один месяц уже была основанием для национализации, а случаи невыплаты за два месяца считались чрезвычайными.

Конечно, в собственность нового государства автоматически перешли все казённые предприятия и железные дороги. В январе 1918 года был национализирован морской и речной флот. В апреле — внешняя торговля. Это были сравнительно простые меры, для управления и контроля имелись ведомства и традиции.

***1918, 6-8 марта**. — VII съезд РСДРП(б). Переименование РСДРП(б) в Российскую Коммунистическую партию — РКП (б). **9 марта**. — высадка английских войск в Мурманске, начало военной интервенции. **11 марта**. — Возвращение столицы из Петрограда в Москву. **9 мая**. — Декрет «О предоставлении Наркомпроду чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». **27 мая**. — Декрет, запрещающий торговать продовольственными продуктами без разрешения органов Наркомпрода и разрешающий создание продовольственных отрядов для осуществления хлебной монополии.*

В мае национализировали сахарную промышленность и в июне — нефтяную. Это было связано с почти полной остановкой нефтепромыслов и бурения, брошенных предпринимателями, а также с катастрофическим состоянием сахарной промышленности из-за оккупации Украины немецкими войсками.

После заключения Брестского мира положение неожиданно и кардинально изменилось. В Берлине шли переговоры с германским правительством о компенсации за утраченную в России германскую собственность, а немецкие компании начали массовую скупку акций главных промышленных предприятий России. У них стали скапливаться акции ключевых предприятий, и в Москву поступили сообщения, что посол Мирбах уже получил инструкции выразить Советскому правительству протест против национализации

«германских» предприятий. Возникла угроза утраты всей базы российской промышленности. В таких условиях на совещании Совнаркома, которое продолжалось всю ночь 28 июня 1918 года, было решено национализировать все важные отрасли промышленности, о чём и был издан декрет.

Также были национализированы все частные банки; финансовая система была полностью централизована.

Аннулировались все внешние и внутренние займы, которые заключили как царское, так и Временное правительство. А ведь за годы войны только внешние займы составили 6 млрд. рублей; чтобы понять величину этой суммы, скажем, что в лучшие годы весь хлебный экспорт России составлял около 0,5 млрд. рублей в год.

Ещё в декабре 1917 года декретом ВЦИК было введено страхование по болезни, а в июне 1918 года Совнарком ввёл оплачиваемые двухнедельные отпуска рабочим и служащим. Ленин и в этом проявил себя гибким экономистом: не будучи догматиком, он скорректировал своё мнение, что оплата труда технической интеллигенции должна быть «не выше зарплаты хорошего рабочего», и признал необходимость более высокой оплаты *спецам*.

В декабре 1918 года был принят Кодекс законов о труде (КЗоТ).

Когда государство взяло на себя функции управления хозяйством, возник небывалый по масштабам и сложности госаппарат. Он сразу проявил тенденцию к бюрократизации и волоките, присущих всякому иерархически построенному чиновничьему аппарату. Проблема контроля за госаппаратом всегда и везде достаточно сложна, а в Советской России она осложнялась острой нехваткой подготовленных кадров. Как решать такую проблему?.. Никто не знал.

В январе 1918 года появилась Центральная контрольная комиссия, организующая ревизии в разных ведомствах, но работа шла плохо. Надежды на стихийный контроль «снизу» через Центральное бюро жалоб и заявлений также не оправдались. 8 февраля 1920 года возник Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). Выборы в его члены происходили по заводам, а в деревне — на сельских и волостных сходах, на местах организовывались ячейки для содействия РКИ. Предполагалось через этот орган пресекать попытки хозяев предприятий свернуть производство, продать предприятие, перевести деньги за границу, уклониться от выполнения нового КЗоТа. Участвуя в работе рабочего контроля, трудящиеся приобщались к управлению.

Всё это, правда, не оказало заметного влияния на реальную жизнь: рабочий контроль, введённый вместо экономического и политического, ожидаемого эффекта не дал, — вот тогда и провели

форсированную национализацию всей промышленности, транспорта, торгового флота, и даже всей торговли — вплоть до мелких лавок и мастерских.

***1917, 28 июня**. — Декрет о национализации крупной и средней промышленности. **4 июля**. — Открытие V Всероссийского съезда Советов. **6 июля**. — Покушение на германского посла Мирбаха**,** мятеж левых эсеров. **10 июля**. — Принятие V Всероссийским съездом Советов первой Конституции РСФСР. **17 июля**. — Расстрел царской семьи в Екатеринбурге. **22 июля**. — Декрет СНК РСФСР «О спекуляции», запретивший частную торговлю. **23 августа**. — Начало наступления Красной Армии на юге против армии генерала П.Н. Краснова.*

Объявлялось требование военной дисциплины на производстве, вводилась всеобщая трудовая повинность для лиц от 16 до 50 лет. За уклонение от обязательного труда предусматривались строгие санкции. Торговля заменялась карточным распределением продуктов; не занятые общественно полезным трудом карточек не получали. Конечно, тот, кто привык жить на ренту, или от иного способа эксплуатации чужого труда, мог счесть это страшной несправедливостью. Но кормить любителей сладко жить, не работая, было нечем. Под это же определение попала и часть интеллигенции, чей труд в тех условиях мог быть признан не общественно полезным.

Право частной собственности на землю отменялось навсегда, землю нельзя было продавать, покупать, сдавать в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждать. Вся земля обращалась во всенародное достояние и переходила в пользование всех трудящихся на ней. Все недра, руда, нефть, уголь, соль и т.д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходили в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озёра, леса и прочее перешли в пользование общин. Земельные участки с высококультурными хозяйствами: сады, плантации, питомники, оранжереи и т.д. не подлежали разделу и передавались в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от их размера и значения.

Право пользования землёй получили все граждане без различия пола, желающие обрабатывать её своим трудом, — наёмный труд не допускался. Устанавливалось уравнительное землепользование; земля подлежала распределению между трудящимися по трудовой или потребительской норме.

В результате крестьянство получило более 150 млн. га земли, освободилось от огромных арендных платежей и от расходов на приобретение земли в дальнейшем, а также от большого долга

Крестьянскому поземельному банку. Крестьянам был передан помещичий сельскохозяйственный инвентарь.

***1918, 27 августа**. — Подписание дополнительного соглашения к Брестскому мирному договору. **30 августа**. — Покушение на В.И. Ленина. **2 сентября**. — Объявление ВЦИК Советской Республики военным лагерем. **5 сентября**. — Объявление «красного террора». Начало наступления Красной Армии против белочехов. **29 октября**. — Создание Российского Коммунистического Союза Молодежи (РКСМ).*

11 января 1919 года Совнарком принял декрет о продовольственной развёрстке, согласно которому всё количество хлеба и фуража, необходимого для удовлетворения государственных потребностей, развёрстывалась между производящими хлеб губерниями и дальше — между уездами, волостями, деревнями и дворами (использовался принцип круговой поруки). Крестьянам установили нормы душевого потребления: 12 пудов зерна, 1 пуд крупы на год и т.д., фураж для скота и зерно для посева, — а всё остальное зерно подлежало изъятию за деньги. Так как деньги потеряли в то время своё значение, фактически у крестьян отбирали излишки хлеба бесплатно.

Эти чрезвычайные меры дали хорошие результаты. Если от урожая 1917-1918 было заготовлено только 30 млн. пудов хлеба, то в 1918-1919 году — 110 млн. пудов, а в 1919-1920-м даже 260 млн. пудов. Пайками было обеспечено практически всё городское население и часть сельских кустарей (всего 34 млн. человек).

Напомним, что продразвёрстку вводило ещё Временное правительство, но она вполне соответствовала и теоретическим представлениям большевиков: отмене в деревне товарно-денежных отношений. Большевики пытались создать в деревне совхозы и сельхозкоммуны, перевести сельское хозяйство на рельсы централизованного производства и управления, и чаще всего эти попытки терпели откровенные неудачи. Среди городских рабочих велась агитация, призывавшая к «походу против кулачества». Продотрядам разрешалось применение оружия. Кроме натуральной хлебной повинности, от крестьян требовалось участие в системе трудовых повинностей, в мобилизации лошадей и подвод. Национализировались все зернохранилища, ускоренно ликвидировались все частновладельческие хозяйства.

На самом деле и здесь большевики не были пионерами. Попытки централизовать экономику, вводить нормирование производства, сбыта и потребления делались ещё в годы Мировой войны. Жёстко централизованная хозяйственная система, созданная

большевиками, фактически и была ориентирована на мобилизацию ресурсов для обеспечения армии, и в условиях военного времени оказалась достаточно дееспособной. Правда, большевики внесли сюда элементы коммунистической идеологии: бесплатными стали продовольственные пайки, коммунальные услуги, производственная одежда для рабочих, городской транспорт, некоторая печать и т.п.

Скажем прямо, в тех трудных экономических условиях гораздо бульшим злом были бы свободно-рыночные цены.

В годы гражданской войны на территориях, где к власти приходили «учредиловцы» (сторонники Учредительного собрания) или белые, происходила денационализация промышленности, банков, разрешалась частная торговля. И приходилось для поддержания нормального потребления в городах регулировать торговые отношения между городом и деревней, что в условиях военного времени давало мало пользы, а в экономическом плане этим деятелям не оставалось ничего другого, как уповать на помощь из-за границы. Вот и проиграли красным. Также и в районах крестьянского движения, как правило, осуществлялся переход к свободному землепользованию в соответствии с крестьянскими представлениями, господствовала почти полная децентрализация хозяйственных связей. И любые повстанцы мигом лишались всякого экономического преимущества перед большевиками!

Но и на советской территории в годы Гражданской войны экономика быстро деградировала. Дореволюционные производственные фонды проедались, нового строительства и расширения предприятий не было. Жизнь людей становилась всё тяжелее. Кроме не прекращавшегося крестьянского брожения, ширилось недовольство в городах; в 1920 году начались забастовки на крупнейших предприятиях, являвшихся до этого оплотом новой власти. Волновалась армия. К 1921 году оказались практически полностью исчерпанными запасы металла, мануфактуры, топлива, оставшиеся с 1917 года.

В общем и целом, последствия Мировой и Гражданской войн для страны были катастрофическими. Промышленное производство к 1920 году сократилось сравнительно с 1913-м в семь раз, сельскохозяйственное — на 40 %; погибло в боях, от белого и красного террора, голода и эпидемий 8 млн. человек. Голод весной и летом 1921 года в Поволжье унёс жизнь еще 5 млн. человек.

И наряду с этим, уже в 1918 году была заложена основа советской системы организации науки! Да, научная политика Советского государства в первые, тяжелейшие годы очень показательна. В самый трудный момент оно выделило ей крупные

средства. Было организовано большое число экспедиций, — самая значительная из них, в районе Курской магнитной аномалии, не прекращала работы даже в зоне боевых действий. В 1919-1923 годах Комиссия по улучшению быта учёных организовала снабжение учёных особыми пайками, что предотвратило возможный сбой непрерывности развития русской науки.

К науке же обращались, обсуждая злободневные проблемы страны. Сельское хозяйство оставалось основой экономики и главным источником ресурсов для развития страны в целом, но оно явно требовало реорганизации. В июне 1920 года на комиссии ГОЭЛРО обсуждалось два подхода к его дальнейшему развитию. Первый, — создание фермерства с крупными земельными участками и наёмным трудом, и второй — развитие трудовых крестьянских хозяйств без наёмного труда с их постепенной кооперацией. В основу государственной политики был взят второй подход, автором которого был А.В. Чаянов.

Продолжилась работа КЕПС — Комиссии Академии наук по изучению естественных производительных сил России, созданная в середине 1917 года. Изложенная её председателем академиком Вернадским программа создания в России по единому плану сети государственных НИИ целиком вписывалась в программу строительства социалистического научно планируемого общества. Это показывает, что изначально большевики ставили цели достаточно высокого уровня. За 1918-1920 годы было учреждено двадцать специализированных отделов КЕПС, на их основе возникли НИИ во главе с крупными, мирового уровня учёными: Прикладной химии (акад. Курнаков), Радиевый (акад. Вернадский), Платиновый (акад. Чугаев), Географический (акад. Ферсман), Оптический (проф. Рождественский).

Научно-технические кадры понесли ощутимые потери за время войны и революции, но учёные сочли целесообразным не бороться с большевиками, а помогать им, чтобы уменьшить отрицательные результаты их деятельности и увеличить положительные. А среди этих положительных были — внимание к освоению минеральных ресурсов (Курская магнитная аномалия, Кольский полуостров), создание технических кафедр в Академии наук и таких институтов, как ЦАГИ, ФИАН и другие.

Школа — главный государственный институт, который создаёт гражданина и воспроизводит общество. Школу можно назвать консервативным «генетическим аппаратом» культуры. Главная задача буржуазной школы — воспроизведение классового общества; такая школа состоит из двух частей. В одной формируется элита, в другой —

человек массы. Школа для элиты общеобразовательная, она основана на университетской культуре и даёт целостное знание в виде дисциплин. Школа для массы основана на «мозаичной» культуре и даёт так называемые «полезные знания». Резко различаются методики преподавания и уклад обеих «школ».

Советская школа сразу стала формироваться как единая общеобразовательная, вся основанная на университетской культуре и ставящая своей целью воспроизводство народа, а не классов. Это была невиданная социальная роскошь, которая, с трудностями и некоторыми частными неудачами, была предоставлена всему населению страны. Экзаменом этой школы стали индустриализация и война 1941—1945 годов: советская школа этот экзамен выдержала.

На базе ленинской концепции двух культур (буржуазной и пролетарской) стало развиваться движение Пролеткульта, тотально отрицавшего всю прежнюю культуру, весь опыт прежних поколений. Его участники представляли, что при социализме всё должно быть по-новому — не похоже на старое. Появился механический критерий: раз что-либо имело место до 1917 года, значит, враждебно социализму. Насаждалось представление, что подлинная история человечества началась лишь в октябре 1917 год, а до этого была лишь некая предыстория. Абсолютизировался классовый подход в оценке любых явлений русской истории, а само понятие «русская история» объявлялось реакционно-монархическим.

Стремление оторвать русский народ от исторической традиции, связанной с православием, а также «воинствующий материализм» большевиков стали причинами жесточайшего давления на Русскую Православную Церковь. Запрещались крестные ходы, было отменено исполнение колокольного звона во всех церквах. Изымались церковные средства. Это вызывало повсеместные столкновения между властями и верующими.

5 ноября 1917 в храме Христа Спасителя патриархом был выбран (из трёх кандидатур) митрополит Тихон (В.И. Белавин). В своих первых выступлениях перед верующими он обратил внимание паствы на то, что бездумное, поспешное построение нового государства неминуемо принесёт вред народу. За такие речи за 1918—1920 годы патриарх дважды привлекался к судам ревтрибунала, носившим пропагандистский характер. Осенью 1918 года патриарх отказался благословить белое движение, запретил священникам поддерживать как белых, так и красных, осуждая братоубийство, однако органы Советской власти и такую позицию посчитали «потворством белому террору» и объявили Тихона «главой контрреволюционеров».

Параллельно разгрому церкви шло тотальное разрушение традиционной народной морали. Насаждая новый быт, часто «резали по живому», не считаясь с привычными взглядами людей. Возникло общество «Долой стыд», пропагандировалась свободная любовь. Повсеместно проводились дискуссии об отмирании семьи, которая наиболее радикально настроенными «новаторами» объявлялась пережитком капитализма. Преследовались церковные обряды — венчание, крещение новорожденных и т.п. Взамен этому придумывались новые, «революционные» обряды.

Уже в 1918 году прошло массовое переименование улиц в Питере, Москве и других городах.

Всё это было проявлением идей «мировой революции» в культуре.

Но по мере отхода верхушки власти от этих идей стали «выправлять» положение и в культуре. Ленин выступил с критикой пролеткультовского движения и отказался от него. Он предложил новую формулу: «Надо овладеть всем богатством мировой культуры». Однако под мировой культурой у Ленина подразумевались прежде всего европейские, западные образцы, он призывал учиться у Германии, США, Англии. О собственном историческом опыте России речи не велось, что и понятно: В.И. Ленин, как и многие «старые большевики», не любил Россию и не знал её.

В этот период большевики поставили задачу придать культуре светский, массовый, не элитный характер. Возникла система культурно-просветительской работы, появились сети библиотек, клубов, читален. Проводились лекции, беседы, ставились агитпьесы, агитконцерты. Поднимался вопрос о ликвидации неграмотности населения.

Советская власть ввела цензуру, закрыла антибольшевистские газеты, вся выпускаемая литература контролировалась с точки зрения соответствия содержания «политическому моменту».

Перестраивалось театральное дело. Хотя были запрещены к постановке балет и оперетта, театр не умер, а многие театральные режиссёры и актёры признали Советскую власть. Театр был сферой, которой особо коснулись пролеткультовские веяния: на сцене преобладал импрессионизм декораций, шло увлечение революционной символикой. Обычным делом была вольная интерпретация классиков. В общем, культурная жизнь не затухала, что отражало уверенность людей в том, что трудности так или иначе будут преодолены.

На первый взгляд, осуществление сразу всего этого: поддержка науки и пролеткультовского движения; разрушение

традиционной культуры и открытие библиотек — кажется хаотичным. Но любая динамическая система, переходя от одного вида стабильности к другому, «тычется» в поисках лучших вариантов в разные стороны. Никто ведь не знает, что нужно делать, нет никаких лекал. Жизнь, через деятельность разных людей и групп, сама предлагает разные варианты и сама же отбрасывает негодные, оставляя годные!

Большевики и мировая революция

В нашей книге мы не намерены ни «обелять» кого бы то ни было, ни «очернять». Мы излагаем события в контексте эпохи.

Для большинства логика действий большевиков была непонятна, а главным полем дискуссии стали Брестский мирный договор и аграрный вопрос, вызвавшие протест не только противников, но и союзников — левых эсеров. На V съезде Советов левые эсеры пытались склонить делегатов отторгнуть мирный договор, отменить декрет о комбедах и предоставить всю полноту власти Советам. Когда достигнуть этого не удалось, они 6 июля 1918 года организовали мятеж; он был подавлен, а партия эсеров распущена, и с этого момента утвердилась государственная однопартийная система.

Но для нас важно, что на первых порах большевики придерживались *схемы*, то есть действовали согласно букве марксисткой теории. Вот выдержка из автобиографии К. Радека о событиях октября 1917 года и взгляд на них из Стокгольма, где он в то время находился:

«*Обострение борьбы в Петрограде увеличивалось с каждым днём, и мы проводили бессонные ночи в ожидании решающих сведений. Они пришли поздно ночью, и венгерский журналист Гутман передал нам под утро из телеграфного агентства речь Владимира Ильича при открытии II съезда Советов. Мы с Ганецким немедленно собрались в путь, но были задержаны телеграммой, что для свидания с нами едет представитель ЦК германской социал-демократии. Этим представителем оказался не кто иной, как Парвус, который от имени германской социал-демократии привёз заверение, что она немедленно вступает в бой за мир с нами. Частным образом он заявил, что Шейдеман и Эберт готовы объявить всеобщую забастовку в случае, если бы германское правительство под давлением военных кругов не пошло на почётный мир. Об этих переговорах мы напечатали открыто в шведской партийной газете и отправились с Ганецким в*

Питер, имея в кармане только удостоверение от Воровского, что являемся членами заграничного представительства большевиков».[5]

Это признание К. Радека объясняет, почему в конце 1917 — начале 1918 года лидеры партии большевиков ожидали начала революции в Германии буквально со дня на день. Однако сделанная германскими социал-демократами в январе 1918 года попытка организовать всеобщую забастовку не увенчалась успехом.

А вот письмо председателя Реввоенсовета РСФСР Л.Б. Троцкого в ЦК РКП(б) от 5 августа 1919 года:

«Крушение Венгерской республики, наши неудачи на Украине и возможная потеря нами Черноморского побережья, наряду с нашими успехами на Восточном фронте, меняют в значительной мере нашу международную ориентацию, выдвигая на первый план то, что вчера ещё стояло на втором.

Разумеется, время теперь такое, что большие события на Западе могут нагрянуть не скоро. Но неудача всеобщей демонстративной стачки, удушение Венгерской республики, продолжение открытой поддержки похода на Россию — всё это такие симптомы, которые говорят, что инкубационный, подготовительный период революции на Западе может длиться еще весьма значительное время...

Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейской. Перед нами здесь открывается несомненная возможность не только длительного выжидания того, как развернутся события в Европе, но и активности по азиатским линиям. Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию. Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетённых масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может такая армия, которая на европейских весах сейчас ещё не может иметь крупного значения...

Один серьёзный военный работник предложил ещё несколько месяцев тому назад план создания конного корпуса (30 000 – 40 000 всадников) с расчётом бросить его на Индию. Разумеется, такой план требует тщательной подготовки как материальной, так и политической. Мы до сих пор слишком мало внимания уделяли азиатской агитации. Между тем международная обстановка

---

[5] Энциклопедический словарь. М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат. Т. 41. Ч. 2. Стр. 166-167.

складывается по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии...

Наша задача состоит в том, чтобы своевременно совершить необходимое перенесение центра тяжести нашей международной ориентации...» [6]

А вот выступление Ленина на III конгрессе Коминтерна. 1921 год:

«*Когда мы начинали, в своё время, международную революцию, мы делали это не из убеждения, что можем предварить её развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Мы думали: либо международная революция придёт нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что, в случае поражения, мы всё же послужим делу революции, и что наш опыт пойдёт на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Ещё до революции, а также и после неё, мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть*». [7]

Завершение Гражданской войны обозначило раскол в партии большевиков. Партия одержала победу в невероятно тяжёлых условиях, советская власть устояла, — но без мировой революции. А ведь до этого большевики рассматривали Гражданскую войну исключительно как международное, а не внутрироссийское дело. И вот, приходилось или отказаться от догмы мировой революции, одного из основных положений марксизма, или отказаться от своей победы. То есть: победу одержали, но сторонники догматического марксизма считали, что без мировой революции русская революция обречена на поражение.

Накануне октябрьского переворота Ленин писал, что взятие власти пролетариатом в одной стране должно стать лишь началом целой серии войн в других странах, а цель этих войн — «окончательно победить и экспроприировать буржуазию во всем мире». Из этой позиции большевики находили конкретные подходы ко всем вопросам политики, в том числе и внешней. Например, пригласив Германию с её союзниками на переговоры в Брест, сами же всеми возможными способами затягивали переговоры, ожидая со дня на день

---

[6] Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927 гг. М., 1990. Т. 1. Стр. 181-184.

[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. Стр. 36.

революции в Германии. В итоге Брестский договор (март 1918) сильнейшим образом скомпрометировал большевиков, отдавших Прибалтику, Финляндию, Польшу, Украину, Белоруссию немцам, и Закавказье туркам.

Но это не заставило их усомниться в правильности теории.

С другой стороны, ещё в годы Первой мировой союзники России по Антанте проявили заинтересованность в обескровливании нашей страны. Они не желали возрождения сильной России, как одного из решающих игроков на международной арене в послевоенную эпоху тогда, а тем более после Октябрьского переворота. Между ними были заключены секретные соглашения о разделе сфер влияния в России, а после вторжения интервенты грабили природные ресурсы страны, дискредитируя тем самым Белое движение. И кстати, от активных действий против регулярных частей Красной Армии иностранные войска старались уклоняться.

Справедливости ради отметим, что и в Белом движении не было доверия к «союзникам», напротив — поведение их больно било по чувствам русских патриотов.

В пропагандистском плане большевики из факта интервенции извлекли для себя всё возможное, постаравшись дезавуировать патриотизм Белого движения. Сами же они, в глазах населения представ патриотами, от своих стратегических целей — мировой революции — не собирались отказываться. Вторая Программа РКП(б), принятая в марте 1919 года, зафиксировала: «Началась эра всемирной, пролетарской, коммунистической революции». Говорилось о неизбежности, желательности и необходимости гражданских войн внутри отдельных стран и войн пролетарских государств против капиталистических.

В марте 1919 года был создан Коминтерн, представленный как международная коммунистическая партия. Главной своей целью Коминтерн провозглашал революционное свержение мировой буржуазии и замену капитализма мировой системой коммунизма.

Даже Красную Армию готовили как передовой отряд международной революции. Предпринимались попытки экспорта революции. Троцкий, как мы только что видели, замышлял военный поход в Персию и предлагал провести военную экспедицию в Индию. Война с Польшей рассматривалась как эпизод в походе на Берлин. Короче говоря, для форсирования мировой революции использовались государственные средства. Опять же, мы не очерняем и не обеляем; интервенция в Россию была ничем не лучше «экспорта революции».

Ленин, Троцкий, Зиновьев часто обращались с письмами к трудящимся зарубежных стран с призывами к свержению капиталистических правительств. Они выступали как деятели Коминтерна, но на Западе-то их призывы воспринимались как выступления государственных руководителей! Это ставило зарубежные компартии в положение советской агентуры.

Внутри страны большевики активно использовали «национальный вопрос», демонстрируя уважение прав нерусских народностей, в то время как руководители белых считали невозможным признавать какие-либо территориальные и национально-административные изменения в России без санкции Учредительного собрания. Это не позволило им создать прочный антибольшевистский союз с национальными военными формированиями. В 1919 году отказ лидеров Белого движения заявить о признании независимости Финляндии привёл к тому, что 100-тысячная финская армия, готовая наступать на Петроград, так и не сдвинулась с места.

Внутри страны основы национально-государственной политики Советского государства были сформулированы в «Декларации прав народов России» от 2 ноября 1917 года. В ней закреплялось: равенство и суверенность народов России, право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмена всех и всяких национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. Опять же, суть была в идее пролетарского интернационализма: де, пройдёт небольшое время, и национальные различия исчезнут, а *сегодняшние* обещания дают большие преимущества: поддержку различных националистических объединений на местах.

Руководил этой работой Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) во главе с И.В. Сталиным.

Правом отделения первой воспользовалась Финляндия: в декабре 1917 года Советское государство признало её независимость. В Финляндии произошла короткая, но ожесточённая гражданская война, в которой ещё стоявшие там русские войска поддержали рабочее правительство, но вопрос был решён вводом германских войск. Чтобы закончить с этим вопросом, сообщим: ***никогда раньше*** Финляндия не имела своей государственности. Она была неразвитой периферией Швеции, пока Россия не отвоевала её. Лишь в период нахождения в составе России Финляндия получила свою конституцию, а также и возможность самостоятельно развивать свою письменность,

литературу, культуру, архитектуру. Выйдя из состава России, она немедленно подпала под влияние Германии.

Советское правительство признало состоявшееся ещё при Временном правительстве отделение Польши.

В июне 1918 года из состава России вышла Тува, присоединившаяся к России в 1914 году (вернулась на правах АО в 1944-м).

В те моменты, когда в государствах Украины, Белоруссии, Эстонии, Латвии и Литвы существовала Советская власть, эти республики вступали между собой и РСФСР в тесные отношения, помогая друг другу в решении военных, экономических и других проблем. Но в 1919 году в Литве, а в 1920 — в Эстонии и Латвии, Советская власть была ликвидирована.

Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в те годы определял все остальные лозунги в РСФСР, означая призыв к созданию Всемирной Республики Советов. Убеждённость в том, что рано или поздно все государственные границы будут ликвидированы, привела к неоправданным территориальным потерям. При подписании договоров с получившими независимость Финляндией, Эстонией, Латвией и Польшей, с советской стороны почти не изучался тонкий и сложный вопрос о границах. В результате Латвия и Эстония, как и Финляндия, ***никогда раньше*** *не имевшие собственной государственности*, получили ряд районов с преобладанием русского населения. Граница с Финляндией пролегла в 32 км от Петрограда — на расстоянии досягаемости дальнобойной артиллерии, а Польша получила западные районы Украины и Белоруссии. Позднее, когда надежды на мировую революцию не оправдались, это стало выглядеть, как «подарок мировому империализму».

В мае 1920 года была проведена реорганизация Наркомнаца; из представителей народов был создан Совет Национальностей, который встал «во главе» этого наркомата, превратившись в своего рода парламент национальностей. Объём функций наркомата быстро расширялся — от политических и культурных задач к экономическим. Он решал вопросы сельского хозяйства, лесничества, армии и т.д., что вызывало нарастающие трения с другими наркоматами.

Между тем продолжалось деление партии на фракции. Были в ней «интернационалисты», которые требовали ещё большего расширения прав автономий, но были и такие, кто считал, что политика Наркомнаца идёт не в том направление. До середины 1920-х делались попытки остановить процесс огосударствления национальностей и провести административное деление в соответствии с задачами

хозяйственного строительства и планирования; предлагалось даже сменить название Совета национальностей на Совет экономических районов. Лишь сопротивление республик (особенно Украины) и автономий помешало внедрению таких идей в жизнь.

В целом Наркомнац эволюционировал с пониманием, что мировая революция откладывается надолго, и стране придётся существовать в окружении враждебных государств. Постепенно стала усиливаться центральная власть, и после образования СССР Наркомнац был ликвидирован, а Совет Национальностей стал второй палатой ВЦИК.

В идеологии был сделан «поворот» — она становилась не интернационалистической и коммунистической, а государственной и даже державной. И это ещё один пример, что новая власть руководствовалась не догмами, а стремилась решать реальные задачи. А главным вопросом было: где брать кадры, и где брать ресурсы для решения реальных задач?..

Этот же вопрос стоял перед правительством Николая II. Уже тогда назрел переход страны к индустриализации, и возможное решение состояло из двух взаимосвязанных частей. Первая, — перевод села на новый тип хозяйствования, с количественным уменьшением крестьянства (раскрестьянивание) и восполнением снижения численности за счёт существенной технической и организационной модернизации деревни. И вторая, — создание рабочих мест в модернизирующейся промышленности с тем, чтобы за счёт промышленности можно было вести улучшение сельского хозяйства. Но где было взять ресурс для такой модернизации страны? Источник имелся один: сами крестьяне. Но при Николае II элита предпочитала тратить деньги, выкачанные из крестьянства, не внутри страны, а за её пределами. Эмиссия золотого рубля привела к вывозу нашей валюты за рубеж, а также к тому, что к нашим «хлебным деньгам» присосались ещё и иностранцы.

Возьмём, как пример, керосиновые лампы. Их привозили из-за рубежа, продавали здесь, а выручку (в золоте) увозили из страны. Лучше было бы, построив завод в России и используя дешёвую рабочую силу, производить их тут; и золото оставалось бы внутри страны. И даже лампы можно было бы продавать за рубеж. А так за границу вывозились не лампы, а доходы в золоте, а страна получала золото от хлебной торговли, и судьба крестьянина элиту, в общем, не волновала.

Кстати, то же самое происходит сегодня. «Икеи», «Ашаны» и прочие магазины-гиганты просто перекачивают обратно на

Запад доллары, заработанные Россией на экспорте нефти, газа, металла и т.д.

Рабочая сила в стране дешёвая, когда уровень жизни её народа низкий. В Европе логика капитализма вела к тому, что рабочая сила дорожала, — так возрастал внутренний спрос на продукт, но — удорожался продукт, и снижалась норма прибыли, — вот капитал и бросился в Россию, ради прибылей, которые можно было вывозить в золоте на Запад. Но в повышении уровня жизни российских рабочих и крестьян западный капитал совсем не был заинтересован! Шло постепенное превращение России в европейскую периферию; Запад жил всё лучше, потому что у нас здесь НЕ жили всё лучше.

Итак, проблема России при Николае II была в том, что время модернизации и рывка настало, отступать уже было нельзя, — а Николай не оказался личностью, соответствующей моменту. И понимание, что царь «не годится», в обществе преобладало, хотя не все могли бы объяснить, чем же он их не устраивает. А потому и решения предлагались разные: от замены одного царя на другого и до построения совсем другого общества. И как только место правителя освободилось, началась конкуренция между разными путями развития, олицетворяемыми тогда разными партиями. Мало кто обращает внимание на то, что, когда вскоре после Октября в стране осталась одна легальная партия, процесс деления продолжался внутри неё, — и соответственно продолжалась конкуренция идей о дальнейшем развитии вплоть до того, что репрессии середины — второй половины 1930-х годов, по мнению М.С. Восленского, прежде всего были направлены против ортодоксов, коммунистов ленинской ориентации. Между ВКП(б) 1940-го и РСДРП(б) 1920 года — колоссальная разница!

Уже до отречения Николая II *реальный выбор* был между двумя альтернативами. Первая, — разрушение самодержавия и предоставление свободы капитализму, а уж он всё сделает сам. Вторая, — разрушение самодержавия и построение сразу же социалистического общества, минуя фазу развитого капитализма. И следует иметь в виду, что ортодоксальные марксисты были в первом, а не во втором лагере; они считали, что строить в России надо именно капитализм, чтобы к моменту мировой революции на равных в ней участвовать. Даже годы спустя многие «старые большевики» видели образец в устройстве западных государств. А уж раньше-то вообще многие социалисты считали вредным добиваться в России социализма, капитализм сам всё сделает и приведёт к социализму. Главное, убрать монархию.

Вот их аргументы (и наш комментарий в скобках).

Для развития общества, будь то капитализм или социализм, у работника будут изымать часть его труда. При этом

капиталист, хотя формально тратит этот прибавочный продукт на себя, но на самом деле — на развитие общества. (Здесь не учитывается, что этот прибавочный продукт капиталист может тратить в другой стране, и тем самым способствовать развитию совсем не России, — мы сегодня хорошо видим, как это происходит.)

Капиталисту, чтобы продавать свой товар, нужно богатое собственное население. Поэтому он будет стараться улучшить быт своих работников. (Опять же не учитывается, что если капиталист продаёт в основном сырье и продукт низкого уровня переработки, то его совсем не волнует покупательная способность населения внутри страны, — и сегодня мы также наблюдаем это воочию.)

Капиталист заинтересован в квалифицированной рабочей силе, в повышении образования населения, так как это способствует движению производства вперёд и, тем самым, получению им дополнительных прибылей. (Современный опыт показывает, что возможно и другое поведение, — когда страна является сырьевым придатком, то развитие образования становится экономически невыгодным.)

Свои выводы такие марксисты делали, наблюдая развитие капитализма в Европе. А мы уже говорили, что включение России в Европу делает её лишь сырьевым придатком западной экономики. То есть это направление, в теории и не плохое, и не хорошее, не давало нужного решения именно для России.

Кстати, вот почему этих любителей схем и моделей не занимал земельный вопрос. Им, в общем, было ясно, что лишней земли в стране нет, а потому её делёжка между всеми переведёт сельское хозяйство к первобытному способу производства, а страна лишиться единственного ресурса. Поэтому они предпочитали пустить решение этого вопроса на самотёк, надеясь, что земельные участки как-нибудь стихийно укрупнятся. Но вот что тогда делать с «лишними людьми», они даже не задумывались. А поэтому, если бы они победили, Россия пришла бы к очередной неустойчивости.

Если угодно, властители последних лет — Чубайс, Греф и прочие, — есть ортодоксы, заложники *схемы*. Они пытаются *сегодня* реализовать программу 1917 года, и результаты, которые очень скоро будут ими достигнуты, у нас перед глазами: в учебнике истории. Всей разницы, что вместо экспорта хлеба зарабатываем экспортом нефти.

Иван Солоневич писал: «Задача всякого разумного русского человека заключается в том, чтобы смотреть в лицо **фактам,** а не в рожу галлюцинациям. Сговориться мы можем только относительно фактов — пусть с оговорками, разницей в оценках и оттенках. Но нет никакой возможности сговориться о галлюцинациях

— тех вариантах невыразимого будущего, каких ещё никогда не было, какие ни на каком языке действительно невыразимы никак».

Теперь рассмотрим второе возможное направление, — строить социализм. Оно тоже было очень неоднородным, а главная идея заключалась в том, что если повезёт взять власть в свои руки, то удастся разжечь пожар мировой революции, а там развитие пойдёт по Марксу. Так что вожди этого направления тоже предпочитали схемы, модели и галлюцинации, но хотя эти галлюцинации и были другими, чем у буржуазно-настроенных деятелей, — от этого предлагаемый ими путь не становился менее тупиковым. Ведь то, что происходило в реальности, постоянно не соответствовало заранее заготовленным схемам!

Счастье страны было в том, что среди лидеров этого социалистического направления оказались люди, умеющие здраво оценивать ситуацию, а не следовать теоретическим догмам. Это преимущество и перевело ситуацию непредсказуемого выбора в ситуацию сознательного отбора. И чем больше проходило времени, тем более явным становилось преимущество одного направления перед другим.

Кризис начал заканчиваться, когда большинство властителей поняли, что спасение — только в учёте специфики России, а стабилизации достигли, когда с властью согласилась основная часть народа.

Но это произошло не сразу.

НЭП

***1920, 4 декабря**. — Декрет «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов и предметов широкого потребления». **23 декабря**. — Декреты «Об отмене платы за всякого рода топливо» и «Об отмене денежных расчетов за пользование почтой, телеграфом, телефоном и радиотелеграфом». **29 декабря**. — Принятие VIII Всероссийским съездом Советов Государственного плана электрификации России (ГОЭЛРО).*

***1921, 27 января**. — Декрет «Об отмене взимания платы за жилые помещения с рабочих и служащих и за пользование коммунальными услугами, газом, электричеством и общественными банями». **22 февраля**. — Создание Госплана РСФСР. **8-16 марта**. — X съезд РКП(б), переход к новой экономической политике (НЭП).*

К весне 1921 года бульшая часть крестьянства была разорена войнами и неурожаем. Естественным ответом на отсутствие рынка, изъятие излишков через продразвёрстку было сокращение крестьянами площади посевов. Они производили не более того, что было необходимо для пропитания семьи. Но положение промышленности было ещё хуже, ведь основа выживания рабочего класса также была подорвана хозяйственной разрухой: многие фабрики и заводы стояли. Рабочие голодали и уходили в деревню, становясь кустарями, мешочниками. Как быть? В самуй правящей партии намечался раскол.

В марте 1921 года прошёл X съезд РКП(б), и поскольку к этому времени уже было ясно, что рассчитывать на мировую пролетарскую революцию не приходится, встал вопрос о построения социализма в одной стране, и съезд принял решение о переходе от продразвёрстки к продналогу. Началась «Новая экономическая политика» (НЭП). Вопреки прежним идеологическим установкам, была разрешена в огромных масштабах частная собственность; частникам позволили найм рабочей силы, ввели свободную торговлю хлебом. Всё это имело целью восстановление разрушенной в период мировой и гражданской войн экономики России и установление нормальных экономических отношений между рабочим классом и крестьянством.

Съезд принял также резолюцию «О единстве партии», направленную на то, чтобы снять напряжённость в отношениях между её различными лидерами, и всё же выяснение сути НЭПа породило в партии острые и болезненные дискуссии. Кое-кто называл его «крестьянским Брестом». Одновременно было принято решение ликвидировать в России другие политические партии.

1921. *— Неурожай, массовый голод в Советской России. Установление Советской власти в Закавказье. Первая партийная чистка.*

Первый год НЭПа сопровождался катастрофической засухой (из 38 млн. десятин, засеянных в европейской России, урожай погиб полностью на 14 млн.), так что продналога было собрано почти вдвое меньше намеченного. Пришлось эвакуировать жителей поражённых голодом районов в Сибирь; масса людей (около 1,3 млн. человек) переселились на Украину и в Сибирь самостоятельно. Официальное количество пострадавших от голода составило 22 млн. человек. Из-за границы, в основном из США, была получена помощь в размере 1,6 млн. пудов зерна и 780 тыс. пудов другого продовольствия.

Шок от неурожая послужил тому, что сельхозработы 1922 года были объявлены общегосударственным и общепартийным делом.

***1922, 3 апреля**. — Избрание И.В. Сталина Генеральным секретарем ЦК РКП(б). **10 апреля — 19 мая**. — Генуэзская конференция, на которой нарком иностранных дел Г. Чичерин пытался договориться с лидерами западных держав о привлечении капиталов в Россию, но подтвердил отказ советского руководства от уплаты долгов царского и Временного правительств. Естественно, при таких условиях денег не дали. **30 декабря**. — Образование Союза Советских Социалистических Республик.*

В 1922-м продналог был сокращён на 10 %, по сравнению с предыдущим годом, а крестьянина объявили свободным в выборе форм землепользования. После сдачи государству налога крестьянин отныне мог распоряжаться излишками свободно и реализовывать их на рынке. Если хозяйство по состоянию своей рабочей силы затруднялось выполнять сельскохозяйственные работы своевременно, допускалось применение наёмного труда с соблюдением норм об охране труда. Позже, в апреле 1925-го появилось подробное определение прав батраков и батрачек.

О свободе торговли хлебом было объявлено одновременно с переходом от развёрстки к продналогу, но сначала это понималось как прямой продуктообмен между городом и деревней, преимущественно через кооперативы, а не через рынок. Крестьянству такой обмен показался невыгодным, и В.И. Ленин уже осенью 1921 года признал, что товарообмен между городом и деревней сорвался. Пришлось снять сохранявшиеся ограничения, поставив частника в равные условия в торговле с государством и кооперативами.

Разрешение торговли потребовало наведения порядка в финансовой системе, которая в начале 1920-х существовала лишь номинально. Уже в 1921 году государство предприняло ряд шагов, направленных на восстановление финансовой политики. Был утверждён статус Государственного банка, который переходил на принципы хозрасчёта и был заинтересован в получении доходов от кредитования промышленности, сельского хозяйства и торговли. Разрешалось создавать коммерческие и частные банки. Частные лица и организации могли держать в сберегательных кассах и банках любые суммы денег и без ограничений пользоваться вкладами. Правительство прекратило бесконтрольно финансировать промышленные предприятия, потребовало от них платить налоги в бюджет и приносить доход государству. Вводились внутренние государственные займы.

Затем были приняты меры по стабилизации российской валюты, которые осуществлялись далее в течение 1922-1924 годов. Обмен денежных знаков был проведён в два приема: сначала в отношении 1:10000, затем 1:100. В результате в СССР была создана

единая денежная система, выпущены червонцы, ставшие твёрдой валютой, а также казначейские билеты, серебряная и медная монета.

В 1925 году посевная площадь достигла довоенного уровня; НЭП восстановил устойчивость народного хозяйства, в том числе сельского. На селе сложилось такое соотношение социальных групп: беднота и батраки — 28,5 %, середняки — 67-68 %, кулаки — 4-5 % (до революции соответственно 65, 20 и 15 %). Были упразднены чрезвычайные органы всех типов; началось создание систем власти и управления в нормальном режиме.

Государство сохранило за собой: тяжёлую промышленность, транспорт, банки, внешнюю торговлю, причём государственные промышленные предприятия были переведены на хозрасчёт. Система главков ликвидировалась, основной хозрасчетной единицей стал трест, то есть отраслевое объединение наиболее целесообразно организованных и соответственно расположенных предприятий. Например, один из крупнейших трестов, «Югосталь», представлял собой комбинированное объединение важнейших металлургических заводов Юга. Предприятия треста, обеспеченные сырьевыми и финансовыми ресурсами, включались в государственный хозяйственный план, и частично или полностью снабжались государством, а для координации сбытовой деятельности трестов были созданы синдикаты, всесоюзные торговые объединения, распоряжавшиеся капиталом, составленным из паёв трестов-участников.

Однако промышленность плохо поддавалась реформированию, и принятые меры привели к остановке большой части промышленных предприятий: они просто не могли выживать в условиях рынка.

Частный капитал обосновался главным образом в лёгкой и пищевой промышленности, давая в некоторых отраслях (маслобойная, мукомольная) до трети производимой продукции. В оптовой торговле доля частного капитала была невелика — до 8 % в 1925 году; в розничной она составляла более 40 %.

В общем, в середине 1920-х развитие советской экономики носило противоречивый характер. С одной стороны, успехи в возрождении экономики были очевидны. Сельское хозяйство восстановило уровень довоенного производства, российский хлеб вновь стал продаваться на мировом рынке, деревня приобрела возможности развития. Окрепла финансовая система государства. С другой стороны, положение в промышленности, особенно тяжёлой, выглядело не слишком хорошим: производство не достигло довоенного уровня, а

замедленные темпы его развития вызывали огромную безработицу, которая в 1923-1924 годах превысила 1 млн. человек.

***1923, 26 августа**. — Постановление ЦИК СССР и СНК СССР о возобновлении производства спиртных напитков и торговли ими. **Осень**. — Попытка организации революции в Германии. Экономический кризис, выступление левой оппозиции.*

***1924, 21 января**. — Смерть В.И. Ленина. «Ленинский призыв» в партию. **26 января**. — Переименование Петрограда в Ленинград. **31 января**. — Принятие Первой Конституции СССР.*

Новая экономическая политика прошла через серию острейших экономических кризисов, о которых надо сказать подробнее. В 1923 году диспропорция между наращивавшим темпы сельским хозяйством и практически остановившейся промышленностью вызвала «кризис цен», или «ножницы цен». В результате стоимость сельхозпродуктов резко снизились, а цены на промтовары продолжали оставаться высокими. На этих «ножницах» деревня теряла половину своего платёжеспособного спроса. Обсуждение этого кризиса вылилось в открытую партийную дискуссию; цены на промтовары были снижены, а хороший урожай в сельском хозяйстве позволил промышленности обрести широкий и ёмкий рынок для сбыта своих товаров.

***1924**. — Начало регулярного радиовещания из Москвы. XIII съезд РКП(б), переименование РКП(б) во Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков — ВКП(б). Провозглашение курса на «строительство социализма в одной стране».*

В 1925 году начался новый кризис, спровоцированный теперь частными торговцами. Спекуляция привела к тому, что цены на сельхозпродукты резко повысились и основная прибыль пошла в руки наиболее зажиточных крестьян, а среди большевиков вновь вспыхнула дискуссия о «кризисе цен». Победили сторонники продолжения дальнейших уступок крестьянству, однако были приняты меры и по ограничению частника на рынке.

В декабре 1925 года XIV съезд партии провозгласил курс на индустриализацию, по поводу чего развернулись дебаты о путях, методах и темпах. Е. Преображенский выдвинул доктрину «первоначального социалистического накопления» за счёт несоциалистических секторов хозяйства (в основном крестьянства) путём применения «ножниц цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары, налогообложения, денежной эмиссии.

***1925**. — XIV съезд ВКП(б), курс на индустриализацию страны, разгром «новой оппозиции».*

1926. *— Локарнская конференция. Образование троцкистско-зиновьевского блока.*

1927*. —XV съезд ВКП(б), разгром троцкистско-зиновьевской оппозиции.*

1928*,* ***июнь****. — Судебный процесс в Москве о вредительстве в промышленности («шахтинское дело»). «Хлебная стачка».*

Новый кризис экономической политики был связан с хлебозаготовительными трудностями зимы 1927/1928, вошедшими в историю как «хлебная стачка». Крестьяне решили не сдавать хлеб государству, а придержать его до весны, когда цены на него поднимутся. В результате в крупных городах страны возникли сбои в снабжении населения продуктами питания, и правительство вынуждено было вводить карточную систему распределения продуктов. В ходе поездки в Сибирь в январе 1928 года Сталин предложил применить чрезвычайные меры давления на крестьян при проведении хлебозаготовок, в том числе использовать уголовный кодекс для укрывателей зерна, насильственно изымать зерно, использовать заградительные отряды и т.п.

А вот слова И.В. Сталина о «ножницах цен. 1928 год:

«С крестьянством у нас обстоит дело в данном случае таким образом: оно платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно ещё ***переплачивает*** *на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это, во-первых, и более или менее* ***недополучает,*** *на ценах на сельскохозяйственные продукты — это, во-вторых.*

Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъёма индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе и крестьянство. Это есть нечто вроде ***„дани",*** *нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии, обеспечить индустрию для всей страны, поднять дальше благосостояние деревни и потом уничтожить вовсе этот добавочный налог, эти «ножницы» между городом и деревней.*

Дело это, что и говорить, неприятное. Но мы не были бы большевиками, если бы замазывали этот факт и закрывали глаза на то, что без этого добавочного налога на крестьянство, к сожалению, наша промышленность и наша страна пока что обойтись не могут.

Почему я об этом говорю? Потому, что некоторые товарищи не понимают, видимо, этой бесспорной вещи. Они построили свои речи на том, что крестьянство переплачивает на товарах, что абсолютно верно, и что крестьянству не доплачивают

на ценах на сельскохозяйственные продукты, что также верно. Чего же требуют они? Они требуют того, чтобы были введены восстановительные цены на хлеб, чтобы эти «ножницы», эти недоплаты и переплаты были бы уничтожены ***теперь же****. Но что значит уничтожение «ножниц», скажем, в этом или в будущем году? Это значит, затормозить индустриализацию страны, в том числе и индустриализацию сельского хозяйства, подорвать нашу еще неокрепшую молодую промышленность и ударить, таким образом, по всему народному хозяйству. Можем ли мы пойти на это? Ясно, что не можем.*

В чём же должна состоять, в таком случае, наша политика? Она должна состоять в том, чтобы постепенно ослаблять эти «ножницы», сближать их из года в год, снижая цены на промышленные товары и подымая технику земледелия, что не может не повести к удешевлению производства хлеба, с тем, чтобы потом, через ряд лет, уничтожить вовсе этот добавочный налог на крестьянство».[8]

Слова о «некоторых товарищах» можно отнести на счёт Н.И. Бухарина, главного теоретика НЭПа, который полагал, что индустриализация пусть себе идёт «черепашьими темпами» на основе НЭПа при растущем без всяких «ножниц цен» сельском хозяйстве. Просто всем слоям деревни надо сказать «Обогащайтесь». И на рубеже 1927—1928 годов обнаружилось, что НЭП упёрся в тупик! Как только хлебозаготовительные трудности вновь повторились зимой 1928—1929, этот лозунг был осуждён руководством партии, сторонники хозяйственных методов разрешения кризиса хлебозаготовок лишились постов, а НЭП стал сворачиваться — была поставлена задача быстрой индустриализации. Усилились административные методы руководства экономикой, действие рыночных механизмов ограничивалось и подавлялось планом.

К этому времени были разработаны два варианта первого пятилетнего плана: отправной и оптимальный. Под нажимом Сталина был принят оптимальный, *форсированный* вариант, предполагавший максимальные темпы, жёсткие директивы, ломку народнохозяйственных пропорций, приоритет тяжёлой промышленности.

Спорить нечего: экономические успехи НЭПа велики. Среднегодовой темп прироста национального дохода за период 1921—1928 годов составил 18 %. Национальный доход на душу населения к

---

[8] Сталин И. В. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) 4-12 июля 1928 г. // Соч. М.. 1949. Т. 11. С.159-160.

1928 году вырос, в сравнении с 1913-м, на 10 %. Соответственно новой идеологии, произошли существенные изменения в быте населения. Ухудшились условия жизни высших слоёв общества: до революции члены бывшей элиты занимали лучшие квартиры, потребляли качественные продукты питания, пользовались высшими достижениями образования и здравоохранения. Теперь был введён строго классовый принцип распределения материальных и духовных ценностей, и представители высших слоев лишились своих привилегий.

В то же время Советская власть поддерживала нужных ей представителей старой интеллигенции через систему пайков, комиссию по улучшению быта ученых и т.п.; создавалась политическая элита, — партийная и государственная номенклатура, имевшая свою систему привилегий. Также в годы НЭПа возникла новая экономическая элита — зажиточные люди, так называемые нэпманы или новая буржуазия, уклад жизни которых определялся толщиной их кошелька.

Серьёзно изменился уклад жизни рабочего класса. От Советской власти он получил права на бесплатное образование и медицинское обслуживание, государство обеспечивало ему социальное страхование и пенсионное содержание, через рабфаки поддерживало его стремление к получению высшего образования. Однако прежде всего на тех же рабочих в годы НЭПа отражались слабое развитие промышленного производства и массовая безработица…

Шла культурная революция, прежде всего с целью воспитания у людей новой коммунистической морали (человек человеку друг). Были сделаны серьёзные шаги по ликвидации неграмотности взрослого населения, созданию материальной базы народного образования, формированию сети культурно-просветительных учреждений. Однако отсутствие достаточных материальных средств не позволяло решать эти проблемы так быстро, как рассчитывало руководство.

Быт крестьянства в 1920-х изменился незначительно. Патриархальные отношения в семье, общий труд в поле от зари до зари, желание приумножить свое достояние — таков был уклад. Крестьянство в основной своей массе стало более зажиточным, у него развивалось чувство хозяина. Маломощные крестьяне объединялись в коммуны и колхозы, налаживали коллективный труд.

Крестьянство очень волновало положение церкви, ибо с религией оно связывало своё существование. А политика Советского государства в отношении церкви в эти годы не была постоянной. В начале 1920-х на церковь обрушились репрессии, были изъяты церковные ценности под предлогом необходимости борьбы с голодом. Государство вело активную антирелигиозную пропаганду, создало

разветвленную сеть обществ и периодических изданий антирелигиозного толка, внедряло в быт социалистические праздники в противовес религиозным. В результате такой политики в православной церкви произошёл раскол, группа священников образовала «живую церковь», отменила патриаршество и выступила за обновление церкви. Затем при митрополите Сергии церковь активно начала сотрудничать с Советской властью. Государство поощряло появление новых явлений в жизни церкви, направляя репрессии против сторонников сохранения старых порядков в ней.

При НЭПе оживилась «буржуазная идеология», выразителем которой стало «сменовеховское» движение. В борьбе с ним правительство применило жёсткие меры, создав органы цензуры, — Главлит и Главрепетком, а также высылая инакомыслящих за пределы страны. В то же время допускались научные и творческие дискуссии, сосуществовали такие различные направления в искусстве, как Пролеткульт, объединения авангардистов, футуристов, «Серапионовых братьев», имажинистов, конструктивистов, «Левого фронта».

Самое главное в том, что к концу 1920-х были решены основные экономические задачи, которые возлагались на НЭП. Было восстановлено разрушенное войнами хозяйство, стабилизировалась социальная и демографическая ситуация, сложилась и укрепилась система государственных органов и учреждений, укрепился правопорядок. Были мобилизованы значительные средства для индустриализации. Вместе с темы выявились и стали быстро нарастать новые противоречия, которые уже в 1928—1929 воспринимались руководством государства и партии как угрожающие: НЭП себя изжил.

Как рассказывает С.Г. Кара-Мурза, в 1989 году было проведено экономическое моделирование варианта продолжения НЭПа на 1930-е годы. Оно показало, что в этом случае не только не было возможности поднять обороноспособность страны, но и годовой прирост валового продукта опустился бы ниже прироста населения — Россия неуклонно двинулась бы к социальному взрыву.

И в самом деле, к концу этого периода внутри страны возникло нестабильное равновесие, быстро сдвигавшееся к острому противостоянию, — в отношениях между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством. Поправив свои дела в условиях НЭПа, получив землю и стабильный правопорядок, село оказалось в большой степени самодостаточным и не имело внутренних стимулов для интенсивного развития. Производство зерновых остановилось примерно на довоенном уровне. Освобождённое от арендных платежей и выкупа земли село снизило товарность и

возможности экспорта хлеба, главного тогда у России источника средств для развития. В 1926 году при таком же, как в 1913, урожае, экспорт зерна был в 4,5 раз меньше — а это был самый высокий за годы НЭП показатель!

Индустриализация, которая в силу очевидной необходимости была начата с создания базовых отраслей тяжёлой промышленности, всё ещё не могла обеспечить рынок нужными для села товарами. Снабжение города через нормальный товарообмен нарушилось, а продналог в натуре был в 1924 году заменён на денежный. Возник заколдованный круг: для восстановления баланса нужно было ускорить индустриализацию, для этого требовалось увеличить приток из села продовольствия, продуктов экспорта и рабочей силы, а для этого надо было увеличить производство хлеба и повысить его товарность, создать на селе потребность в продукции тяжелой промышленности (машинах), а для этого — …ускорить индустриализацию.

Разорвать этот порочный круг можно было только посредством радикальной модернизации сельского хозяйства, для чего, теоретически, было три пути. Один — новый вариант «столыпинской реформы», поддержка набирающего силу кулака, перераспределение в его пользу ресурсов основной массы хозяйств середняков, расслоение села на крупных фермеров и пролетариат. Этот путь уже показал свою бесперспективность. Второй — постепенное развитие трудовых единоличных крестьянских хозяйств с их кооперацией в «естественном» темпе, но он по всем расчётам оказывался слишком медленным. Третий — ликвидация очагов капиталистического хозяйства (кулаков) и образование крупных механизированных коллективных хозяйств.

Другим кардинальным вопросом был выбор способа индустриализации. Дискуссия об этом протекала трудно, долго. Не имея, в отличие России начала века, иностранных кредитов как важного источника средств, СССР мог вести индустриализацию лишь за счёт внутренних ресурсов. Влиятельная группа (член Политбюро Н.И. Бухарин, председатель Совнаркома А.И. Рыков и председатель ВЦСПС М.П. Томский) отстаивали «щадящий» вариант постепенного накопления через продолжение НЭПа. И.В. Сталин предлагал форсированный вариант.

Мы уже упоминали, что в годы перестройки было проведено моделирование варианта Бухарина современными методами, и расчёты показали, что при продолжении НЭПа рост основных производственных фондов был бы в интервале 1-2 % в год. При таком «щадящем» варианте наша экономика нарастающими темпами

отставала бы не только от Запада, но и от роста населения СССР (2 % в год)! Тем самым было бы предопределено поражение при первом же военном конфликте, — но становился возможным и внутренний социальный взрыв из-за нарастающего обеднения населения. Поэтому прав был Сталин, и его правоту подтвердила победа в войне 1941-1945 годов.

Фридрих Энгельс в книге «Крестьянская война в Германии» писал:

«Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение ещё недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он **может** сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий. То, что он **должен** сделать… зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовой борьбы и порождающих её условий… Таким образом, он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он **может** сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии: а то, что он **должен** сделать, невыполнимо».[9]

Это полностью применимо к Сталину конца 1920-х годов. Прежняя российская власть пыталась, но не смогла к 1917 году завершить промышленный переворот и индустриализацию: основное население страны составляло крестьянство, а требовалось, чтобы им стал пролетариат, при сохранении продовольственной базы. Не смогло ничего сделать и Временное правительство. Теперь выполнение задачи индустриализации выпало решать большевикам, — но это противоречило прежним обещаниям — надо было найти щель между «можем» и «должны». Прежде всего, следовало поступиться догмами ради государственного интереса.

Борьба за власть

Помимо экономических, в период НЭПа происходили крупные политические перемены.

---

[9] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. Стр. 422-423.

6 февраля 1922 года была упразднена ВЧК с её местными органами, а вместо неё образовано Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД под председательством наркома или его заместителя, назначаемого Совнаркомом. На местах создавались политотделы при губисполкомах, непосредственно подчинённые ГПУ. На ГПУ были возложены борьба с бандитизмом, шпионажем, подавление открытых контрреволюционных выступлений, охрана границ, железнодорожных и водных путей сообщения, борьба с контрабандой. В распоряжении ГПУ были особые войска. ГПУ и его органам предоставлялось право обысков и арестов.

В том же году В.И. Ленин поручил органам юстиции разработать и принять уголовный кодекс, который отвечал бы новым реалиям. Вскоре новое советское законодательство начало действовать: уже в июне–июле проходил первый политический процесс над 47 руководителями эсеровской партии, который закончился вынесением смертного приговора 14 подсудимым. Однако затем приговор заменили высылкой подсудимых за границу, а сама партия эсеров была распущена. Одновременно произошёл самороспуск меньшевистской партии.

В конце августа 1922-го из Советской России отплыл «философский пароход», который увёз в эмиграцию около 160 представителей отечественной культуры, не согласных с Советской властью. Высылки оппонентов большевиков продолжались и впоследствии. Между тем, ещё в ноябре 1921 года был принял декрет «Об использовании труда заключённых в местах лишения свободы и отбывающих принудительные работы без лишения свободы».

Тем временем на окраинах бывшей империи местные коммунисты, руководимые ЦК РКП(б), образовали суверенные советские республики: Украинскую ССР (декабрь 1917), Белорусскую ССР (январь 1919), Азербайджанскую ССР (апрель 1920), Армянскую ССР (ноябрь 1920), Грузинскую ССР (февраль 1921). Три последние в марте 1922 года вошли в Закавказскую федерацию. Советская власть, утвердившаяся было в Латвии, Литве и Эстонии, не удержалась там.

С момента возникновения суверенные республики сразу оказывались в рамках общего политического союза — просто в силу однотипности советской государственной системы и концентрации власти в руках единой партии, ибо республиканские компартии изначально входили в РКП(б) на правах областных организаций. Формальное объединение произошло 30 декабря 1922 года, когда съезд полномочных представителей РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской федерации (I съезд Советов СССР) принял Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических

Республик, избрал Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК). Затем в январе 1924 года II Всесоюзный съезд Советов одобрил Конституцию СССР. Высшим органом власти стал Всесоюзный съезд советов, а между съездами — ЦИК, состоявший из двух равноправных палат: Союзного Совета и Совета Национальностей (первый избирался съездом из представителей союзных республик пропорционально их населению; во второй входили по пять представителей от каждой союзной и автономной республики и по одному — от автономных областей).

ЦИК СССР не был постоянно действующим органом, а созывался на сессии три раза в год, а в период между сессиями работал Президиум ЦИК СССР, избираемый на совместном заседании Союзного Совета и Совета Национальностей в количестве 21 человека. Высшим исполнительным органом стал Совет Народных Комиссаров СССР.

В ведении союзных республик находились внутренние дела, земледелие, просвещение, юстиция, социальное обеспечение и здравоохранение. Особое положение имели органы госбезопасности: если ранее ГПУ было подразделением НКВД, то с созданием СССР оно приобрело статус объединённого наркомата — ОГПУ СССР, имевшего подчинённые ему наркоматы в республиках.

16 октября 1924-го ВЦИК утвердил Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (ИТК), который регулировал организацию и режим содержания осуждённых. Вместо тюрем признавалось нужным усовершенствовать и максимально развивать сеть трудовых сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных колоний и переходных исправительно-трудовых домов.

Нужно учитывать, что все эти решения принимались на фоне разгоравшейся борьбы внутри самой партии. Принятие X съездом резолюции «О единстве партии» не означало, что сами руководители РКП(б)[10] неукоснительно следовали ей. Дело в том, что В.И. Ленин по состоянию здоровья в 1922 году отошёл от дел; на пост Генерального секретаря ЦК партии был избран И.В. Сталин, а заместителем Ленина на посту председателя правительства стал А.И. Рыков. Но в отсутствие Ленина его соратники начали борьбу за место лидера партии. Главными претендентами были: Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев. Но, как и раньше, это не было просто выбором лидера, а выбором пути дальнейшего развития. Трое из них, а именно Сталин, Каменев и Зиновьев, создав своеобразный триумвират, обрушили критику на Троцкого, который был ортодоксальным приверженцем

[10] С 1925 года — ВКП(б).

теории и слабо понимал задачи текущего момента. Его всегда заносило в крайности.

Троцкий, уйдя в отставку с занимаемых им постов в армии в 1925 году, оказался в изоляции и не влиял уже на политику партии.

Но и среди членов «триумвирата» по многим вопросам общности взглядов тоже не наблюдалось. При В.И. Ленине, всеми признанном авторитете, это можно было преодолевать. Теперь же противостояние лидеров становилось катастрофичным.

После того, как «отодвинули» Троцкого, Г.Е. Зиновьев навязал партии обсуждение вопроса о возможности построения социализма в одной стране. На XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 года состоялась дискуссия, в которой победила линия Сталина и примкнувших к нему Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, М.И. Калинина и других, считавших такое построение социализма возможным. Зиновьев был отстранён от занимаемых постов; на его место в Ленинград, как руководитель питерских коммунистов, уехал С.М. Киров, а во главе Исполкома Коминтерна был поставлен Н.И. Бухарин.

Л.Б. Каменев, вслед за Зиновьевым, тоже повёл наступление на бывшего товарища по «триумвирату». На XIV съезде партии он, в частности, сказал о Сталине: «Наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб». И скажем прямо, он был абсолютно прав; но он также абсолютно не мог понять, что Сталину и не надо было объединять «старый большевистский штаб». Он уже перерос догматический социализм, и занимался государственным строительством.

В 1926 году была предпринята попытка объединения всех оппозиционеров, недовольных курсом И.В. Сталина. Однако в это объединение вошли слишком разные люди, у которых было множество принципиальных разногласий друг с другом.

В 1927 году «группа большевиков-ленинцев» (Н.И. Муралов, Х.Г. Раковский, Л.Б. Каменев, Л.Б. Троцкий) подписали обращение, в котором обвиняли Сталина в подавлении внутрипартийной демократии, — «вопреки всему прошлому большевистской партии, вопреки прямым решениям ряда партийных съездов». Очевидно, что они совершенно не могли оценивать эволюционность социального развития, — а ведь сами в своём прошлом шли «вопреки всему прошлому»: свергали царизм, затем Временное правительство, голосовали за запрет деятельности всех партий, кроме коммунистической…

Оппозиционеры пытались создать нелегальные партийные структуры, но единства между ними не было, и Сталин смог, опираясь на партийный аппарат и рядовых коммунистов, исключить из партии наиболее видных деятелей оппозиции. Причём Сталин ссылался на резолюцию X съезда «О единстве партии», запрещавшую фракционность и требующую от меньшинства подчинения решениям большинства.

В таких сложных условиях особое значение приобрели органы ОГПУ, которые от слежки за оппозиционерами стали переходить к активным действиям. В этой борьбе без перехлёстов не обошлось.

XV съезд партии в 1926 году сделал вывод, что «левые» оппозиционеры — это ревизионисты, отказавшиеся от марксизма-ленинизма, поскольку они отрицают возможность победоносного строительства социализма в СССР. Здесь тонкость в том, что марксизм как раз не предполагал возможности победоносного строительства социализма в одной стране. Не случайно и Ленин говорил, что НЭП — лишь средство продержаться до мировой социалистической революции. С точки зрения теории, это не оппозиционеры, застрявшие на марксовой догме, а сам Сталин был ревизионистом марксизма и фальсификатором ленинизма! Но с точки зрения марксистской *практики* Сталин был прав, а потому он и победил, и дальше коммунистическая партия под его руководством продолжила строить социализм в СССР!

Он в ходе полемики с Троцким говорил:

«Надо откинуть устаревшее представление, что Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего» — и вместе с устаревшим представлением «откинул» самого Троцкого: в 1928 году бывшего всесильного вождя выслали из Москвы, а в январе 1929 из СССР. А из Конституции вскоре исчезла объявленная ранее цель: победа социализма *во всех странах*.

В период НЭПа страна поднялась на горку, с которой было несколько путей. Выбор движения в одном направлении — осуществлении социалистической модернизации, вёл к устойчивому состоянию. Движение в другом направлении — раздувании мировой революции, означало прекращение всякого развития России. Третье направление — медленное развитие вело, если называть вещи своими именами, к смерть страны. Поэтому неудивительно, что после разгрома «левой» оппозиции пришёл черёд «правой» оппозиции. Спор шёл о судьбе НЭПа. Бухарин и прочие оценивали его результаты высоко; они видели возможность мягкой постепенной индустриализации. А Сталин

полагал нужным переходить к чрезвычайным мерам в хозяйственном развитии.

Но кто же такой был в это время Сталин, и кто такие были оппозиционеры, с точки зрения нашей теории «Русских горок»? Сталин был «хозяином», а те, кто спорил с ним — элитой, мешавшей переходу к мобилизационной экономике и рывку. И судьба их сложилась сходно с судьбой тех представителей элиты, которые мешали в своё время Ивану Грозному и Петру I.

По свидетельству писателя К.М. Симонова, население с пониманием относилось к происходящему:

«Хотя в разговорах, которые я слышал, проскальзывали и ноты симпатии к Рыкову, к Бухарину, в особенности к последнему, как к людям, которые хотели, чтобы в стране полегче жилось, чтоб было побольше всего, как к радетелям за сытость человека, но это были только ноты, только какие-то отзвуки чужих мнений. Правота Сталина, который стоял за быструю индустриализацию страны и добивался её, во имя этого спорил с другими и доказывал их неправоту — его правота была для меня вне сомнений».

Компромиссный вариант был отвергнут. Россия вступила на путь к устойчивому состоянию — созданию государственной экономики.

СТАЛИНСКИЙ РЫВОК

«Мы должны принимать наследие нашей истории. Все почему-то заклинились на Сталине, забывая о том, что была могучая героическая история. Да, она была трагической. Но вместе с тем и героической… Трагедии — совершенно неотвратимый феномен человеческого бытия, никуда от этого не денешься… Я глубоко убеждён в том, что мы никуда не двинемся по-настоящему, если не перестанем обрезать корни, связывающие нас с той эпохой…»

Вадим Кожинов[11].

Маленькое пояснение

История в целом длинна и сложна. Однако если взять небольшой её отрезок, он окажется не менее сложным! Это всеобщее правило. Чем ближе подходишь к какому-либо предмету, тем больше различаешь деталей; при дальнейшем приближении многообразие нарастает...

Казалось бы, не очень длительный период сталинских реформ донельзя насыщен событиями: большими и маленькими, важными и не очень. Стоит ли нам даже браться за эту колоссальную тему, заранее зная, что мы можем уделить ей не так много места? Наверное, стоит. Ведь мы в нашей книге излагаем концепцию «Русских горок», *модель* истории. Нам придётся учитывать соразмерность, а именно, занимаясь деталями, помнить, в связи с какой общей задачей мы ими занимаемся. С другой стороны, выдвигая общие положения, не следует забывать, на базе каких конкретных фактах они выдвигаются, — но факты эти, скажем прямо, широко известны. К тому же, чтобы делать надёжные выводы, нам нужны не одиночные события, а некоторые статистически достоверные результаты реализации событий.

Мы в первой части книги упоминали один очень важный методологический принцип, который даёт нам история физики. Мы его назвали «методом Кулона». Напомним суть. Шарль Огюст Кулон (1736-1806) был специалистом в теории упругости. Это позволило ему, когда он приступал к своим работам по электричеству, создать свой уникальный прибор – крутильные весы. Он создал *достаточно точный*

---

[11] "Комсомольская правда" 21.12.1999.

прибор, и сумел обнаружить некоторые закономерности во взаимодействии электрических зарядов. Но вместе с тем, его прибор был *достаточно грубым*, и в силу этого свойства большое количество дополнительных закономерностей не смогли закрыть основную. Мы не знаем, так и было задумано им, или получилось случайно, — неважно. Как бы то не было, это оказалось весьма продуктивным.

Мы, стремясь обнаружить ту или иную закономерность в истории общества, используем «принцип Кулона». Историкам в их исследованиях вообще надо бы научиться достигать *достаточную точность*, и не сверх того, поскольку её превышение, уход в детали (которым несть числа) обязательно скроет искомую закономерность.

Например, бывает сложно вычленить закономерности во взаимоотношениях элиты и народа какой-либо страны. Народ — он как бы «безликий», просто масса, без разделения на психологические и интеллектуальные типажи. Зато малочисленная элита — о которой историкам известно несравненно больше, чем о народе — представлена огромным числом портретов. Добрые, злые, умные, жадные… Поди разберись, что в истории происходило от закономерностей, а что — от личностных качеств человека.

Если же избавиться от излишней шелухи биографий, то становится очевидным, что перед социальными системами стоят те же задачи, что и перед любой информационной системой, и можно легко проследить здесь действие эволюционных законов. Человеческое сообщество, чтобы существовать в «предложенных» ему условиях, должно уметь сохранять прошлый опыт существования в них (чем и занят основной народ), и одновременно уметь перестраиваться по мере их изменения. Вот элита как раз и есть та особая часть общества, которая «ловит» сигналы внешнего мира, чтобы направить усилия основной части народа в нужную сторону, — если, конечно, перемены необходимы.

Это легко понять. Крестьянину в его чисто крестьянском труде никакая элита не нужна; он сам знает, когда пахать, когда урожай собирать. И действительно, сельское население — наиболее консервативный элемент общества; крестьяне «отвечают» за память из прошлого в будущее, а если крестьян свести на нет, их место займут другие — те, кто производит основной продукт страны, кто позволяет ей выживать. Но если на страну готовится напасть враг — кто сорганизует оборону? Разве крестьяне? Нет, элита. Это она потребует от крестьян материальных и человеческих ресурсов, она выстроит армию и поведёт в бой. А интеллектуальная элита обеспечит появление технических и прочих новинок, даст идеологическое обоснование для

того или иного поведения людей, организует процесс школьного и прочего образования.

Таким образом, элита тоже нужна для выживания сообщества: она «руководит» движением из настоящего в будущее.

И только понимая это, уже на этом фоне можно давать «портреты» властителей. Если же какой-либо историк вывешивает перед вами целые галереи добрых, умных или жадных царей, и говорит, что это — и есть история, не верьте ему. Это сборники литературных анекдотов.

Элита живёт за счёт своей страны, то есть от прибавочного продукта, который даёт ей народ. Это не нахлебничество, если она и работает в интересах этой же страны и этого народа. Но вот если элита начинает действовать в интересах иных стран, или даже просто прожирает ресурс, то это катастрофа для страны. А такое бывает: отрывается элита от корней, забыв, что стала она выдвинулась «в верха» не по воле неких нематериальных сил. И тогда народ будто бы ни с того, ни с сего устраивает революцию, «разгоняет» негодных властителей, выдвигает новых лидеров, которые немедленно сами становятся элитой и попадают в «портретную галерею» историков.

Итак, народ не может просто изгнать элиту, или перестать содержать. Он может её только заменить. Элита — необходимый элемент общества! Без неё пропадёт и государство. То есть ей нужно давать возможность жить ровно настолько хорошо (удобно, комфортно, сытно и т.д.), насколько она приносит пользу обществу, — этим должна заниматься высшая государственная власть. Когда же между разными классами страны нет «обратной связи», а своё содержание элита назначает сама себе и по собственному усмотрению, и сама же назначает и скидывает императоров, то страна в целом беднеет, а кто-то в частности богатеет. За счёт чего? За счёт обнищания большинства.

Сталинская эпоха показала, что основная задача государственной власти — сближение двух «народов» одной страны, трудящихся и элиты, в том числе в мере потребления, — только так возможен успех. Нельзя одновременно развивать страну (трудами народа) и прожирать ресурс (стараниями элиты). Нечего спорить, Сталин держал в «чёрном теле» крестьянство, но и партноменклатуру — элиту своего времени, зажимал крепко, не давал излишне жировать.

Мы ниже покажем, как это было. Но сначала напомним некоторые принципы действия наших «Русских горок». Некоторый общий сценарий развития событий таков:

1. Исходно низкая норма внутренних накоплений. Это не злой умысел, а объективная реальность, ибо это и есть наше стационарное состояние.

2. Правящая элита, помня о происходивших в прошлом случаях напряжения всех сил, не рискует вводить режим мобилизационной экономики и продолжает пользоваться ресурсами, накопленными после предыдущего рывка, но не всегда эффективно. Кроме того, контакт с Европой показывает властителям неудовлетворительность их собственного состояния с точки зрения бытового комфорта. Не понимая истинных причин этого отставания, вожди предпринимают попытки улучшить своё, а также общее положение за счёт копирования зарубежных порядков. Им помогает своя интеллектуальная элита и иностранные советники, что только ухудшает общее экономическое положение, углубляя кризис.

3. Появление внешней угрозы, когда соперничающие страны пытаются экономическое отставание России закрепить политическим поражением. Это становится сигналом к началу перехода к мобилизационному режиму экономики. Как правило, такой переход требует новых идей, самых передовых на этот момент в мире, а также новых людей в руководстве, способных к новому режиму функционирования страны. (Возврат после мобилизационного режима к стационарному также требует смены элиты).

4. В результате напряжения всех сил удаётся преодолеть внешний кризис, а после этого у народа пропадает побудительная причина поддерживать предыдущий режим. Элита склонна вспоминать вождей, выполнивших труднейшую работу по спасению страны, как ужасных тиранов, и навязывает эту точку зрения народу.

Далее всё повторяется.

Так было в эпоху Ивана Грозного, Петра I и Иосифа Сталина.

Сталинские пятилетки

1929. *— Серьёзные продовольственные проблемы, введение карточек на хлеб.* ***Ноябрь***. *— Пленум ЦК ВКП(б), отказ от НЭПа, принятие курса на сплошную коллективизацию.*

1930, 5 января. *— Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», начало сплошной коллективизации.* ***25 июля***. *—*

Постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном образовании».

Разгром «правой» оппозиции обозначил конец НЭПа. В 1929 году В.М. Молотов и В.В. Куйбышев сменили Рыкова и Кржижановского на постах председателей Совнаркома и Госплана. Началось усиление централизованного планового руководства экономикой, ликвидация элементов хозрасчёта, рост налогового бремени на частные предприятия. К 1933 году исчезли концессии, предоставленные иностранным предпринимателям (кроме японских на Дальнем Востоке).

Первый пятилетний план развития народного хозяйства (1928/29—1932/33) разрабатывался и был принят с учётом принципов НЭПа и в частности был рассчитан на сбалансированное развитие всех основных отраслей народного хозяйства. Но в 1929 году Сталин заявил о необходимости пересмотра заданий в сторону их существенного увеличения, полагая довести их с 21,5 до 45 %.

Для руководства экономикой были созданы новые органы управления. В 1932 году вместо ВСНХ сначала образовали 4 отраслевых наркомата, а к концу 1930-х их количество возросло до 20. Наркоматы были со строгой вертикальной структурой подчинения, доходящей до каждого отдельного предприятия.

Темпы индустриализации были небывало высокими, — а сегодня они кажутся невероятными: с 1928 по 1941 год было построено около 9 тысяч *крупных* промышленных предприятий. Промышленность по отраслевой структуре, техническому оснащению, возможностям производства важнейших видов продукции вышла в основном на уровень развитых стран. Был осуществлён массовый выпуск самолётов, грузовых и легковых автомобилей, тракторов, комбайнов, синтетического каучука и т.д. Стала быстро развиваться оборонная промышленность с использованием оригинальных отечественных разработок.

Это было достигнуто через трудовое и творческое подвижничество всего народа при общем энтузиазме, по силе сходном с религиозным. Но требовалось и жёсткое подчинение плану тех, кто составлял управляющую вертикаль. Управлять — это была их работа, а не способ достижения личного благополучия. В этих условиях массы народа доверяли руководителям и оказались способными на самоотречение.

Вот воспоминания американского студента Джона Скотта:

«...Я выехал на поезде, идущем четыре дня до места под названием Магнитогорск, расположенного на восточных склонах

Уральских гор. Я был очень счастлив. В Советском Союзе не было безработицы. Большевики планировали свою экономику и предоставляли молодым людям много возможностей. Более того, им удавалось преодолеть фетишизацию материальных ценностей, которая, как учили меня мои добрые родители, была одним из основных зол нашей американской цивилизации. Я видел, что большинство русских едят только чёрный хлеб и носят один-единственный костюм до тех пор, пока тот не распадется на части…

Шёл сентябрь 1932 года, и мне было 20 лет…

Мне понадобилось очень мало времени, чтобы понять, что они едят чёрный хлеб в основном потому, что нет никакого другого, и носят лохмотья по той же причине.

В Магнитогорске я был брошен в битву. Я очутился на линии фронта чугуна и стали. Десятки тысяч людей терпеливо выносили невероятные трудности, чтобы построить доменные печи, и многие делали это по своей воле, охотно, с безграничным энтузиазмом, которым с первого дня своего приезда заразился и я.

Четверть миллионов человеческих душ — коммунистов, кулаков, иностранцев, татар, осуждённых саботажников, и масса голубоглазых русских крестьян — строили самый большой сталелитейный комбинат в Европе посреди голой уральской степи. Деньги текли как песок сквозь пальцы, люди замерзали, голодали и страдали, но строительство продолжалось в атмосфере равнодушия к отдельной человеческой личности и массового героизма, аналог которому трудно отыскать в истории».[12]

За довольно короткий срок были решены три задачи: индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, осуществление культурной революции. Стало возможным создание новой армии.

Главным в этой модернизации было превращение человека с крестьянским типом мышления, восприятием времени, стилем труда и поведения — в человека, оперирующего точными отрезками пространства и времени, способного быть включённым в усилия огромных масс людей. За короткий срок создавался «новый человек».

Запад создавал такого «человека» в течение четырёхсот лет, в основном возложив эту задачу на частного хозяина, который дубил шкуру рабочего угрозой голода. Но и государство действовало на Западе в том же направлении столь жестокими методами, которые

---

[12] Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М.—Свердловск, 1991, с. 31-32.

России были неведомы (например, законы о бедных и о бродяжничестве, на основании которых были повешены десятки тысяч человек). Гражданское общество Запада изобрело для бедных такие типы наказания, которые Россия и СССР не знали. Уважение к собственности вбивалось там вчерашним крестьянам жестокими способами: в начале XIX века в Англии вешали даже детей за кражу на сумму более 5 фунтов стерлингов, а за бродяжничество клеймили с 14 лет.

В СССР на воспитание дисциплинированного, точного и ответственного человека отводилось менее десяти лет, и эта задача была выполнена, естественно, не одной любовью, лаской и пропагандой. Сегодня многие видят в тогдашней жестокости преступный характер советского государства (или его руководителей). Но нет большей ошибки, чем судить о событиях вне времени и пространства, без сравнения с другими аналогичными явлениями. Главное, поколение точных и дисциплинированных людей было воспитано без подавления их духовной свободы и творческих способностей. А что это именно так, показала победа в войне.

В промышленности новые показатели первого пятилетнего плана выглядели следующим образом: по чугуну вместо 10 млн. тонн было утверждено 17 млн. тонн, по тракторам вместо 53 тыс. штук — 170, по автомашинам вместо 100 тыс. штук — 200. Чтобы обеспечить выполнение производственных заданий, стоящих перед промышленностью, требовалось в таких же размерах «подстегнуть» темпы развития сельского хозяйства. В ноябре 1929 года была поставлена задача форсировать темпы преобразования на селе, а в январе 1930 был утверждён график коллективизации: к концу пятилетки в колхозах должно было находиться не 20, а 80-90 % крестьянских хозяйств. Естественно, достичь этого в столь короткие сроки можно было, только применяя административные меры.

В реальности были достигнуты в 1928-1932 годах следующие результаты. Если в 1928 году в СССР было произведено 3,3 млн. тонн чугуна, то в 1932 — 6,2 млн. тонн, производство тракторов выросло с 1,8 тыс. штук до 50,8, по автомобилям — с 0,8 тыс. штук до 23,9. Запланированного не достигли, но всё равно успехи были громадны.

А вот в сельском хозяйстве дела пошли не очень хорошо.

Без сомнений, коллективизация глубоко преобразовала не только село и сельское хозяйство, она повлияла на всю экономику страны в целом, на социальную структуру общества, демографические процессы и урбанизацию, — но вызвала на первом этапе тяжёлую катастрофу с массовыми страданиями и человеческими жертвами.

Надо сказать, что в первых колхозах (до 1929 они охватывали 6-7 % крестьянских хозяйств) не обобществлялся домашний скот, и каждой семье был оставлен большой приусадебный участок. Однако руководство Наркомзёма (создан 7 декабря 1929 постановлением ЦИК СССР; первый нарком — А.Я. Яковлев) самым удачным проектом для колхозного строительства в России посчитали *кибуц* — модель кооператива, разработанную в начале XX века во Всемирной сионистской организации. Но этот проект предназначался для колонистов-горожан, которые вовсе не собирались ни создавать крестьянское подворье, ни заводить скот. Обобществление в кибуцах доводилось до высшей степени, никакой собственности не допускалось вовсе, даже обедать дома членам кооператива запрещалось. Такой тип колхоза был несовместим с русской народной традицией.

(Отметим, что в подходящей среде — в Израиле, кибуцы показали себя как очень эффективный производственный уклад, — но в России 1930 года вопрос о соответствии этого проекта культурным традициям русской деревни и не вставал.)

В процессе коллективизации были допущены большие ошибки, и несоответствие колхозно-кибуцного проекта социально-культурным характеристикам русского человека — только одна из них. Были и перегибы другого свойства: вопреки намеченным в центре темпам, местные парторганизации, а с ними и органы власти, стремились силой загнать крестьян в колхозы за невероятно короткий срок, развивая при этом огромную энергию и упорство. Кроме того, «развёрстка» на число раскулаченных означала предельные цифры, но они повсюду перевыполнялись. Центральные органы советского государства часто должны были сдерживать рвение местных.

В 1930 году в погоне за «валом» было раскулачено почти 15 % крестьянства страны; в 1930-1931 в отдалённые районы сослали свыше 380 тысяч семейств «кулаков» и «подкулачников», а к 1932 году 1,4 млн. раскулаченных находились в спецпоселениях. Меньшая их часть занималась сельским хозяйством, бульшая — трудилась в лесной и добывающей промышленности.

Основная масса крестьян ответила на такую политику пассивным сопротивлением: уходом из села, сокращением пахоты, убоем скота. Если в 1928-м страна производила 4,9 млн. тонн мяса и сала, то в 1932 лишь 2,8 млн. тонн, соответственно по молоку показатели снизились с 31 млн. тонн до 20,6, а по яйцу — с 10,8 млрд. штук до 4,4. В ряде мест произошли вооружённые восстания (с января до середины марта 1930 на территории СССР без Украины было зарегистрировано 1678 восстаний), росло число убийств в конфликтах между сторонниками и противниками колхозов.

Результаты не замедлили сказаться: в 1932-1933 случился страшный голод, унёсший множество жизней. Судя по статистике рождений и смертей, только на Украине от голода умерло около 640 тыс. человек, однако ряд зарубежных исследователей считают, что всего от голода умерло 3-4 млн. человек. (В марте 1933 года состоялся судебный процесс против ряда работников Наркомзёма СССР, как виновных в возникновении голода — это было официальным признанием наличия голода в стране). Не лучше было положение и в городах, где с 1929 по 1933 год действовала карточная система снабжения населения.

Всегда и везде экономисты недооценивают или просто не понимают сути хозяйства нерыночного типа, принципиально направленного не на извлечение прибыли, а на выживание — патриархального в деревне, или домашнего в городе, — составляющего огромную, хотя и «невидимую» часть народного хозяйства. Для России эта слепота политэкономии сыграла роковую роль, и не только во время коллективизации, но и в конце советского периода.

Уже в марте-апреле 1930 года ЦК ВКП(б) принял ряд важных решений, чтобы выправить дело, но инерция запущенной машины была очень велика, а созданный в селе конфликт разгорался. Начатое зимой «раскулачивание» продолжалось. Только весной 1932 года местным властям было запрещено обобществлять скот, и даже было предписано помочь колхозникам в обзаведении скотом; с этого времени уже не проводилось и широких кампаний по раскулачиванию.

Но даже несмотря на множество разумных постановлений, устраняющих перегибы, положение выправилось лишь в 1935 году. Опять начали расти сборы зерна, поголовье скота, оплата труда колхозников. С 1 января 1935 года в городах отменили карточки на хлеб.

После сельскохозяйственной катастрофы и страшного голода зимы 1932-1933 годов был резко сокращён экспорт зерна. В 1932 году вывезли всего 1,8 млн. тонн против 4,8 в 1930-м и 5,2 в 1931-м, а в конце 1934 года вывоз вообще был прекращён. Да оно и в 1930-1932 вывозили только из-за Великой депрессии на Западе: там требовали срочного возврата одолженных на развитие советской экономики денег, а где их взять? Отдавали зерном… По этой же причине пришлось весь гигантский пятилетний план свернуть до шестидесяти “ударных комсомольских” строек, в которые уже были вложены большие средства.

Была и вторая причина провала пятилетки — организационная. Уже сложилась жёсткая вертикаль управления, главную роль в которой играли первые секретари партийных

комитетов. Эти люди, преданные делу партии и мировой революции, как правило, не были в достаточной мере грамотными. Они затруднялись проводить серьёзную экономическую политику.

Сталин понимал, что партийных бюрократов следует заменить квалифицированными людьми. Но их просто не было, да и как заменить? Сталин ведь не был царём, а был — избранным лицом. Любой пленум партии, на который как раз и собирались для утверждения всяческих решений партийные бонзы, — пленум, где у Сталина не было уверенного большинства, не позволил бы ему делать такие перемены. И пришлось ему действовать исподволь, и не наскоком.

Не называя пока имён, Сталин, выступая с трибун пленумов и на XVII съезде партии (январь—февраль 1934), стал говорить слова, с которыми чинуши не могли не согласиться, с которыми нельзя было спорить: “Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления... вот где источники наших трудностей”. “...Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом”. Так постепенно внедрялась мысль: руководитель не обязательно должен быть членом партии с большим стажем, он даже может не быть членом партии, но должен быть специалистом, иметь высшее образование и опыт работы по специальности. Чуть позже возник лозунг: “Кадры решают всё!”

Между тем, после ввода в строй крупных тракторных заводов начала быстро создаваться сеть машинно-тракторных станций (МТС), которая в 1937 году обслуживала уже 90 % колхозов. Переход к крупному и в существенной мере механизированному сельскому хозяйству позволил быстро повысить производство и производительность труда.

Но всё это делалось, как уже сказано, ради получения средств для модернизации страны. Принудительное обобществление крестьянских хозяйств велось ради форсированной индустриализации: обеспечить любой ценой снабжение продовольствием растущего населения городов, обеспечить экспорт и получение валюты, чтобы было, на какие средства закупать оборудование для новых заводов. Государство обязывало колхозы засевать определённые площади и сдавать зерно в установленный срок по заранее обусловленным кондициям и ценам. Цены эти покрывали 10-15 % стоимости закупаемого зерна. За счёт экспортной продажи зерна импортировалась заграничная техника.

Кроме того, вздувались розничные цены на товары народного потребления, что позволяло изымать в бюджет дополнительные средства для вооружения армии.

За годы первой пятилетки возникла целостная система перекачки людских, материальных и финансовых ресурсов из аграрного сектора в индустриальный. Но была создана и ещё одна система принудительного труда — система Главного управления лагерей (ГУЛаг), в котором совместились функции карательных органов с функциями строительных ведомств, как способа восполнения нехватки капиталов для промышленной реконструкции.

ГУЛаг состоял (по данным на 1940 год) из 53 лагерей, 425 исправительно-трудовых колоний, 50 колоний несовершеннолетних с общим числом заключенных свыше 1 660 тысяч. И надо сказать, очень многие попали туда за дело. Кстати, сегодня в России заключённых около миллиона, несмотря на довольно частные амнистии и более щадящий Уголовный кодекс. Есть о чём подумать.

Ужесточалось советское законодательство. В постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперативов и укреплении общественной (социалистической) собственности» впервые был использован термин «враг народа», к которым применялась высшая мера наказания или срок 10 лет с конфискацией имущества.

***1932, 22 августа**. — Постановление «О борьбе со спекуляцией» (срок наказания от 5 до 10 лет без права амнистии). **27 декабря**. — Постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» (паспортный режим был отменён в 1923 году), в результате чего крестьяне были лишены паспортов и возможности свободного переселения в город.*

К.М. Симонов писал о тех давних временах: «И строительство Беломорканала, и строительство канала Москва-Волга, начавшееся сразу после окончания первого строительства, были тогда в общем, и в моём тоже восприятии не только строительством, но и гуманною школою перековки людей из плохих в хороших, из уголовников в строителей пятилеток. ...Старые грехи прощались, за трудовые подвиги сокращали сроки и досрочно освобождали, и даже в иных случаях недавних заключённых награждали орденами. Таков был общий настрой происходящего, так это подавалось...»

В первую пятилетку был взят курс на ускоренное создание новых научно-технических кадров. Доля рабочих и их детей в технических вузах возросла с 38 % в 1928 до 64,6 % в 1933 году; число вузов увеличилось в 5,5 раз. В 1930 году в Москве появились

институты: геологоразведочный, горный, нефтехимической и газовой промышленности, стали и сплавов, станкоинструментальный, культуры и другие. Учебные планы были сориентированы на практику, доля выходцев из рабочих среди ИТР и руководящего состава («выдвиженцы») возросла до 57 %. Во второй половине 1930-х процесс организации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ был дополнен созданием лагерных «шарашек».

Советское руководство сделало серьёзные выводы из неудачи первой пятилетки и на XVII съезде ВКП(б) показатели второго пятилетнего плана (1933-1937) были подвергнуты существенной корректировке. Для промышленности утвердили достаточно реальные задания по ежегодному росту производства, в сельском хозяйстве предусматривалось лишь закрепление достигнутого уровня коллективизации. Произошло некоторое ослабление директивного давления на экономику, были реорганизованы органы управления ею.

Это привело к тому, что хотя вторая пятилетка, как и первая, не была выполнена в полном объёме, — всё же промышленность развивалась более динамично, был обеспечен значительный прирост производительности труда. Сельское хозяйство, оставаясь в сложном положении, стало выходить из кризиса. Была завершена коллективизация: если к осени страшного 1932 года в колхозах состояло 62,4 % дворов, то в 1937 — уже 93 %. Возросли посевные площади, главным образом в восточных районах страны, где «раскулаченные» осваивали целинные и залежные земли, повысилась урожайность. Поэтому и удалось в 1935 году отменить карточную систему распределения продуктов.

Проблема быстрого перехода от аграрного строя к индустриальному была решена в СССР с помощью триады реформ: коллективизация, индустриализация и культурная революция. При этом крестьяне с помощью жёстких экономических и административных мер перемещались из деревни в город. Однако при оценке понесённых жертв надо помнить, какие жертвы были принесены другими странами для достижения той же цели, а также, что в обогнавших нас странах на раскрестьянивание история отпустила целые столетия, а СССР должна была пройти этот путь всего за десять лет. А также посмотреть и на предыдущий опыт нашей страны!

Сталинские реформы, в отличие от столыпинских, предусматривали трудоустройство практически всех прибывших в город крестьян. Они начинали работать землекопами и чернорабочими, но затем осваивали более сложные строительные и производственные специальности. Их всех сажали за парты ликбеза, а наиболее способных направляли на учёбу в институты и в промышленные академии.

Бывшие крестьяне становились квалифицированными специалистами, строили города, заводы, электростанции. И именно эта фантастическая реальность вызывала у них невиданный до того энтузиазм, определивший невиданные темпы роста промышленности.

Ежегодно в строй вступило в среднем около 600-700 только крупных предприятий. Темпы роста тяжёлой промышленности были в два-три раза выше, чем за тринадцать лет развития России перед Первой мировой войной. Страна обрела потенциал, который по отраслевой структуре и техническому оснащению находился на уровне передовых стран мира. По абсолютным объёмам промышленного производства СССР в 1937 году вышел на второе место после США (в 1913 Россия занимала пятое место). Прекратился ввоз из-за рубежа более ста видов промышленной продукции, в том числе цветных металлов, блюмингов и рельсопрокатных станов, экскаваторов, турбин, паровозов, тракторов, сельхозмашин, автомобилей, самолётов. К 1937 году удельный вес импорта в потреблении страны снизился до 1 %.

Особенностью третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1938-1942) стало то, что он должен был решить проблему обеспечения обороноспособности страны. Но его выполнение осложнялось как внутренними проблемами, проявившими себя во второй половине 1930-х, так и изменением международного положения СССР. Дело в том, что после ликвидации безработицы и в связи с коллективизацией прекратился стихийный приток рабочей силы в город, и растущие предприятия стали испытывать острый недостаток в кадрах. Так, в 1937-м промышленность, строительство и транспорт недополучили свыше 1,2 млн. рабочих, в 1938 — 1,3 млн., и в 1939 — более 1,5 млн. рабочих.

В 1940 году была повышена обязательная мера труда. При 8-часовом рабочем дне, за исключением профессий с вредными условиями труда (для которых сохранялся 6- и даже 4-часовой рабочий день), предприятия и учреждения переводились с пятидневной на шестидневную рабочую неделю. В условиях нарастания военной опасности были запрещены самовольное увольнение рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Администрация была обязана передавать дела о прогулах и самовольном оставлении работы в суд. С октября наркомы СССР получили право переводить ИТР и квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие, независимо от их территориального расположения.

2 октября 1940 года был принят Указ «О государственных трудовых резервах» — о плановой подготовке кадров в ремесленных и железнодорожных училищах и школах ФЗО. Государственные

трудовые резервы находились в распоряжении Правительства СССР и не могли использоваться ведомствами без его разрешения.

Сельскохозяйственное производство к началу 1940-х удалось вывести на уровень 1928 года, избыв, наконец, результаты перекосов при коллективизации, но продукция животноводства вышла на этот уровень лишь в начале 1950-х. Однако надо помнить, что количество сельского населения с 1928 по 1939 год сократилось почти на 10 млн. человек. К 1939 году 32 % населения уже жило в городах.

Розенберг Н. и Бирдцелл Л.Е. в своей книге «Как Запад стал богатым» сообщают:

«*Многие страны третьего мира сталкиваются со старой для Запада проблемой: большое число лишних сельскохозяйственных работников, нуждающихся в новой занятости. Многие страны третьего мира пытались использовать своё сельское хозяйство как источник капитала для развития городов и как главный источник правительственных средств, для чего применяли прямое налогообложение, а также принудительные государственные закупки сельхозпродуктов по заниженным – сравнительно с мировым уровнем – ценам. Использование сельского хозяйства для обеспечения роста промышленности не имеет аналогов в истории Запада, где оно никогда не являлось существенным источником капиталов. Такая политика, вероятнее всего, должна вести к истощению сельского хозяйства без соответствующего подъёма городов. В сельскохозяйственной стране может быть и неизбежно обременение села ради содержания государственного аппарата и подкормки городов, но это бремя, скорее всего, замедлит, а не ускорит экономический рост*».

Так вот, И.В. Сталин вывел страну в ранг индустриальных именно этим способом. И здесь следует развеять некоторый стандартный миф, что в это время было загублено сельское хозяйство и с этих пор оно стало «чёрной дырой». До революции количество селян достигало 80 % населения, и они, в большинстве, кормили сами себя, и не более. В результате же реформ количество сельского населения сократилось в разы; оставшиеся крестьяне увеличили свою производительность в те же разы, а на самом деле в большее число раз, так как обеспеченность страны продуктами питания постоянно увеличивалась. То есть от крестьян не просто забирали, но их эффективно энерговооружали.

У России не было колоний, и главная задача, стоявшая перед нею – проведение индустриализации, — была решена в основном за счёт крестьянства. Она была решена одним из лучших способов в истории: без привлечения средств из колоний. Тем западным историкам, которые тычут нам в глаза «переломленным хребтом

русского крестьянства», стоило бы вспомнить, что раскрестьянивание в их собственных странах проводилось куда более жестоко, но для индустриализации им, на Западе, потребовалось ещё и «переломить хребет» многим и многим народам Африки и Азии.

СССР стал одной из трёх-четырёх стран, способных производить все виды продукции и развивать все НИОКР того времени. Мобильность и эффективность советской научно-технической системы не укладывалась в западные стандарты. В 1939-1940 годах, показывая свою верность Пакту о ненападении, Германия продала Союзу ряд образцов новейшей военной техники и новейших технологий. Гитлер разрешил это, получив от немецких экспертов заверения, что СССР ни в коем случае не успеет освоить их в производстве. Эксперты ошиблись.

Появились новые современные промышленные отрасли — автомобильная, авиационная, алюминиевая, анилино-красочная, тракторостроение, производство танков и другие. Появились новые промышленные районы (Магнитогорск, Кузбасс) и транспортные магистрали (Турксиб), начался сдвиг производительных сил на восток, шло освоение богатейших запасов минерального сырья. Были созданы технические возможности для приобщения большинства населения к массовой культуре урбанистического типа. Произошли значительные социальные сдвиги: число горожан возросло к 1939 году до 60 млн. человек, рабочих — до 24 млн., учащихся вузов и техникумов — до 1,8 млн. Доля женщин среди рабочих и служащих возросла за десять лет вдвое и достигла 47 %.

В августе 1934 года состоялся первый Всесоюзный съезд советских писателей. Развивалось искусство, архитектура. В Москве выросли современные высотные здания, были возведены дворцы, построен метрополитен. К сожалению, это делалось за счёт частичного уничтожения памятников старины. Большой резонанс в обществе вызвала ликвидация храма Христа Спасителя, возведённого на средства русских людей в ознаменование победы над Наполеоном. Предлагалось снести храм Василия Блаженного, под предлогом, что он мешал проведению демонстраций трудящихся на Красной площади…

Большие средства выделяло правительство на народное образование. В 1930-е годы оно начало вводить всеобщее начальное, а затем и семилетнее образование. Быстро развивалась сеть вузов и техникумов, для широкого охвата высшим и средним специальным образованием трудящихся масс внедрялись вечерняя и заочная формы обучения. Правительство держало под контролем образование советских людей, прежде всего через общественные науки. При личном участии Сталина была создана новая концепция отечественной и

всемирной истории, разработаны основы философии, и, благодаря единственному учебнику, каким стал «Краткий курс истории ВКП(б)», они внедрялись в систему образования.

Более однородной стала социальная структура общества. Были ликвидированы остатки эксплуататорских классов, а также нэпманских элементов. В годы индустриализации возросла социальная мобильность населения: представители рабочего класса пополняли ряды советской интеллигенции, особенно её инженерно-технического отряда и руководящего слоя. В свою очередь, рабочий класс был буквально размыт многомиллионными массами крестьянства, которые в начале 1930-х годов хлынули из деревни в города.

Пропагандировались традиционные российские ценности: патриотизм, крепкая семья, забота о подрастающем и старшем поколениях. Были запрещены аборты и затруднена процедура разводов. Велась пропаганда достижений русской истории и культуры.

Сформированная в 1930-е годы система плановой экономики, подкреплённая идеологией и культурой, в 1940-е выстояла в Великой Отечественной войне перед натиском колоссальной военной машины Германии, а затем смогла ответить на вызов американской «атомной дипломатии».

Геополитическое позиционирование

Левые — Троцкий и Зиновьев, дали последний бой «правому крену» на XVI съезде ВКП(б) в 1927 году. Но проиграли. И с этого момента лидерами становятся Бухарин и Сталин. Но Сталин уже начинает понимать то, чего не понимали Бухарин, Зиновьев и Троцкий, а именно: что надеяться на мировую революцию просто наивно.

Можно предположить, что окончательное прозрение у Сталина, Молотова и некоторых других произошло вследствие неудачи революции в Китае (Кантонское восстание), на которую, после провала революции в Европе, возлагалось столько надежд. И они решили брать курс на индустриализацию страны. А догматиков ни поражение германской революции, ни китайская неудача ничему не научили. Даже в 1934 году, когда у власти в Германии был Гитлер, Зиновьев, уже устранённый из Коминтерна и лишённый всех партийных постов, продолжал упрямо доказывать, что со дня на день в Германии победит пролетариат и установится советская власть.

Бухарин, как и прочие правые — Томский, Рыков, — был догматиком не хуже Троцкого, и тоже свято верил в мировую

революцию, но в отличие от левых полагал, что её не надо торопить: она запаздывает, однако рано или поздно неминуемо произойдёт. А Россия в её ожидании должна максимально развивать свою аграрную экономику; до целей более высокого уровня Бухарин подняться не мог. Он так и писал:

«*Соединение самой могучей техники и промышленности Германии с сельским хозяйством нашей страны будет иметь неисчислимые благодетельные последствия. И та и другая получат громадный толчок в развитии*».

Все вожди в конце 1920-х поддерживали идею быстрой и решительной коллективизации сельского хозяйства. Но только (немного утрируя): Троцкий и другие левые видели в ней условие создания продовольственной базы для могучих пролетарских армий, которые пройдут с боями по всему Земному шару; Бухарин считал аграрность магистральным путём России и до, и после мировой революции; Сталин искал в крестьянстве ресурс для индустриализации.

Примерно с 1927-го по 1930 год лидерство в нашей стране принадлежало дуумвирату: Бухарину и Сталину, ииенно в такой последовательности, ибо Бухарин был более известен и влиятелен. Борис Бажанов, сбежавший за границу секретарь Сталина, писал:

«Правда» задаёт тон всей партии и всем партийным организациям. Мехлис в «Правде» начнёт изо дня в день писать о великом и гениальном Сталине, о его гениальном руководстве. Сначала это произведёт странное впечатление. Никто Сталина в партии гением не считает, в особенности те, кто его знает.

В 1927 году я не раз заходил в ячейку Института красной профессуры. Это был резерв молодых партийных карьеристов, которые не столько изучали науки и повышали свою квалификацию, сколько изучали и рассчитывали, на какую лошадь поставить в смысле делания своей дальнейшей карьеры. Потешаясь над ними, я говорил: «Одного не понимаю. Почему никто из вас не напишет книги о сталинизме. Хотел бы я видеть такой Госиздат, который эту книгу не издаст немедленно. Кроме того, ручаюсь, что не больше чем через год автор книги будет членом ЦК». Молодые карьеристы морщились: «Чего? О сталинизме? Ну, ты уж скажешь такое — циник»…

В 1927 году употреблять термин «сталинизм» — это казалось неприличным. В 1930 году время пришло, и Мехлис из номера в номер «Правды» задавал тон партийным организациям: «Под мудрым руководством нашего великого и гениального вождя и учителя Сталина». Это нельзя было не повторять партийным аппаратчикам на ячейках. Два года такой работы, и уже ни в стране, ни в партии о товарище Сталине нельзя было говорить, не прибавляя «великий и

гениальный». А потом разные старатели изобрели и много другого: «отец народов», «величайший гений человечества» и т.д.»…

По этой, в частности, причине с 1930-го Сталин постепенно начал выходить на роль лидера, и между ним и Бухариным обострились споры по поводу путей дальнейшего развития. Но развития *чего* и *для чего*? По Сталину — России ради её геополитического позиционирования в мире; по Бухарину — мировой революции ради мировой революции. Строить социализм в одной, отдельно взятой стране Бухарин был согласен, но — ожидая революцию в промышленно развитых странах. Для него предложение Сталина: самим стать промышленно развитой страной, — означало просто отказ от мировой революции, а согласиться с таким истинному догматику-ленинцу было невыносимо.

И ведь можно понять, что произошло. Группа Сталина — состоящая из людей, ничуть не более умных или нравственных, чем группы других фракционеров (Троцкого или Зиновьева, Бухарина или Рыкова) просто вышла на уровень более высоких целей, чем они. Мы писали об иерархии целей в главе «Накануне нового цикла «русских горок». Вот эти цели: собственное сохранение властителей; военная защита страны, либо нападение на соседей (имеющая «дипломатический» вариант; в общем случае её-то и можно назвать целью *геополитического позиционирования*); создание достойной этой цели экономики с соответствующим уровнем образованности общества; поддержание и развитие идеологии сообразно изменяющимся внешним условиям. Но для достижения целей высокого уровня нужна не только способность высшей власти к таким действиям, но и крайне важен *способ правления*; в России в момент рывка он должен быть «византийским», и никак иначе, чтобы сдержать самовластие элиты, суметь собрать все силы страны ради единой цели.

Вот почему народ, при всех «перегибах», так полюбил Сталина: не за внешность, не за красивую походку, не за умение складно говорить. Нет: за то, что, в представлениях народа, Сталин был его, народа, защитником перед лицом элиты. И это при том, что элита (как и при Иване Грозном, как и при Петре I) всё равно позволяла себе злоупотребления, а Сталин оставался человеком элиты, играл по её правилам!

Высшую элиту страны составляли в то время около трёхсот человек. Это были первые секретари обкомов и крайкомов, члены Совнаркома или Политбюро. Власть была вроде как советская, — высшим её органом с 1922 по 1936 год был Съезд Советов СССР, но состоялось всего семь съездов; восьмой, чрезвычайный (принявший новую Конституцию), был уже неурочный и последний. В периоды

между съездами руководил Центральный исполнительный комитет — подобие парламента. Но и он почти не собирался в полном составе, а постоянно функционировал лишь избранный им Президиум, в который входили только члены Политбюро и Совнаркома. Итак, партия обсела все советские органы власти, а в самой партии высшим органом по сути был Пленум, поскольку он мог снять с должности кого угодно, вплоть до генерального секретаря.

Так образовалось *широкое руководство*, — те самые триста человек, способных снять кого угодно, и *узкое руководство* страны, непосредственно правящая группа. В узком руководстве на первую роль постепенно выдвигался Сталин, и пока он не стал тем, кем стал, способ правления имел классический для второй половины XVIII века вид: номинальный лидер и элита, способная по своему хотению этого зависимого от неё лидера сменить. А «хотение» любого элитарного человека зависело не от интересов страны, а от его собственного представления о жизни.

Симптоматично, что внутри элиты шла грызня; каждый был рад неудаче коллеги-соперника. Так, в 1936-м, после процесса над Каменевым, Зиновьевым и их товарищами, Н.И. Бухарин писал К.Е. Ворошилову: “Циник-убийца Каменев омерзительнейший из людей, падаль человеческая. Что расстреляли собак — страшно рад”.

С 1930 по 1933 год состоялись процессы над Промпартией, трудовой крестьянской партией, меньшевиками, специалистами фирмы «Метрополитен-Виккерс», бактериологами, историками, руководящими работниками Пищепрома, совхозов, Наркомзёма и т.д. Почти все процессы были открытыми, и почти все осуждённые попали в систему ГУЛага, которая включала в себя тогда спецпоселения (для ссыльных), колонии (для осуждённых на срок менее 3 лет) и лагеря. Этими процессами против столь нужных для индустриализации инженеров и учёных, как полагают некоторые верхогляды, Сталин «продолжил войну с народом», начатую им с истребления крестьянства. Но в то время деятельность ОГПУ, прокуратуру и суд контролировал от Политбюро никто иной, как Н.И. Бухарин. Это он давал санкции на все аресты, на все политические процессы.

После Бухарина отделом политико-административных органов ЦК партии, которому были подведомственны тогдашние «силовики», руководил бывший работник Коминтерна Пятницкий. Впоследствии он так же, как и Бухарин, был расстрелян, и ныне тоже числится среди жертв «сталинского произвола». Юрий Жуков (в книге «Иной Сталин») пишет: «документы отдела, который курировали Бухарин и Пятницкий, до сих пор засекречены, и мы, историки, сегодня

не в силах даже установить, сколько тысяч судеб и жизней на их совести».

***1933, январь**. — Начало генеральной партийной чистки. **19 января**. — Установление продовольственного налога с колхозов. **30 января**. — В Германии рейхсканцлером назначен Адольф Гитлер. **5 февраля**. — Постановление СНК СССР «О выплате колхозами машинно-тракторным станциям за использование техники 20 % сбора зерновых». **16 ноября**. — Установление дипломатических отношений между СССР и США.*

На рубеже 1920-1930-х годов произошли изменения во внешней политике СССР. Полностью сменилось руководство Наркомата иностранных дел (НКИД) и Коминтерна. Перед новым наркомом М.М. Литвиновым была поставлена основная задача: обеспечить благоприятные внешние условия для построения социализма в СССР. Для этого нужно было предотвратить угрозу втягивания СССР в военные конфликты, а также наладить экономическое сотрудничество с развитыми странами Запада. И в связи с изменением приоритетов во внешней политике деятельность Коминтерна отныне рассматривалась как второстепенная по сравнению с деятельностью НКИД.

На первом этапе были урегулированы отношения с ближайшими соседями. Ещё в 1929 году в Москве был подписан протокол между СССР, Эстонией, Литвой, Польшей, Румынией, Турцией и Ираном, предусматривающий отказ от применения силы при рассмотрении территориальных претензий. В начале 1930-х СССР заключил пакты о ненападении с Польшей, Финляндией, Латвией, Эстонией, Афганистаном. Опасной для СССР с конца 1920-х была ситуация на Дальнем Востоке, где активизировалась Япония и продолжался советско-китайский вооружённый конфликт на КВЖД.

Практически до самого начала 1930-х основным политическим и экономическим партнёром СССР в Европе оставалась Германия; туда шёл основной поток советского экспорта, а обратно поставлялось оборудование для советской промышленности. В 1929 году удалось восстановить нормальные отношения с Великобританией, а в 1932-м было подписано советско-французское соглашение о ненападении. В 1933-м были установлены дипломатические отношения с США.

В Германии в 1933 году на волне затяжного экономического кризиса к власти пришли нацисты: на выборах в рейхстаг они получили 13,8 млн. голосов избирателей, среди которых было значительное число рабочих, — и перешли к жёстким методам государственного регулирования экономики. В США с целью

преодоления Великой депрессии Рузвельтом был начат «Новый курс», в основу которого тоже был положен принцип государственного вмешательства в рыночную стихию, с допущением большого дефицита госбюджета и массированными капиталовложениями.

В целом положение в мировой системе стало крайне неравновесным, и выход из него могла дать мировая война, ощущение неизбежности которой стало в СССР общим после прихода к власти в Германии Гитлера. Сталин окончательно утвердился в идее своего "нового курса". Он был не раб теории, а государственник-практик, и, ощутив угрозу войны, понял, что Советский Союз должен выходить из дипломатической изоляции. В это время, из-за крайнего обострения ситуации на Дальнем Востоке, приходилось считаться с возможностью войны на два фронта. Необходимо было создавать систему международной безопасности, в которой СССР имел бы своё, и не последнее, место. Но с доктриной мировой революции в качестве государственной идеи найти союзников было невозможно. Требовалось внятно сказать миру об отказе России от этой доктрины, и в то же время не подорвать стабильность в собственной стране!

Новая внешняя политика предусматривала отказ от разжигания мировой революции и заключение оборонительных договоров с капиталистическими странами. А также — отказ от борьбы с социал-демократами, призыв к коммунистам других стран добиваться большинства в парламентах в блоке с социал-демократами. Этот курс должен был вывести СССР из политической изоляции и позволить создать блоки коллективной безопасности, направленные в первую очередь против фашистской Германии. Но все попытки создать антифашистскую коалицию поначалу ни к чему не привели: Англия, Польша и Франция отказались от антифашистского союза с СССР.

Частью плана по созданию системы коллективной безопасности было вступление СССР в Лигу Наций. Почти год втайне от членов ЦК велись дипломатические переговоры. Понятно, почему втайне: этот шаг был чреват для *узкого руководства* большими опасностями. Ведь Лигу Наций в полном соответствии с оценками Ленина у нас определяли как "ничем не прикрытый инструмент империалистических англофранцузских вожделений... Лига Наций — опасный инструмент, направленный своим остриём против страны диктатуры пролетариата". В партии и в её *широком руководстве* очень большим авторитетом пользовались старые большевики, для которых сговор с империалистами был неприемлем. Несомненно, группа Сталина (Молотов, Орджоникидзе, Каганович, Ворошилов, позже Жданов) опасалась, что на любом пленуме их могут обвинить в ревизионизме и оппортунизме, исключить из партии и арестовать.

***1934, 18 сентября**. — Вступление СССР в Лигу Наций. **1 декабря**. — Убийство С.М. Кирова, переход к массовому террору против партийных кадров. Установление дипломатических отношений с Румынией и Чехословакией. Начинается либерализация; осуждённые по кулацким и прочим делам люди возвращаются из заключения.*

18 сентября 1934 года после ухода из Лиги Наций Германии и Италии, по приглашению тридцати стран в неё вступил СССР. Как тогда говорилось, чтобы использовать пребывание в ней для борьбы против фашистской агрессии и разоблачения пособничества агрессорам со стороны западных держав. Разумеется, при такой трактовке *широкое руководство* вынуждено было эту пилюлю проглотить. А кто возражал, рисковал попасть в списки пособников агрессоров.

В конце 1934-го — начале 1935-го СССР заключил оборонительные антигерманские договора с Францией и Чехословакией. По нашему Договору о взаимопомощи с Чехословакией стороны обязались немедленно оказывать друг другу помощь при нападении со стороны какого-либо европейского государства — при условии, что помощь жертве нападения будет оказана и со стороны Франции. Велись переговоры с Великобританией. С точки зрения ортодоксального коммуниста, что это, как не возрождение пресловутой Антанты: Англия, Франция и Россия против Германии? Сталину постоянно приходилось считаться с неявной оппозицией, с возможностью её мгновенной реакции. С такой точки зрения, убийство как раз в это время ленинградского лидера С.М. Кирова произошло в очень неудачный момент.

Киров примыкал к группе Сталина, которая именно сейчас собиралась дать старт “новому курсу”, начав внедрение целого комплекса реформ либерального толка в области внутренней и внешней политики. Корнем их должна была стать новая Конституция и новый избирательный закон. А с точки зрения леворадикальных коммунистов, имевших большое влияние в ЦК и партии в целом, эти реформы можно было расценить как отступничество от дела Ленина и революции. И тут погибает Киров, и не в результате какого-то заговора; его убил психически невменяемый Николаев, а одной из причин убийства стало то, что женолюб, завсегдатай кулис театра оперы и балета Киров имел любовные отношения с женой Николаева, Милдой Драуле.

Сталин мог опасаться, что эту, в общем-то, некрасивую историю его политические противники используют для атаки на “новый курс”, и поспешил перехватить инициативу: сам стал разыгрывать политическую карту. Во всяком случае, сразу после

отъезда Сталина из Ленинграда, куда он приезжал на похороны, следствие полностью отказалось от бытовой версии, которая на первых порах вообще была единственной, и стало превращать убийство в широкий заговор с целью захвата власти.

Фракционная борьба в партии шла всегда, с самого начала, с расслоения на меньшевиков и большевиков. Особенно она стала явной в 1923 году ввиду скорой кончины Ленина и с тех пор не стихала вплоть до 1937-го. И всякий раз победившая фракция вычищала представителей других фракций, но это были репрессии а) выборочные, и б) «гуманные». Устранили от власти Троцкого — поснимали с высоких должностей в Москве его наиболее активных сторонников и отправили работать куда подальше: в Сибирь, Среднюю Азию, на Урал. Отстранили Зиновьева — то же самое: его соратников снимают с высоких должностей, и отправляют, например, в Ташкент.

Теперь, после убийства Кирова, против оппозиционеров начались судебные процессы на основании выдуманных обвинений. В тюрьмы пошли не крестьяне и не инженеры, а бывшие товарищи вождя (которые раньше отдавали под суд крестьян и инженеров), а вместе с ними — десятки крупных партийных и хозяйственных работников. Дошла очередь и до Бухарина.

Внутренний враг, он как раковая опухоль, её надо вырезать, иначе погибнешь. А внедрившийся в свою страну враг внешний, проповедующий приоритет иностранных интересов — как вирус, разрушающий организм, только он разрушает государство. Законы эволюции всеобщи; любой организм имеет защитные функции, иначе и организмов бы не было на Земле. Так что говорить, будто Сталин, сажая политических, «вёл войну со своим народом», нельзя. И разве эти «политические» не были действительными врагами его политики? Другое дело, что не всегда можно было объявить *истинную причину* устранения от власти (а зачастую и из жизни) того или иного деятеля.

Посмотрим, например, на борьбу с Бухариным. Он выдвинул лозунг «обогащайтесь!» Ну, и как с ним бороться? Лозунг-то привлекательный! Человек не может сразу понять, что в условиях ограниченных ресурсов там, где один будет обогащаться, несколько других с голоду опухнут. Или: Бухарин требовал дисциплины, жёсткой борьбы с кулаком, устраивал репрессии против учёных-вредителей. И что на это можно возразить? Нельзя же сказать, что не нужна дисциплина, и не надо наказывать вредителей… Столь же глупо устраивать на суде теоретические диспуты и разбирать мнение Бухарина, что Советский Союз должен оставаться аграрным и стать придатком социалистической Европы, после победы там революции…

Надо сказать, поводов для расправы с бывшими соратниками Сталин не искал, иначе репрессии начались бы на год раньше. В 1933 году в Сочи, где он тогда отдыхал, пограничники случайно обстреляли катер, на борту которого был генсек, а чуть позже в легковую машину, на которой он ехал, врезался грузовик с пьяным водителем. Более убедительных поводов для начала репрессий и придумать трудно, — но в то время они ему были не нужны.

Ведь на самом деле Сталин не был параноиком и патологическим убийцей, вопреки уверениям многих авторов. Террор он рассматривал как инструмент политики. Несомненно, он опасался организованного сопротивления со стороны членов ЦК своим новым реформам. Несомненно, он считал полезным исправить положение в свою пользу, а страх и всеобщая подозрительность, которых он добился, практически полностью исключили сговор в среднем звене руководства. В этом отношении террор, направленный против бывшей верхушки партии, был полезен. Другое дело, что любая общественная структура (как и вообще любой организм), однажды появившись, дальше выживает сама по себе, — таким организмом оказалась возникшая вскоре «машина террора».

Интересно, что в 1934-1935 годах многие творческие личности приняли политику Сталина. Например, в 1934-м — М.А. Булгаков. Самое первое яркое поэтическое произведение о Сталине — оду вождю — написал в 1935 году Б.Л. Пастернак. А еще раньше, в 1930 году, Юрий Тынянов в беседе с Корнеем Чуковским говорил, что Сталин — гениальнейший человек нашего века, что если бы он даже ничего не сделал, кроме коллективизации, то всё равно был бы самым гениальным. И это тогда было настроение широких кругов!

***1935, 1 января**. — Отмена карточек на продовольствие. Разрешение ставить на Новый год ёлки и устраивать молодёжные балы. **15 мая**. — Открытие Московского метрополитена. **Октябрь**. — Полная отмена карточек, в том числе на ширпотреб. В армии вводятся новые звания, утверждены новая форма и знаки различия командного состава, появляется новая награда "Герой Советского Союза". Увеличилось число военных округов, расширилась система военкоматов, стал улучшаться учёт и призыв в армию.*

В 1935 году, в рамках "нового курса", Сталин резко ограничил деятельность Коминтерна, который с этого времени заметной роли никогда больше не играл. Немного раньше закончилось финансирование революционных движений. Впрочем, по-настоящему, всё предыдущее финансирование свелось к поддержке оружием, подготовкой агитматериалов и кадров революционных движений в Германии — в 1918-1923 годах, в Польше и Болгарии — в 1923-м.

Позже СССР включился в Международную организацию помощи борцам революции (МОПР), но это был совсем не «экспорт революции», а честная, открытая помощь тем, кто страдал за свои политические убеждения от местных фашистских и диктаторских режимов.

Надо сказать, что Сталин Коминтерна не ликвидировал, а только «придержал», в качестве разменной монеты. И его дальновидность оправдалась: в 1943 году в обмен на открытие второго фронта он пообещал союзникам распустить Коминтерн. И распустил.

Демократия, Сталин и элита

1936*Германия убрала свою подпись с Версальского договора. Гитлер заявил, что Германия в состоянии победить не только большевизм, но и всю Европу. Война в Испании: мятежники генерала Франко (при поддержке Германии, Италии и Португалии) — против законного правительства (которому оказывали помощь Советский Союз и добровольцы со всего мира).* ***19-24 августа****. — Судебный процесс по делу о так называемом троцкистско-зиновьевском террористическом центре.* ***5 декабря****. — Принятие Сталинской Конституции, одной из самых демократичных в мире.*

О демократии Сталин, кажется, впервые заговорил на съезде 1934 года: “Господствующие классы капиталистических стран старательно уничтожают или сводят на нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей”.

Это — неспроста. Некоторые положения буржуазной демократии Сталин намеревался ввести в новую Конституцию СССР и в закон об альтернативных выборах, которые составляла его группа. Главной целью было — заменить существенную часть партократов специалистами, а потом постепенно ограничить всевластность партии, чтобы власть *на деле* перешла к народу. А следом Сталин намеревался принять новые Программу и Устав партии, оставив на её попечение только два дела: агитацию и пропаганду, и участие в подборе кадров. Юрий Жуков приводит аналогию: «партия должна была занять то же место в жизни страны, что, скажем, занимает католическая церковь в жизни Ирландии: да, она может влиять на жизнь государства, но только морально, через своих прихожан. Реформа, которую задумал Сталин, призвана была консолидировать наше общество ввиду почти неминуемого столкновения с фашистской Германией».

В тексте Конституции, приятой в 1936 году и до сего дня слывущей «сталинской», *партия упомянута один-единственный раз* в 125-й (а не в 1-й, не в 6-й!) статье об общественных организациях, где говорится, что партия является ядром общественных организаций. Только в брежневской Конституции она была названа «ведущей силой страны и общества»! И от Конституции 1924 года немало отличий: там в преамбуле утверждалось, что мир раскололся на два лагеря, которые неминуемо сойдутся в битве, победит лагерь социализма, и во всём мире появится одно-единственное государство, и т.д. В сталинском тексте ничего подобного уже нет.

Новой Конституцией предусматривалось, что выборы в Верховный Совет будут проводиться тайным голосованием, а до этого они проводились по месту работы и осуществлялись простым поднятием рук. Новая Конституция предполагала наличие бюллетеней и урн. Интересно, что вначале хотели даже ввести конверты, то есть бюллетени должны были вкладываться в конверты, а потом опускаться.

От начала подготовки Конституции, то есть примерно от 1934-го, и до 1937 года, когда Конституция начала действовать, длился почти трёхлетний период либеральных сталинских реформ — ни что иное, как их неудача (вследствие противодействия партийной элиты, не желавшей идти на альтернативные выборы) привела к репрессиям. И начало репрессиям положила как раз партийная элита страны.

Уникальный парадокс советской системы управления 1930-х состоял в том, что его сросшиеся ветви, а по сути одну-единственную ветвь власти от макушки до корней обсел партаппарат. Всё это Сталин решил поломать с помощью новой Конституции. Во-первых, отделить в советских органах исполнительную власть от законодательной (разрушив связку Совет — Исполнительный комитет Совета). Во-вторых, от их обеих отделить судебную, которая напрямую подчинялась, через наркомат юстиции, Совнаркому. В-третьих, *отделить от этих властных структур партию*, и вообще запретить ей вмешиваться в работу советских органов.

Равными выборы не были ни при Николае II, ни в Советском Союзе «досталинского» периода — у рабочих квота была в пять раз выше, чем у крестьян. А многие категории граждан: кулаки, священнослужители, бывшие помещики, жандармы и генералы вообще были лишены избирательных прав. По новой Конституции избирательные права возвращались всем, что затрагивало интересы более двух миллионов человек; выборы становились равными и прямыми. И чтобы обеспечить права людей, по предложению Генерального прокурора СССР А.Я. Вышинского Политбюро утвердило решение о снятии судимостей с колхозников, осуждённых за

мелкие хищения, и в итоге из мест заключения вернулось около миллиона человек. Одновременно резко снизилось давление карательной машины: в первой половине 1936 года в РСФСР количество осуждённых было вдвое меньшим, чем в первой половине 1933 года. А в Белоруссии вчетверо.

Самое главное изменение — введение нормы, которая позволила бы при выборах в Верховный Совет выдвигаться на одно место нескольким кандидатам. В этом случае первый секретарь обкома вынужден был бы конкурировать как минимум с одним-двумя противниками. А поскольку к середине 1930-х годов секретари в своих областях наворочали уже немало дел, с большой вероятностью могли победить их конкуренты. Само собой, проигравших выборы партработников пришлось бы освобождать как «утративших связь с массами». Ну, а если секретарь достоин, и его выбрали — что ж, молодец.

И таким образом демократично и бескровно, без всякого террора была бы решена проблема замены на своих постах членов *широкого руководства*, элиты, мешавшей достижению цели Сталина: геополитического позиционирования СССР как мощной индустриальной страны, великой мировой державы.

Это был вопрос подбора кадров, — Сталина часто обвиняют, что он всюду «расставлял своих людей», имея в виду, что целью такого «расставления» было укрепление его личной власти, а потому это было деянием антидемократическим. Но давайте посмотрим на интересы страны. Чтобы создать достойную, современную экономику, которая обеспечила бы военный паритет с европейскими державами, требовалось вложение труда громадного количества людей. Их, в общем, хватило бы, даже несмотря на недостаток квалифицированных кадров, — но в силу наших геоклиматических особенностей люди эти были расселены на слишком большой территории, разделённой на регионы.

И в каждом регионе сидел свой «князь», которому интересы страны как целого были глубоко чужды.

Ну, зачем, спрашивается, уральскому руководителю нужна Магнитка? Она нужна стране в целом, а местному вождю, поскольку он тихо и спокойно живёт со своего региона, совершенно не нужна. Одна головная боль от неё. Даже сегодня, если в нашей общей экономической системе рассматривать каждый кусок отдельно, само его существование, а тем более возникновение, кажется чем-то безумным. Сейчас регионам и «местам» сказали: живите сами. А как?! Построили в 1930-х на диком севере, где кроме трёх охотников сроду никто не жил, громадное градообразующее предприятие, никелевый

гигант. И город в придачу; двести тысяч народу. Региону продукция гиганта вообще не нужна, одни убытки. Зачем строили?

У Сталина была *цель*! Никель и алюминий нужны, если есть производство самолётов. Он, управляя большим многоэтническим государством, с регионами разной экономической развитости, создавал конгломерат с единым народом, который производит всё, что нужно для страны, который живёт единой целью. Но между Сталиным и народом засела региональная партэлита, которую ни обойти, ни объехать.

Сейчас, когда цель потеряна, одни проблемы: самолётов уже почти не строим, и алюминий надо куда-то продать. Государство, устранившись от народа, говорит: «Продайте, куда хотите. А мы тут пока установим таможенные пошлины и прочие платежи…» То есть, построенное Сталиным (из того, что пока ещё не до конца развалили) встраивается в чужие экономики.

…Впервые о решающем дополнении к проекту новой Конституции Сталин публично сообщил в интервью, которое 1 марта 1936 года дал руководителю американского газетного объединения “Скриппс-Говард ньюспейперс”. Он, в частности, сказал: “...Избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации”, и далее сформулировал свой замысел, до того момента скрываемый от большинства членов ЦК: “Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти”. Это было напечатано 5 марта 1936 года во всех газетах, начиная с “Правды”.

Предполагалось, что одновременно с Конституцией будет принят новый избирательный Закон, в котором прописана процедура выборов из нескольких кандидатов, и сразу же начнётся выдвижение кандидатов в Верховный Совет, выборы в который намечалось провести в тот же год. По сталинскому проекту, право выдвигать своих кандидатов наряду с партийными организациями предоставлялось практически всем общественным организациям страны: профсоюзам, кооперативам, молодёжным организациям, культурным обществам, религиозным общинам (!); рабочие и служащие какого-либо завода могли бы выдвинуть своего кандидата, а колхозники — ещё одного. Но прошёл бы только один. В уже утверждённых образцах избирательных бюллетеней так и было написано: оставить ОДНОГО кандидата, остальных вычеркнуть.

Но Сталин поторопился со своим интервью: слишком рано раскрыв карты, он дал влиятельным партбонзам возможность подготовиться. И они сделали сильный ход: Конституцию утвердили (5

декабря 1936 года), ибо спорить с её положениями было просто невозможно, а принятие избирательного закона отнесли на год, и выборы в Верховный Совет автоматически перенеслись тоже на год.

***1937, 23-30 января**. — Судебный процесс по делу о так называемом антисоветском троцкистском центре: Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и другие; максимальное наказание — десять лет заключения. Обратим внимание на мягкую линию узкого руководства: никаких расстрелов… Ещё и в начале 1937 года «за политическую близорукость» и прочие «ошибки» первым секретарям всего лишь объявляли выговоры или просто «указывали», участникам же заговоров давали сроки заключения, но отнюдь не «вышку»… По настоянию прокурора СССР А.Я. Вышинского происходит реабилитация инженеров и техников угольной промышленности, проходивших по «делу о Промпартии»; им возвращают ордена, звания, избирательные права. Суд по делу М.Н. Тухачевского. **Июнь**. — Пленум ЦК без поправок утверждает новый избирательный Закон с альтернативными кандидатами.*

Вплоть до июньского пленума 1937-го оставалась надежда, что выборы пройдут на альтернативной основе; и на самом июньском пленуме широкое руководство с законом о выборах *формально* согласилось. Но чтобы решение пленума стало законом, практически те же люди, что голосовали за него на пленуме, должны были проголосовать за него же на сессии ЦИК СССР. А потом им же (первым секретарям обкомов и крайкомов) предстояло бороться на выборах с альтернативными кандидатами от народа!

Как члены партии, в основу идеологии которой был положен интерес трудящихся, они не могли не голосовать за такую Конституцию и за такой закон о выборах. Но как представители властной элиты — и как просто люди с амбициями, наконец, — они желали защитить и свой корпоративный, и свой личный интерес. А потому за своё согласие утвердить закон на сессии ЦИК элита, прикрываясь революционной фразеологией, потребовала права «почистить» свою территорию от «вредных элементов», чтобы контрреволюционеры не могли бы участвовать в альтернативных выборах.

За день до закрытия пленума Роберт Эйхе, секретарь Западно-Сибирского крайкома, влиятельный партработник, который за несколько лет до этого во время хлебозаготовок обрушивал на деревню страшные репрессии, подал в Политбюро записку, в которой сообщалось, что в его крае чекисты вскрыли антисоветскую повстанческую кулацкую организацию. И в преддверие выборов, назначенных на декабрь, надо бы всех антисоветчиков арестовать и

осудить. Для ускорения процесса он просил, чтобы ему позволили организовать *тройку*, уже опробованную против крестьян — с правом принимать оперативные решения о высылке антисоветских элементов и вынесении смертных приговоров наиболее опасным из числа этих лиц. Он сам возглавит её, плюс прокурор и областной начальник НКВД.

Юрий Жуков, проделав большую исследовательскую работу, доказывает, что Эйхе действовал не только от себя, а выражал требования значительной группы первых секретарей. Заслуживает внимания и такой факт: судя по журналу посещений, в ходе пленума в кабинете Сталина в один день побывало пять первых секретарей, на другой день ещё четверо, хотя обычно секретари довольно редко бывали у генсека. О чём шла речь во время этих встреч, конечно, никто уже не узнает; все посетители вскоре погибли. Скорее всего, они поддержали инициативу Эйхе, превратив её в ультиматум: либо Сталин принимает их предложение, либо — никаких альтернативных выборов.

Большинства в ЦК Сталин не имел, и был вынужден принять ультиматум. Вполне могли прозвучать намёки, — или Сталин сам понял, — что, если его группа пойдёт наперекор большинству, она будет немедленно, прямо на этом пленуме отстранена от власти.

Сталин не мог сказать «да» — это было бы против его планов. Но в таких условиях он и не мог сказать «нет». Он предложил оставить этот вопрос на решение именно большинства партийных руководителей — потому что ЦК, это ещё не большинство. А именно: запросить мнение первых секретарей *всех* областей, краёв и республик. Нам кажется важным подчеркнуть, что *партийным лидерам никто ничего не навязывал*, ЦК им *предложил*, в соответствии с решением пленума, сообщить: нужны или нет тройки, кто в них войдёт, кого и *сколько* намерены репрессировать.

Сталин определил срок: пять дней на то, чтобы прислать телеграммы с ответом. Возможно, он надеялся, что региональные секретари не успеют или одумаются? В срок никто не уложился; телеграммы шли целый месяц. Секретари *всех* регионов просили права создать тройки, сразу же указывая, сколько людей собираются выслать, а сколько расстрелять. Первыми прислали телеграммы шестеро из девяти секретарей, побывавших на приёме у Сталина.

Роберт Эйхе попросил квоту на расстрел 10,8 тысячи человек. Сколько он собирался выслать, не уточнил. Товарищ Н.С. Хрущёв, бывший в то время первым секретарём обкома партии Московской области, просил разрешения: «к расстрелу: кулаков — 2 тысячи, уголовников — 6,5 тысячи, к высылке: кулаков — 5869, уголовников — 26 936». Откуда в Московской области в середине 1937 года, когда борьба с кулачеством давно уже канула в Лету, вдруг

объявилась такая прорва кулаков и уголовников? Судя по численности, это те самые крестьяне, с которых совсем недавно, всего только год с небольшим назад, Сталин и Вышинский сняли судимости, и которым вернули избирательные права. Кулаки так и проходили по делам как кулаки, а уголовники — это отбывшие наказание по закону «о трёх колосках».

7 июля состоялась сессия ЦИК СССР. «*Разоблачение, выкорчёвывание и разгром всех врагов народа являются важнейшим условием успешного проведения выборов в советы, осуществления сталинской конституции и дальнейшего победоносного продвижения нашей страны к коммунизму*», — заявил Н.С. Хрущёв, зачитывая резолюцию московского актива. Столь же агрессивной оказалась резолюция ленинградского партактива. Кажется, один только А.Я. Яковлев, член группы, создававшей проект Конституции, говорил о правах народа, да ещё А.Я. Вышинский напомнил, что стабильность закона требует единообразия и единого понимания законности, сделав явный выпад против создания троек под эгидой НКВД.

На третий день работы сессия ЦИК СССР принял решение об альтернативных выборах, и в тот же день было положено начало репрессиям, превратившим это решение в фарс: 10 июля 1937 года Политбюро утвердило первые двенадцать заявок на создание троек. Московская, Куйбышевская, Сталинградская области, Дальневосточный край, Дагестан, Азербайджан, Таджикистан и Белоруссия намеревались подвергнуть репрессиям сто тысяч человек, причём половина приходилась на Московскую область. В образованную здесь тройку вошёл, как положено, первый секретарь обкома партии Н.С. Хрущёв, а рядом с его фамилией и подписью всегда присутствует фамилия и подпись Реденса — начальника управления НКВД по Московской области, родственника Н. Аллилуевой, второй жены Сталина. Сегодня Реденс — в списках жертв сталинского произвола…

А телеграммы продолжали поступать. Больше чем по пять тысяч человек намеревались репрессировать семеро местных лидеров: А. Икрамов (Узбекистан), К.М. Сергеев (Ставрополье), П.П. Постышев (Куйбышевская обл.), Ю.М. Каганович (брат Л.М. Кагановича, Горьковская обл.), И.М. Варейкис (Дальневосточный край), Л.И. Мирзоян (Казахстан), К.В. Рындин (Челябинская обл.). Справедливости ради надо заметить, что были и сравнительно скромные запросы. Так, армяне находили нужным расстрелять 500 человек, Удмуртская ССР — 63, а Молдавская ССР, бывшая в то время в пределах сегодняшнего Приднестровья, — 11 человек.

Глава НКВД Н.И. Ежов округлил цифры и отправил обратно на места. После того как он приложил руку, в Молдавии следовало расстрелять уже 200 человек, зато Эйхе, Хрущёву и другим квоты уменьшили наполовину. В результате итоговая цифра тоже уменьшилась почти наполовину. «Кровавый карлик» Ежов летом 1937 года оказался более мягким человеком, чем великий демократ Хрущёв и в целом среднее партийное руководство!

Если до этого пленума в стране было около 8-10 тысяч политзаключённых, то вскоре после его завершения их число перевалило за полмиллиона. А уж когда структура террора создана, она сама остановиться не может, в соответствии с законами эволюции. Террор нарастал, как лавина; начали поступать «сигналы» о врагах народа от рядовых партийцев и даже беспартийных (так называемое «стукачество»). Месяц за месяцем в Политбюро потоком лились телеграммы с просьбами увеличить лимиты по первой категории (расстрелы) и лимиты по второй категории (высылка за пределы данной территории). Невозможность куда-нибудь выслать, — потому что высылали отовсюду, повела к расширению системы лагерей ГУЛага НКВД.

Естественно, в условиях репрессий было уже не до альтернативных выборов. Да никакой альтернативный (тогда говорили — «параллельный») кандидат и не посмел бы выставлять свою кандидатуру: местная тройка немедленно отправила бы его туда, где выборов не бывает.

Говоря о терроре, мы далеки от мысли обелять Сталина. И всё же инициатором вакханалии незаконных репрессий был не он — инициаторами были другие. Очевидно, что «всесильного диктатора Сталина» не существовало, что владычествовала элита. А потому трудно сказать, в обеление генерального секретаря, или в его очернение то, что с самого начала террора элиты против народа Сталин развернул террор против элиты: надо же ему было решить проблему замены кадров, раз уж альтернативные выборы — под вопросом! Уже без всяких формальностей, вроде решения пленума, *узкое руководство* сумело за три месяца вывести из состава ЦК, КПК и ЦРК шестнадцать первых секретарей; их почти сразу арестовали, а затем расстреляли.

Но первые секретари, остававшиеся пока на своих постах, уже вовсю разворачивали охоту не на бывших кулаков и бывших белых, а на советских работников, желая уничтожить любых крупных деятелей вокруг себя, способных сменить их на высоких постах в ходе выборов. Доходило до ситуаций анекдотических. Так, в июне первый секретарь ЦК КП(б)Уз Икрамов запросил у Политбюро разрешение репрессировать председателя Совнаркома Узбекистана Ходжаева за

связь с националистическими и контрреволюционными террористами, и получил такое разрешение. В сентябре пленум ЦК КП(б)Уз исключил из партии самого Икрамова. Таких случаев было довольно много; судьба Икрамова и Ходжаева уникальна только тем, что они попали на одну скамью подсудимых и были расстреляны в один день.

Одновременность происходящего привела к тому, что оба процесса — репрессии против народа, и репрессии против элиты — выглядят как нечто единое, но их следует различать. Комиссии по реабилитации, созданные при Хрущёве, рассматривали их вкупе, называя «периодом сталинских беззаконий», — и это естественно, потому что комиссии работали в интересах той же самой элиты. Позже на те же позиции встало общество «Мемориал»…

Можно предположить, что чем ближе были выборы, тем очевиднее становилась для *узкого руководства* невозможность их альтернативного характера: проведение выборов в том формате, в каком их задумывал Сталин, только породило бы новую волну репрессий. Юрий Жуков обнаружил в архивах уникальный документ: 11 октября 1937 года в шесть часов вечера накануне пленума ЦК (уже третьего за этот год) Молотов подписал окончательный отказ от сталинской идеи состязательных выборов. Взамен пленум утвердил безальтернативный принцип: “один кандидат — на одно вакантное место”, правда, выдвинутый на общих с беспартийными собраниях. Зарождался «блок коммунистов и беспартийных», автоматически гарантирующий партократии большинство в Верховном Совете. Соответственно изменился избирательный бюллетень: в нём остался только один кандидат.

Таким образом, за два месяца до выборов элита уже победила: Конституция лишилась самого важного — смысла, и теперь могла называться сталинской только в качестве издёвки. Разумеется, Роберт Эйхе прошёл в *этот* Верховный Совет, и все первые лица элиты (из тех, кто остался к тому времени в живых и на воле) тоже прошли.

Была похоронена также идея создания новой Программы партии. Но репрессии продолжались! Видя, что им нет конца, в декабре 1937 года, в месяц выборов, Г.М. Маленков пишет Сталину записку, в которой указывает, что репрессии безосновательны, что они угрожают стране. Нужно немедленно их остановить. Он предложил это сделать с помощью закрытого письма ЦК. «Всесильный» (?) Сталин накладывает резолюцию: “Закрытое письмо не поможет. Нужно собирать Пленум”.

***1938, январь**. — Пленум ЦК ВКП (б). **2-13 марта**. — Судебный процесс по делу об антисоветском правотроцкистском блоке (Бухарин, Рыков, Розенгольц, Шарангович, Икрамов, Ходжаев,*

Крестинский, Раковский и другие). Большинство приговорены к расстрелу. ***29 июля — 11 августа****. — Бои у озера Хасан с японскими интервентами.* ***29-30 сентября****. — Мюнхенский сговор: Великобритания и Франция разрешили Гитлеру захватить Судетскую область Чехословакии, направляя его военные амбиции на восток.*

В январе 1938 года собрался пленум, на котором с основным докладом выступил Маленков. Называя поимённо первых секретарей, он говорил, что в областях и республиках исключены из партии тысячи человек, которых тут же арестовали: “Мы проверили и выяснили, что практически все невиновны”. Далее он обвинил партократов в том, что они подписывают даже не списки людей, а цифры. В ответ первый секретарь ЦК КП(б)Аз Д.А. Багиров рассмеялся. Маленков открыто бросил обвинение первому секретарю Куйбышевского обкома партии П.П. Постышеву: вы пересажали весь партийный и советский аппарат области! На что Постышев отвечал в том духе, что арестовывал, арестовываю, и буду арестовывать, пока не уничтожу всех врагов и шпионов! Через два часа после этой полемики его вывели из состава кандидатов в члены Политбюро, в конце февраля арестовали, а через год приговорили к расстрелу. Разумеется, теперь он реабилитирован, ведь официально Постышев был расстрелян не за то, что в своей Куйбышевской области без суда и следствия казнил десятки тысяч людей, а «за участие в контрреволюционных антисоветских организациях».

Весной 1938-го был арестован и расстрелян Роберт Эйхе (реабилитирован; оказывается, невинно пострадал, бедняга). Репрессии Сталина крепко ударили именно по инициаторам террора — почти все они погибли (и сегодня все реабилитированы). Раз за разом на пленумах им предлагалось проголосовать за вывод из членов ЦК очередной партии арестованных товарищей — порой состав ЦК за несколько месяцев менялся на треть, — и они безропотно голосовали. Воля их была парализована страхом, который внушал им ими же созданный монстр террора. Никто не хотел попасть в расстрельные списки или лагеря ГУЛага, и все туда попадали.

В ГУЛаге, как и вообще в НКВД, тоже не обошлось без перегибов. Но где было взять кадры? Людей-то нет, а неподготовленные кадры начинают, вместо борьбы за высокие идеалы, по примеру вождей решать собственные задачи, органы вырождаются, и сами становятся опасными. За первые пятилетки кадры ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ многократно "чистили", отправляя работничков туда же, куда они отправляли своих подопечных, но перекосы постоянно возникали вновь.

Но, опять же, вопреки общепринятому мнению ГУЛаг, как социальный институт, «лагерем смерти» не был. Смертность «на зоне» не слишком превышала смертность тех же возрастных категорий на воле: около 3 %; лишь в 1937-1938 она подскочила до 5,5 и 5,7 %, когда назначенный наркомом внутренних дел Н.И. Ежов приказал уменьшить рацион питания.

В таблице приведены данные по делам органов ВЧК-ОГПУ-НКВД за 1921-1940 годы.

Год	**Всего осуждено**	**В том числе:**		
		Высшая мера наказания	**Лагеря и тюрьмы**	**Ссылка и высылка**
1921	35 829	9 701	21 724	1 817
1922	6 003	1 962	2 656	166
1923	4 794	414	2 336	2 004
1924	12 425	2 550	4 151	5 724
1925	15 995	2 433	6 851	6 274
1926	17 804	990	7 547	8 571
1927	26 036	2 363	12 267	11 235
1928	33 757	869	16 211	15 640
1929	56 220	2 109	25 853	24 517
1930	208 069	20 201	114 443	58 816
1931	180 696	10 651	105 683	63 269
1932	141 919	2 728	73 946	36 017
1933	239 664	2 154	138 903	54 262
1934	78 999	2 056	59 451	5 994
1935	262 076	1 229	185 846	33 601
1936	274 670	1 118	219 418	23 719
1937	790 665	353 074	429 311	1 366
1938	554 258	328 618	205 509	16 842
1939	63 889	2 552	54 666	3 783
1940	71 806	1 649	65 727	2 142

За 1930-1939 годы было осуждено 2,8 млн. человек, из них 1,35 млн. — за два года борьбы Сталина с элитой, 1937 и 1938 (другие два страшных года, 1931 и 1932, пришлись на раскулачивание). К высшей мере за десятилетие приговорено 724,4 тыс. человек, а за 1937-1938 — 684,2 тысяч. Но следует учитывать, что примерно треть от общего числа осуждённых составляли уголовники, в том числе убийцы и грабители, а совсем не политические. Также надо иметь в виду, что не все приговоры приводили в исполнение. Например, с 15 июля 1939 по

20 апреля 1940 года за дезорганизацию лагерной жизни и производства был приговорён к высшей мере наказания 201 человек, однако потом части из них смертная казнь была заменена заключением на сроки от 10 до 15 лет. И это не единственный случай.

…23 ноября 1938 Ежов был вызван к Сталину, где ему предложили уйти с должности. Он, разумеется, требовал гарантий для себя лично. Тут же был написан проект постановления, который и звучит как гарантия: «Сохранить за т. Ежовым должности секретаря ЦК ВКП(б), председателя Комиссии партийного контроля и наркома водного транспорта». Сразу после этого Политбюро послало на места телеграммы с прямым требованием: немедленно прекратить репрессии и распустить тройки. Перехватив инициативу, сталинская группа уже в конце 1938 года добилась проведения судебных процессов над работниками НКВД: их обвинили в фальсификации и надуманности дел. Нарком юстиции потребовал от судов строго соблюдать процессуальные нормы, суды стали возвращать в НКВД дела на доследование, — резко увеличилось число оправдательных приговоров. В 1939 году была проведена массовая реабилитация (освобождено 837 тыс. человек, в том числе 13 тыс. офицеров, которых восстановили в армии). Так Сталину удалось остановить большой террор.

В 1939 году было репрессировано в 9 раз меньше людей, чем в 1938-м, а расстреляно — в 150 раз меньше. Однако не забудем об уголовниках, а также о действительных врагах режима, шпионах и прочих неприятных личностях. Они — были, никуда не денешься.

…Ограничить власть партии, уравнять её с Советами — несбыточная мечта Сталина. Когда в январе 1944 года проводили единственную за всю войну сессию Верховного Совета, перед сессией собрался пленум, а накануне — заседание Политбюро. На это заседание был вынесен проект решения для Пленума: «Об улучшении государственных органов на местах». Написан он был Молотовым и Маленковым, прочитан Сталиным. В проекте говорилось, что партийные органы всем руководят, но ни за что не отвечают, и что такого положения больше допускать нельзя. В ведении партии следует оставить две функции: идеологическую работу и участие в подборе кадров. Во все остальные сферы партия не должна вмешиваться. И этот проект не прошёл даже через Политбюро! Свою идею народовластия Сталин пытался реализовать и после войны, но уже не успел…

Госстроительство, армия, война

Конституция провозгласила победу социализма в СССР, и в качестве одного из аргументов назвала ликвидацию эксплуататорских классов и эксплуатации в нашей стране. Это вопрос не очень простой.

Действительно, после Октября и свёртывания новой экономической политики эксплуататорские классы в Советском Союзе были ликвидированы. Однако восстановление экономических отношений со странами Запада означало восстановление прежней системы зависимости нашей страны от иностранного капитала, что, прежде всего, было связано с действием «ножниц цен» на мировом рынке. В результате наша страна теряла часть создаваемого ею национального дохода на экспорте своих товаров, и переплачивала на импорте заграничных. Что это, если не эксплуатация?

Кроме того, ещё в годы первых пятилеток сложился источник эксплуатации, связанный с техническим сотрудничеством. Чтобы действительно его «прикрыть», требовалось ускоренное развитие своей науки, своих наукоёмких производств, и во второй половине 1930-х годов эти направления, действительно, ускоренно развивались.

В 1935-1941 происходило дальнейшее осложнение международной обстановки. В октябре 1935 Италия напала на Эфиопию. В августе 1936 Германия и Италия открыто вмешались во внутренние дела Испании, поддержав мятеж Франко. Осенью 1936 Япония и фашистская Германия заключили «антикоминтерновский пакт», направленный против СССР. К этому пакту вскоре присоединилась и Италия.

В 1937 году СССР заключил договор о ненападении с Китаем и оказал ему помощь в борьбе с Японией, оккупировавшей часть его территории. В июне 1938 года японские войска вторглись в СССР в районе озера Хасан, но были разгромлены. В мае 1939 Япония крупными силами напала на Монголию в районе реки Халхин-Гол. В ответ советские войска нанесли исключительно сильный и эффективный удар, который во многом повлиял на планы Японии участвовать в войне против СССР, — она в войну так и не ввязалась.

В марте 1938 года германские войска оккупировали Австрию и стали угрожать Чехословакии. СССР заявил о готовности оказать ей помощь на условиях договора о взаимопомощи, но Франция отказалась от переговоров о совместных действиях. Тогда СССР заявил, что готов оказать военную помощь Чехословакии независимо от Франции; правительство Чехословакии помощь отвергло.

В сентябре 1938 года на Мюнхенской конференции глав правительств Германии, Англии, Франции, Италии было принято решение о передаче Германии западных районов Чехословакии.

Между тем экономика СССР крепла, развиваясь очень быстрыми темпами. Постепенно сформировался единый общесоюзный народнохозяйственный комплекс. Крупную промышленность вывели из-под контроля республик и передали под управление союзных органов. Разукрупнялись наркоматы, росло их число. Наркомат труда СССР объединили с ВЦСПС, что повысило роль профсоюзов, которым были переданы все средства и кадры органов труда и социального страхования, санатории, дома отдыха, научные институты и другие учреждения Наркомата труда.

Вооружённые силы к 1939 году стали кадровыми. К концу 1920-х годов по техническому оснащению армия совершенно не соответствовала времени, и в течение 1930-е создавалась новая, насыщенная техникой и современными кадрами, соответственно организованная армия, основой чему стала форсированная индустриализация и развитие образования. К 1939 году в СССР было 14 академий и 6 военных факультетов при гражданских вузах, в которых высшее военное образование получали 20 тысяч слушателей в год. Число военных училищ достигло 107. В 1936-м была открыта Академия Генерального штаба.

В 1939 был принят новый закон «О всеобщей воинской обязанности», по которому защита СССР с оружием в руках стала правом и обязанностью не только трудящихся, а всех мужчин без различия национальности, вероисповедания, образования, социального происхождения и положения. Срок службы был увеличен до 3 лет в сухопутных частях и до 5 лет во флоте. С января 1939 был введён новый текст присяги, теперь она принималась не коллективно, а индивидуально, с собственноручной подписью военнослужащего.

Началось создание сильного флота; уже в 1937 году появился Наркомат Военно-Морского Флота и Главный морской штаб.

***1939, 2 июля — 16 сентября**. — Военный конфликт с Японией на реке Халхин-Гол в Монголии. **23 августа**. — Подписание советско-германского Договора о ненападении и секретного протокола о разделе сфер влияния в Европе.*

Сегодня советско-германский Договор о ненападении многие оценивают как чудовищное деяние Сталина, забывая, что за год до этого, в 1938 году, точно такой же договор заключил с Гитлером Чемберлен. Речь там тоже шла о разделе Европы: Гитлеру предоставлялась свобода рук в Восточной Европе. Что было делать Сталину? Через год он просто сделал ответный ход. Даже многие западные историки признают, что иного выхода у него не было.

Запад прямо подталкивал Германию к войне с СССР, чтобы разгромить или ослабить Советский Союз, а заодно ослабить и

Германию. Президент США Г. Трумен, тогда ещё сенатор, сказал после начала Второй мировой войны: «Если мы увидим, что войну выигрывает Германия, мы должны помогать России, а если выигрывает Россия, то должны помогать Германии; в любом случае надо стараться, чтобы они как можно больше убивали друг друга».

Достигнуть прочного сговора с Гитлером Западу не удалось. Даже не поставив в известность Лондон и Париж, весной 1939 года Германия захватила остальную часть Чехословакии, кроме Судетов; отторгла от Литвы Мемельскую область, предъявила ультимативные территориальные претензии Польше.

У СССР, не готового к большой войне, оставалось два выхода: или добиться создания в Европе надёжной системы коллективной безопасности, или оттянуть начало войны, срочно укрепляя собственную обороноспособность. Первый путь блокировали Англия и Франция: с марта по август 1939 года СССР вёл с ними переговоры о взаимопомощи в случае нападения на одну из сторон, и они не дали результата. Пришлось использовать второй вариант, не питая иллюзий насчёт предотвращения войны.

Мало кто знает, но в 1939-1941 году советское руководство считало Англию одним из близких и возможных противников. Английскую военно-политическую доктрину того времени обрисовал исследователь Д. Фуллер («Вторая мировая война 1939-1945 гг.»): «Британия стремилась... разделять путём соперничества великие континентальные державы и сохранять равновесие между ними... Врагом становилось не самое плохое государство, а то, которое... обычно было сильнейшим из числа континентальных держав... Поэтому целью войны было такое ослабление сильнейшего государства, чтобы можно было восстановить равновесие сил». СССР соответствовал этому определению, как возможная для Англии цель войны.

Не менее интересное отношение к СССР сложилось во Франции.

К началу Второй мировой войны бакинская нефтяная промышленность давала 80 % высокосортного авиационного бензина, 90 % лигроина и керосина, 96 % автотракторных масел от общего их производства в СССР. Французские военные рассматривали теоретическую возможность нападения с воздуха на советские нефтяные месторождения уже в сентябре 1939 года, а 10 октября министр финансов Франции П. Рейно поставил конкретный вопрос: в состоянии ли французские ВВС «подвергнуть бомбардировке из Сирии нефтеразработки и нефтеперерабатывающие заводы на Кавказе»?

В Париже предусматривали осуществление этих планов в тесном сотрудничестве с англичанами. Были оповещены и американцы.

Как сообщает Алексей Степанов («Англо-французские планы нападения на СССР в 1939-40 гг.»), англичане ненамного отстали от французов в разработке своих аналогичных проектов. Один из первых собственно английских документов датирован 31 октября 1939 года и представляет собой письмо министра снабжения Великобритании министру иностранных дел. В письме указывалось на уязвимость советских нефтяных источников, крупнейшим из которых отмечался Баку, а затем шли Грозный и Майкоп.

Автор письма констатировал, что *«изучение нашим генеральным штабом вопроса... возможности уничтожения нефтяных источников, могло бы оказаться очень эффективным средством устрашения. Если уничтожить русские нефтепромыслы (а все они представляют собой разработки фонтанирующего типа и поэтому могут быть очень легко разрушены), нефти лишится не только Россия, но и любой союзник России, который надеется получить её у этой страны»*. В письме были указаны расстояния от некоторых пограничных пунктов Турции и Ирана до Баку, Майкопа и Грозного.

19 декабря 1939 года английский посол в Анкаре сообщал о переговорах английских, французских и турецких представителей об укреплении турецких войск у советских границ за счёт англо-французских поставок, и о секретных турецких мерах по подготовке антисоветского восстания местного населения в приграничных советских районах.

31 декабря в Анкару прибыл английский генерал С. Батлер для обсуждения проблем англо-турецкого военного сотрудничества против СССР. Обсуждали, в частности, вопрос о возможности использования англичанами аэродромов и портов в Восточной Турции. А ведь уже шла Вторая мировая война!

11 января 1940 года английское посольство в Москве сообщало, что акция на Кавказе может «поставить Россию на колени в кратчайшие сроки». Затем, 15 января генеральный секретарь французского МИДа Леже сообщил американскому послу У. Буллиту, что Даладье предложил направить в Чёрное море эскадру для блокады советских коммуникаций и бомбардировки Батуми, а также атаковать с воздуха нефтеразработки Баку.

А вот небольшая зарисовка об отношении к русским во Франции[13]:

---

[13] Из книги Ивана Солоневича «Народная монархия».

«Во Франции перед началом Второй мировой войны имелось около двухсот тысяч русских эмигрантов. Часть их приехала в эту свободную и прекрасную страну по своей инициативе. Часть — в годы Первой мировой войны была послана Россией для помощи прекрасной французской союзнице: корпуса, составленные только из георгиевских кавалеров. Часть была приглашена французским правительством для восстановительных работ на севере Франции.

По великолепному законодательству свободной и демократической Европы, русские бесподданные эмигранты не имели почти никакой возможности переезжать в какую бы то ни было другую страну: пускали только людей с деньгами. У большинства денег не было. А прекрасная Франция — своих вчерашних союзников, защитников, отчасти и спасителей (наша восточно-прусская операция, спасшая в 1914 году Париж), постепенно лишала права на работу. Ехать — некуда и работать нельзя. Русские инженеры, архитекторы, врачи работали нелегально, нарушая закон, в качестве белых рабов у французских инженеров, архитекторов, врачей. Составляли для них состояния — и получали гроши. Так, например, чертежи знаменитого парохода «Нормандия» были нелегально, то есть противозаконно сделаны русской группой инженера Юркевича — французских специалистов такого калибра не нашлось. Но деньги получили, конечно, французские владельцы русских белых рабов. У других русских людей не было и такой возможности…»

В то же время Германия предложила СССР заключить Пакт о ненападении; он и был подписан в Москве 23 августа 1939 года. В соответствии с ним СССР и Германия брали на себя обязательства воздерживаться от нападения друг на друга, разрешать споры мирными средствами и соблюдать нейтралитет, если одна сторона будет вовлечена в военные действия. Сейчас в подписании этого договора усматривают какую-то особую хитрость Сталина, но напомним ещё раз: аналогичные договора Германия подписала с Польшей в 1934, с Англией и Францией в 1938, с Литвой, Латвией и Эстонией в 1939 году.

***1939, 1 сентября**. — Нападение Германии на Польшу, начало Второй мировой войны. В СССР — введение всеобщей воинской обязанности. **28 сентября**. — Договор о дружбе и границах между Германией и СССР. **1-2 ноября**. — Включение Западной Белоруссии и Западной Украины в состав СССР. **30 ноября**. — Начало советско-финской войны. **14 декабря**. — Исключение СССР из Лиги Наций. Начало регулярного телевизионного вещания в СССР.*

С целью отодвинуть границу от жизненно важного Ленинградского района советские дипломаты долго вели переговоры с Финляндией об обмене территориями. СССР желал обеспечить лучшее

прикрытие сухопутных подступов к Ленинграду, отодвинув границу на Карельском перешейке настолько, чтобы Ленинград был вне опасности обстрела тяжёлой артиллерией. Это изменение границы не затрагивало основные оборонительные сооружения линии Маннергейма. Вдобавок Советское правительство просило финнов уступить некоторые острова, а также сдать в аренду на тридцать лет порт Ханко, чтобы построить там военно-морскую базу, которая во взаимодействии с военно-морской базой в Палдиски, расположенной на другом берегу залива, могла бы прикрыть доступ вражеского флота в Финский залив.

В обмен Советский Союз предлагал уступить Финляндии некоторые районы, что давало Финляндии дополнительную территорию в 2134 кв. мили в качестве компенсации за уступку России территорий общей площадью 1066 кв. миль. Важно, что Россия от этого не получала какого-либо преимущества для нападения на Финляндию, — но всё это помешало бы Германии (или любой другой стране) использовать Финляндию в качестве трамплина для нападения на Россию.

Ответ был отрицательный.

С 30 ноября 1939 по 12 марта 1940 года велась советско-финляндская война. Первое наступление наших войск завершилось неожиданной остановкой. Под влиянием этих событий, — как пишет Лиделл Гарт, — усилилась общая тенденция к недооценке военной мощи Советского Союза. Эту точку зрения выразил в своём выступлении по радио 20 января 1940 года Черчилль, заявив, что Финляндия «открыла всему миру слабость Красной Армии». Это ошибочное мнение до некоторой степени разделял и Гитлер, что привело к серьёзнейшим для Германии последствиям в дальнейшем.

Однако вскоре обстановка на фронте переменилась. Советские войска совершили широкий обходный маневр, выйдя на финскую территорию западнее Выборга, и как только они прорвали линию Маннергейма и создали угрозу коммуникациям, поражение Финляндии стало неизбежным. Только капитуляция могла предотвратить катастрофу, ибо обещанные франко-английские экспедиционные силы так и не прибыли, хотя и находились в полной готовности к отправке.

По поводу планировавшегося участия Англии и Франции мы, основываясь на работе Алексея Степанова, можем сообщить следующее. 24 января начальник имперского генерального штаба Англии генерал Э. Айронсайд представил военному кабинету меморандум «Главная стратегия войны», где говорилось: «На мой взгляд, мы сможем оказывать эффективную помощь Финляндии лишь в том случае, если атакуем Россию по возможности с бульшего

количества направлений и, что особенно важно, нанесём удар по Баку — району добычи нефти, чтобы вызвать серьёзный государственный кризис в России».

6 марта 1940 года финское правительство начало переговоры о мире. Несмотря на катастрофическое поражение финских войск, понесённое ими 12 февраля, новые советские требования были очень умеренными. Можно сказать, выдвинув столь скромные требования, Сталин проявил исключительную государственную мудрость.

Подписание с Финляндией мирного договора не сняло проблемы противостояния СССР с англо-французскими союзниками. Дипломатические отношения между Советским Союзом и двумя этими западными странами достигли критической точки: английский посол выехал из Москвы, советский полпред во Франции 19 марта был объявлен персона нон грата. Правительственный кризис во Франции привёл к падению кабинета Э. Даладье, обвинённого в недостаточной помощи Финляндии, и к власти пришло правительство во главе с П. Рейно.

4 апреля 1940 года нарком обороны К.Е. Ворошилов составил записку в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову, где, в частности, говорилось о переброске возвращаемых с финского фронта соединений на юг и об усилении авиацией и зенитной артиллерией южных рубежей страны: дополнительно формировались и сводились в полки для противовоздушной обороны Баку, Тбилиси, Батуми, Туапсе и Новороссийска 17 дивизионов среднего калибра; для одного только ПВО Баку формировались 7 дивизионов малокалиберной артиллерии.

Через десять дней на совещании высшего командного состава РККА Сталин говорил об итогах Зимней (финской) кампании: «*Спрашивается, кого мы победили?... Вся оборона Финляндии и война велись по указке, по наущению, по совету Англии и Франции… Итог об этом говорит. Мы разбили не только финнов — это задача не такая большая. Главное в нашей победе состоит в том, что мы разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которых являлись учителями финнов. В этом основная наша победа*».

Даже 10 мая 1940 года, в день наступления на Западе немецких войск, Рейно звонил Черчиллю, чтобы сообщить о готовности бомбить Баку с 15 мая. Английские военные круги вплоть до нападения Германии на СССР не исключали возможности ударов по Баку!

В Советском Союзе об этом знали. В приказе наркома обороны об установлении системы подготовки и порядка

комплектования вузов ВВС и улучшении качества подготовки лётного и технического состава (от 3 марта 1941 года) говорилось: предполагаемыми противниками являются Германия, Япония, Турция и Англия.

Вышедший в 1998 году сборник документов «1941 год. Документы» практически впервые подтвердил факт англо-советской конфронтации 1939-1941 годов. В беседе обозревателя «Комсомольской правды» Сергея Маслова с одним из составителей сборника, известным историком Львом Безыменским, последний сказал: «Что касается Сталина, то ему, конечно, было не по душе усиление Германии и превращение её в европейского гегемона. Но он, подталкивая Гитлера к военным авантюрам, рассчитывал расправиться с самым заклятым врагом. А из многих выступлений Сталина следовало, что в качестве главного врага Советского Союза он рассматривал Англию».

В 1939-1940 годах СССР получил возможность вернуть области, отторгнутые после неудачной войны с Польшей в 1921 году. В октябре 1939 года там были созданы комитеты по организации выборов, затем в октябре были избраны Народные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии, которые провозгласили установление Советской власти и приняли декларации о вхождении в СССР, соответственно, в составе Украинской и Белорусской ССР.

Россия, называвшаяся тогда Советским Союзом, вновь становилась Великой. Она уже могла противостоять покушениям на свою территорию, требовать возврата незаконно отнятого.

В конце 1939 года, в обстановке начавшейся Второй мировой войны правительства Литвы, Латвии и Эстонии заключили с СССР договоры о взаимопомощи, согласно которым в эти страны вводилось по одному корпусу советских войск. Но когда летом 1940 года обстановка изменилась, прибалтийские правительства начали с немцами секретные переговоры. В ответ на это СССР, опираясь на поддержку левых сил и массовые демонстрации в столицах этих стран, предъявил ультиматум, и правительства ушли в отставку. Были созданы народные демократические правительства, которые провели выборы в парламенты, на которых победили левые блоки, получившие более 90 % голосов. Правые силы были деморализованы демонстрациями и проведённой накануне выборов депортацией около 80 тыс. человек (фабрикантов, активных правых политиков, журналистов и военных).

После мирного разрешения с Румынией вопроса о захваченной ею в 1918 году Бессарабии (которая была частью России с 1812 года) и о передаче Союзу населённой украинцами Северной

Буковины, в Бессарабии и Северной Буковине была установлена Советская власть. Затем Молдавская АССР была объединена с Бессарабией и включена в СССР в качестве союзной республики.

***1940, 26 июня**. — Закон об увеличении рабочего дня до 8 часов и введение 7-дневной рабочей недели. Запрещение самовольного перехода с одного предприятия на другое, введение уголовной ответственности за опоздания и прогулы. **10 июля**. — Указ об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции. **10 августа**. — Указ об уголовной ответственности за мелкие хищения на производстве. **20 августа**. — Убийство в Мексике Троцкого. **12-14 ноября**. — Поездка министра иностранных дел СССР Молотова в Берлин. **18 декабря**. — Гитлер утвердил план войны с СССР.*

Германия вела в Европе молниеносную войну нового типа. Весной 1940 года немецкие войска оккупировали Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Люксембург и в мае вторглись во Францию, которая уже в июне капитулировала. Поставив себе на службу громадные производственные, экономические и людские ресурсы оккупированных стран Европы, гитлеровская Германия уже со второй половины 1940 начала прямую подготовку к нападению на СССР, а в конце того же года был утверждён план молниеносной войны против нас. Германия ввела свои войска в Финляндию, Болгарию, Румынию, Венгрию. Весной 1941 года ими были оккупированы Греция и Югославия.

Таким образом, к весне 1941 сложился небывалый по силам агрессивный блок, нацеленный против СССР. Ядром его была Германия.

1941—1945 годы

22 июня 1941 года Германия напала на Советский Союз с целью ликвидации СССР как страны и истребления значительной части населения. Вместе с вермахтом в боевых операциях на нашей территории участвовали вооружённые силы Венгрии, Италии, Румынии и Финляндии. Началась Великая Отечественная война.

Эта история описана столь подробно и столь многими, что мы здесь ограничимся кратким перечислением тех государственно-экономических мероприятий, о которых почти ничего не пишут в учебниках. Кому-то это наверняка покажется скучным, прежде всего

тем «знатокам», которые уверены, что «Гитлер нёс России свободу от сталинизма», а Сталин победил, «завалив дорогу немцев трупами».

Однако утверждение, что для Германии цель войны была — в ликвидации России и уничтожении значительной части народа — не просто фраза. Вот рекомендаций идеолога, вождя нацистской партии Мартина Бормана: «*Славяне должны работать на нас. Если мы не нуждаемся в них, они могут умереть. Система здравоохранения не нужна. Рождения у славян нежелательны. Они должны использовать контрацепцию и практиковать аборты, и чем больше, тем лучше. Образование опасно. Что касается пищи, то они не должны получать больше, чем необходимо*». (Наблюдая сегодняшнюю жизнь в стране, начинаешь подозревать, что многие идеи наших реформаторов взяты именно отсюда).

А вот задачи, прямо содержавшиеся в планах войны:

«Речь идёт не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорей всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их. Только если эта проблема будет рассматриваться с биологической, в особенности с расово-биологической, точки зрения и если в соответствии с этим будет проводиться немецкая политика в восточных районах, появится возможность устранить опасность, которую представляет для нас русский народ...

а) Прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населяемой русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие... Русскому из горьковского генерального комиссариата должно быть привито чувство, что он чем-то отличается от русского из тульского генерального комиссариата. Нет сомнения в том, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей является одним из средств борьбы с усилением русского народа...

б) ...Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа... Эта масса расово неполноценных, тупых людей нуждается, как свидетельствует вековая история этих областей, в руководстве...

в) Есть много путей подрыва биологической силы народа... Целью немецкой политики по отношению к населению на русской территории будет являться доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев. То же самое относится, между прочим, к чрезвычайно плодовитым народам Кавказа, а в будущем

частично и к Украине. Пока мы заинтересованы в том, чтобы увеличить численность украинского населения в противовес русским. Но это не должно привести к тому, что место русских займут со временем украинцы.

Для того чтобы избежать в восточных областях нежелательного для нас увеличения численности населения, настоятельно необходимо избегать на Востоке всех мер, которые мы применяли для увеличения рождаемости в империи. В этих областях мы должны сознательно проводить политику сокращения населения. Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и т.п., мы должны постоянно внушать населению мысль о том, что вредно иметь много детей…

Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе. Этой цели мы можем добиться вышеуказанными путями»...

Вот таким было геополитическое позиционирование гитлеровской Германии. Говорят, И.В. Сталин этого не понимал, и в возможность нападения не верил, отчего и произошли неудачи на первом этапе. Однако скажем прямо: Иосиф Виссарионович был совсем не дурак, — что война будет, он отлично знал. Вся проделанная им работа: создание новой, индустриальной экономики; развитие науки и образования; идеологическая обработка и военно-спортивная тренировка населения; все предпринимавшиеся дипломатические усилия говорят только об этом — о подготовке к военному столкновению.

Но он переоценил Гитлера! Издревле было известно: *воевать в России, не учитывая зимние морозы, невозможно*. И Сталин отслеживал, готовится Гитлер к русским зимам, или не готовится. Если нет, значит, нападать пока не будет. Но Гитлер, авантюрист по натуре, отдал приказ начинать войну. Возможно, он рассчитывал взять всё зимнее у нас. Возможно, после быстрых военных успехов на Западе ему показалось, что он сможет и с Россией справиться быстро, до зимы. И сделал стратегическую ошибку: Россия настолько большая, что её даже *просто пройти* сложно. А проходить пришлось отнюдь не *просто*: при всеобщем отступлении бойцы на многих рубежах — о чём сегодня почему-то мало вспоминают, — стояли буквально насмерть. Генералы вермахта писали в своих дневниках: мы очень опаздываем…

С первых дней организация ведения войны стала основной функцией Советского государства, а все остальные функции — подчинёнными ей. 23 июня 1941 года по решению ЦК ВКП(б) и Совнаркома для стратегического руководства вооружёнными силами

была создана Ставка Верховного Главнокомандования, в которую вошли члены Политбюро и руководители Наркомата обороны. С 10 июля Ставку возглавил И.В. Сталин. 19 июля он был назначен Наркомом обороны, а 8 августа Главнокомандующим вооружёнными силами. Генштаб был переподчинён Верховному Главнокомандующему и стал оперативным органом Ставки; при Ставке был также создан Центральный штаб партизанского движения.

С июля 1941 по октябрь 1942 года в вооружённых силах существовал институт военных комиссаров, однако без права контроля над командным составом.

НКВД в начале 1941 был разделён на два наркомата — внутренних дел во главе с Л.П. Берия и государственной безопасности во главе с В.Н. Меркуловым. В первые месяцы войны они опять слились в единый НКВД, но в 1943 году функции органов внутренних дел и государственной безопасности вновь были разделены. НКВД занимался охраной порядка в городах, активно действовал в прифронтовой зоне, создавал «особые отделы» в армии. Продолжала действовать система ГУЛага; около 600 тыс. человек заключённых в составе штрафных батальонов участвовали в военных действиях.

С первых дней войны произошли серьёзные изменения в направленности идеологической работы: *патриотизм*, вот что было поставлено во главу угла. Патриотизм — чувство всеобщее, присущее любому живому существу. Суслик защищает свою нору, медведь — свой кусок леса, и даже пресловутый кулик своё болото хвалит; у человека же это, наполненное большим духовным смыслом чувство вырастает прямо из многовековой культуры, помимо воли заставляя вставать на защиту своей родной земли. Больше двух десятилетий советская пропаганда упирала в основном на достаточно второстепенные социальные вопросы, — война заставила обратиться к коренному, к чувству патриотизма, к истории, к героическому прошлому страны. Заговорили о преемственности традиций русской и советской армий. Были возвращены некоторые внешние атрибуты русской армии: звания, погоны, кадетские корпуса (суворовские и нахимовские училища); вновь заблистали имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова, Кутузова, Нахимова и многих других русских полководцев, в их честь были учреждены новые советские ордена.

Вопреки всем предыдущим идеологическим установкам, улучшились отношения государства и церкви. В сентябре 1943 года состоялась встреча Сталина и руководства Русской православной церкви. Для связи правительства с церковью был создан специальный государственный аппарат — Совет по делам Русской православной

церкви; затем были урегулированы отношения государства с другими религиозными конфессиями. Показательно, что в постановлении ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1944 года «Об организации научно-просветительской пропаганды» впервые не были определены задачи научно-атеистической работы.

Ещё в период битвы за Москву осенью-зимой 1941/1942 годов руководству страны удалось достичь морально-политического единства советского общества; суть войны, после краткого замешательства, была осознана большинством советского народа однозначно, и переход в ней на сторону врага не мог быть оправдан никакими доводами. Прежде всего, об этом говорит **массовое добровольческое движение,** наполнившее реальным содержанием лозунг *«Всё для фронта, всё для Победы!»*. Формировалось народное ополчение, создавались целые дивизии (многие из которых впоследствии стали гвардейскими), истребительные батальоны, партизанские отряды. В тылу работали тоже на грани подвига.

Авиаконструктор А.С. Яковлев вспоминал:

«20 *декабря* (1941). *Станки устанавливают в цехах одновременно с возведением стен. Начинают выпускать самолёты, когда ещё нет окон, крыши. Снег покрывает человека, станок, но работа продолжается. Из цехов никуда не уходят. Здесь и живут. Столовых ещё нет. Где-то есть раздаточная, где выдают что-то похожее на суп».*

Во Второй мировой войне особую роль играл военно-технический фактор. Появление авиации и танков породило новую тактику «блицкрига». По мнению историков В.В. Алексеева и С.А. Нефёдова, идея блицкрига заключалась в том, что танковые колонны внезапно, без артподготовки, обрушиваются на узкие участки вражеской обороны, взламывают её и выходят на оперативный простор. Они стремительно движутся по дорогам в тылу противника и смыкают клещи в глубине вражеской территории, — армии противника попадают в окружение, они остаются без подвоза боеприпасов, без связи, с нарушенным управлением. Солдат противника охватывает паника, и через некоторое время они вынуждены капитулировать.

Эта тактика давала Германии стратегическое преимущество в начале Второй мировой войны, однако очень скоро ею овладел и СССР, и преимущество Германии было ликвидировано.

Основное в блицкриге — взаимодействие танков и авиации; самолёты-штурмовики должны постоянно сопровождать колонну танков и расчищать ей дорогу. Авиация выбрасывала десанты, чтобы захватить мосты на пути движения; транспортные самолёты обеспечивали снабжение боеприпасами и в случае необходимости —

горючим. Танки сопровождала пехота на бронетранспортерах, а вслед за танковыми дивизиями следовали моторизованные дивизии, создававшие внутренний фронт окружения. Едва ли не главным в этой стратегии было поддержание устойчивой радиосвязи. Каждый немецкий танк и самолёт имел рацию, танки постоянно поддерживали связь с авиацией и наводили её на цель, а авиация сообщала танкистам обо всех препятствиях на пути, о передвижении противника. Поражение советских войск на первом этапе войны произошло именно потому, что было недостаточно средств радиосвязи.

Всего этапов, на которые обычно делят историю Великой Отечественной войны, три:

1) вторжение вермахта на территорию СССР, отступление советских войск до Москвы, провал немецкого блицкрига (лето 1941 — весна 1942 года);

2) перелом в ходе войны, разгром немецких войск под Сталинградом и на Курско-Орловской дуге (лето 1942—1943 годы);

3) освобождение территории страны и разгром фашистской Германии, а затем японского милитаризма (1944—1945).

Советская экономика в каждый из этих периодов решала специфические задачи. Первый этап был самым сложным. От страны была отторгнута территория, на которой до войны проживало 40 % населения, производилось 68 % чугуна, 58 % — стали и алюминия, около 65 % угля, 40 % железнодорожного оборудования, 84 % сахара, 38 % зерна. Металлургия страны скатилась к уровню первой пятилетки. Объём промышленного производства в ноябре 1941 года составил только 52 % от уровня 1940 года. Перед экономикой встала задача восполнения потерянных в результате боевых действий и оккупации экономических ресурсов, перестройки на военные рельсы, а между тем 11 миллионов мужчин были мобилизованы в армию!

В краткие сроки после тяжёлого первого удара госаппарат организовал небывалые по масштабам программы. Было вывезено из европейской части за 4-5 тыс. км на восток около половины промышленности страны почти без перерыва в её работе. Было размещено и трудоустроено 12 миллионов эвакуированных. Переместили огромное количества скота и машин из колхозов и совхозов оставляемых районов. Это было возможно лишь при условии, что все звенья аппарата, помимо точного выполнения команд, могли и умели проявлять большую инициативу и ответственность.

Уже на третий день войны был создан Совет по эвакуации. Эвакуация происходила быстрыми темпами: за 15-20 дней оборудование монтировалось на новом месте, за 3-4 месяца достигался выход на довоенную мощность. За 1941 год было эвакуировано 1523

крупных предприятий, и уже к декабрю прекратилось падение производства, а с марта 1942 года стал возрастать валовой выпуск. Переналадка промышленности на военные цели с быстрым наращиванием общего объёма производства по своим темпам и эффективности превзошла все ожидания западных экспертов.

На втором этапе ситуация изменилась. В оборонной промышленности довоенный уровень был превзойдён уже в 1942 году; СССР обошёл Германию по выпуску танков в 3,9 раза, боевых самолётов в 1,9 раза, орудий всех видов в 3,1 раза. При этом быстро совершенствовалась организация и технология производства: в 1944 себестоимость всех видов военной продукции сократилась по сравнению с 1940 годом в два раза.

Советский Союз выиграл войну экономически, и этому способствовало создание новых промышленных зон на востоке страны. Модернизация производства на металлургических гигантах — Магнитогорском и Кузнецком комбинатах, позволила наладить выпуск броневой стали; для выпуска качественных сталей были оперативно заложены марганцевые рудники в тундре, на Урале. Добыча угля тоже сдвинулась на Урал, в Караганду, во вновь открытый Северо-Печорский бассейн. Началось применение самого экономичного вида топлива — природного газа. Развернулось строительство ГЭС и ТЭЦ на Урале, Сибири и в Средней Азии.

Поскольку уже в начале 1944 года стало ясно, что советская экономика произвела достаточное для обеспечения победы количество вооружений, то во второй половине этого года были приняты меры по частичной реконверсии промышленных предприятий, и начался третий этап в развитии экономики военного периода. Необходимость этого объяснялась тем, что производство предметов потребления в Советском Союзе упало в годы войны до уровня начала 1920-х годов, да и сельское хозяйство тоже было не в лучшем состоянии.

Началась реэвакуация, но многие предприятия, передислоцированные в азиатскую часть СССР, так и остались там, создавая новые узлы производственной инфраструктуры, существенно изменив географию народного хозяйства.

К концу войны советская страна производила самолётов, танков, артиллерийского и автоматического оружия больше, чем все другие страны, участвовавшие во Второй мировой войне, уступив лишь США по производству самолётов. Если же сопоставить производство военной продукции в СССР и Германии, то получится следующая картина: Германия произвела в годы войны 46 тыс. танков и

самоходных орудий, 90 тыс. самолетов, 320 тыс. артиллерийских установок, а СССР соответственно — 103, 112 и 482.

Госплан с первых дней войны перешёл к составлению военно-хозяйственных планов. Первый такой план на 3-й квартал 1941 года был представлен через неделю после начала войны, а в августе уже имелся план до конца 1942 года. С августа 1943 года Госплан начал разработку пятилетнего плана восстановления народного хозяйства СССР, что помогло возродить экономику в невиданно короткий срок. С начала 1943 готовилась денежная реформа, и СССР смог провести её с отменой карточек уже в 1947 году, намного раньше других стран. Эффективная работа Госбанка, Наркомфина и Госплана позволила сохранить в условиях войны финансовую систему и не допустить гиперинфляции: снабжение армии и боевые действия надёжно финансировались, но дефицит госбюджета был очень небольшим, а в 1944 году доходы уже значительно превысили расходы.

Органы статистики регулярно проводили срочные переписи имеющихся в стране материалов и оборудования (за время войны было проведено 105 переписей). Создавались чрезвычайные хозяйственные организации. Так, 8 июля 1941 года на базе наркомата строительства были созданы Особые строительно-монтажные части (ОСМЧ), которые быстро перебрасывались с места на место для строительства и монтажа оборонных предприятий. Всего было создано сто крупных ОСМЧ со штатом в 400 тысяч человек (они находились на казарменном положении). За годы войны наркомат заново построил в восточных районах 3500 крупных предприятий и восстановил в европейской части 7500 предприятий.

Смогла ли бы сделать всё это страна, если бы у руководства был, например, Н.И. Бухарин? Это очень сомнительно. Сколько нехороших слов сказано о Сталине, — зачастую верно сказано, — и всё же надо понимать, что **другого Сталина у нас не было**. Государственная машина крутилась благодаря его суровому руководству.

В годы войны некоторые народы были депортированы с мест своего постоянного проживания. Переселили на новые территории немцев, калмыков, крымских татар, чеченцев и ряд других. Однако следует заметить, что депортации по этническому признаку — не советское изобретение. В 1915-1916 годах принудительно выселяли немцев из прифронтовой полосы и даже из Приазовья. В том же 1915 году по приказу верховного главнокомандующего российской армии было выселено свыше 100 тысяч человек из Прибалтики на Алтай. В 1941 году власти США даже не депортировали, а заключили в концлагерь и принудили к тяжёлым работам в рудниках граждан

японского происхождения на западном побережье, и это притом, что никакой угрозы японского вторжения в США не было.

Переселения народов СССР во время войны были не беспочвенными. Так, С.Г. Кара-Мурза приводит данные по Чечне. В ней в начале войны 63 % призванных в армию мужчин ушли с оружием в горы и образовали мятежные отряды во главе с партийными руководителями и работникам НКВД. А ведь они, прежде чем получить оружие, принесли присягу! Мобилизация на территории Чечни была прекращена. При приближении немецких войск мятежные отряды установили с ними связь и вели в тылу Красной армии крупные боевые действия с применением артиллерии. После отступления противника, 23 февраля 1944 года было начато выселение (в основном на спецпоселения в Казахстан) около 362 тыс. чеченцев и 134 тыс. ингушей. Их просто убрали вглубь страны с места возможных боевых действий, и это было, с точки зрения государственных интересов, рациональным поступком.

При депортации не ликвидировали партийные и комсомольские организации: среди чеченцев было более тысячи членов ВКП(б) и около девятисот комсомольцев, сотни офицеров Красной армии. На новом месте численность чеченцев и ингушей увеличивалась примерно теми же темпами, как у народов Кавказа, не подвергшихся депортации, и выросла на 14,2 % с 1944 по 1959 год. В местах поселения они получали образование на родном языке, не испытывали дискриминации при получении высшего образования; средний уровень их образованности был выше, чем у окружавших местных жителей.

Не соответствуют действительности утверждения о массовой гибели переселенцев во время доставки к новому месту жительства. Так, например, по данные НКВД Узбекистана, из 151720 человек крымских татар, депортированных в мае 1944 года, по актам было принято 151529 человек (умер в пути 191 человек). На фоне прошедшей за предыдущие годы эвакуации и реэвакуации десятков миллионов людей трудно было ожидать иного результата.

Большинство литовцев, латышей и эстонцев, служивших в немецкой армии рядовыми и младшими командирами, уже до конца 1945 года были отпущены по домам.

Так что в этом вопросе очень много мифов.

Очень эффективна была в годы Великой Отечественной войны советская внешняя политика. После нападения Германии СССР стал равноправным членом антигитлеровской коалиции и играл в ней важную роль. Хотя его усилия по открытию второго фронта в Европе увенчались успехом лишь летом 1944 года, однако СССР сумел убедить западные страны оказать ему дипломатическую и особенно

экономическую поддержку уже в 1941 году. Так, 12 июля 1941-го было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях в войне, с обязательством не заключать мира и перемирия с Германией без обоюдного согласия. Позже, 26 мая 1942-го, был заключён договор с Великобританией о союзе в войне против Германии и её сообщников в Европе, о сотрудничестве и взаимопомощи после войны. в том же году, 11 июня подписано соглашение с США о принципах взаимопомощи в войне против агрессоров. После 1943-го были заключены договоры о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве с Чехословакией, Францией, Югославией и Польшей.

В конце 1943 прошла важная Тегеранская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании, а в феврале 1945 года состоялась Ялтинская конференция глав этих же государств, на которой решалась судьба фашистской Германии и создание ООН. На этой конференции СССР дал согласие вступить в войну с Японией через два-три месяца после окончания войны в Европе.

8 августа 1945 СССР объявил войну Японии, и 2 сентября Япония капитулировала. На Потсдамской конференции, проходившей в июле-августе 1945 года, главы трёх государств: СССР, США и Англии — решали основные принципы послевоенного устройства мира.

В январе 1944 года на сессии Верховного Совета обсуждался вопрос о поправках к Конституции СССР, наделявших союзные республики большими правами в области обороны и внешней политики. Конкретным поводом для этого стала разработка в 1944, на конференции в Думбартон-Оксе, Устава ООН. Советский Союз настаивал, чтобы учредителями ООН считались все советские республики, которые имели право самостоятельности дипломатической деятельности. Сталину удалось добиться своего; учредителями ООН стали, наряду с СССР, Украина и Белоруссия.

США в начале Второй мировой войны приняли закон о ленд-лизе, то есть передаче взаймы или в аренду вооружения, боеприпасов, стратегического сырья, продовольствия и т.д. странам — союзникам по антигитлеровской коалиции. На СССР этот закон был распространён после поездки в Москву советника и специального помощника президента Ф. Рузвельта Г. Гопкинса в конце июля 1941 года, а 1 октября был подписан протокол о поставках, которым оговаривалось свыше 70 основных видов поставок и свыше 80 предметов медицинского снабжения.

Первые западные танки и самолёты были использованы Советским Союзом в ноябре 1941 под Москвой, и до середины 1942 он получил около 3 тысяч самолётов, 4 тысячи танков и 20 тысяч различных транспортных средств. И хотя поставки снаряжения и

материалов из США по ленд-лизу составили всего около 4 % использованных СССР в войне объёмов, они были большой подмогой в самые критические моменты, и даже не столько готовая техника, сколько особо важные материалы и компоненты, по некоторым из которых доля поставок из США достигала 20-30 % расхода. Неприятный осадок оставили действия американцев после войны, когда по договору им возвращали технику в отремонтированном и заново окрашенном виде, а они после торжественной приёмки здесь же на причале пускали автомобили под пресс, а буксиры топили на виду у провожавших.

В годы войны резко сократилась материальная база учреждений культуры из-за прекращения их финансирования. Многие центры советской науки и культуры находились в западных и центральных районах страны, которые в первые же месяцы войны были оккупированы; хотя ряд учреждений удалось эвакуировать в восточные районы, многие культурные и научные ценности всё же попали в руки врага. Деятели культуры и науки вынуждены были искать новые формы существования в условиях военного времени: они выступали с лекциями и концертами на фронтах, в госпиталях, на фабриках, заводах и т.д.

В годы войны коренным образом изменился быт советских людей. Б*о*льшая часть мужского населения была мобилизована в армию. На промышленное производство пришли женщины, дети. Их труд в годы войны был тяжёлым, с продолжительным рабочим днем, практически без выходных дней и отпусков. Чтобы обеспечить поддержку крестьянства, правительство вынуждено было отменить некоторые ограничения, введённые в период коллективизации. По сути, была сделана ставка на личные интересы крестьянина. Были разрешены в деревне личные подсобные хозяйства, и крестьяне получили определённую свободу в реализации продукции из подсобных хозяйств. Кроме того, именно для крестьянства полученная свобода вероисповедания была наиболее актуальной.

Уже в июле 1941 года население Москвы и Ленинграда было переведено на карточное снабжение. В 1942 году карточками обслуживалось 62 млн. советских людей, а в 1945 — 80 млн. Всё население страны по уровню потребления было разбито на несколько категорий, в зависимости от трудового и военного вклада, при этом нормы их снабжения по карточкам существенно колебались. Система заготовок и снабжения населения продовольствием по карточкам обеспечили армию и тыл приемлемым питанием, и всю войну в стране работали колхозные рынки, на которых по высокой цене можно было приобрести продовольствие, хотя это мог сделать далеко не каждый. На

Урале, например, цена 1 кг мяса на рынке была выше месячного заработка рабочего. С апреля 1944 года была разрешена система коммерческих магазинов и ресторанов.

В условиях, когда основная масса врачей была мобилизована на фронт, страна прошла войну без крупных эпидемий и большого повышения смертности от болезней. Что характерно, в СССР был достигнут самый высокий уровень возврата раненых в строй (73 %).

Государственная система организации науки позволила с очень скромными средствами выполнить множество проектов с высоким уровнем творчества и новаторства, соединяя чисто практические технические разработки с самым передовым фундаментальным знанием. И примерами этому служат не только лучшие и оригинальные виды военной техники.

СССР вошел из войны с единым народом, как единое государство, как великая мировая держава.

После войны мир раскололся на две системы: социалистическую во главе с СССР и капиталистическую во главе с США.

Война после войны

***1945, 25 апреля**. — Встреча советских и американских войск на Эльбе. **8 мая**. — Капитуляция Германии. **9 мая**. — День Победы над фашистской Германией. **17 июля - 2 августа**. — Потсдамская конференция. **6 и 9 августа**. — Атомная бомбардировка японских городов Хиросима и Нагасаки для испытания, соответственно, урановой и гораздо более дешёвой плутониевой бомб. **9 августа — 2 сентября**. — Участие Красной Армии в войне против Японии. **2 сентября**. — Капитуляция Японии, окончание второй мировой войны. **24 октября**. — Возникновение Организации Объединенных Наций.*

В результате Второй мировой войны изменилось соотношение сил в мире. Потерпели поражение и утратили роль великих держав страны-агрессоры — Германия и Япония, ослабли позиции Англии и Франции. В то же время выросло влияние США, которые контролировали около 80 % золотого запаса капиталистического мира; на их долю приходилось 46 % мирового промышленного производства. Интересно, что англичане, почувствовав

ослабление своей страны, отказали в доверии премьер-министру, не переизбрали У. Черчилля.

В странах Восточной Европы и ряде стран Азии при поддержке СССР приступили к строительству социализма. Образовалась мировая система социализма во главе с СССР.

Война положила начало распаду колониальной системы империализма: добились независимости такие крупные страны, как Индия, Индонезия, Бирма, Пакистан, Цейлон, Египет. Всего за одно десятилетие после войны получили независимость 25 государств с общим населением в 1,2 млрд. человек.

В политическом спектре капиталистических стран Европы произошёл сдвиг влево. Сошли со сцены фашистские и праворадикальные партии; резко выросло влияние коммунистов. В 1945-1947 коммунисты входили в состав правительств Франции, Италии, Бельгии, Австрии, Дании, Норвегии, Исландии и Финляндии.

В апреле–июне 1945 года в Сан-Франциско состоялись учредительные конференции Организации Объединенных Наций, при представительстве пятидесяти стран. В Уставе ООН были отражены принципы мирного сосуществования государств различных социально-экономических систем, принципы суверенитета и равенства всех стран мира. Однако на смену Второй мировой войне очень скоро пришла «холодная война» — война без ведения боевых действий.

Это была именно война, ставившая целью уничтожение СССР (России) или, как минимум, советского государства. Результата наши враги предполагали достичь, действуя в трёх направлениях. Первое: путём ведения гонки вооружений истощить советскую экономику. Второе: коль скоро гонка вооружений будет забирать основные средства экономики, через пропаганду собственного достатка внушить населению СССР мысль о преимуществе капитализма. И, наконец, третье направление, — идеологическая обработка членов верхушки партийно-государственной номенклатуры в нужном направлении, чтобы создать из них, по сути, агентов влияния.

***1946, 5 марта**. — Речь У. Черчилля в Фултоне (США), начало холодной войны.*

Ведение холодной войны против нас есть пример параметрической перестройки государства, введение его в неустойчивую область.

В подтверждение приведём высказывания американских политиков. У. Фостер, министр обороны при Трумене и при Кеннеди, обосновывал удвоение военных расходов США тем, что это «лишит русский народ трети и так очень скудных товаров народного потребления, которыми он располагает». Вот по этому параметру и

вели расшатывание исходно устойчивой системы. Затем, один из апологетов холодной войны Дж. Кеннан отмечал в 1965 году, что цели НАТО не могли быть достигнуты «без абсолютного военного поражения Советского Союза или без фантастического, необъяснимого и невероятного переворота в политических установках его руководителей».

Начало холодной войны принято датировать речью У. Черчилля в американском городе Фултоне в марте 1946 года, когда он призвал народ США к совместной борьбе против Советской России и против «её агентов» — коммунистических партий разных стран. В речи упоминался и «железный занавес». Но на самом деле уже 4 сентября 1945 года, то есть на следующий день после официального завершения Второй мировой воины, вышел Меморандум ОРК (Объединенного разведывательного комитета) США за номером 329. В нём ставилась задача: «Отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории…». Далее шло перечисление городов: Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль. По мере роста ядерного арсенала США расширялось и количество целей на нашей территории.

Сам термин «холодная война» был пущен в оборот госсекретарём США Д.Ф. Даллесом, а идеологическим обоснованием её стала доктрина президента США Трумэна, выдвинутая им в 1947 году. Согласно доктрине, конфликт капитализма с коммунизмом неразрешим. Задача США — борьба с коммунизмом во всём мире, «сдерживание коммунизма», «отбрасывание коммунизма в границы СССР». Провозглашалась американская ответственность за события, происходящие во всём мире, и любые события рассматривались только через призму противостояния капитализма коммунизму, США и СССР.

Конкретным актом, разделившим мир на две враждующие социально-экономические системы, стало выдвижение в 1947 году Соединенными Штатами «плана Маршалла» (по имени тогдашнего государственного секретаря США), и резко отрицательное отношение к нему СССР. Европейским странам была предложена помощь для восстановления разрушенной экономики, с предоставлением займов на покупку американских товаров. План Маршалла приняли шестнадцать государств Западной Европы, а политическим условием оказания помощи было удаление коммунистов из правительств. И в 1947 году коммунисты (вопреки всем установкам демократии) были выведены из правительств этих стран. В Англии и США ввели запрет для

коммунистов на занятие должностей в армии и госаппарате, провели массовые увольнения. В ФРГ компартия была вообще запрещена.

Помощь по плану Маршалла была предложена и восточноевропейским странам, — Польша и Чехословакия даже начали переговоры, но под влиянием СССР отказались от неё.

Начало холодной войны привело к тому, что и в СССР, и в западных странах проявились тенденции к идеологическим чисткам, поискам врагов. В США особый размах «охота на ведьм» приняла в первой половине 1950-х годов; эта эпопея вошла в историю под названием «маккартизм», по имени сенатора-республиканца из штата Висконсин Д. Маккарти. Он выдвинулся в президентство демократа Трумэна, который и так-то проводил достаточно антидемократическую политику, и довёл её до крайности. Трумэн начал проверку лояльности государственных служащих, а маккартисты приняли закон «О внутренней безопасности», согласно которому создавалось специальное управление с задачей выявления и регистрации организаций «коммунистического действия» с целью лишения их членов гражданских прав. Г. Трумэн отдал распоряжение судить лидеров Компартии как иностранных агентов, а маккартисты приняли в 1952 году закон об ограничении иммиграции, закрывавший въезд в страну людям, сотрудничавшим с левыми организациями.

После победы республиканцев на выборах 1952 года при Конгрессе были созданы комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, на которые мог быть вызван любой гражданин; по рекомендации комиссии любой рабочий или служащий моментально терял работу. Апогеем маккартизма стал закон 1954 года «О контроле над коммунистами». Компартия лишалась всех прав и гарантий, членство в ней объявлялось преступлением и наказывалось штрафом до 10 тысяч долларов и тюремным заключением до 5 лет. Ряд положений закона имел антипрофсоюзную направленность, причислял профсоюзы к подрывным организациям, «в которые проникли коммунисты».

И в России тоже было начато широкое наступление против враждебного влияния, — против капиталистической идеологии и частнособственнической психологии в области культуры. Но работа велась очень грубо, так как сами исполнители не были достаточно образованными для решения стоящих перед страной задач.

Первыми объектами идеологической критики стали литература, кинематограф и театр. 14 августа 1946 года ЦК КПСС подверг критике журналы «Звезда» и «Ленинград» — первый получил выговор, второй был закрыт. Поводом послужили публикации произведений Анны Ахматовой и Михаила Зощенко. Журналы

обвинялись в том, что стали проводниками «идеологии, чуждой духу партии». Союз писателей на своём собрании исключил Ахматову и Зощенко из своих рядов.

4 сентября новое постановление ЦК подвергло критике ряд «безыдейных» фильмов (фильм «Большая жизнь», рассказывавший о жизни шахтеров Донбасса; фильм «Адмирал Нахимов» В. Пудовкина; вторую серию «Ивана Грозного» С. Эйзенштейна). Говорилось о том, что литература и искусство должны быть «поставлены на службу коммунистического воспитания масс», что в них должны последовательно проводиться принципы «социалистического реализма», пропаганды коммунистической идеологии.

С конца 1948 года идеологическая кампания была направлена на усиление патриотического воспитания, а за основу взяли «борьбу с низкопоклонством» перед Западом. В это время американцы стали окружать Советский Союз сетью военных баз. В 1948 году первые бомбардировщики с атомным оружием, нацеленные на СССР, были размещены в Великобритании и Западной Германии. Началось создание военно-политических блоков, направленных против СССР.

***1949, январь**. — Создание Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). **4 апреля**. — Образование Организации Североатлантического пакта (НАТО); в состав НАТО вошли: США, Англия, Франция, Италия, Канада, Бельгия, Голландия, Греция и Турция. Чуть позже (в 1954 году) в Юго-Восточной Азии появился блок СЕАТО. **29 августа**. — Испытание советской атомной бомбы. Разрыв отношений СССР с Югославией. **20 сентября**. — В нарушение Ялтинских и Потсдамских соглашений, создание из трёх зон оккупации (английской, американской и французской) Федеративной Республики Германии, которая в том же году вошла в НАТО. **1 октября**. — Провозглашение Китайской Народной Республики. **7 октября**. — Образование Германской Демократической Республики.*

В противовес блоку капиталистических стран стал формироваться экономический и военно-политический союз социалистических стран. В 1949 году был создан Совет Экономической Взаимопомощи, орган экономического сотрудничества социалистических государств.

После принятия плана Маршалла в Западной Европе и образования СЭВ в Восточной сложились два параллельных мировых рынка.

***1950-1953**. — Война в Корее.*

Для СССР выдержать гонку вооружений казалось немыслимым, и важнейшей частью государственной идеологии стала в то время борьба за мир. Попытались отойти от жёсткого

конфронтационного стиля во внешней политике, создать общеевропейскую систему безопасности. Соответствующий проект был предложен Советским Союзом на Совещании министров иностранных дел США, СССР, Англии и Франции в январе 1954 года, но он не был принят западной стороной. Поэтому в советской ноте от 31 марта 1954 года был выдвинут альтернативный проект. Логика его была такова: поскольку страны Запада говорили о существовании некоей угрозы на континенте, и в то же время утверждали, что НАТО служит интересам укрепления европейской безопасности, СССР предлагает включить его в участники этой организации. Тогда она потеряет свой «замкнутый характер» и агрессивную направленность. Другими словами, НАТО предлагалось расширить свой состав, чтобы стать основой для создания более прочного мира в Европе, — но в мае 1954 Запад отклонил и эту инициативу.

Через год, в мае 1955 году возникла Организация Варшавского договора.

К этому времени США и СССР обзавелись ядерным оружием.

Создание советского ядерного оружия было вопросом нашего выживания, и даже сегодня его наличие у России обеспечивает нам мир. Нет сомнений, что если бы бомба не была сделана у нас за несколько лет мирной передышки, то, уже начиная с корейской войны, история повернулась бы по-другому. СССР показал, чего он стуит, и на какой высоте стоит. Водородную бомбу мы сделали раньше Америки, и в космос вышли первыми. В США после запуска советского спутника поднялась форменная паника!

С началом холодной войны — впервые после 1921 года, — перед советскими идеологами вновь встал теоретический вопрос: что такое советская система хозяйства (она называлась социализмом, но это чисто условное понятие, не существовавшее у классиков). До окончания войны жизнь ставила столь чёткие и срочные задачи, что большой потребности в теории не было. Теперь надо было понять смысл понятий плана, товара, денег и рынка в экономике СССР.

Чувствуя, что вопрос сложен, а готового ответа в марксизме нет, Сталин, сколько мог, оттягивал издание учебника по политэкономии социализма. В 1952 году он опубликовал важную работу «Экономические проблемы социализма в СССР», где осторожно, не вступая в полемику с марксизмом, дал понимание советской экономики как нерыночного хозяйства отличной от Запада (капитализма) цивилизации.

После смерти Сталина, в 1954 году, учебник был, наконец, издан. Но вопрос так и не был решён, и в не малой степени из-

за стремления теоретиков и высших политиков остаться приверженцами марксисткой теории вопреки реалиям нашей страны, которая, в общем-то, всё время развивалась по своим собственным, внутренним законам, а не по марксовым теориям.

В 1953 году в ГДР произошёл "Мармеладный бунт". Причины этого кризиса были не военно-политические, а чисто экономические. Совет министров ГДР провёл второе после 1950 года повышение норм производительности при параллельном снижении зарплаты, и к маю — началу июня 1953 года кризис созрел. Характерно, что ни в Кремле, ни в Красной Ратуше (резиденция правительства ГДР) не понимали настроений рабочих и не отдавали себе отчёта в истинном масштабе недовольства в обществе. Взрыв негодования был спровоцирован повышением цен на мармелад (джем), основной компонент стандартного завтрака среднестатистического немецкого рабочего. Эти волнения серьёзно встревожили советское руководство, которое в тот период представляло собой коллективный орган принятия решений.

В Президиуме ЦК и Совмине столкнулись две точки зрения: одну возглавлял В.М. Молотов, другую Л.П. Берия, который предлагал ни много, ни мало, как отказаться от навязывания социалистической модели Восточной Германии и даже пойти на объединение Германии, пусть даже на буржуазных началах. Эти смелые и далеко идущие высказывания Берии вскоре сыграют в его политической и личной судьбе роковую роль: после его ареста его обвинят в инициировании беспорядков в Берлине и шпионаже. Следует отметить, что именно Берия сократил в семь раз численность советских сотрудников МВД в ГДР. Но главным обвинением в его адрес станет якобы его стремление обеспечить распад СССР с превращением Союза во второразрядную державу, сырьевой придаток Запада.

Но это потом. А тогда из Москвы восточногерманским товарищам пришло распоряжение Совета Министров СССР "О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР" от 2 июня. Политбюро ЦК СЕПГ 9 июня собственным постановлением признавала "некоторые ошибки". Но было уже поздно: недовольные рабочие создали оргкомитет, который призвал ко всеобщей забастовке. Застрельщиками недовольства стали строительные рабочие со Сталин-аллее (позже Карл-Маркс-аллее, архитектурная копия Ленинского проспекта в Москве для тогдашней восточногерманской номенклатуры).

Вскоре экономические требования трудящихся переросли в политические: проведение свободных выборов, допуск на них западногерманских партий, воссоединение Германии. Никто даже не

заметил, что правительство на своем экстренном заседании ещё 16 июня отменило главный повод для недовольства — повышение норм выработки. Общая численность рабочих, принимавших участие в демонстрациях, оценивалась в 100 тысяч человек; волнения перекинулись из Берлина в Дрезден, Галле, Лейпциг, Магдебург и другие города. В Дрездене из тюрем были выпущены уголовники, которые быстро спровоцировали столкновения с народной полицией и советскими военными частями.

Правители Германии сильно испугались: ни один руководитель не вышел к митингующим, а основная тяжесть урегулирования кризиса силовыми методами выпала на долю советского командования, которое незадолго до этого возглавил жёсткий и энергичный А.А. Гречко. При виде советских танков на берлинских улицах лозунги демонстрантов быстро приняли антисоветский характер с требованиями "Иван, убирайся домой". На подавление восстания, — а волнения фактически переросли в восстание, в Берлин вылетел Л.П. Берия. Речь уже шла не о спасении восточногерманского режима, а о сохранении Восточной Германии в орбите советского влияния.

США и Великобритания увеличили численность своих войск в западной части Берлина на 12 тысяч человек, а также наращивали свои группировки на внешней границе ГДР. Американские радиостанции не только вели пропагандистские передачи на Восточный Берлин, а даже прямо координировали действия мятежников; военная авиация США разбрасывала над городами ГДР и частями советских войск листовки антисоциалистического и антисоветского содержания. Таким образом, Запад внёс свою весомую лепту в эскалацию конфликта. А непосредственное руководство операцией со стороны США вёл прибывший в Западный Берлин шеф ЦРУ А. Даллес.

17 июня советский комендант ввёл в городе чрезвычайное положение, но советские войска применялись для наведения порядка не только в Берлине, а в 121-м населённом пункте. Позднее, как это часто бывает, были сочинены многочисленные легенды о кровавой расправе советских войск с демонстрантами (например, в Карлхорсте) и о том, что наши солдаты якобы отказывались выполнять приказы стрелять в толпу. Тем не менее подавление волнений, в котором главную роль сыграли восточногерманские силы безопасности, не обошлось без жертв, причём официальные оценки на Востоке (12 демонстрантов и 4 полицейских) и на Западе (267 демонстрантов и 116 полицейских) расходятся в десятки раз. Были ли потери советских войск, неизвестно. К июлю положение в ГДР полностью нормализовалось.

Восстановительный период

Советский Союз закончил войну с огромными потерями. Вот как характеризует их сборник «Народное хозяйство СССР за 70 лет»:

«Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и посёлков и более 70 тыс. сёл и деревень; сожгли и разрушили свыше 6 млн. зданий и лишили крова около 25 млн. человек; разрушили 31 850 промышленных предприятий, вывели из строя металлургические заводы, на которых до войны выплавлялось около 60% стали, шахты, дававшие свыше 60 % добычи угля в стране; разрушили 65 тыс. км железнодорожной колеи и 4100 железнодорожных станций, 36 тыс. почтово-телеграфных учреждений, телефонных станций и других предприятий связи; разорили и разграбили десятки тысяч колхозов и совхозов, зарезали, отобрали или угнали в Германию свыше 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота, 20 млн. свиней, 27 млн. овец и коз. Кроме того, они уничтожили и разгромили 40 тыс. больниц и других лечебных учреждений, 84 тыс. школ, техникумов, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, 43 тыс. библиотек общественного пользования»…

Прямой ущерб, нанесённый войной Советскому Союзу, превышал 30 % национального богатства. Но самое тяжёлое — это потеря миллионов людей. В январе 1940 года на территории нашей страны проживало около 194 млн. человек, а в январе 1946 года — 167 миллионов. Значит, что за это время мы потеряли более 27 млн. человек…

Специально созданная комиссия по определению потерь советского народа назвала безвозвратные потери армии в годы Великой Отечественной войны: 8 668 400 бойцов и командиров Красной Армии. Из них погибли на поле боя 5 226 800 человек, умерли от ран в госпиталях 1 102 800, умерли от болезней и по другим причинам 555 500, пропали без вести, не вернулись из плена 1 783 300. Если не учитывать последнюю категорию, то есть людей, судьба которых неизвестна, то эти потери примерно равны потерям гитлеровских войск. Значит, воевали мы ничуть не хуже них; распространяемый ныне миф о том, что «Сталин немцев трупами завалил» — миф и есть.

Однако действия Германии стали причиной гибели также и мирного населения. Только в блокадном Ленинграде умерли 800 тыс. человек. Созданная ещё в годы войны чрезвычайная государственная комиссия определяла число погибших советских людей от

преднамеренного истребления в 6,3 млн. человек, от голода и эпидемий — в 5,5 миллиона, на принудительных работах в Германии — 2,8 миллиона.

По окончании войны был упразднён Госкомитет обороны и Ставка Верховного Главнокомандования. Из армии были демобилизованы 8,5 млн. человек, и её численность сократилась до 2,8 млн. В 1946 году Красная Армия была переименована в Советскую Армию.

Восстановление было продолжением «мобилизационной экономики» 1930-х годов, но настроение у людей было оптимистическим, народ-победитель восстанавливал собственную страну. Дискуссий о том, проводить ли восстановление форсированным темпом или щадящим образом, с либерализацией, не было. Энергия войны была столь велика и имела такую инерцию, что её легко удалось «переключить» на мирное строительство.

Основной целью любой возникшей общественной структуры, — к числу которых можно отнести отрасли хозяйства, научные школы, армию, профессиональные союзы, — является её собственное выживание. В этом деле она использует все средства. Интересы структур не тождественны интересу системы в целом, но могут совпадать с ним в некоторых деталях. А ещё важно, что деятельность структур проявляется через деятельность людей, притом, что каждый человек может быть объектом или субъектом множества из них.

В конце любой войны слишком большую роль начинают играть люди и структуры, связанные с войной и военным производством. Объективно после войны их роль должна упасть, но они к этому совершенно не готовы, и менять образ жизни, как правило, не желают. Парадоксально, но от этого меньше страдают побеждённые страны, военная элита которых обычно бывает в довольно униженном состоянии или уничтожена. Так, в 1945 году в Японии и Германии не было проблем с ориентацией политики — только на мирное созидание. А вот во Франции и США, например, к власти пришли генералы и «ястребы», ввергшие вскоре свои страны в новые бесславные войны.

И в СССР не нужна стала 10-миллионная армия. А куда деваться генералам? Ряд военных производств продолжали изготовление боевой техники. Сами производители понимали, что она уже не нужна, поэтому гнали настоящий брак. Переходить на продукцию, которая должна ещё завоёвывать покупателя, это риск и необходимость прикладывать большое количество усилий. Вот эти капитаны промышленности, инструкторы отделов райкомов, обкомов, рескомов, — они научились давать военный план в экстремальных

условиях войны, но не совсем понимали, что делать в новых условиях. Но именно они определяли экономическую политику страны.

Эти кадры не были в состоянии правильно поставить цели на дальнейшее, а другой не было. До войны правильный путь развития страны нащупывался в дискуссии, с одной стороны, с приверженцами «мировой революции» (троцкистами), а с другой — со сторонниками возврата в первобытнообщинный строй (правых). И в этих условиях роль партии была в подборе кадров для решения поставленных задач. И мы уже отмечали необходимость смены элит как при вхождении в мобилизационную экономику, так и при выходе из рывка. А менять было особо не на кого, поскольку высвобождавшиеся высшие офицеры для работы в новых, мирных условиях не годились.

С другой стороны, развернувшаяся гонка вооружений, жёсткое противостояние капитализма и социализма, восстановление разрушенного народного хозяйства СССР требовали колоссальных средств на развитие индустрии. По этим двум причинам (недостаток новых кадров и отвлечение средств на гонку вооружений) в послевоенные годы гораздо меньше средств направлялось на развитие лёгкой и пищевой промышленности; производство потребительских товаров росло медленно, ощущалась нехватка самого необходимого.

***1946, март**. — Верховный Совет СССР принял 4-й пятилетний план развития экономики с задачей восстановить народное хозяйство и превзойти довоенный уровень производства промышленной продукции на 48 %. Наркоматы переименованы в министерства. Страшная засуха на значительной территории европейской части СССР (такой засухи не было в нашей стране более пятидесяти лет) привела к голоду с гибелью людей.*

Помимо конверсии огромного военно-промышленного комплекса, сложившегося в ходе войны, с его быстрейшей модернизацией по нужды народного хозяйства, встала проблема создания двух принципиально новых систем оружия. А именно, для гарантии безопасности страны требовалось производить ядерное оружие и средства его доставки (баллистические ракеты). Большое число ведомств стало кооперировать свою работу через участие в межотраслевых целевых программах, и это был качественно новый тип государственного управления, хотя изменялась не столько структура органов, сколько их функции. Такие изменения меньше заметны, нежели структурные, но *государство есть неравновесная система, и **процесс** в ней не менее важен, чем **структура**.*

Конверсия военной промышленности была проведена быстро, повысив технический уровень гражданских отраслей, и позволив затем перейти к созданию новых военных производств.

Наркомат боеприпасов был перестроен в Наркомат сельскохозяйственного машиностроения. Наркомат миномётного вооружения стал Наркоматом машиностроения и приборостроения, Наркомат танковой промышленности превратился в Наркомат транспортного машиностроения.

Также для управления восстановительными работами на несколько лет были созданы специализированные министерства (в том числе путём выделения из НКВД, с его строительными организациями): Наркомат по строительству предприятий тяжёлой индустрии, Наркомат по строительству топливных предприятий и другие.

***1947, февраль**. — Запрещение браков между гражданами СССР и иностранцами. 14 декабря. — Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары».*

Переход «на мирные рельсы» в общественном сознании произошёл в конце 1947 года, с отменой карточек и денежной реформой.

Во время реформы наличные деньги обменивали в соотношении 10:1, а сбережения населения — в зависимости от суммы. До 3 тыс. рублей меняли 1:1, от 3 до 10 тыс. — 3:2, от 10 до 100 тыс. — 2:1, свыше 100 тыс. — 10:1, займы — 3:1. Сельские жители, хранившие деньги в «кубышках» (сберкасс в деревнях просто не было), потеряли более половины сбережений, население в целом — треть.

Можно усмотреть в этом очередную несправедливость, а можно и понять, что таким образом страна не только получила средства для дальнейшего развития, но и усилила свою финансовую систему. Для сохранения этой системы СССР пошёл на важный шаг: отказался вступить в МВФ и Международный банк реконструкции и развития, а 1 марта 1950 году вообще вышел из долларовой зоны, переведя определение курса рубля на золотую основу. В СССР были созданы крупные золотые запасы, а рубль был неконвертируемым, что позволяло поддерживать очень низкие цены и не допускать инфляции.

В 1948 году страна достигла и превзошла довоенный уровень промышленного производства, что по нормальным меркам немыслимо. Это было достигнуто за счёт возобновления производства на территориях, освобождённых от фашистской оккупации. Восстановленные заводы оснащались оборудованием, произведённым на заводах Германии и поставленным в счёт репараций. Однако восстановление промышленности происходило на основе воспроизведения устаревших по мировым стандартам технологий 1930-х годов. Так закладывалось структурное отставание промышленности

от мирового уровня на 15-20 лет, особенно в области производства потребительских товаров и услуг.

Очень быстро была создана атомная промышленность. В 1948 году на Урале вступил в строй комбинат «Маяк» (Челябинск-40), на нём были сооружены первые отечественные ядерные реакторы — конверторы для получения плутония. Комбинат «Маяк» стал первым ядерным центром страны. Именно здесь получили первые килограммы плутония 239, из которого изготавливали заряды первых атомных бомб. Параллельно с развитием производства атомного оружия шло становление ракетной промышленности.

На эту работу были мобилизованы огромные средства и массы людей. Высокий уровень отечественной физики и ценная информация, полученная разведкой, позволили СССР в 1949 году создать свою атомную бомбу. Летом 1953, уже после смерти Сталина, в СССР была испытана первая водородная бомба. Год спустя вступила в строй первая в мире атомная электростанция в подмосковном Обнинске.

А руководил программой создания ядерного оружия Л.П. Берия.

О Берии существует много мифов. Его изображают чуть ли не всесильным властителем СССР. На самом деле он лишь летом 1938 был переведён в Москву, а назначен наркомом внутренних дел в декабре 1938 года, когда знаменитые репрессии 1937 года уже закончились. Наркомом внутренних дел он был до 1945 года, и затем ещё три месяца в 1953 году. В течение 8 лет после войны он правоохранительные органы не курировал. Право голоса на Политбюро Л.П. Берия получил только в 1946 году, а до этого, с 1939 года, был только кандидатом, то есть далеко не первым лицом государства.

В любом случае он не был организатором репрессий и ГУЛага.

Он окончил строительное училище и три курса Бакинского политеха, и очень сожалел, что не смог закончить вуз.

Л.П. Берия гораздо лучше многих руководителей, как военных, так и гражданских понимал роль новых технологий, разумея под этим не только новую технику, но и правильное её использование. В спецлабораториях НКВД были разработаны рации, радиопеленгаторы, совершенные диверсионные мины, бесшумное оружие, инфракрасные прицелы. С 1944 Берия курировал все работы и исследования, связанные с созданием атомного оружия, проявив при этом незаурядные организаторские способности. То, что вся эта техника создавалась не на воле, а в закрытых «шарашках», обеспечило необходимую секретность работ…

Восстановление промышленности и городов, как и индустриализация 1930-х годов, проводились за счёт деревни, из которой до середины 1950-х годов изымали ресурсы. Колхозы сдавали половину продукции по госпоставкам, а закупочные цены оставались на уровне довоенных, а на товары для села — выросли многократно. Ещё более 1/3 урожая уходило по расчётам с МТС. Иначе говоря, половину урожая государство забирало практически бесплатно. В то же время цены на промышленную продукцию выросли в 20 раз. По трудодням колхозник получал в год меньше, чем рабочий зарабатывал в месяц.

Использовавшиеся в военные годы для личных посевов и выпаса скота, огородничества и садоводства колхозные земли были опять отобраны у колхозников, а урезанные личные подсобные хозяйства — обложены многочисленными налогами. Колхозники по-прежнему не имели паспортов, не могли покинуть деревню без разрешения властей, не могли получать пенсий.

Война и так на треть убавила число трудоспособных крестьян, особенно крестьян с образованием, а при таких условиях жизни, естественно, оставшиеся сельские жители стремились покинуть деревню при первой возможности, — служба в армии, учёба в вузе, участие по оргнабору в «великих стройках коммунизма» давали такую возможность. За 1946-1953 годы деревню покинуло 8 млн. человек; в 1950-м сельское население сократилось по сравнению с 1940-м вдвое.

В послевоенный период заготовительные цены на ряд важнейших продуктов сельского хозяйства настолько отошли от стоимости, что колхозы своими доходами за сданную продукцию не покрывали издержек производства. В наибольшей мере это касалось реализации зерновых, картофеля и животноводческих продуктов. На сентябрьском (1953) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что во многих колхозах производство картофеля обходится в 40 руб./ц, а заготовительная цена его составляет 3 руб./ц. Также производство зерна, мяса крупного рогатого скота, свинины, молока было убыточным. Соответственно, приняли меры для преодоления очередных «перегибов»: в 1953 году провели налоговая реформа, вдвое уменьшив налоги с приусадебных участков. Налог взимался только с земли, а не со скота и деревьев. Были в 3–6 раз повышены закупочные цены на сельхозпродукцию.

В городах к концу 4-й пятилетки наметился подъём жизненного уровня. Реальная зарплата достигла уровня 1940 года; с 1947 до 1954 ежегодно (обычно 1 марта) объявлялось снижение розничных цен на товары массового потребления, и за семь лет они снизились в 2,2 раза. С 1946 по 1950 хлеб подешевел втрое, а мясо в 2,5

раза. Именно тогда возникли закреплённые в государственной идеологии (и укрепляющие государство) специфические стереотипы советского массового сознания: уверенность в завтрашнем дне и убеждение, что жизнь может только улучшаться. Однако, хотя номинальная заработная плата горожан росла, но повышались и нормы выработки, ежегодно проводились массовые займы в размере месячной зарплаты. Низкие объёмы производства товаров конечного потребления и услуг создавали острейший дефицит и условия для скрытого перераспределения доходов, — начали появляться «теневики» и «цеховики».

Сразу после войны были ликвидированы чрезвычайные нормы трудового права военного времени. Уже с 1 июля 1945 года восстановили очередные и дополнительные отпуска рабочим и служащим, отменённые на период военного времени. Вновь установлен 8-часовой рабочий день, прекращены трудовые мобилизации граждан. С февраля 1947 года возвращена система коллективных договоров на предприятиях между администрацией и профсоюзами. С 1 июня 1956 года для рабочих и служащих в возрасте от 16 до 18 лет был установлен 6-часовой рабочий день и отпуск в один календарный месяц. В декабре 1956 года был запрещён приём на работу лиц моложе 16 лет.

***1952, 5-14 октября**. — XIX съезд ВКП(б). Переименование ВКП(б) в Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС).*

В послевоенный период большое внимание уделялось развитию образования. Росло количество школ, открывались новые вузы. В городах было введено обязательное семилетнее образование, число студентов в 1950 году выросло на 50 % по сравнению с 1940 годом. Были созданы Академии наук в союзных республиках, организована сеть НИИ, таких, как институт точной механики и вычислительной техники, институт радиотехники и электроники, институт атомной энергии, институт прикладной физики и другие. Появился новый тип института, соединяющего науку с обучением (московский Физтех); был создан Государственный комитет по науке и технике — ГКНТ.

Резко выросла зарплата научных работников, а также и численность научных работников: с 98 тыс. человек в 1940, до 192 тыс. в 1955 году. Это имело и негативные последствия: в академической и вузовской среде стал оседать слой посредственностей, появилась грустная шутка о «втором великом переломе», когда «середняк пошёл в науку». На деле это был закономерный результат, возникший оттого, что образование не успевало за поставленными перед ним целями.

Итак, СССР в короткие сроки, используя внутренние ресурсы, смог достичь и превзойти довоенный уровень производства,

отменить карточную систему, укрепить обороноспособность страны. И всё же восстановление экономики на довоенной технологической базе повлекло отставание советской промышленности от западной. В дальнейшем выявились пределы проведённой модернизации, экономика оказалась неэффективной при переходе от индустриальной к постиндустриальной эпохе…

5 марта 1953 года умер И.В. Сталин.

ОТ ХРУЩЁВА ДО ГОРБАЧЁВА

Элита без царя

***1953, 5 марта**. — Смерть И. В. Сталина. Первые решения о реабилитации политических заключённых, с одновременным выпуском из мест лишения свободы уголовников. **17 июня**. — Мятеж в ГДР и его подавление. 26 июня. — Арест Л.П. Берии. **12 августа**. — Испытание водородной бомбы в СССР. **3-7 сентября**. — Пленум ЦК КПСС, избрание Н.С. Хрущёва Первым секретарём ЦК КПСС.*

Пришло время продолжить разговор об элите, как общественной структуре. Элита, элитная группа — научные термины, означающие совокупность элементов, в чём-то лучших, чем остальные. Предположим, у нас есть что-то — зерно, детали или спортсмены, и наша задача — выбрать из них лучшее. Здесь всё кажется простым, ведь мы знаем, каково хорошее зерно; мы делим его по всхожести, морозоустойчивости и прочим известным нам свойствам. Мы знаем, каких типоразмеров и какого качества детали нам нужны; мы, наконец, имеем представление о видах спорта и высших достижениях в них, когда выбираем лучших спортсменов.

Но можно ли выбрать из населения даже небольшого города *лучших людей*? Что это вообще значит — *хороший человек*? Умный, сильный, красивый? Самый добрый или самый решительный?.. Человек, он много какой, и он, к сожалению, бывает *хорошим* по каким-то одним качествам, оказываясь *плохим* по другим. Но, предположим, удалось нам провести этот отбор. Что будет дальше?

А дальше состав этой группы будет меняться. Кто-то умер, с кем-то произошло нечто, из-за чего он перестал пребывать в элитной группе. Заболел, например, или сбежал за границу.

В таком случае, как будет наша элитная группа пополняться?

Тут возможны несколько вариантов, и самый обычный — когда члены группы сами находят новых членов, и сами устанавливают иерархию между собой. Но элита — это социальная структура, а мы знаем, что основная задача такой структуры — собственное самосохранение, и потому члены группы будут выбирать не самых лучших с точки зрения интересов общества, а тех, кто привержен

традициям именно этой группы. Тех, кто не представляет для неё угрозы.

Хорошо если над такой группой есть «хозяин», который не только понимает интересы общества в целом, но и может оценивать работу каждого члена элитной группы, и который достаточно властен, чтобы, когда кто-то не справляется, выводить его вон, вводя того, кто проявил себя в деле. При таких условиях члены элитной группы, чтобы в ней остаться, стремятся проявлять свои лучшие качества. Но как только «хозяин» исчезает, и группа начинает пополнять сама себя, исходя из совершенно других, нежели были у «хозяина», соображений, она немедленно начинает деградировать. Те, кто раньше старался показать хорошие результаты (ибо тогда было, кому их оценивать), теперь стараются компенсировать прежнее усердие, «живя для себя».

Казалось бы, можно сделать «хозяином» народ, который через демократические процедуры будет выбирать лучших, тем самым удерживая элитную группы от деградации. Но, во-первых, *тогда* это сделано не было, а *теперь* каждый испытал на себе, как деградировавшая элита (а она всё ещё та же самая), применяя пиар-технологии, контролирует процедуру выборов, допуская к победе только тех, кто её устраивает. А всех, кто попадает в высший слой из-за ошибок технологии, тем или иным способом оттуда выкидывает. Очень показательно, что при нынешнем жесточайшем разгуле коррупции в стране в некоторых регионах за несколько лет не было заведено ни одного дела против коррупционеров. Понятно, что элитная группа сгнила снизу доверху.

Короче: сохранить властную элиту от деградации очень сложно, и при отсутствии решительного «царя» нет никаких способов уберечься от этого несчастья. Повышение качества элиты возможно только при резком изменении внешних условий: войны и революции выводят на сцену новых людей с новыми идеями, чтобы они могли ставить новые цели и решать, как их достигнуть. Образно говоря, тонущего спасёт тот, кто умеет плавать, а не тот, кто присвоил себе титул лучшего пловца, а сам панически боится воды.

Все «вожди», и Молотов, и Хрущёв, всей своей прежней работой устраивали Сталина, ведь они были вынуждены показывать лучшие, нужные ему качества. Но как только он умер, началась грызня, и в итоге возникло так называемое коллективное руководство страной и партией. Председателем Совета Министров стал Г.М. Маленков, его заместителями — Л.П. Берия, В.М. Молотов, Н.А. Булганин и Л.М. Каганович. Председателем Президиума Верховного Совета СССР стал К.Е. Ворошилов, а ЦК КПСС возглавил Н.С. Хрущёв.

Контроль партии над всеми сторонами жизни становился всё большим анахронизмом. Уже с конца 1940-х, а тем более в начале 1950-х слова «Политбюро», «ЦК», «Генеральный секретарь» постепенно теряли своё прежнее значение. С подачи Сталина (а позже стараниями Г.М. Маленкова) обсуждалось мнение, что партия — это не более, как политический инструмент, который не должен заниматься хозяйственными вопросами, и не должен дублировать Совета Министров. Но было и другое мнение, — что партия должна присутствовать во всех сферах жизни.

В итоге победила вторая точка зрения.

Эта история развивалась так. Маленков, как председатель Совета Министров, в мае 1953-го отменил «конверты», официально введённые Совмином ещё до войны всему партийному аппарату, то есть денежные доплаты первым, вторым, третьим и прочим секретарям, заведующим отделами и так далее, от ЦК КПСС до райкома партии. При такой системе аппаратчики в дополнение к основной получали ещё как минимум три зарплаты, не облагаемые налогом, плюс прочие радости жизни: «вертушка» (кремлёвский телефон), спецполиклиники, спецстоловые, спецсанатории и т.д.

И всё это Маленков отнял, но зато тут же прибавил зарплату всем работникам советского аппарата.

Сложилась совершенно новая ситуация, делавшая советский аппарат более привлекательным для молодых карьеристов, чем партия, что «обескровливало» старую партийную элиту. Если прежде первый секретарь обкома получал в четыре-пять раз больше председателя облисполкома, то теперь председатель облисполкома оказался более обеспеченным. И тогда все первые секретари начали заваливать Хрущёва письмами, умоляя сохранить за ними старые привилегии.

Он в то время был всего лишь одним из «равных» секретарей ЦК, как и предусматривало решение о коллективном руководстве. А адресовались к нему потому, что он — «свой», из числа организаторов репрессий 1937 года. Оставаясь верным своеобразной «корпоративной этике» Хрущёв перед сентябрьским Пленумом 1953 года выплатил функционерам КПСС из кассы ЦК (поскольку он контролировал средства партии) всё, что «недоплатил» Маленков. А они вслед за этим единодушно избрали «благодетеля» своим первым секретарём.

Месяц спустя Хрущёв был ведён в правительство в качестве заместителя председателя, с поручением ему самого провального участка работы: сельского хозяйства. Возможно, Маленков думал, что, сделав первого секретаря ЦК КПСС одним из

своих заместителей, он ставит партию под правительственный контроль. Но тут Георгий Максимилианович жестоко просчитался: Хрущёв выдвинул идею подъёма целинных и залежных земель как основного средства резкого увеличения сбора зерновых, и опять вышел на первый план. Хотя освоение целины — далеко не лучший в социально-экономическом отношении вариант развития, он более затратный и менее эффективный, чем интенсификация «старых» земель, всё же доля сбора зерна на вновь освоенных землях составила в итоге 27 % от общесоюзного урожая, позволив гарантировать продовольственную безопасность страны.

Разумеется, Хрущёв стал подбирать элиту «под себя» по другим, чем Сталин, параметрам, убирая из её состава всех, кто представлял угрозу сохранению его группы. Ещё в июне шагом в этом направлении стала очень популярная акция: были арестованы, осуждены и расстреляны министр внутренних дел Берия и ряд работников его министерства. По сути, на них свалили проведение массовых репрессий, организованных, как мы показали выше, самой элитной группой ещё до того, как Берия стал министром!

Скажем так: независимо от того, представитель какой точки зрения (пропартийной или просоветской) находился у власти в каждый конкретный момент, по сути, после убийства Л.П. Берии — единственного, кто смог бы взять элитную шатию-братию в кулак, — страна перешла на «польский путь развития». Это, напомним, когда твёрдой руки государя нет, народ бесправен, а решает все вопросы «боярская» элита — в нашем случае, высшая партноменклатура.

К власти пришли силы, которые хотели руководить страной в своих интересах, никак не отвечая за результаты своего правления. Скорее всего, Берия пострадал из-за попытки поставить МВД над партией. Вот против чего восстали почти все партийные функционеры высокого уровня. Характерно, что после убийства Берии немедленно начались серьёзные перемены в деятельности именно правоохранительных органов. Штаты МВД сократили на 12 %, среди оставшихся провели большую чистку; 1342 бывших сотрудника органов отдали под суд, 2370 человек наказали в административном порядке.

Было упразднено Особое совещание при министре внутренних дел СССР. За время существования ОСО, с 1934 по 1953 год, оно приговорило к смертной казни 10101 человек, а между тем, мемуарная литература о репрессиях представляет ОСО как орган, который вынес чуть ли не основную массу приговоров! Почему такой перекос? Да потому, что мемуары отражают судьбу узкого круга

элитарной номенклатуры, делишками которой как раз и занималось ОСО.

Правоохранительным органам указали, что отныне номенклатурные персоны партии для них недоступны — их нельзя вербовать, за ними нельзя следить. Даже в этой мелочи элита отделила себя от народа. Совершенно очевидно, что она не собиралась работать в интересах страны: эти люди хотели хорошо жить «здесь и сейчас», и не для других, а для себя. Менее чем через сорок лет «молодая поросль» этих деятелей развалила СССР.

На августовской (1953) сессии Верховного Совета СССР новый председатель Совета Министров Г.М. Маленков впервые поставил вопрос о повороте экономики к человеку, о первоочередном внимании к благосостоянию народа, через ускоренное развитие производства предметов потребления.

***1954, 27 июня**. — Пуск первой АЭС в Обнинске.*

***1955, 25 января**. — Указ Президиума Верховного Совета СССР «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией». **Февраль**. — Г.М. Маленков освобождён с поста Председателя Совета Министров; на этот пост назначен Н.А. Булганин. Амнистия германским военнопленным и лицам, сотрудничавшим с немецкими оккупантами. Нормализация отношений с Югославией. **4-12 июля**. — Пленум ЦК КПСС, курс на ускорение научно-технического прогресса. Отмена запрета на искусственное прерывание беременности.*

***1956, 14-25 февраля**. — XX съезд КПСС, осуждение культа личности Сталина. **25 апреля**. — Отмена антирабочих законов. Отмена платного обучения в СССР. **30 июня**. — Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». **Июль**. — Кризис в районе Суэцкого канала. **Октябрь**. — Восстание в Венгрии, подавление его советскими войсками.*

В 1956 году процесс «десталинизации» повёл к радикальному разрыву с прошлым: на закрытом заседании XX съезда КПСС Н.С. Хрущёв сделал доклад с разоблачением культа личности Сталина. Это нанесло мощный удар по фундаменту советского государства, стало первым принципиальным шагом к разрушению его легитимности. Начался процесс, аналогичный тому, что привёл к краху Российскую империю в феврале 1917 года, но только длился он дольше.

Следует понять: доклад Хрущёва на том знаменательном съезде не был направлен на «исправление ошибок и восстановление истины», а был крупной акцией политической борьбы. Так, он заявил: «Когда Сталин умер, в лагерях находилось до 10 млн. человек». В

действительности на 1 января 1953 года в лагерях содержалось 2 468 543 заключённых, о чём Хрущёв прекрасно знал. Ещё в феврале 1954 года ему была представлена справка, подписанная Генеральным прокурором СССР, министром внутренних дел СССР и министром юстиции СССР, содержащая точные данные о числе осуждённых всеми видами судебных органов за период с 1921 по 1 февраля 1954 года. Таким образом, и в докладе XX съезду КПСС и во множестве последующих выступлений Н.С. Хрущёв сознательно лгал; лично он породил тему репрессий, которая стала затем главным аргументом в психологической войне, ведшейся Западом против СССР.

Н.С. Хрущёв в 1930-е годы был троцкистом (хоть это и было в дальнейшем скрыто), и для него, как для всякого троцкиста, марксистская догма определяла любые решения. После смерти Сталина он просто и без затей начал «возвращение» страны к началу её социалистической истории. Это прослеживается во всём: в экономике, политике и идеологии. Тот факт, что западные теории в «чистом виде» в России никогда не работают, даже если их принес сюда сам Ленин, был ему непонятен, — любые изменения воспринимались им, как «порча» марксизма-ленинизма. А ведь заслуга Сталина в том и состояла, что он сумел адаптировать неподходящую для России теорию к её условиям, сделал её работоспособной!

В итоге троцкист и догматик Н.С. Хрущёв, правильно отметив некоторый «негатив», имевший, разумеется, своё место во времена правления Сталина, отбросил и всё положительное, что позволило стране совершить при Сталине могучий рывок. После доклада Хрущёва о культе личности, прочитанного 25 февраля 1956 года, в обществе закрепился стойкий стереотип: Сталин, нарушая все нормы партийноё жизни и вообще общечеловеческой морали, только и делал, что подписывал расстрельные списки, а страна проделала свой путь от сохи в Космос, победила Германию ВОПРЕКИ его руководству.

Однако, вот постановление по хрущёвскому докладу (выделено нами): «***Заслушав*** *доклад тов. Хрущёва Н.С. о культе личности и его последствиях, XX съезд Коммунистической партии Советского Союза одобряет положения доклада Центрального Комитета и поручает ЦК КПСС последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы,* ***строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности партийного руководства****, выработанных великим Лениным*».

Обратим внимание, что, в противоречие продекларированному ПРЯМО В ЭТОМ ПОСТАНОВЛЕНИИ утверждению о «строгом проведении норм партийной жизни» и коллективности руководства, доклад Хрущёва только заслушивался, но не обсуждался. Прений по нему не открывали. До съезда обсуждения доклада тоже не было. Вопрос о Сталине не только был поднят вне повестки дня, утверждённой ЦК и съездом, но и вообще вне его рамок: на другой день после официального закрытия съезда.

Новые ЦК и ЦРК были избраны накануне, 24 февраля, но состав обоих этих руководящих органов счётная комиссия оглашала 25-го, после доклада Хрущёва. Это и породило иллюзию, будто доклад произносился в рамках съезда, что, конечно, неверно, ибо делегатские полномочия исчерпались с выбором другого Центрального Комитета, и заседание не имело уже постановляющей, партийно-законной силы.

Итак, заявив о неприемлемости диктаторства, как явления, противоречащего ленинским нормам партийной жизни, Хрущёв немедленно, по собственной воле совершил диктаторский поступок, а собравшиеся в зале делегаты от крупнейших партийных организаций всей страны поддержали его. А ведь и в самом деле, совершенно непонятно, доклад КАКОГО Центрального Комитета, — старого или нового, — прочитал Хрущёв, и поддержали делегаты.

Вот с такого возвращения к ленинизму и начались одновременно «оттепель» и «волюнтаризм». Кстати, Большой энциклопедический словарь трактует волюнтаризм, как «деятельность, не считающуюся с объективными условиями, характеризующуюся произвольными решениями осуществляющих её лиц». Как видим, волюнтаризм и диктаторство вполне имманентны принципам троцкистским.

Доклад Хрущёва породил кризис в международном коммунистическом движении, даже, по сути, привёл к его ликвидации в европейских странах Запада, — но что интересно, одновременно началось финансирование «братских партий» и правительств по всему миру. Характерные для эпохи Хрущева восторги: «Ширится мировая социалистическая система...» На практике же был возобновлён леворадикальный курс Троцкого-Зиновьева; та же линия продолжалась в международных делах и позже, при Брежневе. В обоих случаях вдохновителем внешнеполитической идеологической деятельности, отбросившей нашу страну фактически к началу 1920-х годов, был М.А. Суслов. Хрущёв, Суслов и прочие им подобные были лишены чувства России. Так, за несколько лет хрущёвского правления разрушили больше храмов, чем за все предыдущие сорок лет, что после

состоявшегося во время войны окончательного примирения государства с церковью было совершенно лишено оснований!

Если посмотреть на эту историю без шор, на XX съезде КПСС консервативная часть партократии отважилась возложить на культ покойного диктатора всю ответственность за свои былые злодеяния, а себя выставила в качестве жертв, и продолжила править, создав своеобразную коллективную «боярскую вольницу». Но уже через год старые оппоненты всё из того же сталинского круга опять столкнулись между собой; произошло выступление так называемой «антипартийной группировки»: Молотов, Маленков, Каганович, Булганин и примкнувший к ним Шепилов, и её разгром. Сначала, на президиуме ЦК, победили они — Хрущёв был отправлен в отставку. Тогда вмешался маршал Г.К. Жуков: за несколько часов на военных самолетах он со всей страны доставил в Москву всех членов ЦК, и собравшийся Пленум отстоял Хрущёва, а уйти пришлось его оппонентам.

…Недавно другой Жуков, историк, доктор наук — обнаружил в архиве блокнот Молотова, куда тот заносил свои мысли, готовясь сказать, что считает неправильным в политике Хрущёва. «*Поверьте, было от чего остолбенеть*, — пишет Жуков, — *пункт за пунктом, позиция за позицией, это как раз то, что Хрущёву предъявят через семь лет — в октябре 1964-го!*»

Реформы Хрущёва и «оттепель»

***1957, март**. — Создание Европейского экономического сообщества (ЕЭС, «Общий рынок»). **18-29 июня**. — Попытка смещения Н.С. Хрущёва, Пленум ЦК КПСС, разгром «антипартийной группировки Молотова, Маленкова, Булганина и примкнувшего к ним Шепилова». **Июль**. — VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. **4 октября**. — Запуск первого в мире космического спутника Земли. **29 декабря**. — Смещение маршала Г.К. Жукова с поста министра обороны СССР.*

Со смерти Сталина начался выход из мобилизационного режима экономики, с помощью слома сначала его идеологической базы, а затем и организационной. Уже в 1957 году произвольным решением «верхов» изменили систему управления экономикой. Разумеется, мотивировали необходимость этой реформы ленинским принципом «демократического централизма в хозяйственном строительстве», а суть её заключалась в переходе от управления

промышленностью и строительством через отраслевые министерства и ведомства к руководству через совнархозы, на основе экономического районирования.

К началу 1958 года из 37 союзных и республиканских министерств осталось только четыре: среднего машиностроения, химической промышленности, транспортного строительства, электростанций, — зато возникло 104 совнархоза. Они объединили 75% мощностей промышленных и строительных организаций, а остальные отошли к местным советам. Для координации взаимосвязей был образован Всесоюзный Совет народного хозяйства (ВСНХ); Госплан выявлял возможности комплексного развития экономики и обсчитывал плановые показатели по стране, по республикам и по каждому экономическому району, а научно-технические комитеты при союзном и республиканских Советах Министров изучали передовой опыт и контролировали внедрение достижений.

Хрущёв уверял, что новая система позволит эффективнее использовать местные ресурсы, а подъём региональных экономик быстро подтянет совокупную экономику. Но ничего не вышло; экономическая самостоятельность совнархозов сочеталась с отсутствием таковой у предприятий, а ориентация местных властей на сугубо свои, региональные интересы, подрывала технический рост в ряде ключевых отраслей.

К тому же каждая общественная структура (о чём мы не устаём напоминать) желает выжить даже вопреки волюнтаризму. Расформированные министерства никуда не делись, а «воспроизвелись» как подразделения Госплана или научно-технических комитетов. Чтобы победить это «неожиданно возникшее» зло, увеличили количество контролирующих органов, но и это не привело к улучшению работы подконтрольных совнархозов. Укрупнили совнархозы, сократив их количество (в 1962), — но тогда оказались не у дел тысячи партфункционеров и чиновников. Предложенное тогда же Хрущёвым деление обкомов и крайкомов партии на промышленные и сельскохозяйственные тоже вызвало ропот местного партийного чиновничества.

Диспропорции в советской экономике только нарастали!.. А ведь совнархозовская эпопея совпала с другими экономическими экспериментами Хрущёва, среди которых самыми крупными были переход от пятилетнего к семилетнему планированию и авантюристические новации в сельском хозяйстве.

Надо, однако, отметить: **советское хозяйство и социальная система обрели уже такую устойчивость, что необоснованные или странные решения верховной власти не**

приводили к катастрофам, их воздействие «гасилось» внутри системы. Вот теперь — а не при Сталине — система действительно выживала вопреки бездарному руководству!

Рывок предшествующего периода создал столь мощный задел на будущее, что даже перейдя к «обычному» режиму своего существования, даже начиная отставать от соседей страна сохраняла высокие темпы развития. Это видно в успехах науки и образования, в начале широкого жилищного строительства, в модернизации армии. Наглядный пример силы — запуск в 1957 году первого искусственного спутника Земли, а в 1961-м — полёт в космос Ю.А. Гагарина. СССР стал супердержавой, определявшей равновесие сил в мире. Как пример, вспомним: наша сила не позволила США ликвидировать революционный режим на Кубе, что повлияло на многие мировые процессы.

***1958, 27 марта**. — Назначение Н.С. Хрущёва Председателем Совета Министров СССР. **Весна-лето**. — Ликвидация машинно-тракторных станций. Де Голль приказывает не допустить выхода Алжира из состава Франции, и 800-тысячная армия уничтожает 1,5 млн. алжирцев, то есть каждого шестого. **Декабрь**. — Начало реформы народного образования в СССР.*

Непонимание высшим руководством сути прошедшего этапа и сути новых требований сказалось в том, что большинство достижений осуществлялись в отраслях военно-промышленного комплекса, в тяжёлой индустрии, а задания по развитию лёгкой и пищевой промышленности не только были минимальными, так ещё и не выполнялись.

Да, продолжалось строительство крупных металлургических и машиностроительных предприятий. Объём производства промышленной продукции за семилетку вырос на 80 %. Быстрыми темпами развивалась атомная энергетика; была проведена электрификация железных дорог страны, радикально изменился топливный баланс за счёт использования высокоэффективных нефти и газа. Улучшению сырьевой базы химической промышленности способствовало наращивание добычи нефти. Главным источником нефти стал Волго-Уральский нефтегазоносный бассейн; с начала 1960-х годов формировался Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс.

Но по уровню, например, химизации, при всех успехах этой отрасли СССР к 1965 году значительно отставал от передовых стран. Объём промышленной продукции в СССР достиг 65 % от уровня США, но объём химической продукции — только 33 %, а далее шло отставание и по общему объёму промышленной продукции.

Ещё хуже обстояли дела в сельском хозяйстве.

В сельскохозяйственной политике Хрущёва можно выделить два этапа. Сначала (1953-1958) произошло увеличение закупочных цен, списание долгов с колхозов, отмена налога на личные подсобные хозяйства и разрешение увеличить размер этих хозяйств в пять раз. При Хрущёве же начали выдавать паспорта колхозникам и выплачивать им пенсии, предоставили колхозам право вносить изменения в свои уставы с учётом местных условий, увеличились госвложения в село.

Затем начались преобразования с «обратным знаком». В 1958 году были ликвидированы МТС, а техника продана колхозам для организации РТС (ремонтно-тракторных станций). И тут оказалось, что государство опять желает вложить в деревню средства, выжатые из неё же! Так, было выставлено требование к колхозам: выкупить за год технику МТС по высоким ценам. В результате это мероприятие свело к нулю доходы, полученные колхозами от повышения закупочных цен в 1953 году. Техника, полученная селом, была во многом изношена, морально устарела; своей ремонтной базы колхозы не имели.

С декабря 1958 года в аграрном секторе начинается период административной тряски. Бросив лозунг «догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения», Хрущёв во время визита в США в 1959 году пришёл к выводу, что «мясную» программу можно решить лишь через кормопроизводство, которое, в свою очередь, упирается в структуру посевных площадей. Надо перейти к повсеместным посевам кукурузы, которая и зерно даёт, и зелёную массу на силос.

Сам по себе курс на создание устойчивой кормовой базы был правильным: только так можно было содержать современное животноводство. Но ретивые чиновники, действуя почти исключительно волевыми методами, затеяли продвигать кукурузу даже за полярный круг; сеяли там, где она не могла расти по природным показателям. Посевные площади под неё увеличивали за счёт посевов других культур и заливных лугов, а потому кормовая база не только не выросла, но и сократилась. Чтобы выполнить план по сдаче мяса государству, на селе в массовом порядке начали забой скота. Произошло резкое сокращение поголовья, и мясо подорожало.

Итак, кукурузная эпопея не приблизила советский народ к американскому уровню душевого потребления мясомолочной продукции. И начавшееся с 1958 года (по инициативе Хрущёва) свёртывание личного подсобного хозяйства как тормоза для окончательной победы социализма на селе тоже не помогло социализму, зато привело к сокращению производства картофеля и овощей. Вдобавок 1963 год оказался неурожайным; теперь и нехватка

хлеба стала настолько ощутимой, что пришлось нормировать его продажу. Это привело к ночным очередям за хлебом в 1963-м, вызвало забастовку рабочих в г. Новочеркасске, подавленную силой оружия. Этот же провал привёл к необходимости закупок Советским Союзом за золото американского зерна, что повлекло смещение с поста самого Хрущёва в 1964 году — по официальной формулировке, «за субъективизм и волюнтаризм».

Посмотрим теперь, что происходило в социальной политике СССР.

В середине 1950-х, после восстановления разрушенного войной хозяйства, возникли условия для повышения жизненного уровня народа. С 1956 по 1965 поэтапно повышали зарплату, в 1956 году сократили до 42 часов рабочую неделю, — однако зарплату повышали не пропорционально. Когда-то Сталин ввёл очень высокие зарплаты для научных работников, в разы более высокие, чем у рабочих и инженеров, и обеспечил тем самым высочайшее качество и темпы научных исследований. Его правота кажется очевидной, но догматик Хрущёв, продолжая старую песню про заботу о пролетарии, повышал зарплаты рабочим существенно быстрее, чем ИТР, и вовсе не повышал научным работникам. (Затем так же поступал Брежнев, и к 1980-ым даже профессорская зарплата, не говоря уж о зарплате простого инженера, была зачастую меньше зарплаты водителя трамвая.)

В 1956 году был принят закон о пенсиях, по тем временам лучший в мире (самый низкий пенсионный возраст, максимальная пенсия 120 рублей при средней зарплате 75 рублей в месяц). Резко возросла обеспеченность населения больницами, школами, дошкольными детскими учреждениями. За семилетку было построено жилья столько, сколько за все предшествующие годы Советской власти, и в 1960-е годы по числу строящихся квартир на 1 тыс. жителей СССР занимал первое место в мире, причём, в отличие от прошлых лет, строилось благоустроенное жилье, с водопроводом, канализацией, ванной. Интенсивно шла газификация жилого фонда. Конечно, преобладающим типом квартиры были те, которые сейчас называют «хрущёвками»: с низкими потолками, совмещёнными «удобствами», в панельных домах, — но по сравнению с предыдущим барачно-коммунальным периодом это был колоссальный шаг вперёд, позволивший позже, в начале 1970-х годов, перейти от покомнатного к поквартирному принципу расселения семей.

В конце 1950-х отменили плату за обучение в высших и средних специальных учебных заведениях и старших классах средних школ, введённую после войны. В целом в этот период проводился курс

на выравнивание жизненного уровня всех категорий населения за счёт повышения минимальной заработной платы, расширения сферы услуг, предоставляемых населению бесплатно, за счёт общественных фондов потребления (образование, здравоохранение, дешёвое жилье, детские учреждения, общественное питание и др.).

1959. *— XXI съезд КПСС делает вывод о полной и окончательной победе социализма в СССР.*

Запад старались догнать по показателям, характерным для общества массового потребления, но материальная заинтересованность в результатах труда при этом игнорировалась. Руководство страны продолжало навязывать людям коммунистическую идею (не умея предложить иную, государственную идею, ради которой стоило бы работать). Оно металось между желанием реформировать то или иное, — чтобы стало «лучше», но одновременно не выбивалось бы из догматической теории, — и необходимостью «затыкать дыры».

На этом фоне происходила «оттепель» в сфере культуры. Сам термин получил своё название по роману Ильи Эренбурга, написанному в эти годы. Советский Союз стал более открытым для мира, участились международные культурные контакты. Появились литературные произведения, ставившие острые проблемы: «Не хлебом единым» М. Дудинцева, «Районные будни» В. Овечкина, поэма «За далью даль» А. Твардовского, в которой впервые в художественной форме было сказано о культе личности Сталина. В моду вошла поэзия — стихи читали в концертных залах, на стадионах, вошло в практику собираться по субботам на площади Маяковского, где выступали поэты, писатели, философы. Шли дискуссии по теоретическим вопросам: роль личности и народных масс в истории, соотношение теории и практики, периодизация истории советского общества. Появились новые имена: Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, Б. Окуджава, Р. Рождественский, но были реабилитированы и «старые» имена Ю. Тынянова, М. Булгакова, И. Бабеля и других…

1961, 1 января*. — Денежная реформа.* ***12 апреля****. — Вывод на орбиту Земли космического корабля с первым человеком на борту — Ю.А. Гагариным.* ***Август****. — Возведение «Берлинской стены».* ***17-31 октября****. — XXII съезд КПСС. Принятие Третьей Программы КПСС, программы «построения коммунизма», программы осуществления научно-технической революции в СССР.* ***30-31 октября****. — Вынос тела И.В. Сталина из Мавзолея.*

В начале 1960-х политическое развитие страны проходило под влиянием программы КПСС, принятой в 1961 году. Важно, что Программа КПСС наметила возрастание роли общественных организаций с передачей им функций государственных органов: уже в

ноябре 1962-го партийные комитеты всех уровней разделили на промышленные и сельскохозяйственные; многие полагают, что это вело всего лишь к вмешательству партийных органов в решение производственных вопросов, но на деле такая мера как раз и означала перерождение партии в хозяйственный орган, что соответствовало духу программы партии, проистекая от провалов в экономике.

Помимо ухудшения экономической ситуации, явно падало значение идеологии. Шло приземление идеалов: далёкий образ справедливой и братской жизни в изобильной общине был заменён прагматическими критериями потребления, к тому же необоснованными («Догнать Америку по мясу и молоку»). По верному замечанию С.Г. Кара-Мурзы, всякое идеократическое обоснование государства включает две связанные вещи: утопию (идеал) и теорию (рациональное объяснение жизни и проекта будущего). Так вот, государственная идеология периода «оттепели» испортила оба эти компонента и разъединила их. Утопия была уничтожена её недопустимым приближением («нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме») и опошлением («бесплатный проезд в городском транспорте»). Теория же была испорчена непредсказуемостью проекта и отходом от здравого смысла (кукурузомания, химизация народного хозяйства и т.п.).

Это был период, когда впервые начало разрастаться недоверие граждан к своим лидерам. Если большинство трудящихся связывало все предыдущие успехи с именем И.В. Сталина, и люди искренне плакали, узнав о его смерти, то к Н.С. Хрущёву отношение было уже иное. Вначале он имел авторитет, но по мере того, как накапливались трудности, а его роль искусственно возвеличивалась, его авторитет в глазах народа падал, — и дальше процесс недоверия распространялся уже на всех «вождей», перекидываясь на отношение к власти вообще. Причём сомневались именно в вождях, в элите, а не в идее. Нельзя забывать, что в те годы всё же были достигнуты высочайшие темпы развития, имелись успехи в развитии науки и техники. Даже когда генерал П. Григоренко в 1961 году выступал с осуждением Программы партии, то не ставил под сомнение коммунистическую перспективу, а говорил лишь о некоторых вопросах, требующих детализации.

Но число сомневающихся увеличилось.

К середине 1960-х экономическая ситуация в стране резко ухудшилась, а недовольство Н.С. Хрущёвым приняло крайние формы. Объединились противники форсированного строительства коммунизма и те, кто не был согласен с авторитаризмом Хрущёва. В октябре 1964 года на Пленуме ЦК КПСС его освободили от обязанностей Первого

секретаря ЦК и Председателя Совета Министров СССР; Первым секретарём был избран Л.И. Брежнев, предсовмина стал А.Н. Косыгин.

Правда, те, кто пришёл Хрущёву на смену, оказались не лучше него. Произошло вот что: Ленин, а затем Сталин указали направление движения. Хрущёв, не понимая, чем руководствовался Сталин, вернулся к Ленину, и «вроде бы как» пошел по направлению, указанному вождём. Брежнев и прочие продолжили движение по «правильной дорогой идете, товарищи», даже не задумываясь, куда ведёт этот путь. А он привёл туда, куда и должен был привести: к кризису, к ослаблению страны, сходному с ситуацией конца 1920-х. Прикрываясь «новым политическим мышлением», уже в 1980-х М.С. Горбачёв изменил политический курс страны, начав то, что известно теперь под названием «перестройка». Однако метания между «ускорением», «гласностью» и «больше социализма!» сразу показали: пришло время, когда лидеры вообще перестали понимать, что происходит в стране и мире …

Период застоя

В марте–апреле 1966 года состоялся XXIII съезд КПСС. Были внесены изменения в Устав партии: из него убрали положение об обязательном обновлении на 1/4 на каждых очередных выборах состава ЦК КПСС, на 1/3 обкомов, горкомов и райкомов партии, внесённое Хрущёвым на XXII съезде. Убрано было и положение о том, что члены руководящих партийных органов не могут быть избраны более, чем на 3 срока (12 лет). Восстановили пост генерального секретаря ЦК, ликвидированный после смерти И.В. Сталина, и на этот пост был избран Л.И. Брежнев. Эти решения съезда создали стабильный слой партийной номенклатуры.

Теоретической основой политической системы стал курс на «возрастание руководящей роли партии». Понятно, что предполагавшееся при «позднем Хрущёве» усиление прочих, кроме партии, общественных организаций опять было отброшено: партэлита воспарила над всеми.

Новое партийно-государственное руководство вернулось к отраслевой структуре управления, упразднив совнархозы и преобразовав ВСНХ в Госснаб. Также на двух пленумах ЦК (1965) были намечены меры по стимулированию сельского хозяйства и промышленности за счёт материального поощрения работников. Значительно расширялись права предприятий, возросла их

экономическая самостоятельность, снизилось количество плановых показателей, спускаемых им сверху. На промышленных предприятиях для экономического стимулирования решено было создавать за счёт прибыли фонды развития производства, материального поощрения, улучшения социокультурных и жилищно-бытовых условий.

Однако сложившаяся в 1950—1960-х годах индустриальная модель обладала двумя характерными и взаимосвязанными особенностями: а) жёсткой зависимостью экономического роста от масштабов вовлечения первичных ресурсов и, соответственно, от объёмов топлива и сырья; б) разбухшим инвестиционным сектором, технологическая отсталость которого определяла повышенный спрос на ресурсы. Экономика стала экстенсивной, неспособной к динамическим прорывам. Такое её состояние, вкупе с попыткой увеличить фонды потребления в ущерб фондам накопления, само собой препятствовало «введению рыночных начал»: когда среди плановых показателей деятельности предприятий первое место отвели объёму реализованной, а не валовой продукции, это не привело к положительным результатам.

И понятно, почему: Россия даже без деформаций экономики, как только пытается «жить как все», начинает отставать.

Кроме того, продолжалась весьма затратная холодная война.

В марте 1965 года началась реформа в сельском хозяйстве: опять повышены закупочные цены, установлен твёрдый план государственных закупок и введена 50-процентная надбавка к основной цене за сверхплановую продукцию. Была несколько расширена самостоятельность колхозов и совхозов. Резко увеличились капитальные вложения в развитие сельского хозяйства, но и этого было крайне мало.

В 1970 году урожайность зерновых в СССР составила 15,9 центнера с гектара, в 1985—1986 — 17,5 центнера. И обычно историки-либералы с усмешкой отмечают, что это чуть больше, чем собирали в 1913 году англичане (17,4), но меньше, чем немцы (20,7). А в 1970—1980-х в Великобритании собирали уже 56,2 центнера зерна с гектара.

Конечно же, такая разность связана не столько с природными факторами, сколько с вложениями в экономику. Говоря об этом, сразу вспоминают характерное для Запада явление того времени — «зелёную революцию»: колоссальный подъём урожайности достигался селекцией и улучшением агротехники. Но никто не вспоминает, что на Западе для достижения подобного результата понадобился десятикратный рост затрат энергии на производство

единицы продукции. А значит, СССР и не мог участвовать в «зелёной революции»: основной массив нашей пашни располагается в зоне рискованного земледелия, и нам потребовались бы значительно более высокие энергозатраты.

Здесь уместно вспомнить, как на заре перестройки, не понимая страны, в которой живут, российские либеральные экономисты говорили о нецелесообразности держать в СССР громадный парк зерноуборочных комбайнов и тракторов. Для них ориентиром было совершенно иное, чем у нас, соотношение количества сельхозтехники и размера пашни в развитых западных странах. И в самом деле, в СССР в 1984-1988 годах *тяжёлых тракторов* производилось в 5 раз больше, чем в США. Но при этом в США производили в 13 раз больше, чем у нас, *малогабаритных тракторов*!

Не учитывалось также и то, что в СССР весьма жёсткие природные условия. Тракторы и комбайны нужны не сами по себе, а потому, что в России летняя пора сельхозработ короче, чем в тех странах, с которыми нас сравнивали. Чтобы успеть выполнить все работы, надо было иметь значительное количество мощной техники, гораздо больше, чем там, где сельскохозяйственная деятельность плавно распределена во времени, и есть возможность использовать малогабаритную технику при менее интенсивном режиме эксплуатации. На Западе фермер может неспешно пахать, сеять и убирать свой небольшой надел. У нас это непозволительно.

Не все это понимают сейчас, и мало кто понимал тогда, — а в руководстве, наверное, и никто не понимал. Реформы, очень убедительные с точки зрения «теорий» и «моделей», совершенно не учитывали природных особенностей России. Удивительно ли, что довольно быстро выяснилось: хозяйственная система отвечает на изменения не так, как ожидалось, — и реформы была без шума свёрнуты.

Реформаторский период 1965 года понизил управляемость народным хозяйством, привёл к разбалансированию экономики (разрыв между стоимостными и материально-вещественными потоками). Завышенные потребительские ожидания не оправдались, территориально-торговый дисбаланс был налицо. Число министерств постоянно росло. Все отчитывались по показателю объёма реализации в рублях, и в отсутствие конкуренции предприятия, в погоне за прибылью, увеличивали цены на продукцию, просто используя более дорогие виды сырья и материалов! Это подрывало экономику, делало её излишне ресурсоёмкой, снижало выживаемость людей, — но кто из числа элиты об этом думал?!

С одной стороны, экономическое развитие СССР было достаточно устойчивым. Советский Союз опережал США и страны Западной Европы по таким физическим показателям, как добыча угля и железной руды, нефти, цемента, производству тракторов, комбайнов. Но вот по качественным факторам отставание было явным: ресурсы просто прожирались. Темпы экономического развития падали; советская экономика стала невосприимчивой к инновациям, очень медленно осваивала достижения науки и техники.

***1967, 5-10 июня**. — «Шестидневная война» Израиля против Египта, Иордании и Сирии.*

***1968**. — «Пражская весна». **21 августа**. — Ввод войск Организации Варшавского Договора в Чехословакию.*

В конце 1960-х годов правительство Чехословакии, взяв курс на внедрение элементов рыночной экономики, пошло по этому пути значительно дальше, чем позволяли рамки социалистической теории. Советскими властями этот «рыночный социализм» был оценен как правый ревизионизм, и в Чехословакию ввели войска, что имело большое значение и для нашей страны: развитие экономической мысли в нашей стране притормозилось, общественно-политическая жизнь осложнилась.

Известно, что пятилетка 1966-1970 годов стала единственной за всю историю плановой экономики, когда директивы практически полностью совпали с фактическим исполнением. Объяснить это можно только массовой подгонкой результатов, ибо как раз в этот период масштабы, разнообразие и динамичность хозяйства **превысили критические возможности планирования старого типа.**

С начала 1970-х страна вступила в период ***застоя*** — торможения экономического роста, проедания национального богатства, снижения жизненного уровня, бюрократического маразма и массового цинизма.

Интеллектуальная часть элиты, отлично понимая ненормальность происходящего, стала воспринимать всё устройство государства, коммунистическую идеологию, а также советское отношение к собственности как неправильные. Если идеологическая партийно-государственная машина внедряла в массовое сознание лживые мифы о процветании, то «теневая» система информации — самиздат, анекдоты, кухонные дискуссии, — несли другие, но от этого не менее лживые мифы. Не рабочие и не колхозники, а интеллигенты из элиты заговорили «на кухнях» о необходимости перемен, осуждая всё советское. Заговорили о необходимости рынка, а поскольку категории политэкономии составляют неразрывную систему, речь шла не о рынке товаров, а о целостной рыночной экономике (рынок денег, товаров и

труда). А простые советские граждане и не догадывались, что их угнетают и эксплуатируют, пока им этого не «объяснили». Не было ничего похожего на массовое недовольство советским строем, отрицания самой его сути.

Но людей начал грызть червь сомнения.

Всё в более широких кругах, прежде всего в кругах интеллигенции, нарастало отчуждение от государства и ощущение, что жизнь устроена неправильно. Многие люди, продолжая оставаться преподавателями марксизма-ленинизма или правительственными чиновниками, начинали обращать свой взор на Запад, хоть и не афишировали этого. Только диссиденты из числа творческой интеллигенции решались иногда открыто говорить о своих взглядах, но их подавляла государственная машина.

Само государство стало терять целостность и неявно «распадаться» на множество подсистем, следующих не общим, а своим собственным интересам. Наглядным выражением этого стала ведомственность. Этот дефект системы отраслевых министерств был известным в СССР уже в 1920-х годах, но с особой силой он проявился в период застоя. Суть здесь в том, что из-за обострения дефицита ресурсов их распределение всё более определялось не стратегическими целями государства, а интересами ведомств. Отрасли промышленности обособлялись по ведомственному признаку, укреплялась корпоративная иерархическая структура и независимость самих ведомств по отношению к государственным органам централизованного управления.

Министерства начали формировать замкнутые «технологические империи». Например, министерства автомобильной, угольной, химической промышленности, металлургии и другие потребители продукции машиностроения стали развивать собственное производство роботов, электронных компонентов, специализированных станков и автоматических линий, — и это только усиливало дефицит ресурсов. Появлявшиеся инновации вели не к перестройке структуры народного хозяйства с его удешевлением, а как бы «накладывались» на старую структуру, и вели к удорожанию.

Ведомства превращались в замкнутые организмы, что не могло не разрушать государства. Подобно этому, если в живом существе каждый орган начнёт оптимизировать своё функционирование, не интересуясь проблемами всего организма, то такой организм теряет жизнеспособность.

В 1970-е годы произошло соединение ведомственности с местничеством — сплочением хозяйственных, партийных и советских руководителей на местах, — как правило, конфликтующих с

интересами центра и других регионов. В национальных регионах (союзных и автономных республиках, областях и округах), местничество принимало национальную окраску. Со временем республиканские элиты настолько окрепли, что центр уже не был способен посягнуть на их власть и интересы. Негласно, под лозунги интернационализма, проводилась «коренизация» нового типа — вытеснение русских кадров и обеспечение преимуществ не всех нерусских народов, а лишь статусных наций. (Позже это в полной мере выявилось в ходе перестройки.)

Образование региональных элит, включающих в себя и работников аппаратов разных ведомств, и работников местных органов власти, породило новый тип политических субъектов — номенклатурные кланы. Началось неявное пока разделение страны.

В годы сталинских репрессий состав правящей элиты постоянно менялся — на смену репрессированным выдвигались новые кадры, которые, в свою очередь, подвергались репрессиям. В следующий, хрущёвский период репрессий не было, но в ходе постоянных реорганизаций и управленческих экспериментов шла ротация руководящих кадров, перетряска правящего слоя. Новое руководство КПСС, пришедшее к власти в середине 1960-х, создало стабильный, несменяемый слой партийно-государственных чиновников.

В середине 1970-х в стране начал насаждаться культ Л.И. Брежнева. В 1977 году он совместил пост Генерального секретаря ЦК партии с постом Председателя Президиума Верховного Совета СССР, став уже и номинально главой государства. Чисто внешние атрибуты величия (четырежды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, Маршал Советского Союза, Ленинская премия по литературе, орден «Победы» и др.) совмещались с усиливающейся дряхлостью.

В самых высших сферах, уж не говоря о более низком слое, процветали протекционизм и кумовство. Сам Брежнев раздавал высшие посты своим друзьям и родственникам. Такая же картина сложилась и в республиках — Грузии, Казахстане, Узбекистане, Молдавии и других, где руководящая партийно-государственная верхушка формировалась по клановому принципу.

Происходящее было не следствием *ошибок* или *злой воли*, а результатом *процессов самоорганизации***.** До 1953 года государство постоянно держало ведомственные и местнические противоречия в центре внимания и регулировало, исходя из общих целей. В ходе десталинизации были ликвидированы те небольшие по размерам или даже невидимые элементы государства, которые вели системный

анализ всего происходящего, и в последующие годы именно из-за утраты системности начался развал единого, как сейчас говорят, «экономического пространства», а вслед за ним и государственности.

КПСС этого периода состояла как бы из двух частей. Рядовые коммунисты (к середине 1980-х в партии состояло около 18 млн. человек) практически были отстранены от принятия партийных решений, не могли влиять на положение дел. Выборы центральных органов были многоступенчатыми: первичные организации выбирали депутатов на районные конференции, те — на городские, городские — на областные, областные — на съезд партии. И уже делегаты съезда выбирали ЦК. При такой системе решающая роль принадлежала партаппарату, и естественно сформировалась наследственная партийно-государственная номенклатура (с передачей должностей «от отца к сыну»), ставшая руководящим слоем общества. Пребывание на руководящих постах становилось пожизненным.

Как партийное «боярство» в верхах, так и «новое дворянство» в более низких сферах было заинтересовано в стабильности общества. Стабильность, в свою очередь, изменила и психологию управленцев, и реальную практику управления. Чувствуя себя достаточно уверенно (репрессии против них теперь были исключены), представители высшей номенклатуры: директора, министры, руководители отраслей и регионов, переходили от роли управляющих (при отсутствии фактических владельцев) к положению реальных хозяев. Номенклатура совершенно очевидно противопоставляла себя как рядовым членам партии, так и всему народу.

В то же время официальная идеология становилась всё более напыщенной (концепция «развитого социализма») и всё более чуждой настроениям людей.

Взяточничество и коррупция стали явлением повсеместным и обыденным; в хищениях были изобличены ряд руководителей страны, союзных республик, горкомов, райкомов партии. Но к концу правления Брежнева терпимость всё больше переходила в попустительство; целые коллективы связывались круговой порукой хищений.

И внутри страны, и в мире возникло предчувствие, что СССР проигрывает холодную войну. Важным признаком этого стал переход на антисоветские позиции сначала западной левой интеллигенции (еврокоммунизм), а потом и всё более заметной части отечественной интеллигенции (диссиденты). Для борьбы с диссидентами даже было создано специальное (5-е Главное) управление КГБ.

Отметим, что диссидентсткое движение не было однородным. В нём можно выделить три направления.

1. Марксисты (напр., Р.А. Медведев, П.Г. Григоренко) считали, что все недостатки общественно-политической системы проистекают из сталинизма, являются результатом искажения основных марксистско-ленинских положений. Ставили задачу «очищения социализма».

2. Либеральные демократы (напр., А.Д. Сахаров) проповедовали принцип конвергенции. Полагали возможным объединить всё лучшее, что есть в плановой и рыночной экономике, в политических и социальных системах Запада и Востока, поскольку человечество вступило на такой этап развития, когда на первый план выходят не классовые, национальные и другие групповые интересы, а интересы общечеловеческие. Ряд представителей этого направления (напр., В. Буковский) полностью отвергли идеи социализма, и считали режим западных стран моделью для СССР.

3. Национал-патриоты (напр., А.И. Солженицын, И.Р. Шафаревич) выступали со славянофильских позиций. Считали, что марксизм и революция совершенно чужды русскому народу, навязаны ему извне. Наиболее радикальные представители этого течения отвергали западничество вообще, считали противниками не только коммунистов, но и либералов. Образцом для России полагали государственное устройство, существовавшее даже не до октября, а до февраля 1917 года.

В 1977 году была принята новая Конституция СССР, а в 1978-м — конституции союзных республик. В этих конституциях законодательно укреплялась (ст. 6) руководящая роль Коммунистической партии. Существование других партий конституцией не предусматривалось.

Как это ни покажется странным, жизнеобеспечение людей улучшались. Именно в период застоя было проведено огромное по масштабам жилищное и дорожное строительство, построено метро в одиннадцати городах, быт людей в городе в основном вышел на современный уровень, а на селе сильно улучшился (так, была завершена полная электрификация села и газификация большей его части). В системы жизнеобеспечения были сделаны крупные капиталовложения на долгую перспективу: созданы единые энергетические и транспортные сеты, проведены крупномасштабное улучшение почв (ирригация и известкование) и обширные лесопосадки (1 млн. га в год), построена сеть птицефабрик, решившая проблему белка в рационе питания. СССР стал единственной в мире

самодостаточной страной, надолго обеспеченной всеми основными ресурсами.

А достичь такого успеха удалось благодаря открытию богатейших нефтегазоносных месторождений в Западной Сибири.

Президент Российской Федерации В.В. Путин во время пресс-конференции 18 июля 2001 года сетовал, что «у нас в Советском Союзе больше здесь было проблем, чем плюсов, что мы в своё время открыли самотлорскую нефть, газ и начали жить за счёт энергоресурсов». А ведь громадные вложения в Сибирь и Урал, сделанные в 1960-1980-е годы, обеспечили жизнь страны на столетие вперёд. Сегодня государство и частный капитал, ничего не вкладывая в развитие хозяйства России, просто пользуются капиталовложениями тех лет!

Вложения в топливные отрасли и хорошая конъюнктура мирового рынка (особенно после скачка цен на нефть в 1973 и 1979) дали уникальную возможность получать по импорту и необходимое оборудование, и товары личного потребления. Так и достигли улучшения в жизнеобеспечении людей. Здесь важно, что доходы от продажи сырья, в отличие от сегодняшней ситуации, шли не на зарубежные счета «владельцев», а на удовлетворение интересов общества.

С другой стороны, эти средства использовали не самым оптимальным образом, а иногда и бездарно. Так, в 1970-е правительство стало заключать сделки с западными производителями по принципу «сырьё на готовые изделия и технологии», что поставило страну в одностороннюю зависимость от поставок импортных запчастей, материалов и оборудования. То есть в организации хозяйства и внешней торговли было и много хорошего, и много «плохого», неправильного. Вообще невозможно одной краской описать это насыщенное событиями, зачастую парадоксальное время: была и разрядка международной напряжённости и колоссальные стройки, «Хельсинский процесс» сопровождался вторжением в Афганистан, и так далее.

За счёт внешней торговли велась техническая модернизация металлургии, химической промышленности, машиностроения. За её же счёт поддерживали сложившийся уровень личного потребления: импорт потребительских товаров в те годы на 75-80 % состоял из предметов, которые вполне можно было бы производить самим. И в это же время стали увеличивать экспорт технически сложных товаров, в том числе личного потребления (автомобилей, радиотоваров, холодильников и т.п.), прежде всего в

страны СЭВ, что обескровливало наш внутренний потребительский рынок.

Страны Восточной Европы, образуя с СССР единую систему хозяйствования, с удовольствием брали советские энергосырьевые ресурсы, а взамен поставляли свою конечную продукцию. И это было бы терпимо, если бы у нас была существенно более тесная интеграция. Но ведь наибольшую критику мы получали как раз от этих стран! Никто и не задумывался, что в рамках Европейской экономической системы они в силу природных условий всегда были, есть и будут аутсайдерами (в силу климатических условий, производство на Востоке всегда дороже, чем на Западе.) Характерный пример — бывшая ГДР, сегодня самая нуждающаяся часть Германии, а жители западных территорий страны не спешат её обустраивать: дорого.

А в «советском блоке» они оказывались самыми передовыми, и развитие их экономик становилось более выгодным, чем нашей экономики. Что и происходило — но они, поглядывая на более благополучный Запад, считали это недостаточным для себя.

В общем, диспропорции во внешней торговле, а также трения со странами Восточного блока увеличивали неадекватность восприятия действительности как советскими людьми, так и гражданами стран народной демократии. А это и было одной из целей холодной войны. Как и в обычной войне, роль командования, его соответствие стоящим задачам является определяющим, — наши «командующие» задачам не соответствовали.

С каждым годом эпохи застоя необходимость комплексной модернизации советского общества и хозяйства становилась всё более очевидной, однако относительно благоприятные условия для этого (хорошая внешнеэкономическая конъюнктура и поток нефтедолларов) так и не были использованы. Между тем, Западный мир вступал во второй этап НТР — информационную революцию.

С 1979 года в СССР начали сокращаться добыча угля, нефти и выпуск готового проката; снижался объём перевозок по железным дорогам. Стране не хватало ресурсов, а те, что имелись, во всё бульших масштабах направляли в ВПК! Распылялись капиталовложения; обозначился социокультурный раскол в обществе — стала углубляться пропасть между столицами, крупными и малыми городами и деревней. Тысячи сёл и деревень были признаны «неперспективными», сельское хозяйство деградировало.

В 1982 году была разработана и принята государственная Продовольственная программа, ставившая задачу надёжного

обеспечения полноценным питанием всех граждан страны, — надо признать, определённые успехи были достигнуты. Это стало продолжением «демобилизационной программы», начатой Хрущёвым, с упором на рост благосостояния и сдвигом в сторону потребительства.

Судя по динамике множества показателей, СССР в 1965-1985 годах находился в состоянии благополучия, несмотря на многие неурядицы, которые в принципе могли быть устранены. В то же время назревали факторы нестабильности и общего ощущения беды. Видимыми симптомами этого стали широкое распространение алкоголизма и вновь появившееся после 1920-х годов бродяжничество.

***1982, 10 ноября**. — Смерть Л.И. Брежнева. **12 ноября**. — Избрание Генеральным секретарём ЦК КПСС Ю.В. Андропова. Крупные чистки в верхнем эшелоне власти, борьба за производственную дисциплину.*

***1983**. — Окончание мирового «энергетического кризиса», начало открытого кризиса советской экономики.*

***1984, февраль**. — Смерть Ю.В. Андропова. Избрание Генеральным секретарём ЦК КПСС К.У. Черненко.*

Черненко, один из ближайших сотрудников Брежнева, был тяжело болен, управлять страной он просто не мог. В начале 1985 года он умер; к власти пришёл М.С. Горбачёв. Началась «перестройка».

Крах экономики

Весной 1985 года главным аргументом в пользу экономических реформ было сравнение эффективности народного хозяйства СССР и США — двух супердержав, сопоставимых по количеству населения, валовому производству энергии, металлов, военному потенциалу и т.п. Аналитики заметили, что СССР значительно превосходит Запад по уровню энергетических и материальных затрат на единицу готовой продукции. Этот факт свидетельствовал о неконкурентоспособности советской продукции на мировом рынке, но отсюда сделали неверный вывод об экономической отсталости и бесперспективности экономической и социальной системы СССР в целом.

Но дело было не в системе.

Советское общество 1980-х годов, социально достаточно устойчивое, по уровню промышленного развития, урбанизации, производству основных видов продукции, характеру технологий и труда на большинстве предприятий, несмотря на огромную долю

ручного труда в разных сферах хозяйства (40 % и более) в целом было обществом индустриальным. В СССР существовали радиоэлектронная промышленность, атомная энергетика, развитая аэрокосмическая индустрия, а это даже выходило за рамки обычного индустриального производства. Так что разговоры об «отсталости» и «бесперспективности» — просто ширма, за которой прятались действительные причины перехода к перестройке, ведь причины были — и объективные, и субъективные.

Начнём с первых.

В 1973-1974 годах в мире разразился энергетический кризис. Цены на нефть взлетели, а поскольку Советский Союз был нефтедобывающей страной, и как раз началось освоение северо-тюменских месторождений, то перед нашей нефтяной промышленностью открылись небывалые перспективы, и многие проблемы стали решаться с помощью нефтедолларов. Так продолжалось около десяти лет, до тех пор, пока цены на нефть на мировом рынке не начали катастрофически падать, — а вслед за ними и доходы государства. К 1985 году оказалось уже невозможным за счёт нефти обеспечивать внутренний рынок страны достаточным количеством ширпотреба (40 % этих товаров приходилось на импорт) и продовольствия, а ряд отраслей промышленности — импортным оборудованием.

Сложившийся за годы «волюнтаризма» и «застоя» дисбаланс в экономике, которая была нацелена не на самостоятельное развитие, а на прожирание нефтедолларов — это и было объективной причиной, толкавшей руководство хоть к каким-то переменам.

А вот на то, что перемены пошли в ту сторону, в которую пошли — к разрушению страны, имелись субъективные причины.

«Бояре» и «дворяне» советской эпохи, высшие чины партноменклатуры в центре и на местах использовали государственную собственность, как свою — почти как частную, — за счёт всевозможных лазеек в советской системе распределения (к тому же лазейки эти, по мере расшатывания системы, всё более расширялись). И вот они почувствовали, что для безбедного существования у них остаётся всё меньше ресурсов. Они уже давно махнули рукой на коммунизм, и про себя считали коммунистическую идею мертворожденной, а к началу 1980-х годов пришли к выводу: чем скорее с ней будет покончено, тем лучше. Но подобные представления, а тем более намерения были несовместимы с деятельностью идеологических и правоохранительных структур, продолжавших свою деятельность в Советском Союзе; следовало что-то менять в этих структурах, ломать идеологию.

Именно «элите», распоряжавшейся социалистической собственностью, как своей, такая перестройка была крайне желательна, — а среди них были и секретари обкомов, и члены Политбюро. Они хотели гарантировать свою безопасность от эксцессов, подобных тем, что имели место при кратком правлении Ю.В. Андропова. Чтобы не было риска лишиться синекуры за отпуск, проведённый «за бугром», за три квартиры и три дачи (якобы казённые), чтобы можно было получать доходы с предприятий и территорий *легально*. Они хотели передавать если не власть, то по крайней мере имущество по наследству своим потомкам, а для этого надо было изменить статус имущества. А там, глядишь, на основе наследственной собственности можно будет удержать и наследственную власть.

Горбачёв, человек без собственных идей в голове, сам был таким, а потому вполне подходил на роль лидера этих сил.

Главной социальной опорой «перестройщиков» стал сложившийся к середине 1980-х достаточно широкий слой людей, негативно относившихся к перекосам и безобразиям эпохи застоя. Да ведь и в народе было понимание того, что дальше «так жить нельзя». Но народ — он и есть народ, консервативная инертная масса; нутром чувствуя, что перемены нужны, он и приветствовал перемены — рассчитывая на лучшую жизнь для себя, и не понимая, что те, кто руководил процессом, имели собственные цели, а интересы народа не учитывали вовсе.

Обратим внимание, что для всех лет перестройки очень характерна экономическая бессмыслица. Сначала Горбачёв провозгласил политику ускорения. В 1986 году не было более часто употребляемого слова, чем «ускорение» — оно встречалось на каждом шагу, на каждой газетной странице. А что надо было ускорять? Куда мы при этом двигались? На эти вопросы ответов не было. Н.И. Рыжков в книге «Десять лет великих потрясений» пишет, что термин появился ещё до перестройки и касался ускорения научно-технического прогресса и социальных процессов, но ведь ему приходится это *объяснять*! А тогда огромное количество теоретиков научного коммунизма и прочих интерпретаторов мусолили в статьях и книгах «концепцию ускорения», пытаясь разъяснить другим то, что было непонятно им самим!

Или другой лозунг: «больше социализма!» Больше чем *что*? Насколько? Каким аршином его измерить, социализм?

Это была обычная пиаровская акция, игра в слова. От постоянного их повторения складывалось впечатление, что есть какая-то экономическая концепция перестройки, стратегия ускорения, где

расписано по пунктам, чего мы хотим, как этого добиваться, какие нужны последовательные шаги и т.д. Но ничего похожего не было!

Характерна история появления программы «500 дней». Только в 1991 году, *в год отставки Горбачёва и распада СССР*, появилось хоть что-то, смутно напоминающее экономическую концепцию. Это была программа Г.А. Явлинского «400 дней», и предлагалась она сначала Л.И. Абалкину, который был вице-премьером по реформе в правительстве Н.И. Рыжкова, но пристроить эту программу не удалось. Сам Рыжков в это время был занят разработкой экономической части Союзного договора, и к программе «дней» отнёсся скептически: «Там было расписано всё чуть ли не по часам, а уж по дням — это точно. На 20-й день — начало разгосударствления. На 30-й — немедленная реализация заводами неустановленного оборудования. На 20-40-й — продажа основных фондов, земли колхозов, совхозов, промышленных предприятий. На 20-50-й отмена предприятиям государственных субсидий и дотаций. И так далее, грустно перечислять».

Весной 1991 года на Президентском совете у Горбачёва было принято решение превратить «дни» в экономическую программу перестройки, и затем этот плод кабинетных раздумий, вместе с группой Явлинского, взялись доращивать учёные и государственные мужи; среди них был член Президентского совета академик С.С. Шаталин; вот тут-то программа и превратилась в «500 дней», обросла материалом, сильно увеличилась в объёме и т.д. Конечно, она и в этом виде никак не могла быть использованной на практике, но ничего лучшего власть не имела, так что перестройка как началась, так и кончилась без экономической программы.

А с точки зрения государственной, Горбачёв не имел вообще никаких целей и планов. Он не знал истории экономики, и не видел, к чему вела его политика, не только в долгосрочной перспективе, или хотя бы на год-два вперёд, — но и на ближайшие месяцы. В результате его руководства страна оказалась ещё дальше от нужной ей модернизации, чем была в годы застоя, а люди стали жить хуже.

И всё-таки любой согласится: Горбачёва невозможно назвать злодеем. Для глупости есть другие определения.

Вот что говорил он на заседании февральского Пленума ЦК КПСС (1988): «*Напомню, что саму перестройку мы начали под давлением насущных, жизненно важных проблем. Мне не раз приходилось возвращаться к оценке ситуации, которая сложилась в стране к началу 80-х годов. Хотел бы добавить ещё некоторые соображения. Как известно, темпы экономического развития у нас*

снижались и достигли критической точки. Но и эти темпы, как теперь стало ясно, достигались в значительной мере на нездоровой основе, на конъюнктурных факторах. Я имею в виду торговлю нефтью на мировом рынке по сложившимся тогда высоким ценам, ничем не оправданное форсирование продажи алкогольных напитков. Если очистить экономические показатели роста от влияния этих факторов, то получится, что на протяжении четырёх пятилеток мы не имели увеличения абсолютного прироста национального дохода, а в начале 80-х гг. он стал даже сокращаться. Такова реальная картина, товарищи!».[14]

Что ж, посмотрим на реальную картину, товарищи. Согласно официальным данным, в 1965 году национальный доход составлял 193,5 млрд., в 1970 — 289,9 млрд., в 1975 — 363,3 млрд., в 1980 —462,2 млрд., и в 1985 — 578,5 млрд. рублей. За четыре пятилетки он увеличился втрое, на 385,0 млрд. рублей. Если верить словам Горбачёва, получается, что почти весь этот прирост был получен за счёт притока нефтедолларов и спаивания народа! Это заведомая чушь.

Что бы ни говорил он о прошлом, или о своём желании углубить и ускорить, под его воздействием экономика развалилась действительно очень быстро. Четырёх пятилетних планов ему не понадобилось; оказалось достаточным прекратить выполнение одного, и издать два закона: о кооперации и о государственном предприятии.

«Закон о кооперации», похоже, составляли поклонники Жан-Жака Руссо, полагавшие, что человек, так сказать, «по природе добр», — не случайно же Горбачёв всё время апеллировал к «человеческому фактору» и «новому мышлению». Наверное, из-за доверия к человеку «Закон о кооперации» давал предпринимателям слишком много излишней свободы, и не предусматривал достойного контроля.

И произошло вот что.

Кооператоры «из народа» занялись пирожками, шитьём кепок и прочей мелкой чепухой, но доходы их были низкими, а поборы со стороны чиновничества местных распорядительных органов — высокими. И это направление кооперативного движения быстро выродилось в полуподпольное кустарничество; народ не смог улучшить своё положение через свободный труд «на себя».

Иные, более ушлые предприниматели, обратились к спекулятивно-посреднической деятельности, что при монопольно низких ценах на продукцию госпредприятий и хроническом дефиците

---

[14] Правда. 1988, 19 февраля. С. 2.

позволяло мгновенно обогащаться. Это привело к росту цен, ухудшило жизнь народа и породило стойкую неприязнь к кооператорам вообще.

Но самое страшное в том, что «Закон о кооперации» очень хорошо помогал воровать и устраивать свои дела вокруг государственных предприятий — около них тут же возникли скопища всевозможных кооперативов, единственной задачей которых был увод дохода, номинально принадлежавшего государству, в частные карманы.

Делалось это так. Предположим, заводу требуется смонтировать какую-то установку. По государственным нормативам и тарифам на эту работу требуется три дня времени и пятьсот рублей денег; за это время и за эти деньги её и делают рабочие завода. Одновременно директор сам, или под нажимом начальника цеха подписывает с кооперативом договор на выполнение этой же, уже выполненной работы, но теперь уже за 10000 рублей: половину директору, и половину «кооператору», весь кооператив которого состоит из него самого, его жены и тёщи. С одной сделки люди покупали машину, с двух — квартиру.

И таких заводов, начальников цехов и «работ» были тысячи, тысячи и тысячи по всей стране! Сращивание крупных предприятий, кооперативов, всяческих «центров НТТМ» и прочего шло полным ходом. В последующем, на этапе окончательного перехода народной собственности в частные руки, наработанные в кооперативный период связи, опыт воровства и накопленные деньги очень пригодились.

Будь этот закон более серьёзным и продуманным — вполне мог бы создать основу для развития мелкого и даже среднего бизнеса в Советском Союзе. Беда была в том, что он плохо регулировал отношения государства и кооперативов, а вторая — в том, что это послужило примером для крупных предприятий: они тоже хотели таких же, как у кооператоров, плохо отрегулированных отношений с государством.

И такую возможность дал «Закон о государственном предприятии». Этим законом государство фактически само себя вывело из управления предприятиями. Они продолжали называться государственными, но директоров там уже не назначали, а выбирали; взаимоотношения с государством становились столь же неопределёнными, как у кооперативов. Никто не мог толком объяснить, **что** государственные предприятия должны государству, а что оно — им.

Этот закон, пожалуй, в бульшей степени содействовал уходу государства из управления экономикой, чем даже приватизация, проведённая позже «правительством реформаторов». После введения

этого закона предприятия оставались государственными только номинально. Картина была очень пёстрая: в разных местах, на разных предприятиях, в разных главках разных министерств закон «внедряли» по-разному, а государство не контролировало этот процесс. Многие восприняли этот закон, как начало беспредела.

Активные деятели распорядительной системы (а среди них были Черномырдин, Сосковец, Большаков, Алекперов и многие другие) блестяще воспользовались возможностями, которые дали новые законы. Именно в последние два года перестройки, а не после старта радикальной экономической реформы, началось формирование тех хозяйственных структур, которые и сейчас составляют значительную часть крупного бизнеса России.

Однако наряду с «ветеранами» в легальный бизнес устремились и совсем новые люди, сумевшие во многих случаях сориентироваться в обстановке гораздо быстрее, чем чиновники и хозяйственники из старой элиты. Это поле активно захватили, прежде всего, комсомольские лидеры, создавая «центры НТТМ» — структуры, занимавшиеся организацией научно-технического творчества молодежи. Но были, конечно, и другие варианты. В общем, появились лишние люди, с которыми «прорабы перестройки» не собирались делиться. Из того времени и до сих пор тянутся непрерывные схватки за собственность то в ликёроводочной, то в кондитерской, то в металлообрабатывающей или другой какой отрасли.

Параллельно с разрушением экономики шёл развал финансовой системы и всей структуры внешней торговли.

В советском государстве была особая финансовая система. В производстве обращались безналичные деньги; их количество определялось межотраслевым балансом, и они погашались взаимозачётами. По сути, в СССР отсутствовал финансовый капитал и ссудный процент; деньги не продавались. А на рынке потребительских товаров обращались обычные рубли; население получало их в виде зарплат, пенсий и прочих выплат. Их количество строго регулировалось в соответствии с массой наличных товаров и услуг, что позволяло поддерживать низкие цены и не допускать инфляции.

Такая система могла действовать только при жёстком запрете на перевод безналичных денег в наличные.

Так вот, «Закон о государственном предприятии» разрешил превращение безналичных денег в наличные. Фонды экономического стимулирования (премии, надбавки и т.д.) на предприятиях увеличились сразу втрое, — из этих-то денег и платили за липовую работу жуликам-кооператорам. В итоге не только были

резко сокращены взносы в бюджет, но и на развитие предприятий средств почти не оставлялось.

Но хуже всего, что взлетел до небес ежегодный прирост денежных доходов населения, — ведь безграмотное руководство страны, исходя, видимо, из тех представлений, что всё едино суть: и наличные — *рубли*, и безналичные — *рубли*, — запустило печатный денежный станок. Если в 1981-1987 годах прирост денег у населения составлял в среднем 15,7 млрд. рублей, то в 1988-1990, после разрешения «обналички», размеры прироста поднялись до 66,7 млрд., а в 1991 году лишь за первое полугодие денежные доходы выросли на 95 млрд. рублей. Это был механизм перекачки средств из накопления (инвестиций) в потребление — так проедалось будущее развитие и будущие рабочие места. «Перестройка» превращалась во всеобщий развал.

Понятно, что такой рост доходов, сопровождаемый сокращением товарных запасов в торговле, вёл к краху потребительского рынка.

Второй особенностью советской финансовой системы была принципиальная неконвертируемость рубля и закрытость рынка через государственную монополию внешней торговли. Сама по себе конвертация — всего лишь способ сравнения экономик, но надо же сравнивать по сопоставимым параметрам. Например, что получится из встречи боксёра с шахматистом? Если свести их на ринге, так, чтобы действовать по правилам боксёра, то он и разделает шахматиста под орех. И скажет: ты слабый, ты никуда не годный. Но если усадить их за шахматную доску (навязать, скажем, Америке рубли в качестве резервной валюты) — то боксёр проиграет вчистую.

Такие параметры, как масштаб цен и структура расходов, в СССР были иными, нежели на Западе. Наша экономика была просто другой, чем западная, — она выглядела *затратной*, милитаризованной, но была страшно выгодной при необходимости мобилизации (что и доказали годы с 1941 по 1945), — и это было нам, при нашем скудном ресурсе, очень важно. Что, в конце концов, главнее для государства — чтобы все имели лишнюю пару ботинок, но проиграли войну, или наоборот?

Союз не смог бы содержать две экономики сразу: гражданскую, для мирного времени, и вторую военную, на случай войны. Она была у нас одна, но не такая, как на Западе.

Зарплату людям платили маленькую, зато коммунальные платежи и продовольствие, образование и медицина дотировались государством, которое брало деньги с тех же граждан, недоплачивая им

зарплату! Так удавалось содержать *затратную*, но необходимую часть экономики страны, обеспечивая приемлемый уровень жизни всем.

Это значит, что прежде, чем проводить либерализацию финансовой системы и открывать рынок СССР миру, следовало привести масштаб цен, зарплат и социальных трат в соответствие с мировыми, так, чтобы доля зарплаты составляла в себестоимости подавляющую часть, включив в себя все эти недоплаты. Наши же перестройщики, а вслед за ними реформаторы, сделали наоборот. Они оставили трудящемуся низкую зарплату, а социальные выплаты в его адрес сократили, или вовсе отменили. Так они получили товар, конкурентоспособный за счёт *недоплаты рабочему*. Сегодня за свой труд российский человек получает вчетверо меньше, чем должен получать по всем мировым стандартам; он выживает еле-еле. Зато капиталист может менять уворованную часть зарплаты на доллары и оставлять её на Западе! А у государства не осталось денег на поддержание ВПК и обороны.

Вот для чего нужно было разрешение на хождение доллара и открытость нашего рынка: чтобы разом подорвать и обороноспособность страны, и жизнеспособность народа.

А какой механизм создали для изымания у государства доходов от нефти? Нефть добыли по низкой себестоимости (вариант: дёшево купили по внутренним ценам за рубли у скважины); перепродали офшорной компании за рубли же, и тоже дёшево. С полученной маленькой прибыли заплатили государству маленькие налоги. Офшорная компания продала нефть за границей уже за доллары, по настоящей цене, и не платит никаких налогов, потому что в офшоре налогов нет. Основной доход уплыл из страны, и скрылся от налогообложения.

Вопрос: что надо для работы такого механизма? Ответ: открытая экономика и доллар, циркулирующий по России наравне с рублём.

Итак, долларизация выгодна, во-первых, воришкам, чтобы без хлопот вывозить наворованное (кстати, как и в случае с золотым рублём, начеканенным графом Витте). Во-вторых, она выгодна правительству воришек, поскольку позволяет ему скрывать истинные масштабы воровства: перевели рубли в доллар, и концы в воду. Доллар-то не наш, правительство за него не отвечает. В-третьих, она выгодна Западу. Американский доллар, гуляющий по России, для американского банка есть гарантия от всяких случайностей; Россия через доллар принимает себе американскую инфляцию; Россия, покупая доллар, инвестирует американскую экономику.

А сеть обменников для народа, и весь шум о «вхождении в мировую экономику» (или, там, цивилизацию), или о том, что «в долларах удобно хранить», — он шум и есть.

Пока масштаб цен, зарплат и социальных трат не привели в соответствие с мировыми (а это не сделано до сих пор), рубль должен был циркулировать, не меняясь ни на какие СКВ, а поток наличных денег должен был быть строго закрыт по отношению к внешнему рынку. Эту закрытость обеспечивала государственная монополия внешней торговли. А Горбачёв её отменил, разрушив всю систему.

Чтобы лишний раз показать, сколь высокое значение имел сам факт наличия государственной монополии внешней торговли для страны, уместно вспомнить мнение Сталина, высказанное по этому вопросу — правда, в довольно необычном контексте.

По воспоминаниям Н.К. Черкасова (он играл роль Ивана Грозного), когда в 1947 году он и режиссёр С.М. Эйзенштейн встречались со Сталиным, был упомянут и этот аспект экономической политики:

«Говоря о государственной деятельности Грозного, товарищ И.В. Сталин заметил, что Иван IV был великим и мудрым правителем, который ограждал страну от проникновения иностранного влияния и стремился объединить Россию. В частности, говоря о прогрессивной деятельности Грозного, товарищ И.В. Сталин подчеркнул, что Иван IV впервые в России ввёл монополию внешней торговли, добавив, что после него это сделал только Ленин».

Горбачёв, как ни клялся в любви к Ленину, предал его дело. С января 1987 года право непосредственно проводить экспортно-импортные операции получили набравшие силу ведомства: двадцать министерств и семьдесят крупных предприятий. Через год были ликвидированы Министерство внешней торговли и ГКЭС СССР, и учреждено Министерство внешнеэкономических связей СССР, которое уже лишь «регистрировало предприятия, кооперативы и иные организации, ведущие экспортно-импортные операции».

Как следствие, в 1988-1989 годах начался валютный кризис, в окончательную стадию которого страна вступила уже в 1990-е годы. Внешний долг, который практически отсутствовал в 1985 году, в 1987 составлял 39 млрд. долларов, а к концу 1990-го достиг, по разным оценкам, 60-65 млрд., а платежи по его обслуживанию — 23 % экспорта в СКВ. К концу 1991 он вырос почти до 120 млрд. долларов.

При таких условиях глобальный спад производства стал практически неизбежным, что и произошло в 1991 году, когда темп сокращения ВВП по сравнению с предыдущим годом утроился. Решающую роль в таком развитии событий сыграл «внешнеторговый

шок»: рост внешнего долга заставил государство сократить импорт, в том числе оборудования, на 48 %, что и привело к спаду во многих отраслях.

Видимо, не поняв (или, наоборот, отлично поняв), что экономика страны страдает от разрушения монополии внешней торговли, начатого им в 1987 году, Горбачёв законом от 1990 года дал право внешней торговли ещё и местным Советам. При государственных предприятиях и исполкомах мгновенно возникла сеть кооперативов и совместных предприятий, занятых вывозом товаров за рубеж, что быстро сократило государственный доход, а заодно и поступление товара на внутренний рынок. Магазины стояли абсолютно пустыми.

Ожидать, что получится именно это, мог бы даже человек самых средних способностей. Многие наши товары, будучи вывезенными за границу, давали выручку до 50 долларов на 1 рубль затрат; их скупали у предприятий на корню. Некоторые изделия (например, алюминиевая посуда) «превращались» в удобный для перевозки лом и продавались как материал. По оценкам экспертов, в 1990-м была вывезена треть произведённых в стране потребительских товаров. Пример: зимой 1991 года к премьер-министру В.С. Павлову обратилось правительство Турции с просьбой организовать по всей территории Турции сеть станций технического обслуживания советских цветных телевизоров, которых имелось уже более миллиона. А по официальным данным, из СССР в Турцию не было продано ни одного телевизора. (Вот вам сразу и конкурентоспособность, и качество советского товара.)

Раньше Советское государство через план поддерживало баланс между производством, потреблением и накоплением. Распределение ресурсов между отраслями и предприятиями регулировалось планом и ценами. В решениях XXVII съезда КПСС и в утверждённом Законом Государственном пятилетнем плане на 1986-1990 не было и намёка на отступление от этих принципов; подтверждалось и продолжение больших межотраслевых государственных программ — Продовольственной и Энергетической.

Вопреки этому в июне 1987 стали свёртывать плановую систему распределения ресурсов: появилось постановление ЦК КПСС и СМ СССР о сокращении номенклатуры планируемых видов продукции, доводимых до предприятий в форме госзаказа, а взамен планируемых поставок начали создавать сеть товарных и товарно-сырьевых бирж (последняя товарная биржа была закрыта у нас в конце 1920-х годов).

Для слома плановости применялись явные подлоги. Так, советник президента СССР по экономическим вопросам академик А.Г.

Аганбегян заявил, что в СССР производится слишком много тракторов, что реальная потребность в них сельского хозяйства в 3-4 раза меньше. Этот сенсационный пример и до сих пор широко цитируется в литературе. На деле СССР лишь в 1988 году достиг максимума в 12 тракторов на 1000 га пашни, притом, что в Европе норма была 120 тракторов (даже в Польше было 77, а в Японии 440), — дело было в их мощности, и мы писали об этом немного выше. Такой же миф запустили о производстве удобрений, стали и многого другого.

В марте 1989 специализированные банки (Промстройбанк, Агропромбанк и другие) были переведены на хозрасчёт, а с 1990-го стали преобразовываться в коммерческие. В августе 1990 года возникла Общесоюзная валютная биржа. В СССР началась продажа денег.

Всеми этими мерами был открыт путь к неконтролируемому росту цен и снижению реальных доходов населения. Государство лишилось экономической основы для выполнения своих обязательств перед гражданами, в частности, пенсионерами. В августе 1990 года был образован Пенсионный фонд СССР.

В 1991 году ликвидировали Госснаб СССР; страна погрузилась в состояние «без плана и без рынка».

Был подорван внешнеторговый баланс. До 1989 года СССР имел стабильное положительное сальдо во внешней торговле; в 1987 превышение экспорта над импортом составляло 7,4 млрд. рублей, а в 1990 году было уже отрицательное сальдо в 10 млрд. рублей. Заодно подорвали отечественную лёгкую и пищевую промышленность. В это время уже в полной мере сказались экономические последствия антиалкогольной кампании: виноградники были вырублены, а громадные доходы от торговли спиртным перестали поступать государству.

Полагают, что за счёт дальнейшего разрушения финансовой системы — дефицита госбюджета, внутреннего долга и продажи валютных запасов, правительство пыталось оттянуть развязку. Может быть, и так. А может быть, правительство через эти инструменты стремилось к ускорению развязки. Трудно судить, чего там было больше: глупости, некомпетентности, случайности или вредительства.

Дефицит госбюджета СССР, составлявший в 1985 году 13,9 млрд. рублей, в 1990 увеличился до 41,4 млрд., а за 9 месяцев 1991 прыгнул до 89 млрд., — за один только июнь подскочив на 30 млрд. рублей. Не менее активно рос государственный внутренний долг: от 142 млрд. рублей (18,2 % ВНП) в 1985 году, до 566 млрд. (56,6 % ВНП)

в 1990-м; за 9 месяцев 1991 он составил 890 млрд. рублей. Золотой запас (2000 тонн в начале перестройки) в 1991 году упал до 200 тонн. Страну продавали Западу вместе с её золотом.

Было проведено радикальное изменение всей структуры управления. За один год в отраслях полностью ликвидировали среднее звено управления, перейдя к двухзвенной системе «министерство-завод». В центральных органах управления СССР и республик было сокращено 593 тыс. работников. На 40 % уменьшилось число структурных подразделений центрального аппарата. Прямым результатом стало разрушение информационной системы народного хозяйства, ведь поскольку компьютерных сетей накопления, хранения и распространения информации ещё не появилось, опытные кадры с их документацией были главными элементами системы. Когда этих людей уволили, а их тетради и картотеки свалили в кладовки, потоки информации оказались блокированы. Это раздуло разруху и неразбериху, но фактически уже начиная с 1986 года центральный аппарат управления хозяйством был недееспособен.

Крах государственности

В предыдущей главе мы показали, что у организаторов перестройки не было экономической концепции. Точно также не было у них и никакой государственной идеи. Но ведь какие-то цели они преследовали? Мы можем догадаться о них, зная, что получилось в итоге.

Заметим, что наши государственные мужи — и при Горбачёве, и при Ельцине, — не обращали внимания на бедственное положение финансов страны, на прогрессирующую нищету населения. Главной для них была забота о личном комфорте и роскоши. Стало нормой, что очередное «первое лицо» начинает со строительства и обустройства новых резиденций, которые производит по своему вкусу и с учётом капризов домочадцев. Россия с каждым обновлением элиты приучалась запоминать новые названия их резиденций, под Москвой и на юге. Кстати, не стал исключением из этого правила и В.В. Путин.

И так — по всем цепочкам: от Генсека (президента) до главы администрации занюханного района, от предсовмина и министров — до директоров заводов, и т.д. Разница была (и есть) только в масштабах: элита центра смотрела на Запад, элита областей — на Москву, а элита районов подражала своим областным руководителям.

Но роскошную жизнь элиты сильно затрудняла государственная идеология, а поскольку идеология относится к самым высоким целям государства, под неё подстраивается всё остальное: способ перераспределения собственности (экономика), порядок и нормы ответственности (юстиция), практика правоохранной деятельности. По всем позициям при социалистической идеологии элита получала сплошные рогатки. А ей хотелось, чтобы перераспределение богатств было в её пользу, и без юридической ответственности, и милиция чтобы защищала её же.

Короче, целью партийной, государственной, хозяйственной и «теневой» элиты при Горбачёве был слом идеологии. А чтобы подорвать существующие государственные ценности, закреплённые в стереотипных представлениях населения, надо было воздействовать на обыденное сознание, на повседневные мысли среднего человека. Самый эффективный способ воздействия — неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру. Как известно, человек любит сенсации, но не склонен верить чему-то совершенно небывалому. Но если об этом небывалом со всё новыми подробностями ежедневно сообщают десятки газет и пять телеканалов, поневоле поверишь.

Вот ради этого: развала старой идеологии, правящая верхушка и выдвинула лозунг *гласности*. Для порядка отметим, что цели создания новой российской идеологии не было; её и до сих пор нет, а есть тупое следование западным теоретическим моделям.

Сначала взялись за Сталина, чему народ, в общем, не очень удивился: это была уже известная тема. На Сталине тренировали журналистов — они ведь тоже были людьми, с детства впитавшими уважение к социалистическому прошлому. Характерно, что заодно «реабилитировали» Троцкого. Когда взялись за Ленина, был период очень бурного неприятия «чёрной» информации о сакральном вожде. Но ничего, постепенно привыкли. То, что Маркс, оказывается, был сумасшедшим, чьи толстенные книги и при его-то жизни никто понять не мог, прошло мимо сознания народа — он Маркса никогда не читал.

В целом картина складывалась такая: Ленин — безмозглый сифилитик, Сталин — сатрап и параноик, Берия — половой маньяк и садист, Хрущёв — кукурузный волюнтарист, Брежнев — «бровеносец в потёмках». Черненко, кажется, даже не вспоминали. Единственным «светлым пятном» остался Андропов, но потом и ему припомнили борьбу за дисциплину. Действительно — при чём тут дисциплина, когда мы боремся за полную свободу?

Но фоне такого прошлого в настоящем нельзя было найти ничего хорошего, кроме Горбачёва, ибо ему «альтернативы нет». Вывод: семьдесят лет нашей истории нужно забыть, идеологию выкинуть, и начинать с начала. Кстати, по выступлениям сегодняшнего руководства можно судить, насколько капитально промыли людям мозги. Даже В.В. Путин, рождённый всё-таки в СССР, путается с возрастом России. Он говорит: «…любое новое молодое государство, а поскольку у нас новая Конституция и совершенно другое устройство, чем было в Советском Союзе, современная Россия является государством новым, несмотря на свою тысячелетнюю историю…»

Всю работу по разрушению массового сознания совершенно добровольно выполнила некоторая часть творческой интеллигенции. На первых порах сенсационность породила ажиотаж у читателей: тиражи газет улетели за небеса, а от тиража зависит размер гонорара. Позже, когда творческая и прочая элита уже втянулась в разоблачительский раж, ей стало некуда отступать. Только при новой, антисоветской власти эти люди приобретали хоть какой-то общественный статус и могли надеяться существенно повысить своё материальное положение, вытеснив «старых», коммунистических газетчиков и писателей, и попав в ряды элиты. А уровень жизни, к которому стремились все примазывавшиеся к «прорабам перестройки» — это был уровень обеспеченности западной элиты. Так же вела себя русская элита в дореволюционное время: Запад, вот был их единственный свет в окошке.

Разрешили вещание западных радиостанций, все эти годы в рамках холодной войны, ведущейся против нас, не имевших никаких других задач, кроме разрушения советского государства. Всё громче стали звучать голоса диссидентов, профессиональных антисоветчиков. Впрочем, как мы уже говорили, диссиденты были разные. Например, А.Д. Сахаров выдвигал идею «За Советы без коммунистов».

Как бы то ни было, идеи диссидентов стали востребованными, они были нужны для оправдания планируемых социальных перемен. А разноголосица в их стане была перестройщикам даже полезна, поскольку народ, привыкая, что социализм плох, переставал задумываться, а что же, в таком случае, хорошо?

Гласность — большая программа по разрушению образов, символов и идей, скреплявших советское общество — была проведена всей силой государственных средств массовой информации с участием авторитетных учёных, поэтов, артистов. Успех её был обеспечен полной блокадой той части интеллигенции, которая взывала к здравому

смыслу и полным недопущением общественного диалога — «реакционное большинство» высказаться не могло.

Дискредитации подвергалось всё, и прошлое, и настоящее. Интенсивно использовались темы катастроф, допущенных при социализме (Чернобыль, гибель теплохода «Адмирал Нахимов»), инциденты (перелёт в Москву самолёта М. Руста), кровопролития (Новочеркасск, Тбилиси). Большой психологический эффект вызвало широкое обсуждение заражения двадцати детей СПИДом в больнице города Элиста в Калмыкии. Этот случай показателен тем, что в те же дни в Париже Национальная служба переливания крови Франции, скупая по дешёвке кровь бездомных и наркоманов, заразила СПИДом четыре тысячи человек, — но об это у нас сообщили вскользь.

Чисто идеологические задачи выполняло так называемое «экологическое движение», которое порой доводило читающую публику до психоза рассказами о «советских ужасах» (нитратный скандал, поворот рек, закрытие Игналинской и Армянской АЭС). И сегодня «экологическое движение» очень часто способствует продвижению антигосударственных деяний, заглушая шумом надуманных проблем — проблемы реальные.

Особым видом идеологического воздействия стали «опросы общественного мнения». Сама методика подачи материала, когда опросили полторы тысячи человек, а в итоге написали: «судя по опросам, столько-то процентов населения поддерживают то-то…», дезориентирует простого человека.

А самым главным аттракционом перестройки, устоять перед которым не мог никто, стала пропаганда западного образа жизни. Телевизионные картинки, закусочные «Макдональдс», импортные машины самим свои существование призывали «жить, как там». Никому в голову не приходило, что «жить, как там» можно только там. Никто не задумывался, почему в Нигерии, Португалии, в Аргентине или Бразилии, — странах, от социализма весьма далёких, — живут не как «там»: в Америке, Франции или Германии.

Советскому народу рассказывали о единой мировой цивилизации, имеющей свою «правильную» столбовую дорогу, от которой Россия при социализме (а особенно при Сталине) «отклонилась». Из этого вытекала концепция нашего «возврата в цивилизацию», причём каждый член элиты по-разному понимал «возврат» в эту цивилизацию. Идеалисты-гуманисты, возможно, и впрямь верили, что из России можно сделать Германию или, на худой конец, Португалию. Циники-прагматики полагали полезным запродать эту Россию кому угодно, чтобы она стала пусть периферией, но всё же западного мира… А главным препятствием для возврата к цивилизации

и тем, и другим виделось советское государство, и потому совсем не удивительно, что в процессе гласности был очернён образ практически всех его институтов. Именно ВСЕХ. Не только государственной системы хозяйства, органов безопасности и армии, но и Академии наук, и Союза писателей, и даже детских садов и пионерских лагерей.

После создания негативных стереотипов началась реформа органов власти и управления.

Каждый этап реорганизации государственной системы сопровождался разными идеологическими штампами. Они становились всё более радикальными, и всё дальше отходили от принципов советского жизнеустройства. Сначала (до января 1987) главенствовал призыв «Больше социализма!», затем оказалось, что нужно «Больше демократии!» В 1987 году, в ходе подготовки к демократии, в состав УВД ввели отряды милиции особого назначения (ОМОН), предназначенные для охраны общественного порядка во время митингов и демонстраций. В 1989 году на вооружение милиции поступила резиновая дубинка (прозванная в народе «демократизатором»), что имело большое символическое значение.

С 1988 года начались радикальные изменения всех государственных органов. Через так называемую Конституционную реформу была изменена структура верховных органов власти и избирательная система. Выборы депутатов в новые органы не были вполне равными и прямыми: треть состава избиралась в «общественных организациях», причём их «делегатами». На выборах не соблюдался и принцип «один человек — один голос». Например, академик, будучи членом ЦК КПСС и членом Филателистического общества СССР, голосовал 4 раза: в округе и в трёх общественных организациях, а некоторые категории граждан могли голосовать и десять раз.

В 1988 появились первые массовые политические организации с антисоветскими и антисоюзными платформами — «Народные фронты» в республиках Прибалтики. Они возникли при поддержке руководства ЦК КПСС и вначале декларировали цель защиты «гласности», но очень быстро перешли к лозунгам экономического («республиканский хозрасчет»), а потом и политического сепаратизма.

Другим типом антисоветских и антисоюзных движений были возникающие националистические организации, которые открыто готовили почву для конфликта и с союзным центром, и с национальными меньшинствами внутри республик. «Демократизация» ничего этому не противопоставила.

На I съезде народных депутатов организовалась Межрегиональная депутатская группа, программа которой была изложена в «Тезисах к платформе МДГ» в сентябре 1989 года. МДГ сразу встала на антисоветские и антисоюзные позиции (называя СССР «империей»), и поддержала лидеров национальных сепаратистов. Два главных требования МДГ сыграли большую роль в дальнейшем — за отмену 6-й статьи Конституции СССР (о руководящей роли КПСС), и за легализацию забастовок. Эта группа выдвинула лозунг «Вся власть Советам!» для подрыва гегемонии КПСС, а впоследствии объявили Советы прибежищем партократов.

Как известно, позже, вслед за КПСС, не стало и Советов.

А легализация забастовок дала средство шантажа союзной власти и поддержки политических требований антисоветской оппозиции: лидеры МДГ прямо призывали шахтёров Кузбасса бастовать, и эти забастовки сыграли большую роль в разрушении государственности. Что интересно, избранный в 1989 году Верховный Совет СССР был первым за советское время, среди депутатов которого практически не было рабочих и крестьян, — подавляющее большинство составляли учёные, журналисты и работники управления. По этому поводу шахтёры бастовать не стали, — или их никто на это не науськивал.

В январе 1990 возникло радикальное движение «Демократическая Россия», положившее в основу своей идеологии антикоммунизм.

В марте 1990 в ходе III Съезда народных депутатов уже сама КПСС, по решению состоявшегося накануне Пленума ЦК, внесла в порядке законодательной инициативы проект отмены 6-й статьи Конституции с одновременным введением поста Президента СССР. Это предложение было принято; стержень всей политической системы прежнего государства — 18-миллионная КПСС, был выдернут. Элита, вышедшая из недр этой партии, приобрела независимость от партии.

Президент СССР должен был избираться прямыми выборами, но в первый (и последний) раз он «в порядке исключения» был избран народными депутатами СССР. В 1990 году Горбачёв уже не мог быть уверен, что его изберут на прямых выборах.

Тогда же упразднили Совет Министров СССР, и создали правительство нового типа — Кабинет Министров при Президенте, с более низким статусом и более узкими функциями.

В мае 1991 был представлен проект Закона о разгосударствлении и приватизации промышленных предприятий. Часть экономистов активно поддержала эту идею как чуть ли не главный способ оживления экономики. В ответ на это криминалисты

предупредили, что преступный капитал обязательно создаст совершенно особый олигархический уклад, из которого не сможет вырасти здоровая рыночная экономика. Преступный капитализм непременно будет антигосударственным, и самыми мягкими проявлениями этого будет вывоз капитала и неуплата налогов. Как они были правы!

Такова, в общих чертах, была хронология событий. Но имелись и очень интересные частности.

…Когда государственный аппарат превратился в сложный конгломерат сотрудничающих и противоборствующих кланов, разгорелась жёсткая идеологическая кампания против КГБ, МВД и армии. Разрушался положительный образ всех вооружённых сил в общественном сознании, а заодно ударяли по самоуважению офицерского корпуса. С первых лет перестройки военное руководство отстранили от участия в решении важнейших военно-политических вопросов. Весь мир поразило заявление Горбачёва (15 января 1986) о программе полного ядерного разоружения СССР в течение 15 лет. Советскую армию оно поразило ещё больше: военные не знали об этой программе.

А ведь на протяжении всей истории России именно армия была самым уважаемым общественным институтом; ни одно движение в сторону перемен государственного устройства не могло быть сделано, если был хоть малейший намёк, что ухудшатся возможности армии. А теперь армию, по сути, начали «разгонять». В чьих интересах?

В 1986 году была создана межведомственная комиссия по разоружению из руководителей МИД, МО, КГБ, военно-промышленной комиссии Совмина и ряда отделов ЦК КПСС. Она пошла (10 марта 1990) на открытый конфликт с верховной властью из-за того, что договорённости с США по разоружению не только не согласовывались, но даже не доводились до сведения комиссии. Начальник Генштаба М.А. Моисеев доложил, что в результате деятельности министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе США получили право иметь 11 тыс. боеголовок против 6 тыс. для СССР.

После этого конфликта комиссия были ликвидирована.

В последние годы перестройки ЦРУ оценивало наши военные расходы, как не очень высокие, утверждая, что они в 1989 году никак не превышали 130-160 млрд. рублей. Зато государственный департамент США и его же Министерство обороны настаивали, что они существенно выше. Штатам завысить эти расходы надо было, чтобы представить СССР всемирным пугалом, монстром, который ради уничтожения «цивилизации» ограбил собственный народ.

Высшие вожди перестройки взяли сторону Госдепа США.

Шеварднадзе заявил в мае 1988 года, что военные расходы СССР составляют 19 % от ВНП. Затем, в апреле 1990 года, Горбачёв округлил цифру до 20 %. Так перестройщики добрались до главного пункта, особо интересовавшего нашего противника по холодной войне. С подачи Горбачёва и Шеварднадзе, печать и телевидение переполнили высказывания об армии, как основном «бремени советской экономики». Часто цитировались подсчёты академиков Ю. Рыжова и Г. Арбатова; вопреки официально объявленным на 1989 год цифрам (военный бюджет СССР был утверждён в размере 20,2 млрд. рублей, или примерно 2 % советского ВНП), они считали, что советские военные расходы в десять раз больше.

В это время США тратили на военные нужды около 300 млрд. долларов в год, а официальный курс доллара равнялся примерно 60 копейкам. Простое деление военного бюджета США (с прибавлением к нему 25-30 %) на этот курс давало примерно ту цифру, которую приводили советские политики и экономисты. Такая «методика» представлялась им обоснованной, ибо они исходили из наличия официально провозглашённого военного паритета между СССР и США. Причём, давая свои оценки военным расходам СССР, ни Горбачёв, ни Шеварнадзе, ни академики Рыжов, Арбатов и Богомолов никогда не приводили никаких доказательств в подтверждение своих слов.

…Национальная политика в СССР, как и в Российской империи, не имела ассимиляционного характера. То есть, русские не поглощали нацменьшинств. Так, четыре переписи населения (с 1959 по 1989) показали небольшое, но постоянное снижение доли русских в населении СССР (с 54,6 до 50,8 %). Численность же малых народов, которые первыми исчезают при ассимиляции, регулярно росла — даже столь малочисленных народов, которые по западным меркам теоретически не могут уцелеть и не раствориться.

И точно так же, как ранее русский, так позже и советский народ сложился как продукт длительного развития единого государства. Граждане этого государства, какой бы национальности они ни были, воспринимали СССР как отечество, и проявляли лояльность к символам этого государства. Согласно всем современным представлениям о государстве и нации, советский народ был нормальной полиэтнической нацией, не менее реальной, чем китайская, американская, бразильская или индийская нации. Единое хозяйство, единая школа и единая армия связали граждан СССР.

А экономическую основу этого государства составляла общенародная собственность. Приватизация промышленности без

разделения Союза была невозможна; раздел общего достояния сразу порождал межнациональные противоречия. Так и вышло: как только был декларирован переход к рынку, и возникла перспектива приватизации, республиканские элиты в короткие сроки создали националистическую идеологию и внедрили её в сознание соплеменников, применяя те же способы, что и общесоюзная *гласность* — но с другими акцентами.

И эти заведомые разрушители великой страны получили поддержку влиятельных идеологов перестройки в центре! Сепаратизм соединился с подрывом государства изнутри.

В мае 1989 года Балтийская ассамблея заявила, что нахождение Латвии, Литвы и Эстонии в составе СССР не имеет правового основания. На II Съезде народных депутатов СССР (январь 1990) рассмотрели вопрос об оценке пакта между Сталиным и Гитлером о ненападаении, по результатам работы специальной парламентской комиссии под руководством А.Н. Яковлева. Пакт, разумеется, осудили, и «прибалтийская модель» задала культурную и идеологическую матрицу для националистических движений в других республиках СССР.

В центре политического процесса, в Москве, и особенно в верховных органах власти, выдвинули идею освобождения нерусских народов от русского «колониального господства», ради их политического самоопределения. Г.В. Старовойтова, главный в то время эксперт демократов по национальному вопросу, заявляла, что нации есть основа гражданского общества, и их самоопределение приоритетно.

Государственный интерес уже не учитывался.

Положение усугубилось после выборов народных депутатов РСФСР (1990), на которых победили радикальные демократы. С этого момента высший орган власти России — ядра СССР, оказал безоговорочную поддержку всем актам суверенизации союзных республик.

С разделением страны не стоило бы и спорить, если бы были хоть какие то расчёты, показывающие, что в «разделённом» Союзе улучшилась бы экономическая ситуация, повысился уровень жизни народов. Но об этом никто не думал; отказ от единства был выгоден только и исключительно элитам бывших республик СССР. А вот и подтверждение: Россия сразу заключила двусторонние договора с Украиной, Казахстаном, Белоруссией, Молдавией и Латвией, не имеющие никакого экономического значения. Их смысл был в том, что впервые республики были декларированы как суверенные государства — национальные элиты получили право развязанных рук.

В июне 1990 года I Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о суверенитете России, что означало раздел общенародного достояния СССР и верховенство республиканских законов над законами Союза. В октябре 1990 принимается Закон РСФСР «О действии актов Союза ССР на территории РСФСР», устанавливающий наказание для граждан и должностных лиц, исполняющих союзные законы, не ратифицированные ВС РСФСР — беспрецедентный в мировой юридической практике акт. Затем появился Закон «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР», который перевёл предприятия союзного подчинения под юрисдикцию России. Закон о бюджете на 1991 год ввёл одноканальную систему налогообложения, лишив союзный центр собственных финансовых источников.

Вслед за РСФСР Декларации о суверенитете, содержащие официальную установку на создание этнических государств, приняли союзные и некоторые автономные республики.

В августе 1990 года Ельцин, выступая в Верховном Совете Латвии, сказал: «Россия, возможно, будет участвовать в Союзном договоре. Но, мне кажется, на таких условиях, на которые Центр или не пойдёт, или, по крайней мере, очень долго не пойдет».

Но «центр» не спешил сдаваться. В декабре 1990 на IV Съезде народных депутатов СССР поимённым голосованием было принято решение о сохранении федеративного государства с прежним названием: Союз Советских Социалистических Республик, а весной 1991 президент СССР М.С. Горбачёв, вопреки мнению экспертов, вынес вопрос о сохранении СССР на референдум. Сама его формула включала в себя сразу несколько вопросов, и допускала разные толкования их смысла. Референдум был объявлен общесоюзным, но итоги голосования подводились по каждой республике в отдельности. Введённые в схему референдума противоречия лишали любой ответ юридической силы — например, голосование «против» сохранения СССР не означало голосования «за выход» из Союза. И что же? 76,4 % участвовавших в голосовании высказались за сохранение СССР. Никакого влияния на политический процесс это не оказало; «демократам» из элиты было наплевать на мнение демоса.

23 апреля 1991 года в Ново-Огарёво под председательством президента СССР началась доработка проекта Союзного договора и определение порядка его подписания.

В июне 1991 года прошли выборы первого президента РСФСР; им был избран Б.Н. Ельцин.

В июле на пленуме ЦК КПСС, после резких выступлений депутатов, Горбачёва обязали представить отчётный доклад на съезде

КПСС осенью того же года. Но 2 июля произошёл формальный раскол партии — в ней было учреждено «Движение демократических реформ» по главе с А.Н. Яковлевым и Э.А. Шеварднадзе, опубликовавшими заявление в крайне антигосударственном духе. **Руководитель государства Горбачёв поддержал это антигосударственное движение**, как направленное «на достижение согласия, единства».

23 июля в Ново-Огарёво было решено подписать Договор в сентябре-октябре, но 29-30 июля на закрытой встрече Горбачёв, Ельцин и руководитель Казахстана Назарбаев согласились провести подписание 20 августа, вне рамок Съезда народных депутатов СССР. Новый текст Договора не был передан Верховным Советам республик, и не публиковался до 15 августа 1991 года.

Горбачёв предлагал «мягкую» Федерацию республик. Значительная часть высших должностных лиц не были согласны; они выступали за «жёсткий» вариант Союза. Координационный совет движения «Демократическая Россия» не желал ни того, ни другого, и обратился к Ельцину с требованием отстаивать, по сути, конфедеративный Союз, ликвидировать Съезд народных депутатов и ВС СССР, с перспективой создания не советского и не социалистического государства.

В Верховном Совете СССР премьер-министр В.С. Павлов потребовал чрезвычайных полномочий, а министры обороны, внутренних дел и председатель КГБ на закрытом заседании поставили вопрос о введении чрезвычайного положения.

Дворцовые перевороты 1991 года

Постоянное шараханье М.С. Горбачёва из одной крайности в другую, неспособность сформулировать внятную политическую линию, мелкое провинциальное интриганство — всё это привело к глубокому разочарованию его правлением в обществе. Но элиту он вполне устраивал. Для неё Горбачёв и впрямь не имел альтернативы!

Экономика страны шла под откос, объёмы производства сокращались, цены неуклонно ползли вверх, появилась безработица. Социальное напряжение росло, забастовки, особенно среди шахтёров, стали будничным явлением. Некоторые полагают, что Горбачёв «беспомощно барахтался в потоке событий, увлекавшем его в гибельный водоворот». Да нет же, он себя прекрасно чувствовал. Он был специалистом по «консенсусу» и, не имея собственных мыслей,

оставаясь генсеком, а затем президентом, раздал все основные рычаги управления страной, — прежде всего, СМИ, так называемым «прорабам перестройки», — своего рода боярам, а сам стоял над ними и произносил очень правильные речи. **Никакого плана действий у Горбачёва не было**, — а раз не было планов, то и «команды Горбачёва», как объединения единомышленников, не существовало.

Политбюро и до его прихода представляло собой скопище враждовавших друг с другом людей; каждый вёл свою игру. Пока на самом верху сменяли друг друга заслуженные старики — Брежнев, Андропов, Черненко, — члены и кандидаты «второго слоя» сидели тихо. Ситуация напоминала времена позднего Ивана IV и царя Фёдора: пока на престоле законная династия, чего бодаться-то? Но с пресечением династии и воцарением Б.Ф. Годунова, всего лишь одного из бояр, остальные бояре немедленно передрались, и получилась Смута. Почему? Да потому, что Годунов руководил страной, а знатные бояре считали себя не менее родовитыми для такой должности.

Горбачёв же на деле не руководил ни страной, ни партией: он был декоративной фигурой. Главным его свойством было чёткое понимание ограниченности своих способностей. Он не был ни интеллектуалом, ни политиком, но зато обладал потрясающим талантом приспособленца. Он, что называется, жил сам, и другим жить давал. Потому он и стал генеральным секретарём, что остальные члены понимали, — придёт кто другой, передерёмся. А при нём элите было спокойно: он объявил перестройку и дальше только и делал, что трендел о «новом мышлении», а каждый «боярин» поступал, как считал нужным.

Решился ли бы сам Горбачёв дать отмашку прессе к началу кампании очернения Ленина? Нет, ведь он клялся именем Ленина, он лично открыл шикарный памятник Ленину на Калужской площади в Москве. Будем ли предполагать, что Горбачёв сам не то, что инициировал, а даже задумал многоходовую комбинацию с реорганизацией внешней торговли и сломом финансовой системы? С гласностью, разнёсшей вдребезги любимый им социализм? С созывом I съезда народных депутатов? Не мог он ничего придумать сам. Известно, что даже антиалкогольную кампанию его имени придумал не он, а Е.К. Лигачёв.

Вот яркий пример, насколько он был элите нужен. На пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 24-25 апреля 1991 года, предполагалось определить пути развития страны (и это после шести лет «перестройки»!). С первых минут соратники подвергли Горбачёва жёсткой критике, и он тут же поставил вопрос о своей отставке с поста генерального секретаря. И члены ЦК стали просить его не делать этого,

остаться на капитанском мостике. Самое интересное: после такого «стресса» участники пленума забыли, что собрались для обсуждения путей развития страны. Развал был полный и в стране, и в умах её правителей.

Начался этот развал давно, и появление на вершине власти такого серого партийного функционера, как Горбачёв, было естественным, ибо стало итогом деградации замкнутой касты вождей, результатом «отрицательного отбора». Дело в том, что для своего сохранения власть со времён Хрущёва подбирала себе сотрудников интеллектуально более убогих, чем начальники. Потом сотрудник сам становился начальником, и шёл подбор ещё более убогих сотрудников.

Наряду с деятельностью перестройщиков, в стране формировался и быстро рос центр оппозиционных сил во главе с Б.Н. Ельциным, который 12 июня 1991 года стал конституционно избранным президентом РСФСР. Говорят, «реформаторский бум», начавшийся с его возвышением после 1991 года, был революцией людей второго и третьего эшелона в руководстве. И опять, среди тех, кого вознесла эта следующая после начала перестройки «революционная волна», не оказалось ни одного достойного человека. Так что кризис в стране был, прежде всего, кризисом управления, кризисом кадров.

Усилиями члена горбачёвского Политбюро А.Н. Яковлева почти все средства массовой информации к лету 1991 оказались в руках оппозиции тому же самому Горбачёву. Этот блок был не менее разношёрстным, чем несостоявшаяся «команда Горбачёва», и единственное, что их объединяло — это стремление «сесть» наверху, чтобы обеспечить самим себе безбедное существование. Ельцин и его сторонники строили свою политическую борьбу на резкой критике и сталинизма, и застоя, и горбачёвской перестройки — в общем, на отрицании всего и вся. **Никакой позитивной программы оппозиция не предлагала**.

На этом фоне произошло то, что получило название «путч ГКЧП».

Тогдашний премьер-министр СССР В.С. Павлов вспоминал:

«*Из доклада приехавших товарищей однозначно следовало, что Горбачёв выбрал свой обычный метод поведения — вы делайте, а я подожду в сторонке, получается — я с вами, нет — я ваш противник и не в курсе дела. Об этом свидетельствовали и его ссылка на самочувствие, и пожелание успеха накануне, и «делайте, что хотите сами» под предлогом завершения лечебных процедур*».

Иначе говоря, путч не был стихийным. Пока Горбачёв с одними своими «соратниками» (из числа руководителей республик СССР) и при участии Ельцина готовил Союзный договор, другие его «соратники» (из числа союзного руководства) готовили путч против этого Договора. А Горбачёв — друг и начальник и тем, и другим, — отошёл в сторонку, чтобы посмотреть, кто кого из пауков сожрёт, и приспособиться к ситуации. Разумеется, участники ГКЧП понимали, какая роль им отводится в случае поражения, а потому практически и не действовали, считая, что если будет на то желание масс, то они эти массы возглавят, а если нет, то они ничего особенного и не делали.

Сегодня можно предположить ***невероятное*** (почему мы выделили это слово курсивом, вы поймёте чуть дальше): что за действиями Горбачёва и Ельцина стояли некие силы, центр которых находился за пределами нашей страны. Эти силы, начав игру, итогом видели то, что и случилось — развал СССР. В ином варианте Ельцина «разыгрывали втёмную», поскольку, зная его личную ненависть к Горбачёву, его поведение можно было легко прогнозировать.

Утром 19 августа радио сообщило, что Горбачёв, находящийся в отпуске в Крыму, по состоянию здоровья не может исполнять обязанностей президента, и на основании статьи 127(3) Конституции СССР руководство осуществляет Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) во главе с вице-президентом. Всю полноту власти ГКЧП берёт на себя временно.

В состав ГКЧП входили: вице-президент Г.И. Янаев, премьер-министр В.С. Павлов, министры внутренних дел и обороны, председатель КГБ, член президентского совета по оборонной промышленности и другие. «Путч» был поддержан всем союзным кабинетом министров, который собрался 19 августа. По сути, в «заговоре» участвовала вся верхушка государственной власти СССР, за исключением самого Горбачёва. Никакой точки зрения по конкретным вопросам ГКЧП не высказывал, никаких шагов не предпринимал, кроме ввода в Москву бронетехники «для охраны общественного порядка».

ЦК КПСС, заявив, что «не скажет о своём отношении к ГКЧП, пока не узнает, что случилось с его Генеральным секретарём товарищем Горбачёвым», попросту устранился. А большинство руководителей республик воздержалось от комментариев, сделав вид, что «путч» — внутреннее дело России. И только руководство РСФСР «встало на защиту Конституции и Президента СССР», — притом, что это руководство было в оппозиции Горбачёву. Но теперь, чтобы убрать Горбачёва, Ельцину было нужно преодолеть ГКЧП, — и он объявил

приоритетной задачу спасения генсека-президента, оставаясь его врагом.

Ночью 20 августа произошёл трагический инцидент: в туннеле на Садовом кольце, по которому следовал патруль на БМП, была устроена баррикада; две машины подожгли; возникла сумятица, в которой погибли трое юношей.

Утром 21 августа ситуация определилась: с Горбачёвым официально связались по телефону, к нему поехали вице-президент России А.В. Руцкой и российский премьер-министр И.С. Силаев. Они привезли Горбачёва в Москву, а членов ГКЧП арестовали.

В Москве Горбачёв выдвинул версию, согласно которой он был арестован и лишён связи на своей даче в Форосе (Крым). При последующем расследовании эта версия подтверждения не получила.

Согласно официальной версии, сформулированной Б.Н. Ельциным, а затем даже утвержденной Верховным Советом СССР, в СССР был совершён государственный переворот, организованный группой заговорщиков, которые были признаны преступниками. Эта версия, правда, тоже сомнительна: так, один из обвиняемых по «делу ГКЧП», командующий сухопутными войсками генерал армии В.И. Варенников, отказавшийся от амнистии, был на суде признан невиновным «ввиду отсутствия состава преступления».

Нам тут важно, что **у путчистов не было программы действий**. Сегодня за них говорят, что они, де, хотели, опираясь на остатки силовых структур, не допустить распада Союза ССР. Что они намеревались отсечь паразитные кооперативные организации, присосавшиеся к государственным предприятиям, и опять подключить государство к управлению промышленностью. Так ли это, нет — неизвестно.

В «путч» не были вовлечены никакие организованные политические силы. Высший оперативный орган партии — Политбюро, деятельности в этот период не вёл и решений не принимал, хотя бы потому, что путч застал управление партией врасплох. 20 августа в Москве находилось примерно две трети членов ЦК, однако секретариат проводить пленум не стал. Уголовные дела, возбуждённые после августа против областных организаций КПСС и против ряда членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС были закрыты ввиду полной непричастности этих организаций к событиям в Москве.

Не было также никаких массовых выступлений народа в поддержку ГКЧП или против него, если не считать нескольких тысяч московских интеллектуалов, развернувших не абы где, а перед окнами посольства США троллейбусы поперёк Садового кольца и вставших кордоном вокруг Белого дома. В Москве несмотря на призыв Ельцина и

мэра Г.Х. Попова не забастовало ни одно предприятие, кроме биржи. Это подтверждает, что все политические конфликты перестройки — всего лишь «боярские» разборки, шедшие при полном безразличии подавляющего большинства населения страны.

После августа 1991 года прошёл первый этап революционного перераспределения собственности. Была во внесудебном порядке лишена всей собственности КПСС и предприняты многочисленные попытки захвата собственности других общественных организаций, вузов, редакций газет и т.п. Можно сказать, после провала «путча» новая (российская) власть занялась мародёрством.

А старая (союзная) власть жгла бумаги.

Вот записка Г. Бурбулиса: «В ЦК КПСС идёт форсированное уничтожение документов. Надо срочное распоряжение Генсека — временно приостановить деятельность здания ЦК КПСС. Лужков отключил электроэнергию. Силы для выполнения распоряжения президента СССР — Генсека, у Лужкова есть. Бурбулис». И на нём резолюция от 23 августа: «Согласен. М. Горбачёв».

После этого и начался массовый захват партийного имущества: административных зданий, учебных заведений, издательств, типографий, домов отдыха, служебных дач и т.д. Прямо в ходе заседания сессии Верховного Совета РСФСР под улюлюканье в одночасье ставших яростными антикоммунистами депутатов Ельцин подписал указ о роспуске КПСС. Вызванный на эту сессию Горбачёв подвергся невероятным унижениям со стороны Ельцина, который обращался с ним, как с нашкодившим учеником. Ему прямо было дано понять, что плодами победы над ГКЧП будут пользоваться только «демократы» во главе с Ельциным, а президент СССР полностью проиграл эту игру.

В тот же день Секретариат ЦК КПСС принял постановление, что «ЦК КПСС должен принять трудное, но честное решение о самороспуске, судьбу республиканских компартий и местных партийных организаций определят они сами».

Здесь (в качестве исторического примера) уместно вспомнить 1917 год. Двоевластие: Временное правительство и Советы. Правительство не имело никаких планов действий. Ради «спасения страны» генерал Корнилов поднял мятеж (путч). Противостояли мятежу в основном большевики; после победы они захватили власть сначала в Советах, а потом и в стране, свергнув Временное правительство. После чего началось ожесточённое преследование «контрреволюционных элементов старого мира».

Теперь, более чем 70 лет спустя, началась «борьба с коммунистами», а на деле — сведение личных счётов со своими врагами, преследование которых разворачивалось с ужасающим размахом.

Ю.М. Лужков писал об этих днях так:

«Москва, страна стали перед прямой угрозой расследовательского угара: образовывались всевозможные комиссии, учинялись допросы, собирались свидетельства очевидцев, которые были не на баррикадах, а в коридорах, курилках, что-то слушали и что-то услышали. Рекой текли письменные и устные доносы о неблагонадёжности-неверности святому престолу демократии. Сводились старые и новые счёты, велись подкопы под прямых и более высоких начальников, чьё место приглянулось какому-то проходимцу.

Надо было немедленно остановить эту вакханалию мстительных наветов, лжи, всевозможных разбирательств и уже вызванного ими страха. Мы хорошо знаем, что так начинается красный террор... Надо защищать военных, милицию, сотрудников госбезопасности — всех тех, кто не стал прямым соучастником заговорщиков. Пусть каждый из них станет судьёй самому себе, своим действиям».[15]

А вот свидетельство полковника Генерального штаба В. Баранца:

«После августа в Вооружённых Силах буйным цветом расцвело стукачество. Министерство обороны и Генеральный штаб оно затронуло тоже. Шёл негласный и жёсткий конкурс на занятие вакантных должностей. Не все генералы и офицеры выдерживали испытание на порядочность и нередко применяли запрещённые методы устранения соперников — наушничество, представление компромата на конкурентов членам президентской комиссии… Началось гигантское моральное разложение в генеральском и офицерском корпусе»…

Что интересно, главой президентской комиссии по очистке Вооружённых Сил от «неблагонадёжных» генералов и офицеров, созданной в августе 1991, назначили генерал-полковника Д. Волкогонова, который много лет был заместителем начальника Главного военно-политического управления Советской армии.

Произошла дезорганизация деятельности КГБ СССР. 20 августа КГБ СССР подчинили российскому КГБ, на следующий день его начальником был назначен Л. Шебаршин — руководитель разведки, а уж 22 августа председателем КГБ стал В. Бакатин. По

[15] Лужков Ю. М. «72 часа агонии». М., 1991.

воспоминаниям генерала Н.С. Леонова, одновременно в комитете начала работу комиссия в составе О. Калугина, Г. Якунина и группы американцев. Сегодня известно, на кого работал Калугин; на США. Вы помните наше ***невероятное*** предположение, сделанное три страницы назад?..

В стране в одночасье появилось чудовищное количество демократов — бывших сотрудников «Правды», журнала «Коммунист», преподавателей и слушателей коммунистических академий, членов обкомов и даже ЦК КПСС — в общем, представителей бывших «дворян», элиты второго и третьего эшелона. И это были не просто демократы, а самые радикальные демократы-антикоммунисты. Некоторые из них объясняли: «Мы находились на вершинах коммунистической власти только ради того, чтобы вместо нас тех постов не заняли худшие».

Определённо, у людей недостойных власть перехватили ещё более недостойные.

На открывшемся 2 сентября 1991 года V Съезде народных депутатов СССР делегатам даже не разрешили следовать повестке дня. Н.А. Назарбаев зачитал «Заявление Президента СССР и высших руководителей союзных республик», которое было ультиматумом с требованием самороспуска съезда. Съезд был закрыт, а Верховный Совет СССР полностью деморализован. 14 сентября созданный новый орган — Государственный Совет СССР, принял решение об упразднении большинства министерств и ведомств СССР.

Всю осень 1991 года по столицам бывших республик СССР колесил государственный секретарь США Д. Бейкер, активно обрабатывая их руководителей, подталкивая их к развалу Союза. Но они решили реанимировать подготовку Союзного договора (Ново-Огарёво II), правда, теперь — всего лишь с целью создания конфедерации. Подписать договор выразили готовность десять республик: РСФСР, Украина, Беларусь, Казахстан, Азербайджан, Кыргызстан, Таджикистан, Армения, Туркменистан и Узбекистан. Наконец, 25 ноября проект был окончательно согласован, а 27 ноября опубликован. Он должен был быть подписан в декабре.

Вспомним: ведь именно такого договора, о конфедерации, добивалось движение «Демократическая Россия» от Ельцина совсем недавно, когда он согласовывал с Горбачёвым Союзный договор! Он упирался, и «демократы» ему тогда закамуфлировано грозили отказать в поддержке, если он останется на прежних позициях! Теперь Ельцин неожиданно оказался ещё большим радикалом, чем даже «Демократическая Россия». Ему уже не был нужен никакой Союз, ни как федерация, ни как конфедерация. Это лишний раз характеризует

Б.Н. Ельцина, как человека беспринципного, без твёрдых планов и убеждений, человека, думающего только о себе.

8 декабря 1991 года, за несколько дней до подписания уже согласованного Договора, президенты трёх республик: Б.Н. Ельцин (Россия), Л.М. Кравчук (Украина) и С.С. Шушкевич (Белоруссия), не оповещая руководителей остальных семи республик, в местечке Беловежская пуща в Белоруссии тайно подписали соглашение о **ликвидации** СССР «с целью **сохранения единства**». В их заявлении было сказано, что СССР «как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование».

Первым об этом акте узнал от них самих президент США. Вспомним ещё раз наше ***невероятное*** предположение, что за спиной российских «бояр», разваливавших Союз, стояли иностранные интересы. Такое ли уж оно невероятное, это предположение?..

Среднеазиатские республики, Казахстан и Армения выразили своё недоумение Беловежским соглашением, но было уже поздно. Через два дня после сговора, 10 декабря Кравчук и Шушкевич созвали свои Верховные Советы и ратифицировали соглашения о создании СНГ в составе трёх республик. 12 декабря Верховный Совет РСФСР также ратифицировал представленные документы. Только шесть депутатов нашли в себе мужество проголосовать против расчленения СССР, и лишь один — С.Н. Бабурин, — публично осудил беловежский сговор.

История СССР закончилась.

Началась кампания внутри страны и вне её за передел административных границ между республиками, которые, якобы, были определены произвольно, много раз пересматривались и изменялись.

Новые «независимые» страны, созданные вчерашними членами Политбюро на руинах СССР, были молниеносно приняты в члены ООН. Так им была дана международная гарантия на случай, если вдруг обстоятельства сложатся неблагоприятным для сепаратистов образом: всякая попытка вновь вернуть их в Союз могла быть сорвана теперь уже с помощью международного сообщества. То есть Запад гарантировал необратимость разрушения Советского Союза.

Ельцин позволил оставить Горбачёву небольшую дачу под Москвой, право пользоваться кремлёвской клиникой, пенсию в размере зарплаты, две автомашины и 20 человек охраны и обслуги. Но мог ли Запад бросить такого *заслужившего* человека в нищете?.. По сообщению генерала Н.С. Леонова, госдепартамент США обратился с циркулярным письмом ко всем своим дипломатическим представителям за рубежом, рекомендуя оказывать постоянный нажим на правительства дружественных США стран, чтобы они содействовали

политической выживаемости Горбачёва. Так и произошло: его приглашали для чтения лекций, участия в симпозиумах, конференциях. В самих США деловые круги и политическая верхушка неоднократно давали в честь Горбачёва благотворительные обеды, билеты на которые стоили по несколько тысяч долларов. Он написал брошюрку о своём «заточении» в Форосе; ходили слухи, что за эту брошюру американские издатели заплатили ему полмиллиона долларов.

Вообще получение гонораров «из-за бугра» стало для новых элитарных людей делом престижным. Например, председатель КГБ Бакатин, передавший американцам технологические секреты о новейшей системе аудиоконтроля, установленной в помещениях строящегося в Москве здания посольства, затем опубликовал свои «мемуары», и похвалялся, что получил за них 100 тысяч долларов, на которые построил себе дачу. Два прокурора — Степанков и Лисов, — которые вели дела арестованных путчистов, в нарушение закона о тайне следствия и презумпции невиновности опубликовали за рубежом (неужели бесплатно?) известные им показания арестованных и свидетелей. Сам Ельцин дал согласие своему лондонскому литературному агенту Э. Нюрнбергу сочинить мемуары, как говорили, за семизначный гонорар. Многие другие деятели «демократии» тоже отметились мемуарами, изданными на Западе.

Можно предположить, что крупные гонорары за такой «труд» были скрытой формой оплаты политических услуг, оказанных этими авторами Западу. На российском книжном рынке их опусы появились значительно позже и не вызвали практически никакого интереса.

Вот вся история перестройки.

По своим масштабам перестройка — явление всемирно-исторического значения. Она полностью изменила политическую систему, общественно-экономический строй, национальные отношения, образ жизни и культуры всех граждан и народов СССР. Она изменила геополитическую структуру мира и породила мировые процессы, пока ещё далёкие от завершения. И она же стала решающим этапом в ходе мирового конфликта, холодной войны. В её развитии зарубежные политические силы играли активную роль и получили для себя важные результаты. Ликвидация организации Варшавского договора и СЭВ, а затем роспуск СССР, которыми перестройка завершилась, рассматриваются на Западе как наше поражение в холодной войне.

Потеря идеологии

Особенность социальных наук, помимо прочего, в том, что объекты их исследования обычно сами «говорят» о себе. Это, с одной стороны, благо, но с другой — источник дополнительных трудностей и заблуждений. Из-за этого главным в исследовании общества оказывается умение отделить то, что это система представляет собою на самом деле, и то, что она о себе «говорит».

Общество «говорит» разнообразными теориями, но, как заметил классик, «теория без практики мертва, а древо жизни пышно зеленеет». Например, имеется теоретическая модель «социалистического хозяйства» и модель «свободного рынка», и считается, что сравнить их несложно. Но как только задашь вопрос: «А где эти модели реализованы на практике?», сразу выясняется, что «свободный рынок» и «социалистическое хозяйство» в чистом виде нигде не существуют и никогда не существовали, а сравнение реальных экономических систем — задача, не решённая до сих пор. Именно в этом причина неудач многих теоретических дискуссий: люди просто спорят о разном.

Совершенно точно, что теоретические *схемы* марксизма у нас практически никогда не работали. Советский период развития России можно понимать лишь как *попытки* внедрения идей марксизма: от механического следования марксистским схемам на раннем этапе, через достаточную их адаптацию к российской действительности при Сталине, с возвратом к исходным марксистским схемам на последующих этапах. И каждый раз, чем больше хотели вожди следовать марксизму, тем в бульший кризис вводили страну. Это происходило из-за несоответствия реальным условиям России схемы, созданной в другое время и для других условий. Лишь некоторые идеи марксизма всё же были адаптированы в российскую идеологию.

Кризис сегодняшнего дня тоже возник от очередных попыток подменить российскую идеологию новыми, но не менее чуждыми и неработоспособными теоретическими схемами. На этот раз был предложен либерализм: дескать, «свободный рынок» всё расставит по местам, а ни марксизма, ни централизованного планирования нам тут не нужно, от них один вред.

Строго говоря, централизованное планирование создано не Марксом; он вообще мало чего сказал об управлении социалистическим обществом. Это даже не ленинская идея, потому что при провале первых опытов централизации хозяйства Ленин отступил к сравнительно децентрализованной системе НЭПа. Внедрение в конце

1920-х годов системы планирования и централизованного управления национальной экономикой — полностью заслуга Сталина. После этого началось в Советском Союзе накопление громадного объёма теоретических и практических знаний; при Сталине и после него в этой сфере деятельности работали отлично подготовленные эксперты, использующие такие средства научного анализа, как статистика и математика.

Но при этом Сталин был грамотным и последовательным рыночником, потому что уповать только на план — такая же утопия, как уповать только на рынок! В общем, Иосиф Виссарионович не был рабом схем и моделей, он учитывал потребности и возможности России.

Но самое главное из созданного Сталиным, это уникальная советская система мобилизационной подготовки страны к войне. Эта система появилась в конце 1920-х — начале 1930-х годов и оказалась достаточно эффективной. А причина её возникновения в том, что, решая проблему индустриализации, всё время приходилось помнить об окружении враждебными государствами. С первых дней своего существования стране пришлось отбиваться от мощной внешней интервенции, но и после преодоления этих проблем не было сомнений, что очень скоро придётся участвовать в крупной войне.

Логика подсказывала, что надо параллельно создавать две экономики: одну военную и вторую гражданскую. Именно к этому призывало военное руководство страны, требуя приступить к безотлагательному созданию массовой армии (около 250 дивизий) с десятками тысяч танков и боевых самолетов. Но Сталин предложил другой путь. Приоритет был отдан развитию *базовых*, формально гражданских отраслей промышленности как основы мобилизационного развёртывания массового военного производства в нужный момент, и массовому обучению гражданской молодёжи военным профессиям через систему ДОСААФ.

Была сделана ставка на оснащение Красной Армии таким вооружением (прежде всего авиацией и бронетанковой техникой), производство которого базировалось бы на использовании двойных технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции. Были построены огромные, самые современные для того времени тракторные и автомобильные заводы, но производимые на них тракторы и автомобили конструировались так, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать при выпуске танков и авиационной техники. Равным образом химические заводы и предприятия по выпуску удобрений ориентировались с самого начала на производство в случае необходимости взрывчатых и отравляющих веществ.

Сталин понимал, что для развития базовых отраслей промышленности потребуется гораздо больше средств и времени, чем на строительство простых сборочных автомобильных, тракторных и авиационных заводов, оборудование которых можно было бы закупить за границей. Но всё развитие этих базовых отраслей велось под углом зрения, прежде всего, военной, и лишь затем экономической целесообразности. Причём крупные предприятия сразу строились с полным циклом производства, от литья металла до изготовления запчастей, они содержали ремонтную базу и всю жилищно-бытовую сферу.

Теми же военными соображениями было продиктовано и решение о сокращении в течение второй пятилетки военно-промышленных мощностей в Ленинграде, ввиду его уязвимости в случае войны. С другой стороны, было решено развёртывать промышленную и сырьевую базы на Урале и в Сибири, хозяйственно осваивать Северб, — хотя эти регионы были инфраструктурно не развиты. Капиталовложения в европейской части страны были бы экономически много эффективнее, — но в войну оказались бы уязвимыми!

Были построены свои гигантские машиностроительные (например, «Уралмаш») и станкостроительные заводы, но крупные закупки зарубежного оборудования продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны. Их целью было не расширение текущего военного производства, а создание запасов уникального оборудования на случай войны! Для обеспечения, в нужный момент, перехода от гражданского производства к военному была создана разветвлённая и строго централизованная система мобилизационной подготовки экономики. На всех уровнях советской власти и во всех органах экономического управления, вплоть до каждого отдельного предприятия возникли специальные мобилизационные структуры.

При Сталине советская экономика не предусматривала постоянного, год за годом, увеличения выпуска военной продукции; её развитие вели для наращивания *мобилизационных мощностей* по этим видам вооружений, чтобы иметь возможность в «час икс» рывком вывести производство на нужный уровень. Создание же чисто военных предприятий с резервированием мощностей на случай войны справедливо считалось расточительным омертвлением капитала.

Созданная в 1930-х годах система мобилизационной готовности обеспечила победу СССР в годы Второй мировой войны. В самом деле: превосходство советских войск в танках и боевых самолетах не спасло Красную Армию от сокрушительных поражений в начальный период войны; почти вся накопленная за предвоенные годы

военная техника была потеряна. И несмотря на это, промышленность СССР смогла произвести намного больше вооружений, чем германская.

Не удивительно, что победа не только укрепила убеждённость советского руководства в том, что советская плановая экономика является наиболее эффективной системой мобилизации ресурсов государства и общества на случай войны, но и в том, что высокая мобилизационная готовность страны важнее общих размеров её экономики.

После войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы войны, была воссоздана практически в неизменном виде. Многие военные предприятия вернулись к выпуску гражданской продукции, однако экономика в целом по-прежнему оставалась нацеленной на подготовку к войне. Сталин понимал, что в рамках продолжающейся конфронтации будущую войну страна сможет выиграть только при наличии сырья, топлива и металла. И этих ресурсов должно быть столько, чтобы можно было сразиться в случае нужды со всем миром. Такой подход на долгие годы определил развитие советской экономики, поскольку позволял без особых дополнительных организационных мероприятий и затрат переключать «гражданское» производство на военные рельсы.

Руководители, пришедшие к власти после Сталина, просто механически следовали этой стратегии, что в новых условиях постепенно стало приносить вред развитию экономики и общества.

Из-за постепенной деградации руководства, перехода страны от «византийского» управления (монархического типа) к «польскому» (боярскому, или «элитному»), непонимания и неумения вождей ставить цели высокого уровня мы докатились до кризиса управления. О том, что назрела необходимость перевода страны в постиндустриальную фазу развития, чтобы хотя бы на равных с мировыми лидерами войти в информационную экономику, никто из вождей не только не говорил, но и не думал.

Какое-то время кризис управления не был заметным из-за громадных доходов от продажи нефти, — но тут к нему «присоединился» ещё и кризис в идеологии, о котором мы говорили выше. Соединённый, или системный кризис, прежде чем разрешиться катастрофой, гибелью СССР, вывел к власти Горбачёва — человека абсолютно бездарного, которого можно назвать «одноклеточным», так как у него не было вообще никаких государственных целей, а только личные.

Ускорение спада производства из-за разрушительных действий элиты переплелось с отчаянной борьбой за власть в верхах (ЦК КПСС – против съездов народных депутатов; республики – против

СССР), и за влияние на власть между группировками государственной и промышленной бюрократии, мафиозными кланами и мощными социально-профессиональными группами (шахтёры, нефтяники). Кризис подогревал политическую борьбу, политическая борьба усугубляла кризис. Распад СССР стал кульминацией: после 1991 года «один большой» структурный кризис распался на «пятнадцать маленьких», каждый из которых не стал от этого менее острым.

Но все активные участники перестройки получили в результате то, что хотели. «Теневики» и номенклатура — собственность и власть, интеллигенция — «полные прилавки» и свободу выезда за границу. И те, и другие, и третьи устроили себе хорошую жизнь за счёт народа. Причиной происходящего стала «испорченность» идеологии.

Идеология в *общем виде* есть совокупность идей и взглядов большинства народа, отражающих отношение людей к окружающему их миру и друг к другу. В более или менее систематизированном *теоретическом виде* она выступает в культурных и религиозных формах, которым привержено большинство, а также в эстетических и философских взглядах образованного меньшинства.

Кстати, интересно, что попытки научно (логически) обосновать идеологию наносят ей вред. Поэтому мы здесь не будем вдаваться в подробности, а опять же воспользуемся «методом Кулона», рассмотрим проблему укрупнённо, без излишних деталей.

Идеология любого народа, конечно, изменяется и развивается, — процесс её формирования вообще очень медленный, — но даже в развитии она стабилизирует общество. А быстрые перемены идеологии — дестабилизируют! И конечно же, на её формирование влияют внешние условия. Любое государство всегда подвергается воздействию внешней идеологии и всегда приходится или адаптировать внешнее влияние, если оно полезно, или препятствовать ему, если оно вредно, но никогда его нельзя воспринимать в неизменном виде.

В истории России несколько раз происходила массированная экспансия внешней идеологии. Первая была связана с принятием христианства. Часто можно слышать, что христианизация была чуть ли единовременным событием со вполне конкретной датой. На самом деле это не так. Оттого, что в Киеве князь одномоментно крестил толпу горожан, во всей стране мало что изменилось. Ведь принятие христианства – это изменение образа жизни согласно литургическому времени, это принятие таинств — помимо крещения, ещё как минимум венчания и отпевания, и многого чего помимо. Для достижения результата надо подготовить изрядное количество

служителей культа, и построить места отправления культа — храмы по всей стране. А этот процесс завершился лет через пятьсот после первого крещения Руси.

Если изучить историю, то видно, что православная идеология России была построена на основе религии, которая приспосабливалась к нашим условиям в течение многих столетий. Православие за это время срослось с русской культурой, и поэтому наше православие не сводится просто к некоему «теоретическому» или «первичному» православию. Среди русских православных всегда существовали фундаменталисты, настаивающие на буквальном и строгом следовании религиозным догмам, но в силу их малочисленности и отсутствия мощной поддержки извне в целом сформировалась христианская идеология, адаптированная для России. Наши православные в массе своей верят в то, что справедливость возможна не только на небесах, но и на земле.

Точно также извне пришла сюда и мусульманская идеология, основа которой — мировая религия ислама. И она в России тоже адаптирована к местным условиям! Поэтому нет ничего удивительного, что вот уже более пятисот лет православие и ислам в России существуют совместно. Это две традиционные российские веры; у них много общего, гораздо больше чем, например, у православия и западного протестантства и католицизма.

Но и среди мусульман есть фундаменталисты. Сейчас их количество особенно увеличилось, не в последнюю очередь из-за влияния извне. И если их количество и поддержка из-за рубежа превысит некоторое критическое значение, то это принесет вред и мусульманам России, и самой России.

Коммунистическая идеология более или менее развёрнуто была сформулирована в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, а основывались они на идеях европейских социалистов-утопистов.

Но следует различать марксизм как научное направление, и марксизм – как идеологию. Скажем, в Коммунистическом манифесте идеи Маркса и Энгельса были сформулированы как лозунги, как и полагается в политическом воззвании (но не в научной работе).

Естественно, в разных странах коммунизм принял свои национальные формы, порою сильно отличающиеся друг от друга. Как всегда, и в этом случае во всех странах была какая-то часть «ортодоксальных» марксистов (фундаменталистов), но очень мало. Их утверждения об исключительности коммунистической идеологии, о её научной обоснованности вызывало и вызывает у большинства раздражение.

В России, как подтверждают все историки, в конце правления коммунистов эта идеология была весьма далека от той, которая была привнесена сюда Октябрьской революцией. Историки расходятся только в том, когда произошли изменения. Мы полагаем, что исходная коммунистическая идеология сильно изменилась уже после гражданской войны. По словам партийного функционера Л.Б. Красина, в момент перехода страны к НЭПу (начало 1920-х) в партии было всего 10 % ортодоксальных марксистов, с которыми уже ничего не сделаешь, и 90 % примкнувших к партии из корыстных соображений.

Неудивительно, что теоретические схемы марксизма у нас практически никогда не работали, что происходило из-за большого несоответствия схем, созданных в другое время и для других, не российских условий. На раннем этапе им пытались следовать чисто механически, при Сталине произошла их достаточная адаптация в российскую идеологию, затем делались попытки реанимировать исходные марксистские схемы — при том, что определённые идеи марксизма всё-таки уже были адаптированы в российскую идеологию.

Итак, вожди, продолжая следовать марксизму, наращивали кризис в стране, пока не потеряли её.

Поныне в России достаточно большое количество людей исповедует коммунистическую идеологию. Но для них это не мировая революция, не коммунизм и не «стройки века», а *образ времени*, когда разные народы жили рядом дружно и счастливо, когда не было национальной вражды, — это символ единой и великой страны, которую уважали во всем мире. Они верят в то, что когда-нибудь править людьми будет справедливость, а не страсть к наживе. Строго говоря, устойчивость в массах этой идеологии, основанной на коммунистической идее, определяется её встроенностью в российские традиции.

Кризис последних двух десятилетий — а мы подходим к этому периоду, — вызван, прежде всего, попытками подменить эти традиции новыми неработоспособными теоретическими схемами так называемой демократической идеологии. Демократы делают вид, что в основе их идеологии лежит некая наука, но это неправда. Никаких особых научных обоснований (в отличие от марксизма) в основе демократии нет, и в разных странах она имеет разные формы. Более того, в природном естестве вы никакой демократии не найдёте вовсе. Но проблема не в том, что демократия плоха — она и не плоха, и не хороша, она просто чужеродна России, а её внедряют, как йогу в Чукотку. Может быть, после изрядной адаптации, она и окажется здесь «к месту», но пока — нет.

В России число людей, очарованных демократической идеологией, не очень велико (их меньше, чем приверженцев коммунизма), и каждый из них имеет своё собственное представление о ней. Самое привлекательное в демократической фразеологии — то, что:

А) Слово демократия значит «власть народа», а это не противоречит тому, что существовало в России всегда;

Б) Народ контролирует правительство, которое действует в интересах народа;

В) Гарантированы справедливые законы, принятые в интересах народа, и они будут строго соблюдаться;

Г) Права каждого человека будут защищены.

А реальная история постсоветской России показала, что демократия порождает власть олигархов и ограбление страны и её граждан! Слова о справедливых законах обернулись беззаконием, а защита прав человека — бесправием и чудовищной несправедливостью. Вдруг оказалось, что если убрать шелуху красивых слов, то Западные ценности, которые пытаются насадить у нас, это:

1. Индивидуум выше коллектива.
2. Права человека выше интересов государства.
3. Закон выше справедливости.
4. Деньги выше духовного комфорта, и каждый должен трудиться как можно больше для накопления денег.

А в России коллективизм издревле берёт верх над индивидуализмом, так как в наших суровых условиях без взаимопомощи не выживешь. По той же причине у нас неизменен примат государства над личностью: сама наша история показала, что без сильного государства интересы каждого человека и общества в целом будут подавлены.

Россиянин по-прежнему тянется к справедливости, а не к законности. При всём уважении к закону, большинству ясно, что с одной только помощью чётких юридических понятий регламентировать реальную жизнь невозможно. Всегда найдутся случаи, когда закон оказывается не адекватным ситуации. Естественно, в этих условиях справедливость — понятие этическое и психологическое, и не всегда чётко определимое, — может оказаться единственной возможностью разрешить проблемы между людьми.

Россияне в большинстве предпочитают духовное материальному, и трудятся для поддержания жизни, а не для накопления денег. Человека оценивают не по богатству, а по его духовным свойствам…

Нравится это кому-то, или нет, но это — наши, русские особенности, по той простой причине, что среда обитания требует вполне определённого поведения для выживания. Если будем поступать вопреки традиционному набору своих свойств, вымрем, потому что *следование неверным идеологическим нормам — путь к гибели страны*.

Казалось бы, легко понять: в нормальном обществе качества народа формирует не принесённая извне идеология, а наоборот, общество само формирует идеологию, приемлемую для себя. Но, к сожалению, в нашем современном случае «демократические фундаменталисты» из числа элиты насаждают в России идеологию без учёта специфики страны, и это одна из причин нашего бедственного положения. Старые идеологические нормы разрушаются, а новые просто не жизнеспособны в наших условиях. И лишают жизнеспособности нас самих.

Все эти рассуждения могут быть переведены на язык математических моделей, чего мы, конечно же, тут делать не будем, чтобы не усложнять изложение. Отметим только, что эти модели подобны тем, которые применяются в лазерной физике для определения частоты генерации системы и её устойчивости.

Укрупнённый анализ, — без рассмотрения деталей, показывает, что идеология демократии, вкупе с её экономической разновидностью — либерализмом, это не более чем попытка развитых стран установления колониальных взаимоотношений с менее развитыми странами.

Те, кто своей политикой разрушает русскую культуру и традиционные идеологические ценности, кто предлагает уменьшить роль государства — работают в интересах более сильного соперника, могут вполне искренне желать «загнать» нашу страну в оптимальные условия развития, но только оптимальные не для нашей страны, а в оптимальные для соперника. Почему они это делают – это другой вопрос. Либо по безграмотности, — но тогда почему им разрешают высказываться публично? Либо они прямо работают в иностранных интересах.

И если власть это терпит, тогда — что же у нас за власть?..

Давайте разберёмся.

БОРИС ЕЛЬЦИН

Правительство новых догматиков

У России с элитой очень большая проблема. Возникает она из-за суровости наших природных условий и вечной нехватки ресурса. Наша элита, постоянно общаясь с мобильной частью западных стран (тамошней элитой), видит, что та существует в значительно более комфортных условиях. Понимания, отчего это происходит, нет, и наша элита, чтобы «догнать» по уровню жизни Запад, начинает переводить на свои интересы слишком большую часть общего ресурса.

И кого же она оголяет, когда тянет на себя общее «одеяло»? Разумеется, основную, константную часть общества, — народ.

В обычной стране (например, в Англии) народ всегда может сказать своей элите: господа, государство содержит вас на наши деньги, вы же должны нас как-то беречь, уважать наши традиции. Господа чувствуют себя неудобно: действительно, жируем за счёт народа, так надо и о нём немного порадеть.

Совсем другой случай — в стране колониальной. В колонии элита пришлая, она приехала совсем из другой страны (например, из Англии). Ей до здешнего народа дела нет — ведь это же рабы. И народ знает, что никуда рваться не надо: ни доказать ничего колонизаторам нельзя, ни самим в высшие слои пробиться. Это элите очень выгодно.

Российская знать оказалась нынче в трудном положении. Жить она хочет так же хорошо, как живут на Западе. Обучает своих детей на Западе. Лечится там же. Многие уже и семьи вывезли. Это очень дорого, а средства для такой жизни приходится получать в России, с которой, во-первых, много не возьмёшь, а во-вторых, народ бузит. Не хочет он себя чувствовать и вести, как оно положено народу колонии, сырьевого придатка более «цивилизованной» страны. То на выборы не придёт (а если придёт, того гляди, проголосует не так), то в газету пасквиль напишет, то дорогу перекроет. Народ недоволен, что он живёт всё хуже, а элита всё лучше, и говорит: «А ведь вы такие же, как мы. Чем вы лучше-то? Вот, например, депутат. Ну, кто ты такой, депутат? Наобещал нам с три короба, мы тебя выбрали, а ты там за

взятки проводишь вредные нам законы». И так народ смеет судить о ком угодно: о министре, губернаторе, и даже, страшно подумать…

И это несмотря на то, что в России уже полтора десятка лет, как создаётся колониальный стиль правления. Элита, подражая Западу в образе жизни, и работать начинает в интересах не России, а стран Запада. Эти люди, не иначе, чувствуют себя здесь в командировке…

Решение проблемы взаимодействия двух частей общества, традиционной и мобильной, — во введении «третьего элемента», крепкой центральной власти, задача которой — сохранение государства как такового. Такая власть может гармонизировать и поведение элиты, и поведение основного народа, поставив некую общую цель. Но если власть *не крепкая*, если она целиком переходит на обслуживание интересов элиты, то складывается очень неустойчивое состояние.

После Сталина в России уже не было *крепкой* центральной власти. В годы перестройки она размывалась и ослаблялась всё быстрее. Высшие руководители, создав собственные кланы, занимались делёжкой общего ресурса (доходов от предприятий, от территорий, от демонополизированной внешней торговли), а глава государства — человек совершенно бесталанный, попустительствовал и тем, и этим, и третьим. Но так не бывает, чтобы пауки в банке дрались, и уцелел бы «смотрящий» или, скажем, «разводящий» паук. Его обязательно сожрут.

И те, кто намеревался скинуть Горбачёва, появились. Газеты, журналы, телевидение были переполнены именами этих новых героев: Яковлев, Ельцин, Афанасьев, Собчак, Попов, Шахрай, Старовойтова, Станкевич и т.д., и т.п. Горбачёв, стремясь удержаться и получить поддержку Запада, упростил условия выезда из страны. Поток людей пошёл из СССР, а навстречу ему двинулся поток информации о том, как хорошо живут «там», и сколь нестерпимо жить «здесь». И когда новая элита пришла к власти в самом большом осколке СССР — Российской федерации, условия для параметрического слома страны стали идеальными.

28 октября 1991 года Б.Н. Ельцин, выступая перед депутатами Верховного Совета РСФСР, объявил, что делает выбор в пользу радикальных экономических реформ либерального характера. Теперь мы начинаем вводить принципы рыночной экономики. Сам Ельцин, естественно, совершенно не понимал, что говорит. В своих поездках на Запад он видел жизнь «там», причём жизнь представителей далеко не низшего слоя. Его советники объяснили ему, что если произнести эти загадочные слова, то по крайней мере он и его ближайшее окружение будет жить «как там».

В ноябре 1991 года вице-премьером правительства и одновременно министром экономики и финансов был иназначен Е.Т. Гайдар. Его коллегой по кабинету, тоже вице-премьером, министром труда и социальной защиты стал А. Шохин. 11 ноября в российскую экономическую элиту был введён А. Чубайс, занявший кресло председателя Государственного комитета РСФСР по государственному имуществу.

Ельцин повторения судьбы Горбачёва не желал, а новое правительство, возникшее из неведомо кого, должно было казаться ему более чем сомнительным. Поэтому для подстраховки он взял на себя полномочия премьер-министра, а на пост первого вице-премьера поставил Г. Бурбулиса, который не имел никакого отношения ни к экономике, ни к управлению, но был его доверенным лицом и играл роль его политического соглядатая среди подозрительной компании новых министров. В прессе эту молодёжь называли «младореформаторами».

Егор Гайдар в «Известиях» от 9 ноября 1991 утверждал:

«У нас есть практически ясность и относительно диагноза, и относительно того, что надо предпринять. Прежде всего, необходимо установить такие правила в экономике, правила игры, как говорят, которые позволят подняться на ноги. Что касается программы, то сейчас невозможно представить подробное, по дням разложенное расписание. Есть общие цели, к которым необходимо двигаться: стабилизация экономики, укрепление рубля, приватизация...»

Итак, едва ли не на второй день после своего появления в правительстве зам. премьера уже вполне разобрался с тем, что происходит с российской экономикой и что надо с нею делать. В его гениальной голове царила полная ясность: нужна стабилизация, укрепление и приватизация. Правда, результаты его деятельности оказались прямо противоположными: экономика дестабилизировалась окончательно, а рубль, вместо укрепления, рухнул. О приватизации скажем позже.

Гайдар ничего не сказал о сроках, но перед новым годом, выступая по телевидению, о них сообщил народу сам Ельцин: «*Мы вступаем в 1992 год. Это год особый. Нам предстоит создать основы новой жизни. Говорил не раз и хочу повторить: нам будет трудно, но этот период не будет длинным. Речь идёт о 6-8 месяцах*». Если перевести это утверждение в «дни», то получается 180-240 дней, а значит, Ельцин оказался вдвое-втрое наивнее Горбачёва, который, как мы помним, в своё время вцепился в невыполнимую программу «500 дней».

2 января 1992 было объявлено о либерализации цен, то есть о снятии всякого государственного контроля над ними. «Заботясь о народе», — стало быть, чтоб не затеял бунт раньше времени, — сообщили, что цены на молочные продукты, сахар, растительное масло и детское питание могут повыситься не более, чем в 3,5 раза, на бензин и водку в 4 раза, проезд наземным и водным транспортом подорожает в 2 раза, воздушным транспортом — в 3 раза. И в этих подсчётах (если у них были какие-то подсчёты, а не фантазии и мечты) промахнулись изрядно: после своего освобождения цены и тарифы, вопреки посулам, увеличились в десятки раз; люди потеряли все средства и сбережения.

Позже Гайдар хвастался, что своей реформой сумел обрушить «денежный навес»: так он назвал сбережения граждан России, хранившиеся на лицевых счетах многочисленных сберкасс. Общий объём этих средств превышал 100 млрд. рублей, что при тогдашнем паритете валют соответствовало примерно такой же сумме в американских долларах. А вслед за ликвидацией личных накоплений собственного народа, сделанных за всю жизнь людей и их предков, правительство признало все долги перед западными кредиторами, включая советские. Позже стали выплачивать и царские долги.

Одновременно эта новая команда клянчила на Западе гуманитарную помощь в любой форме, так как наладить что либо внутри страны в принципе не была способна. Из США и стран ЕС поступили значительные партии продовольствия, которые частично распределялись по больницам, школам, обществам ветеранов, но большая часть была просто-напросто разворована и пущена в продажу как обычный товар. Очень многие чиновники, занятые распространением гуманитарной помощи, хорошо погрели на ней руки, а ещё бульшему числу стало ясно, что близость к власти — это источник очень хорошего заработка. В начале 1992 года Министерство юстиции России зарегистрировало 27 политических партий и около восьмисот общественно-политических организаций. Вождям всех этих групп и группочек хотелось попасть в круги высшей элиты, всего-то и требовалось, что придумать, какой красивой западной теории ты придерживаешься, но разница между ними всеми была едва заметна.

***1992, 2 января**. — Переход к свободным ценам и свободной продаже валюты, начало экономической (валютной и товарной) интервенции. **1 февраля**. — Декларация России и США о прекращении «холодной войны». **Июнь**. — Назначение Е.Т. Гайдара исполняющим обязанности Председателя правительства РФ. Начало приватизации. Создание «Гражданского союза», в который вошли Российский союз промышленников и предпринимателей (А.И. Вольский), Народная партия «Свободная Россия» (А.В. Руцкой),*

Демократическая партия РФ (Н.И. Травкин), Федерация независимых профсоюзов России.

«Гражданский союз» заявил, что встаёт в «конструктивную оппозицию к правительству Е. Гайдара», и потребовал немедленной корректировки курса реформ. Политическая борьба против этих оппозиционеров свелась к навешиванию ярлыков: «заговор реваншистских сил», «красно-коричневые», «партноменклатура» и т.д. Но уже совсем скоро, 3 ноября, Ельцин встретился с десятью лидерами «Гражданского союза» и заявил, что считает этот блок своей надёжной опорой. В дальнейшем стало ясно, чего стоят лидеры этого «союза». Наиболее показательна карьера А. Руцкого, цель которого была — только удержатся при власти. Он проделал путь от вице-президента Российской Федерации до тюрьмы, а оттуда попал в губернаторы Курска, и после первого же срока был изгнан избирателями. С такими лидерами «Гражданский союз» умер сам собой…

***1992, 24 октября**. — В Москве состоялся учредительный съезд Фронта национального спасения, как попытка объединения левой оппозиции: в съезде участвовали коммунисты, Аграрный союз России, Российский общенародный союз, движение «Трудовая Россия», Союз офицеров, «Всероссийское трудовое совещание» и ещё ряд мелких общественных движений и групп. Через три дня Ельцин потребовал распустить Фронт национального спасения как незарегистрированную организацию, деятельность которой противоречит конституции страны, ибо призывает к свержению власти, дестабилизирует общество, натравливая одних людей на других. На этих основаниях ФНС был запрещён, а о деятельности самого Ельцина, противоречившей конституции СССР, не было сказано ни слова.*

Сегодня, по прошествии лет зная результаты их деятельности, мы можем дать оценку младореформаторам начала «эпохи реформ». Это были малограмотные, легко поддающиеся манипуляциям люди, много говорившие о будущем процветании, но беспомощные в решении простейших текущих проблем. Не имея собственных мыслей, они полностью подпали под власть западных схем рыночной экономики, причём эту экономику они представляли себе весьма своеобразно, веря, что есть какой-то всесильный *чистый рынок*, и что он много лучше планового хозяйства.

Они исходили из того, что построение рыночной экономики — это процесс, который в разных странах происходит примерно одинаково, и надо всего лишь наложить на Россию «рыночную матрицу», а дальше всё получится само собой, рынок всё сам образует и отрегулирует. Они говорили, что законы экономики

везде действуют одинаково — как и законы физики, — а потому и результаты их применения в разных местах будут одинаковыми. Ясно, что они и физики не знали. Например, вода кипит при 100^0C, но если там, где вы её нагреваете, атмосферное давление выше или ниже 760 мм ртутного столба, то и температура кипения будет больше или меньше 100^0C. Далее, в зависимости от того, как вы её будете нагревать, она раньше испарится, чем закипит и т.д. Примерно то же самое можно сказать и о всеобщности законов экономики.

Вот мнение о проведённых в России реформах лауреата Нобелевской премии профессора Колумбийского университета Джозефа Стиглица (Joseph Stiglitz), высказанное им в газете «The Guardian» 9 апреля 2003 в статье «Разрушение России» («The ruin of Russia»):

«*...Имеется и другой взгляд на рыночную экономику, базирующийся на большем равноправии, использовании силы рынков для того, чтобы обеспечить процветание не немногим гражданам, но всему обществу. То, что Россия в переходный период не сумела этого достичь, не должно вызывать удивления. Эта цель реформаторами и не ставилась. Величайший парадокс в том, что* ***их взгляды на экономику были настолько неестественными, настолько идеологически искаженными, что они не сумели решить даже более узкую задачу увеличения темпов экономического роста*** (выделено нами, — *Авт.*) *Вместо этого они добились чистейшего экономического спада. Никакое переписывание истории этого не изменит*».

Если так оценивают деятельность наших «экономистов-либералов» их западные коллегии, то, что же это за экономисты, и в интересах какой страны они работали?! Очевидно, что не России.

А что до противопоставления рынка и плана, — то мы уже писали, что эти понятия из числа тех, которые в чистом виде никогда и нигде не реализовывались в силу того, что они — всего лишь некоторые идеальные модели, такие же, как материальная точка или идеальный газ. Не может быть ни чисто рыночной, ни чисто плановой экономики. И никогда наша экономика не была чисто плановой: всегда были деньги в ходу, и всегда был рынок, хотя бы колхозный.

Для управления чисто плановым хозяйством надо отслеживать связи огромного числа экономических агентов. Каждый житель с деньгами в кармане — уже такой агент. Если число этих агентов – N, то число связей – N(N-l), а число вариантов их реализации – N-факториал. Планировать каждый чих невозможно; очень быстро наступит хаос. Чисто же рыночные отношения – это изначально неуправляемая стихия, то есть хаос. Вот поэтому и нет нигде «рынка» и

«плана» в чистом виде. Ни в США, ни в Англии, главных апологетах либерализма, нет свободного рынка. Так или иначе, государство вмешивается в экономику и играет в ней не последнюю роль.

Но перед Гайдаром и его командой стояла задача как раз «разгосударствления», децентрализации. Образцом для наших реформаторов стала Польша, раньше других стран соцлагеря приступившая к подобной реформе. А центральным компонентом польского варианта была *шоковая терапия*: быстрое, практически мгновенное освобождение рынка с такими неизбежными следствиями, как невероятно высокие темпы инфляции, обесценивание сбережений населения, ломка существующих хозяйственных связей, беспрепятственное проникновение на внутренний рынок зарубежных товаров и т.д.

Польские реформаторы, как и наши, полагали, что рынок сам установит соответствующие данному хозяйству цены, ставки заработной платы, тарифы на всевозможные услуги, в том числе транспорт, электроэнергию и прочее, и само собой установится экономическое равновесие. Все реформаторы того периода, что в Польше, что в России, жили с головами, свёрнутыми в сторону Запада, и не могли себе представить, что *положение равновесия* может оказаться и неприемлемым.

Экономика — это нелинейная динамическая система; равновесие в ней требует определённого потока вещества и энергии. Она подобна живому организму: чтобы он жил, его надо кормить и создавать внешние условия, совместимые с жизнью. Если же не кормить, то равновесие установится на уровне дистрофии. Кроме того страны существуют не в вакууме, а в окружении других стран, которые конкурируют за жизненные ресурсы. И слабые здесь не выживают. В общем, как и следовало ожидать, экономические успехи Польши оказались сомнительны: в 2002 году безработных тут было 17 %.

Наши либералы-экономисты хватались и за опыт других стран, прежде всего Американского континента: Чили, Бразилии, Аргентины, Мексики. Правда, результаты здешних реформ они изучали по рекламным проспектам Гарварда. На деле же сегодня Аргентина вполне может соперничать с нами по удельному (в расчёте на душу населения) вывозу капитала, и по провалу реформ. В других странах тоже никаких чудес реформирование не дало.

Наши реформаторы к тому же не знали свою собственную страну, а самое страшное, они не понимали структуры и механизма функционирования советской экономики. Они считали возможным создать в России аналог экономики западной, а для этого всю прежнюю систему пришлось «громить» до корня.

Но западной экономики они не знали тоже!

Сравнивать советскую и западную экономики, в силу их полной несхожести, трудно. Они просто разные, примерно настолько же, насколько разные слон и кит. Если посмотреть на этих млекопитающих с физиологической точки зрения, то легко найти общие свойства. У них сходные пищеварительная, нервная, кровеносная, дыхательная системы — ведь они относятся к одному классу позвоночных. Но они и произошли, и развивались *в разных внешних условиях*. Они по-разному живут, питаются и дышат. Если слона поместить на глубину в какие-то жалкие пять метров где-нибудь в Тихом океане, он жить не будет. Кит будет, а слон нет. Поразительно! Ещё хуже дело, если не перемещать слона в океан, а попытаться переделать его в кита на суше. Вот какое значение имеют *условия*, в которых развиваются и существуют объекты — будь то слоны, киты или экономики.

Молодые люди, пришедшие в первое правительство Ельцина с рыночной догмой в башке и калькулятором в руке, затеяли расчленить слона, и превратить его в кита. Но поскольку изменить природные условия России, а также и её геополитическое окружение они были не в силах, то там, где был слон, появилось скопище мокриц, ворон, червей, гиен и тараканов, дожирающих слона.

В течение первого года реформ, когда правительством заправлял Гайдар, прилавки быстро наполнялись товарами, — и практически никто не мог их покупать. Но вспомните, именно о полных прилавках заявляли как о главном успехе своих реформ наши младореформаторы! Витрины, вот что они обещали народу. Сто сортов колбасы. А вот, что выставленные на витринах товары народ сможет купить, никто не предупредил.

***1992, 14 декабря**. — Отставка Е.Т. Гайдара с поста исполняющего обязанности премьер-министра РФ. Назначение руководителя Газпрома В.С. Черномырдина премьер-министром РФ.*

Посмотрим на результаты реформ. Мы получили спад производства вдвое, замедление развития самых передовых отраслей, снижение жизненного уровня у 85 % населения с переходом очень значительной его части за черту бедности. Был разрушен экономический, а особенно военный потенциал Советского Союза, а затем и России.

Первые итоги ельцинских реформ[16]

[16] Источник: Российский статистический ежегодник, М.: 1996.

Показатели	1990 год	1995 год
Численность населения, млн. человек	148,2	147,6
Продолжительность жизни, лет	70,0	65,0
Смертность, % к общей численности населения	1,1	1,5
Убийства, на 100 000 человек	14,3	30,7
Самоубийства, на 100 000 человек	26,4	41,4
Браки, на 1000 человек	8,9	7,3
Разводы, на 1000 человек	3,8	4,5
Дошкольные заведения, тыс. шт.	87,9	68,6
В них детей, млн. человек	9,0	5,6
Детские дома, шт.	564,0	820,0
Детей без родительского попечения, тыс. чел.	49,1	113,3
Валовой сбор зерна, млн. тонн	116,7	63,4
Поголовье крупного рогатого скота, млн. голов	58,8	43,3
Поголовье свиней, млн. голов	40,0	24,9
Поголовье овец и коз, млн. голов	61,3	34,5

Сегодня нам объясняют, что основным источником средств для нашей радикальной реформы «оказался» имевшийся резерв снижения уровня жизни населения. Иначе говоря, чтобы провести очень нужные для страны перемены, понадобилось отнять средства у населения — больше их взять было неоткуда. Вывод: произошёл обвал, а не реформа. Получается, народ своими средствами профинансировал разгром собственной страны!

В обозримом прошлом, если какой-то враг желал разгромить Россию, он всё-таки тратил свои деньги, а наше государство сорганизовывало народ на противодействие врагу. То, что произошло с Россией в 1990-х годах, не укладывается в уме. Сначала начинаешь думать, что каким-то чудом во власть попали окончательные дураки. Но это сомнительно: не может быть, чтобы дураков «наверху» было так много. Затем: дураки ни одного дела до конца довести не могут, будь то строительство или развал. Значит, **во власть попали враги**. Вот это

уже больше похоже на правду: толпа дураков даже при одном умном враге — страшная сила.

На эту гипотезу работает и то, что реформаторы всё делали не самостоятельно; их вели на верёвочке всевозможные иностранные советчики, которых было предостаточно в России, начиная с 1990 года, а также реформаторы принимали стратегию, предложенную Международным валютным фондом и Всемирным банком. Нам и сегодня объясняют: главное, чтобы нами было довольно мировое сообщество.

Но это ещё не всё.

Мы приводили уже градацию целей государства. Самая первая цель, цель нижнего уровня — простое выживание государства. И сегодня мы видим, что властители работают только ради того, чтобы лично удержаться у власти, и иметь возможность личного обогащения. А государство как таковое не достигает уже даже своей простейшей цели: выживания! В «новой» России государство не состоялось. Всё, что мы имеем — это разрозненный конгломерат «элитных» кланов, рвущих с России последние куски.

Приватизатор всея Руси

Фактически переход советских государственных предприятий в частную собственность начался в 1988 году, когда были приняты законы о госпредприятии и о кооперативах. Создание нового экономического фундамента было политической задачей, которая не имела никакого отношения к развитию страны и благополучию народа. Людям говорили об экономике, а речь шла о политике. Там, наверху, никто всерьёз не собирался ничего созидать, там думали в первую очередь об удержании власти для обеспечения собственных шкурных интересов. Задумка была элементарно проста: в кратчайшие сроки создать класс частных собственников, как социальной опоры новой политической власти. С приходом к власти Ельцина машина приватизации была запущена на полный ход, а в обоснование происходящего людям внушали, в общем-то, верные сведения о том, что сама по себе приватизация государственного имущества как метод повышения эффективности национальной экономики известна в мире очень давно.

Действительно, это так. Но обычно государство проводит приватизацию, когда не видит необходимости иметь в своём владении те или иные отрасли или отдельные предприятия и считает, что

частный капитал сумеет лучше использовать возможности, предоставляемые экономикой, сумет эффективно добиваться снижения затрат и т.д. на данных предприятиях. При этом государство получает деньги: во-первых, за проданную государственную собственность, во-вторых, более эффективный хозяин платит налоги и берёт на себя обязанности по трудоустройству граждан.

То есть, начиная приватизацию, обычно учитывают возможные потери и прибыли государства. В России были только потери.

Во всём мире считается, что нельзя отдавать под приватизацию предприятия или отрасли, нужные государству, например, имеющие оборонное, социальное, научно-техническое значение, или связанные с национальными традициями. В России с этим считаться не стали.

Во всём мире государство имеет возможность в случае нужды национализировать предприятия, находящиеся в частных руках. Примером может служить Великобритания, в которой сменявшие друг друга правительства лейбористов и консерваторов последовательно то национализировали, то приватизировали те или иные производства. В России возможность национализации или деприватизации вообще не предусматривалась.

Обычно цели как приватизации, так и деприватизации вполне чётко формулируются и просчитываются. Они направлены на оптимизацию, в том числе, и экономического положения страны. У нас же, как мы говорили выше, действовали не экономические, а политические критерии — надо было отобрать экономический потенциал у государства, передать его в частные руки и тем самым обеспечить необратимость политических изменений, невозможность реставрации социалистической системы. Естественно, в расчёт не брались дальние перспективы и не оценивались угрозы безопасности страны, которые порождались самим процессом ускоренной приватизации.

Крайнюю точку зрения на происходивший в этот период процесс раздачи в частные руки государственной собственности изложил генерал Н.С. Леонов в своей книге «Крестный путь России». Он считает, что заказ на «дикую приватизацию» был сделан из США, так как сам Ельцин в силу своей необразованности в принципе не мог быть генератором каких-либо экономических идей.

Ни сам А. Чубайс, и никто из его сотрудников — основных организаторов приватизационного процесса в России, ни единым словом не упоминают о своих связях с американскими исследовательскими центрами и государственными учреждениями,

откуда они получали консультации, советы и рекомендации. Это молчание характерно, поскольку многие в России знали, что в аппарате А. Чубайса всегда работали американские «эксперты», имевшие доступ ко всей информации. Они работали прямо в кабинетах правительственных структур, — но «демократическая» пресса молчала об этом.

И лишь в 2000 году, в пылу очередной предвыборной президентской кампании в США, республиканцы сделали достоянием некоторые подробности нашей российской приватизации. Выяснилось, что велась она при прямом участии американских граждан, и было там немало нарушений закона и прямого воровства.

Главными подельниками А. Чубайса и Е. Гайдара со стороны США были Андрей Шлейфер, Джеффри Сакс, Джонатан Хей и жёны некоторых из этих лиц.

Министерство юстиции США возбудило уголовное дело против Шлейфера и Хея. Три года шло расследование, и 26 сентября 2000 года Федеральная прокуратура США предъявила официальное обвинение двум главным советникам Чубайса в том, что они использовали государственные средства в целях личного обогащения и пользовались закрытой российской информацией для сколачивания личного состояния. Сам Чубайс, как только узнал о разразившемся в США скандале, сразу заявил, что он знать ничего не знает.

А. Чубайс, как и Е. Гайдар, выходец из семьи военного политработника. Его отец преподавал научный коммунизм в военном училище. Сам Анатолий Борисович был членом КПСС; в 1990-1991 примыкал к «Демократической платформе в КПСС». Он окончил Ленинградский инженерно-экономический институт им. Тольятти, после защиты диплома остался на кафедре, а после защиты диссертации об управлении НИОКР стал доцентом (1982 год). Параллельно с обучением студентов теориям рыночной экономики, доцент Чубайс участвовал в кооперативном движении. Какое-то время работал в должности первого заместителя председателя Ленгорисполкома и председателя Комитета по экономической реформе, хотя к нему, как экономисту, и к его концепциям уже тогда среди специалистов было достаточно скептическое отношение.

Почему Чубайс был избран на роль главного «приватизатора», неизвестно, но можно предположить, что в этом сыграло свою роль знакомство с Гайдаром, которому для проведения приватизации нужен был «свой», решительный и равнодушный к неминуемым социальным последствиям человек.

Главнейшая черта Чубайса как политика — правовой нигилизм. Если желаемой цели мешает какой-то закон, он его

игнорировал. Пока нужное, но незаконное решение оспаривают, — работа будет идти. Даже если отменят, можно принять такое же решение под другим названием. Вся российская приватизация была проведена в рамках именно этой идеологии, — идеологии беззакония. И началась она с фактической «отмены» Закона об именных приватизационных счетах.

Рассмотрим эту историю.

1 ноября 1991 года съезд народных депутатов РСФСР принял постановление «О правовом обеспечении экономических реформ». Причина появления этого документа была проста: дать исполнительной власти право на принятие срочных мер, ведь никакой парламент не в состоянии оперативно принимать нужные законы. Поэтому предлагалось дать право президенту-реформатору Б.Н. Ельцину, не обращая внимания на устаревшее, неполное и противоречивое законодательство РСФСР, руководить процессом, издавая свои указы.

Правда, была принята оговорка, что проекты таких внезаконных указов будут направляться в Верховный Совет, который имел право в недельный срок отклонить проект; если же в течение недели отклонения не последовало, то президент мог подписать указ, и он вступал в силу. Депутаты считали, что это чрезвычайное постановление, принятое в чрезвычайной обстановке, будет служить делу возрождения России. Как они ошиблись! Наиболее яркий пример их ошибки — история с введением приватизационных чеков, или ваучеров.

Первоначально планировалось открыть всем гражданам России *именные* приватизационные счета. Но люди, близкие «к теме», очень быстро сообразили, какой недостаток имела бы такая система. Она не позволяла решить ключевую задачу: создать опору для авторитарного политического режима. Для власти было важно помочь стать крупными собственниками только тем, кто впоследствии, обретя богатство, не допустил бы смены режима. Короче, «своим».

Способ решения этой задачи был найден: *безличные* бумаги — ваучеры. Но поскольку по уже принятому закону следовало вводить *именные* приватизационные счета, его надо было обойти. И обошли.

Придуманная схема была проста. Проект указа о замене именных приватизационных счетов безличными приватизационными чеками (ваучерами их назвали уже потом) был составлен во время парламентских каникул, — 2 августа 1992 года. Через четыре дня проект привезли в Белый Дом и вручили первому зампреду Верховного Совета С. Филатову, который передал его верному сторонникуу

президента — председателю комитета ВС по экономической реформе С. Красавченко. В сейфе комитета проект указа, о котором почти никто не знал, пролежал до 14 августа. В итоге неделя, в течение которой ВС мог как-то среагировать, истекла, и Ельцин указ подписал.

Случившееся вызвало скандал, но вялый.

В дальнейшем схема обхода законов была ещё более упрощена. Даже если парламент успевал отменить какой-нибудь незаконный указ, он тут же выпускался президентом заново под другим номером (большей частью это касалось приватизации). Апофеозом стал знаменитый «указ 1400» (21 сентября 1993); о нём мы поговорим позже.

После принятия в конце 1993 новой Конституции «особые полномочия» президента юридически возродились в ещё более циничной форме. Они могли противоречить любым законам, хотя формально должны были, якобы, заполнять правовые пробелы в законодательстве. В результате президентские указы в массовом порядке подменяли собой законы, регулируя такие вопросы, как правила приватизации, налоговые льготы, таможенные квоты и пошлины, залоговые аукционы, наделение некоторых регионов привилегиями, и т.д. Таким же образом регулировалась война в Чечне.

А народ убеждали, что прогрессивный президент должен иметь право действовать, не оглядываясь на консервативный парламент!

Однако главным достижением Чубайса стали не столько ваучеры, сколько строительство «империи Госкомимущества». Его стараниями возникла мощнейшая вертикальная структура, где и решалось, кто и почём станет владельцем того или иного куска некогда общего добра, кто получит в аренду здание, помещение или земельный участок, по каким правилам будет приватизироваться предприятие, кому при этом достанется сколько акций, и так далее.

Можно согласиться с мнением, что ключевые принципы приватизации были предложены Чубайсу его западными консультантами. Он целенаправленно создавал такую систему, которая обеспечила бы ему и его соратникам власть, могущество, влияние, да и богатство. Без поддержки извне достичь всего этого было бы трудно.

Уже упоминавшийся Джонатан Хей (по данным ФСБ, кадровый сотрудник ЦРУ) был назначен приказом № 141 по Госкомимуществу начальником отдела иностранной технической помощи и экспертизы. С ним пришло много американцев, часть которых была ранее известна российским спецслужбам как разведчики, а общая численность различного рода советников и консультантов достигала двухсот человек. Все они размещались в служебных

помещениях российских ведомств, пользовались практически всеми видами связи, которые имелись в госучреждениях; 35 человек из их состава имели свободные пропуска для доступа в здание Госимущества, имели право пользоваться служебной информацией.

Сотрудник этого комитета П. Мостовой признавался позже, что *«в конечном счёте, мы стали обращаться за помощью к иностранным консультантам исключительно для отработки технических деталей: сделайте справку, как решается эта проблема в таком-то и таком-то законодательстве, посчитайте, опишите. Например, они написали положение о проведении чековых аукционов: «делай раз, делай два, делай три». Как наставление по стрельбе из пулемёта*».

То, что Мостовой скромно называет техническими справочками, было прямыми предписаниями, как надо поступать. Никого не удивило, что американцы взялись писать наставления по чековым аукционам, которых в США никогда не было. Это можно объяснить только тем, что роль аукционов была политической, а не экономической.

Приказом А. Чубайса от 5 октября 1992 в Госкомимуществе была создана специальная экспертная комиссия, которой поручили «в обязательном порядке рассматривать все проекты указов президента России, постановлений правительства, распоряжений председателя и заместителей председателя Госкомимущества по поводу определения специфики приватизации в отдельных отраслях народного хозяйства, создания холдинговых компаний и передаче управления предприятиями (пакетами акций в траст)». Заместителем председателя этой комиссии был назначен Джонатан Хей. Граждане России в этой комиссии составляли меньшинство, и их голоса не были решающими.

Вдумайтесь: американцы рассматривали и могли изменить проекты указов президента России и постановления российского правительства! США получали всеобъемлющую информацию о российской промышленности и сырьевой базе страны. Чем же Россия не колония?

Госкомимущество и Российский фонд федерального имущества совместно учредили Российский центр приватизации (РЦП), во главе которого был поставлен Максим Бойко. Он был хорошо известен американцам, поскольку до 16 лет вообще жил с родителями в США, а в конце 1980-х проходил стажировку в Национальном бюро экономических исследований США, будучи сотрудником Института мировой экономики и мировой политики.

На работу Российского центра приватизации и его региональных отделений (имевшихся на всей территории страны) американцы выделили целевым назначением 116 млн. долларов. Щедрость США объясняется тем, что РЦП собирал подробную информацию о всех предприятиях регионов или отдельных областей, и давал оценку их перспективности для приёма иностранных капиталовложений. На работу в этот центр брали, как правило, людей, имевших базовую экономическую подготовку, владевших английским языком и желательно прошедших научные стажировки в Соединённых Штатах. В каждом областном или краевом отделении РЦП работали от 3 до 5 таких специалистов с высокими окладами (по 700-1000 долларов в месяц), составлявших подробные паспорта российских предприятий. Вся эта информация, естественно, становилась достоянием американцев.

Под прикрытием приватизационного процесса был нанесён огромный ущерб национальной безопасности нашей страны. В силу военно-политического противостояния СССР и США и в результате жёстких блокадных мер, введённых западными странами на торговлю и обмен технологиями, развитие военно-промышленных комплексов двух сверхдержав развивалось самостоятельно и независимо. У нас были разные типы стрелкового оружия, бронетехники, авиации, военно-морских сил, ракетной техники. Высокая степень секретности всего нашего военно-промышленного комплекса была постоянным раздражителем для США и их союзников, они готовы были тратить колоссальные средства на получение нужной им информации. Приватизация «по Чубайсу» открыла настежь двери нашего ВПК для разведок США и их натовских партнёров.

Когда Государственная дума спохватилась (только в 1994) и попробовала получить отчёт о работе и о расходах центра, было уже поздно: информацию возвратить нельзя. М. Бойко подтвердил, что он действительно получил из США за период с 1991 по 1994 год 116,6 млн. долларов, из которых было израсходовано 79,8 млн. Никаких точных документов, удостоверяющих расходы, не было. Осталась безвестной судьба «остатка» почти в 40 млн. долларов.

Сам собой напрашивается вывод о том, что шаткая правовая база России по приватизации (всего два закона, из которых один нарушен полностью, а второй частично; зато указов, постановлений, распоряжений — тысячи) создавалась намеренно. Вся российская приватизация незаконна, поскольку парламент так и не утвердил предложенную ГКИ схему её проведения. Это значит, что незаконная приватизация привязала тех, кто в её рамках получил собственность, к действующей власти. Стоит рухнуть режиму — и

можно совершенно законно, не вызывая протеста у Запада, всё отобрать назад.

Не следует забывать, что с изъятием у населения всех денежных накоплений (а с этого начал Гайдар) оно, население, было лишено всяких платёжных ресурсов и автоматически исключалось из числа будущих участников аукционов приватизируемых предприятий.

Сегодня экономисты-либералы объявляют, что, якобы, советская власть обесценила вклады, ибо под них не было товарного обеспечения, что уже давно шла инфляция и т.д. Но весь объём денежных средств населения, хранившихся в сберегательных кассах, использовался Советским государством в **инвестиционных** целях. Иначе говоря, эти капиталы были вложены в заводы, газо- и нефтепроводы, жилищное и коммунальное строительство и т.д. То есть деньги, ушедшие в инвестиции, стали реальными активами, частью государственного имущества, которое и разворовывалось как бесхозное.

А коли так, то все вкладчики имели право на свою долю в этом имуществе в размере, соответствующем их денежному вкладу. Они должны были быть *первыми* среди участников приватизационного процесса, — но не были допущены к аукционам вообще. И теперь эта собственность просто присвоена немногочисленной группой лиц!

Среди этих «новых русских» было много старой номенклатуры. Здесь же были обладатели тайных капиталов (представители теневой экономики, расхитители государственной собственности в крупных размерах, торговые мошенники), решившие выйти из финансового подполья. Тут же были молодые предприниматели (бывшие комсомольские деятели), организаторы и лидеры кооперативного движения. Были тут и преступные группировки, состоявшие из обыкновенных уголовников. Следует ясно понимать, что это и есть основная опора современного государства. Была реализована следующая схема: сначала обменяли власть на собственность (перестройка), а затем конвертировали собственность опять во власть, но построенную уже на другом принципе (приватизация).

Организаторы приватизации были уверены, что люди, лишённые всяких сбережений, и получающие в виде зарплат и пенсий деньги, которые ежедневно обесценивались, будут в массовом порядке продавать свои ваучеры за бесценок. Так и вышло, а средняя цена ваучера была — бутылка водки.

Ещё одна афера — создание так называемых чековых инвестиционных фондов, куда граждане могли прийти и сдать свой ваучер под ничего не значащую расписку никому не известного лица.

Фонды размещались во временно арендуемых помещениях, со взятыми напрокат средствами связи. Они собрали около трети всех выданных ваучеров, и в большинстве своём бесследно исчезли.

Это был ещё не конец ваучерной эпопеи!

Поскольку приватизационные чеки метились только номерами, контролировать их движение на территории страны было просто невозможно. Никто не скажет, сколько же их было всего отпечатано, куда девались около пяти миллионов чеков, которые не были взяты гражданами, протестовавшими таким образом против всей этой затеи. Были слухи, что ваучеры, однажды побывавшие на аукционах, затем вновь возвращались в оборот, и такие операции могли повторяться неоднократно. Практически никто не знает цен, по которым продавались предприятия или иные объекты экономической деятельности в ходе чековых аукционов. Вообще о приватизации почти ничего не известно.

Ещё одной маленькой хитростью приватизации было пробитое А. Чубайсом решение о том, чтобы действовал *заявочный принцип* участия в приватизационных аукционах. Кто первым подал заявку, тот и стоит в первом ряду на аукционе, а коллективам предприятий было отказано в праве выступать на аукционах в качестве покупателей. Зато аукцион мог быть проведён при любом количестве участников, даже если имелся всего один претендент. А отсечь конкурентов можно было разными способами: неточность при оформлении документации, нарушение сроков подачи заявки, инспирированная в прессе публикация компрометирующего материала и т.д.

Громкие скандалы потрясали Россию и выходили далеко за её пределы, нанося непоправимый ущерб авторитету страны, подрывая доверие к ней. Например, в конце 1995 года встал вопрос о приватизации нефтяной компании «ЮКОС». Соответствующий аукцион готовился тайно, ибо организаторы торгов сговорились с руководством банка «Менатеп» о том, что стабильно преуспевающая нефтяная компания должна была попасть ему в руки, а часть акций в качестве вознаграждения досталась бы чиновникам из Министерства финансов и других структур. Но информация о подготовке аукциона всё же стала достоянием деловых кругов. Тогда три крупных частных банка — «Инкомбанк», «Альфа-банк» и «Российский кредит» — заявили категорический протест против подобных махинаций. Они выразили желание принять участие в торгах, но им уже не хватало времени для оформления соответствующей документации и создания необходимых денежных фондов. Представитель «Инкомбанка» публично обвинил Министерство финансов и «Менатеп» в

мошенничестве и потребовал проведения торгов по всем правилам. Организаторам пришлось согласиться на перенос тендера.

Ещё больший скандал вызвала в 1996 году операция с продажей 25 % акций крупнейшей организации телефонной и телеграфной связи России «Связьинвест». Несмотря на то, что на этот кусок государственной собственности нацелились все тогдашние олигархи, команда А. Чубайса так «организовала» торги, что покупателем оказался В. Потанин, тогдашний владелец «ОНЭКСИМБАНКА», успевший создать оффшорную компанию, формально выступавшую в роли покупателя, и найти союзника из числа иностранных инвесторов.

Эта сделка вызвала глубокий раскол в среде олигархов. Уж, конечно, не без помощи обойдённых в этой сделке разразился невероятно крупный скандал, когда стало известно, что А. Чубайс и его ближайшие помощники получили огромные гонорары, по 80-90 тыс. долларов, за в те дни ещё и не написанную книгу о приватизации. А гонорары заплатили через издательство «ОНЭКСИМБАНКА». Однако Чубайс и его «соавторы» сделали вид, что ничего не произошло, ведь любимый его лозунг: «Нам надо больше наглости».

Государство продавало очень многие предприятия просто за бесценок. Это объяснялось, разумеется, надуманными причинами, типа «спрос на их продукцию существенно меньше возможного объёма производства», или: «предприятие успешно существовать не может, и нужны очень серьёзные, даже радикальные меры для реконструкции». Вывод: конечно, по остаточной стоимости его никто не купит, давайте отдадим, за сколько сможем.

Из 500 крупнейших предприятий России основная часть (80 %) была продана на аукционах по цене менее 8 млн. долларов каждое, 324 завода из этой золотой полутысячи пошли по цене менее 4 млн. долларов за каждый. «Уралмаш» продали за 3,72 млн. долларов, Челябинский металлургический комбинат — за 3,73 млн., Ковровский механический завод, обеспечивавший стрелковым оружием всю армию, МВД и спецслужбы, пошёл за 2,7 млн. долларов, Челябинский тракторный — за 2,2 млн. долларов. Для сравнения: средняя хлебопекарня в Европе стоит около 2 млн., один цех по разделке леса и выпуску отделочной доски-вагонки обходится покупателю в 4,5 млн. долларов. Сплошь и рядом происходили экономические курьёзы. Например, Останкинский мясокомбинат в Москве перед самым началом разгосударствления приобрёл новейшее импортное оборудование на сумму более 35 млн. долларов, а весь комбинат, вместе с этим оборудованием, был оценен всего в 3,1 млн. долларов.

Почему-то не возникало вопроса: если кто-то всё же хочет купить абсолютно нерентабельное предприятие, то зачем он это делает? Отложим ясные случаи, когда приватизаторы просто желали порадеть «своим». Но ведь также покупали в целях, не имеющих ничего общего с теми, которые преследовались государством при сооружении данного предприятия. Либо новый собственник намеревался распродать оборудование по цене металлолома и при этом выручить больше, чем затратил при покупке, либо он просто выкидывал всё из здания, чтобы сдать или использовать его под склад, либо в результате каких-либо махинаций «откатом» получить большую «чёрную» наличность, и т.д. Так страна уже в первые два года реформ лишилась как минимум трети производства и до половины приватизированных объектов.

Россия уходила в утиль.

За два года приватизации в бюджеты всех уровней поступило всего 1 трлн. рублей (доллар стоил около 5000 рублей), что в два раза меньше того, что дала приватизация, например, в Венгрии. Причём наше государство не получало от приватизации ничего: ни значимых денег, ни налогов от производства продукции, ни самой продукции — в лучшем случае гроши за само предприятие, да налог от продажи металлолома. Плюс ко всему этому массу социальных проблем, — ведь работников выкидывали на улицу. А дорого стоившие основные фонды фактически утрачивались без предъявления весомых доказательств их бесполезности.

Вдобавок приватизация способствовала криминализации всей совокупности экономических отношений. По оценкам Интерпола, из-за изменений в российской экономике и международной экспансии российских мафиозных структур, в 1994 году объём криминальных капиталов во всём мире превысил объём легальных.

…В 2000 году специальная комиссия палаты представителей США назвала А. Чубайса, наравне с В. Черномырдиным, главным коррупционером России.

Узурпация власти

В октябре 1993 года произошёл *президентский переворот*, закончившийся кровавым штурмом Белого Дома. Если великое сидение у Белого дома в 1991 году празднуют даже сегодня (неформальный праздник «живое кольцо», формальный — день российского флага), то «победу» Ельцина осенью 1993 года стараются не вспоминать.

В этих событиях не всё ясно. Большинство населения, чья жизнь за 1992 год сильно ухудшилась, полагало, что депутаты борются за истинную демократию, против самодурства стремящегося к единоличной власти Ельцина. Кто-то считал этот конфликт связанным с процессами приватизации, идущими в стране. Кто-то думал, что столкнулись личные амбиции А. Руцкого, Р. Хасбулатова и ряда депутатов, с одной стороны, и Ельцина и части его окружения с другой.

Председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов вспоминал[17]:

«Бульшая часть наших разногласий с президентом касалась вопросов приватизации. Это началось осенью 1991 года, когда Ельцин поручил Гайдару осуществлять экономическую реформу, а в Верховный Совет стали поступать документы из правительства, предусматривавшие денационализацию экономики. Чувствовалось, что тут участвуют иностранные консультанты. Некоторые абзацы были столь плохого перевода, что я как-то даже попросил принести мне английский оригинал. Ничего зазорного в заимствовании зарубежного опыта нет. Но тогда заимствовали не опыт, а какие-то куцые обрывки из журнальных и газетных статей экономически облегчённого типа…

Свою программу младореформаторы всячески скрывали от общественности. Мне, председателю Верховного Совета, прислали её только после личного вмешательства Ельцина. Из беседы с Дж. Саксом я понял, что это программа МВФ, с которой я был знаком ранее других. Она была передана в правительство, там её засекретили и стали под неё выдавать соответствующие законопроекты…

У Верховного Совета была разработана своя, реальная программа приватизации, включавшая в себя десятки законопроектов и иных нормативных актов... Я был сторонником сохранения в государственном секторе экономики нефти, газа, металлургической промышленности, военно-промышленного комплекса, трубопроводов, авиапредприятий и ряда других отраслей. И, конечно же, никогда не позволил бы примитивной кувалдой рыночной стихии разрушать сложнейший народнохозяйственный механизм.

Верховный Совет не соглашался, чтобы страну ломали через колено. Общество в своем большинстве стояло на нашей стороне. Это мешало проводить приватизацию так, как им хотелось. Справиться с депутатами легальным путём было невозможно. Тогда и появился указ президента под № 1400. А борьба за власть или

[17] «Парламентская газета» от 26.12.2000 г.

перераспределение полномочий — это неизбежное следствие такого курса»…

Вообще-то, депутатов ни тогда, ни сегодня не интересовали интересы простых граждан. Но, по крайней мере, некоторые из них понимали, что оказать поддержку политике Ельцина — значит, потерять собственные тёплые места: народ этого не поймёт, и больше не выберет. И кстати, остаётся фактом, что в ходе кровавых событий 3-4 октября 1993 года среди жертв не оказалось ни одного депутата, хотя число погибших даже по официальным, явно заниженным данным составило около 150 человек.

Но пойдём по порядку.

1 декабря 1992 года в Москве собрался очередной VII съезд народных депутатов России. Первые же выступающие начали с резкой критики правительства Е. Гайдара за развал экономики страны, разорение основной массы населения, подрыв финансовой системы. Критике подвергли и президента.

10 декабря Б. Ельцин прибыл на заседание съезда и, попросив слова, обратился с трибуны съезда напрямую к народу, назвав съезд народных депутатов «сплошной реакционной массой», с которой невозможно сотрудничать. Он потребовал проведения референдума по вопросу о доверии граждан президенту и парламенту, на который возложил всю ответственность за срыв курса реформ.

Уже 12 декабря 1992 года стороны достигли согласия о решении спорных вопросов исключительно конституционными методами. 14 декабря был отправлен в отставку Е. Гайдар, и его место занял руководитель Газпрома В.С. Черномырдин. На 11 апреля назначили референдум, и началась борьба вокруг формулировок тех вопросов, которые должны были быть внесены в опросный бюллетень.

В конце концов, согласились на том, чтобы граждане ответили на следующие четыре вопроса:

Доверяете ли Вы президенту РФ Б. Ельцину?

Одобряете ли Вы социальную политику, осуществляемую президентом РФ и правительством РФ с 1992 г.?

Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов президента РФ?

Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов РФ?

Перед референдумом все СМИ с утра до ночи «промывали мозги» гражданам: съезд народных депутатов — это плохо, а президент — гарант стабильности, надежда на светлое завтра. Всюду сообщалось, что отвечать надо: «*Да, да, нет, да!*». В случае неправильного решения предсказывали войну, разруху, голод…

25 апреля прошёл референдум, в котором из 107 миллионов списочного состава избирателей приняло участие 64 %. На первый вопрос о доверии президенту ответили утвердительно 58,5 % голосовавших (что составляло 37,44 % списочного состава избирателей). За доверие проводимой им и правительством социальной политике высказались 53 %. С целесообразностью досрочных выборов президента (третий вопрос) согласилось около 33 %, за досрочные перевыборы народных депутатов проголосовали 41,5 %.

Ельцин оценил эти результаты как свою победу.

30 апреля в газете «Известия» был опубликован проект Конституции, разработанный группой во главе с С.С. Алексеевым и С.М. Шахраем. В соответствии с этим проектом, президент получил право назначать всех высших государственных должностных лиц, иметь своих полномочных представителей в регионах на правах своеобразных комиссаров. Упразднялись посты вице-президента и председателя Федерального собрания, дабы не иметь в государстве лиц, сопоставимых по весу и значимости с президентом. Он мог распустить парламент в случае, если тот дважды не утвердит предлагаемую им кандидатуру на пост премьер-министра. А вот возможностей для отрешения от власти президента не предусматривалось вовсе.

По проекту Алексеева — Шахрая принять новую Конституцию должна была некая Конституционная ассамблея, состав и порядок созыва которой нигде не обозначались.

На следующий день — 1 мая, в Москве прошла демонстрация под красными знамёнами и с антипрезидентскими лозунгами. По приказу Ю.М. Лужкова демонстрацию разогнали на площади Гагарина (Ленинский проспект); пострадало более шестисот человек, сорок из них были госпитализированы, погиб один сержант ОМОНа, раздавленный грузовиком оцепления, сожжено три автомашины и ещё шестнадцать сильно повреждено. Все «демократические» СМИ внушали, что демонстранты были сборищем экстремистов.

8 мая 1993 в «Российской газете» был опубликован ещё один проект Конституции, разработанный официально учреждённой Конституционной комиссией, номинальным председателем которой был сам Ельцин, но реально работу выполнил О. Румянцев. Чтобы не давать основы для очередного конфликта, президент дал указание попытаться соединить оба проекта в один.

9 мая, в День Победы, Лужков разрешил демонстрантам пройти только от Белорусского вокзала до Советской площади, но не до Кремля и не к могиле Неизвестного солдата. Однако стотысячная манифестация, проведя митинг на площади Маяковского, не свернув

знамён и транспарантов, прошествовала дальше — до Красной площади. На этот раз милиция им не препятствовала.

На протяжении всего года с обеих сторон звучали обвинения в коррупции. Вице-президент А. Руцкой использовал свой высокий пост для политической борьбы с «кликой Ельцина» — к которой, собственно, сам принадлежал. Руцкой был официальным «борцом с коррупцией»! Ещё в январе 1992 года Е. Гайдар создал при самом себе самую первую в «демократической» России комиссию по борьбе с коррупцией, и в том же году статус этой комиссии был повышен до «Межведомственной комиссии по борьбе с организованной преступностью и коррупцией» при Совете безопасности РФ. Вот во главе этого органа был поставлен Руцкой.

26 марта 1993 он публично заявил, что «его» комиссия собрала одиннадцать «чемоданов компромата» на всё ближайшее окружение президента. К тому времени вице-президента уже вытеснили из Кремля, лишили почти всех полномочий, и он перебрался в Белый дом.

Обвинённые им не осталось в долгу: вице-премьеру В. Шумейко было поручено собрать контр-компромат на самого Руцкого. Для пущей важности Шумейко возглавил Межведомственную комиссию по борьбе с организованной преступностью и коррупцией.

И затем в российских СМИ развернулась невиданная ранее война компроматов. «Руцкисты» распространяли в зале заседаний Верховного Совета ротапринтные брошюрки и «подмётные листки» из своих одиннадцати «чемоданов»: де, младшая дочь президента Татьяна купила за границей каракулевую шубу за 5 тыс. долларов, его жена Наина там же — две норковые шубы и т.д. Шумейковская комиссия в ответ несла свои «открытия»: Руцкой за госсчёт построил себе две личные дачи, в Серебряном Бору и в деревне Раздоры по Рублёвскому шоссе, а его фонд «Возрождение» вообще якобы создан на деньги КПСС через её дочернюю фирму в Швейцарии «Сеабеко».

В ответ 22 июня 1993 года против Шумейко было официально возбуждено уголовное дело, а юристы из Верховного Совета раскопали старое дело 1990 года о 14,5 млн. долларов, выделенных на закупки детского питания за границей. Письмо-поручение по поводу этой закупки подписал тогдашний зам. спикера ВС РСФСР, а им был как раз В. Шумейко, но детское питание, разумеется, куплено не было, а деньги разошлись по карманам подставных фирм и неизвестных лиц.

Ясно, что такая борьба с коррупцией была лишь инструментом в противоборстве двух «клик», и как только одна из них

победила другую, тотчас же (в ноябре 1993) Межведомственная комиссия Совета безопасности по борьбе с организованной преступностью и коррупцией была ликвидирована.

В августе Ельцин посетил Таманскую и Кантемировскую дивизии, расквартированные в непосредственной близости от столицы. С учётом его публичных выступлений, содержащих требование уничтожения «двоевластия» и сопровождаемых прямыми угрозами, смысл этих поездок был понятен.

К 20 сентября Кантемировская, Таманская, Тульская и Псковская воздушно-десантные дивизии были приведены в состояние повышенной боевой готовности под предлогом осенней итоговой проверки. В военный госпиталь имени Бурденко в Москве доставили небывало большие партии хирургического оборудования, были пополнены запасы крови, что объяснялось «повышением травматизма среди военнослужащих во время уборки урожая».

21 сентября 1993 года Ельцин подписал указ № 1400, в соответствии с которым Верховный Совет и съезд народных депутатов Российской Федерации распускались, впредь стране предписывалось руководствоваться только указами президента и распоряжениями правительства. На 11-12 декабря назначались новые выборы в будущую Государственную думу. На этот же срок было предложено представить согласованный проект новой Конституции.

Конституционному суду было предписано не созывать заседаний до начала работ Федерального собрания РФ.

Совету министров надлежало стать правопреемником Верховного Совета и принять в своё ведение все организации и учреждения, ранее подчинённые парламенту. Рабочий аппарат Верховного Совета и обслуживающий персонал отправлялись в отпуск до 13 декабря с сохранением содержания. Указ вступал в действие с момента подписания.

В ответ на этот указ Р. Хасбулатов сразу подписал несколько постановлений, одним из которых Б. Ельцин отрешался от должности президента страны в связи с нарушением им Конституции, выразившимся в приостановлении действия законно избранных органов государственной власти. Исполняющим обязанности президента страны был назначен А. Руцкой. Особым постановлением парламент просил Конституционный суд дать правовую оценку указа № 1400.

В тот же день, 21 сентября, Конституционный суд под председательством В.Д. Зорькина вынес решение, в котором однозначно говорилось, что содержание указа № 1400 не соответствует Конституции Российской Федерации и может служить основанием для

отрешения Б. Ельцина от должности президента или «для приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности».

Противостояние перешло в активную фазу. По приказу Ельцина вооружённые подразделения взяли Белый дом — здание Верховного Совета, в осаду. Затем в здании были отключены электроснабжение, водопровод, все виды связи и т.д. Окрестные магазины и булочные закрыли под предлогом ремонта, а ввоз продовольствия, питьевой воды или медикаментов был прекращён. Даже находящиеся поблизости телефоны-автоматы оказались выведенными из строя! По приказу Лужкова к Белому дому подогнали автомашины-цистерны, наполненные водой, чтобы перекрыть ими все подъезды к парламенту, по которым могло прорваться на автомашинах подкрепление извне. В дополнение здание было блокировано колючей проволокой.

Параллельно шла агитация среди депутатов: их призывали покинуть осаждённый Белый Дом и перейти на сторону президента. Каждому из беглецов выдавалось два миллиона рублей наличными, обеспечивалось престижное место в госаппарате, передавалась в собственность служебная квартира в Москве, предоставлялись ему и членам семьи обслуживание в президентской поликлинике и больнице, санаторно-курортное лечение и т.д. Иначе говоря, «демократы» подкупали избранников народа, депутатов парламента, как раз теми льготами, против которых сами же и выступали в ходе борьбы за власть.

К концу осады из 1069 человек полного состава депутатов в Белом доме осталось не более сотни. Позже среди госслужащих оказалось немало тех из числа депутатов, кто перебежал к Ельцину в тот момент. Это, например, Е. Кожокин, А. Сурков, Н. Рябов, С. Степашин, А. Починок, Р. Абдулатипов и многие другие.

Лидеры ведущих стран Запада, в первую очередь Клинтон, Коль, Мейджор, Миттеран безоговорочно поддержали Ельцина, хотя не могли не видеть, что его действия антиконституционны.

Патриарх Алексий II призвал все ветви власти, армию, правоохранительные учреждения и всех россиян воздержаться от любых действий, которые могут привести к кровопролитию и толкнуть к гражданской войне. 1 октября 1993 года начались переговоры в Свято-Даниловом монастыре, но они зашли в тупик. Ю. Лужков и С. Филатов настаивали на разоружении защитников Белого дома и выводе их из здания, а Ю. Воронин от имени Верховного Совета требовал в качестве первоосновы для разрешения кризиса отмены указа № 1400 и обсуждения политических вопросов.

В воскресенье 3 октября в 14.00 на Октябрьской (Калужской) площади в Москве начался митинг сторонников левых сил. И сегодня не ясно, были ли последовавшие после митинга события выражением стихийного недовольства населения властью, или это была заранее приготовленная провокация. Как бы то не было, трёхсоттысячная толпа, собравшаяся на площади, внезапно двинулась по Садовому кольцу вниз, к Крымскому мосту. Ими была смята первая полоса оцепления, в которой стояли в три ряда омоновцы, вооружённые щитами и дубинками. У Смоленской площади без особого труда прорвали вторую цепь стражей порядка. В руках у демонстрантов оказалось несколько захваченных грузовиков.

У Нового Арбата толпа вдруг разделилась: около двадцати тысяч двинулись к Белому дому, а остальные продолжили путь по Садовому кольцу, направляясь к Останкинскому телецентру.

Без всякого сопротивления демонстранты преодолели осадное кольцо вокруг Белого дома, что оказалось совершенно неожиданным для его сидельцев, — ведь у руководства Верховного Совета не было никакой осмысленной и продуманной программы действий. Из находящегося рядом здания мэрии Москвы раздались автоматные очереди, и возмущённые демонстранты ворвались в мэрию, где произвели больше шума, чем разрушений.

Сегодня можно предположить, что власть решила преподать восставшему народу кровавый урок, дабы отбить у него охоту к активным выступлениям. Доказательством этому тот факт, что власть, имевшая достаточно сил и средств, чтобы остановить и рассеять демонстрантов, идущих в Останкино, вместо этого скрытно сосредоточила возле телецентра войска.

Толпа численностью в 12-15 тыс. человек подошла к телецентру около 18.00. Затем целый час на улице Королёва шел стихийный митинг. Ненависть к телецентру была вызвана самими тележурналистами, которые без зазрения совести врали о происходящих событиях. На требования предоставить эфир никто не отвечал, руководство телецентра не вышло на переговоры с руководством демонстрантов. Тогда в 19.05, по приказанию одного из лидеров восставших — генерала Макашова, тараном на дверь главного входа в здание телецентра двинулся грузовик. В ответ из окон, с крыши и из-за парапетов по безоружным людям был открыт ураганный огонь на поражение.

Выступивший по радио с заранее подготовленным заявлением премьер-министр Черномырдин употреблял такие формулировки: «Мир потрясён кровавым террором, развязанным рвущейся к власти кучкой политиканов, которые в своих действиях

перешли все разумные пределы». Он имел в виду, разумеется, не тех, кто расстреливал безоружных. До ночи по всей округе гремели автоматные и пулеметные очереди: шла охота на людей, попрятавшихся от террора власти.

В час ночи 4 октября в Министерство обороны приехал лично президент страны, чтобы поставить боевую задачу на штурм Белого дома.

К рассвету 185 единиц армейской боевой техники под командованием генерал-майоров Б. Полякова и В. Евневича вышли на линию огня. Непосредственная задача ликвидации Верховного Совета была поставлена перед ротой тяжёлых танков Т-80 в составе десяти боевых машин. Огонь должны были вести из танковых орудий калибра 125 мм специально подобранные экипажи, состоящие исключительно из офицеров, которым были обещаны крупные денежные вознаграждения, решение квартирных проблем и гарантия успешного продвижения по служебной лестнице в центральных округах России.

Американская компания CNN, зная обо всём заранее, расставила свои телевизионные камеры на крышах зданий, господствующих над «полем боя», и вела прямой репортаж о событиях вокруг Белого дома.

В 10.00 начался танковый обстрел. К 19 часам все было кончено. Р. Хасбулатова, А. Руцкого и их сторонников арестовали и отправили в Лефортовскую тюрьму. За остальными защитниками Белого дома, как только они покинули здание, началась охота омоновцев, которые нещадно избивали всех встречных.

Сколько погибло защитников Конституции, неизвестно. Власти называли около 150 погибших и 750 человек раненых. Оппозиция утверждала, что число убитых превысило 900 человек. Очень много и долго говорилось о создании независимой комиссии по расследованию истоков и результатов событий 3-4 октября 1993 года в Москве, но президент сделал всё, чтобы такая комиссия не начала работать.

Новый парламент (Государственная дума) отказался от всяких попыток расследования этих событий. Дело до суда не дошло.

Период самовластия

Итак, с 21 сентября по 4 октября 1993 года произошёл государственный переворот, был распущен Съезд народных депутатов

РФ; появился президентский указ «О поэтапной конституционной реформе».

Разгром парламента сделал Б.Н. Ельцина единовластным правителем. Советская власть рухнула по всей стране в одночасье, без сопротивления. Советам было просто предложено самораспуститься, что они в подавляющем большинстве и сделали. 7 октября 1993 года были распущены Моссовет и все райсоветы столицы.

11 октября был издан указ о проведении 12 декабря одновременных выборов в Государственную думу и Совет Федерации. В тот же день планировался всенародный референдум по проекту новой Конституции России.

11 ноября появился указ президента «Об уточнениях Положения о выборах депутатов Государственной думы в 1993 г. и Положения о выборах Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации в 1993 г.». По новому положению, Государственная дума должна была состоять из 450 человек. Половина из них избиралась прямым голосованием, а вторая половина — 225 мест — делилась между политическими партиями, которые приняли участие в выборах и при этом получили в целом по стране не менее 5 % голосов от принявших участие в выборах граждан. Выборы признавались состоявшимися, если число действительных бюллетеней составит не менее 25 % от числа зарегистрированных избирателей.

Левые партии были в первые недели после расстрела Белого дома запрещены, как и основные оппозиционные газеты. Но потом к выборам была допущена КПРФ, поскольку устранение коммунистов ставило под вопрос вообще легитимность выборной процедуры. Пропрезидентская партия «Выбор России», которую возглавлял Е. Гайдар, имела практически неограниченные финансовые ресурсы и полную поддержку со стороны средств массовой информации.

И вот результаты выборов. ЛДПР В.В. Жириновского получила почти 23 %, «Выбор России» — 15 %, КПРФ чуть больше 12 %, «Женщины России» — 8,5 %, Аграрная партия — 8 %, «Яблоко» — 7,4 %, Партия единства и согласия — 6,7 %. Самое удивительное в том, что избиратели, с треском провалив правительственную партию, одновременно проголосовали за президентскую Конституцию! Из 56 млн. человек, принявших участие в голосовании, 33 млн. высказались в её поддержку, и только 23 млн. — против.

Физик А.А. Собянин, проанализировав результаты голосования методами математической статистики, показал, что они сфальсифицированы. И главный его вывод состоял в том, что были вброшены «лишние» бюллетени. Его исследования ставили под вопрос

легитимность принятия Конституции, поэтому его результаты всячески замалчивались. Если он прав, то мы живем по незаконной Конституции. Сам Собянин через некоторое время скоропостижно умер.

У многих граждан наступила политическая апатия. Многотысячные митинги и манифестации ушли в прошлое. Люди в ряде мест перестали ходить на выборы местной власти; избирательные комиссии с трудом набирали требуемые 25 % избирателей…

Правительство В.С. Черномырдина с начала своей деятельности провозгласило главной задачей финансовую стабилизацию, — но достичь её можно было только через ещё бульшее ухудшение жизненного уровня народа. «Людоедские идеи» правительства, как мы видели, натолкнулись на упорное противодействие Верховного Совета, а его разгон привёл к поражению исполнительной власти на выборах в Государственную Думу в декабре 1993 года. Новая расстановка политических сил вынудила правительство лавировать, отступать от жёсткого курса борьбы с инфляцией и с дефицитом бюджета.

Наконец, внешний долг страны превзошёл уровень, после которого он уже растёт автоматически, и регулируется в основном кредиторами. В 1993 отсрочка выплат по обслуживанию долга позволила сохранить его на уровне 80 млрд. долларов; если бы такая отсрочка не была получена, внешний долг России увеличился бы к концу 1993 года до 95-97 млрд. долларов. Но эта отсрочка лишь откладывала проблемы «на потом».

***1994, июнь**. — Присоединение России к программе НАТО «Партнёрство во имя мира». **31 августа**. — Завершение вывода российских войск из Германии и Прибалтики. **10 декабря**. — Начало необъявленной войны в Чечне.*

Общее падение производства в предыдущий период (1991-1993) составляло в среднем по 15-18 % ежегодно. Все отрасли как лёгкой, так и тяжёлой промышленности, деградировали на глазах. Спад в производстве сопровождается быстрым ростом энергоёмкости конечного продукта. В 1994 году объём производства сравнительно с 1993 сократился на 21 %, а спад сравнительно с 1989 годом составил уже больше половины.

Государство стало скидывать с себя заботу о ВПК, науке, образовании, а также и «избыточные» общедоступные социальные гарантии. Политика «финансовой стабилизации» устранила препятствия для развёртывания инфляции издержек: рост цен всё в большей степени определялся удорожанием затрат, а не «избыточной» денежной массой. Наличности катастрофически не хватало. Всё

бульшую долю своих доходов граждане стали тратить на продукты питания; структура личного потребления в России быстро приближалась к структуре потребления, характерной для слаборазвитых стран. У пятой части населения потребление животного белка сократилось ниже уровня физиологического минимума.

О социальных издержках преобразований свидетельствует сокращение средней продолжительности жизни в стране с 69 до 64 (для мужчин — до 59) лет. В 1994 году смертность в России впервые после окончания Великой Отечественной войны превысила рождаемость.

Денежная «терапия», основанная на догматическом следовании западным рецептам, резко обострила среднесрочные структурные проблемы экономики. От полного краха наших «реформаторов» спасла только способность социальных систем самоорганизовываться, — иначе говоря, экономика выживала вопреки «заботе» правительства.

Одной из таких форм самоорганизации стало развитие бартера.

Вот какова была степень «бартеризации» в машиностроении.[18]

Год	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
% бартера	15,0	43,0	38,0	42,0	60,0	80,0	90,0	85,0	76,0	40,0

Бартер был известен и советской экономике. В ней действовали твёрдые цены и плановое снабжение, но ошибки планирования и ценообразования приводили к появлению дефицита, и бартер между предприятиями помогал эти ошибки исправить. Но когда в результате «реформ Гайдара» в 1992-1993 цены подскочили, а финансово-денежная система России перестала работать, возник кризис неплатежей, и бартер быстро стал для предприятий единственной возможностью продолжать нормальную работу.

В России держалось на более или менее приемлемом уровне только производство, связанное с добычей и экспортом сырья на Запад, но всё же, как это ни покажется странным, добыча топлива (нефти, газа и угля) снижалась! Во всех ведущих отраслях российской экономики (металлургии, химии, машиностроении) ускорилось вымывание высокотехнологической и высококачественной продукции,

[18] Из работы Бородина П.П., Легкобытова А.В., Игнатова А.А, Чернавского Д.С., Щербакова А.В. «Социально-экономическое положение России, 1991-1999 гг.». ФИАН, Препринт №73, Москва 1999.

необходимой для технической модернизации производства. В общем, то, что можно назвать «развитием страны», определялось исключительно интересами топливно-сырьевого сектора и новых финансово-посреднических фирм, а также иностранных кредиторов.

С середины лета 1994 года начался переход накопившегося инфляционного потенциала в открытую форму, и 11 октября того же года произошло обвальное падение курса рубля по отношению к доллару («чёрный вторник»). Всплеску инфляции способствовал крах ряда спекулятивных «финансовых пирамид», отвлекавших денежные средства населения.

Ещё в начале перестройки было много разговоров о том, что крестьянские подворья дают треть мясного и молочного «вала», половину овощей и фруктов, ещё больше картошки. Вывод из этого был очевидным: вот уберём колхозы, переведём крестьян в фермеры, и — порядок, изобилие обеспечено. Но это были только разговоры. Наконец, пришло время, когда можно было «воротить» по своему хотению: Ельцин издал указ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР». И вышел пшик. Не знают реформаторы страну, в которой живут!

Колхозный строй ликвидировали в 1991-1992 годах, и с тех пор производство всех видов продукции стабильно снижалось, пока не упало вдвое. Темпы снижения плодородия почв (из-за недовнесения минеральных удобрений и др.) утроились по сравнению с серединой 1980-х. За одно десятилетие была потеряна почти половина крупного рогатого скота, 60 % свиней, 40 % домашней птицы; подорвана кормовая база. Надо же было сообразить, что если крестьянское подворье производит треть мяса и молока, то оно должно производить и треть всех кормов. А ведь этого не было. Мы много писали о том, что у нас более короткий период сельхозработ в силу более сурового климата, и успех возможен только при высокой механизации производства. На крестьянском подворье его не было, но было в колхозе, а так как расценки труда там были не очень сбалансированы, то и происходило некоторое перераспределение конечного продукта.

Безграмотные реформаторы не рассматривали всю цепочку, а судили только по конечному результату, да и то со слов зарубежных советчиков, вот и возникло у них ложное представление об отечественном сельском хозяйстве и его возможностях. Вместо миллионов колхозников появилось две-три сотни тысяч фермеров, но они еле сводили концы с концами. Конечно, свою роль здесь сыграло и то, что многое из выделенных для фермеров денег было разворовано, но этих денег всё равно бы не хватило: инвестиции в сельское

хозяйство снизились катастрофически (на 60 % в 1992). В массовом масштабе фермерство в России невозможно...

Летом 1995 года был введён «валютный коридор» (4300-4900 рублей за 1 доллар). Чтобы поддерживать его, правительству пришлось ограничить денежную массу, находящуюся в обращении. И это притом, что большая часть, от 60 до 80 % денег находится в руках финансовых структур. Заниженный курс доллара сделал невыгодным вложение денег в отечественную промышленность, финансы убежали в сферу экспортно-импортных операций и «бумажных игр» (ГКО, акции, векселя); элита наживалась. Инвестиции, которых обещали «демократы», в страну не пошли. Величина всего иностранного капитала, вложенного в экономику России, составила всего около 6 млрд. долларов, тогда как утечка капиталов из России превысила 300 млрд. В реальной же экономике только бартер позволял сохранить хоть что-то, — выживание народа держалось на нём.

В этот период из-за снижения темпов инфляции экономика перешла из состояния, именуемого в аналитической литературе «трансформационным спадом», в состояние «депрессивной стабилизации».

Рост цен при Ельцине[19] существенно опережал эмиссию, так что объём денег оказался намного (в 3-6 раз) меньше необходимого для обеспечения существующего товарооборота. Положение усугублялось тем, что имеющиеся средства распределялись неравномерно. Так, финансовая сфера сосредоточивала 60 % денег, а на долю торговли и промышленности приходилось только 40 %. В такой ситуации оборотных средств у предприятий никогда не будет.

К 1996 году страна держалась только тем, что проедала фонды накопления. Троекратное превышение уровня спада производства над уровнем снижения потребления покрывалось за счёт свёртывания инвестиций, оборонных и других расходов, а также потребительского импорта.

***1996, 28 февраля**. — Вступление России в Совет Европы. **2 апреля**. — Подписание российско-белорусского Договора об образовании Сообщества Суверенных Республик. **15 апреля**. — Начало вывода федеральных войск из Чечни. **3 июля**. — Избрание Б.Н. Ельцина президентом РФ на новый срок. **31 августа**. — Подписание Хасавьюртовского соглашения о прекращении военных действий в Чечне.*

С выходом России на открытый внешнеэкономический рынок на первом месте во внешнеторговом обороте России оказались

[19] В 1992 году — в 30 раз, в 1993 в 10, в 1994 в 3, в 1995 году — в 2 раза.

страны Запада (60%, две трети из них — страны ЕЭС). Общероссийские цены подтянулись к мировым, что из-за технологической отсталости и более высоких издержек, имеющих объективный характер (климатические условия и размеры страны) вело к неконкурентоспособности целых отраслей. Наши экономисты-либералы говорят, что эти дополнительные издержки составляют всего несколько процентов. Но если на рынке имеется два одинаковых товара, то покупают тот, который дешевле, пусть и всего на несколько процентов. А продавать по той же сниженной цене, что и конкуренты, нельзя, — себе в убыток.

В 1995 году в стране появились, а в 1996 году получили широкое развитие финансово-промышленные группы (ФПГ). Правда, первый президентский указ об их создании был принят ещё 5 декабря 1993 года. Одной из главных задач ФПГ виделась возрождение экономических связей на пространстве бывшего СССР, разрыв которых негативно сказался на экономике России. На 1 января 1996 были рассмотрены и одобрены проекты двадцати восьми ФПГ, в состав которых вошло 326 предприятий, 74 финансово-кредитных учреждения (из них 32 банка). Среди наиболее крупных участников ФПГ — Новолипецкий, Старооскольский, Магнитогорский, Челябинский металлургические комбинаты; АО «АвтоВАЗ», «КамАЗ», «Авиастар», «Тулачермет», «Уралмаш»; ОНЭКСИМ-Банк, банки «Менатеп», «Российский кредит», «Промстройбанк», «Автобанк» и другие.

Пример деятельности ФПГ и залогового аукциона — сделка, которую провернула ФПГ ОНЭКСИМ-банка В. Потанина в отношении уникального предприятия — заполярного «Норильского никеля», производившего в советское время 90 % никеля, 90 % кобальта и всю платину. Этот ГОК (Горно-обогатительный комбинат), будь он в Америке, по словам Дэвида Сэттера, стоил бы десятки миллиардов долларов, но был в 1995 году «сдан в залог» потанинской ФПГ за 170 млн. долларов! В 1997-м Потанин внёс еще 80 млн. долларов, но зато перестал платить рабочим и служащим ГОК зарплату, и «сбросил» с себя всю «социалку» — детские ясли и сады, дома отдыха, пионерлагеря на юге у моря и т.д.

Сделку лоббировал высший чиновник Администрации президента — Чубайс. Скандал, связанный с этой ФПГ, стал явным, когда о нём заговорили в зале заседаний Думы, а потом и в СМИ. В январе 1997 года среди депутатов были распространены сведения о личных суммах на счетах Чубайса в «Мост-банке», скрытых им от налоговой инспекции только за один 1996 год: 1 млрд. 714 млн. 730 тыс. «старых» рублей («Коммерсантъ» за 11.06.1997). Чубайс сначала утверждал, что эти суммы не его личные, а «просто» лежат на его

личном счёте от имени некоего «Фонда защиты частной собственности», созданного «молодыми реформаторами» ещё в начале 1996 года. Затем «вспомнил», что это гонорары за чтение лекций в зарубежных университетах — выходило, что он получал за лекции больше Горбачёва и Клинтона («Известия» за 23.01.1997), — но, в конце концов, разом заплатил налога более чем на полмиллиарда «старых» рублей. Однако «Норильский никель» остался у Потанина.

Короче, как и все другие начинания «демократической» власти, и это — с ФПГ и залоговыми аукционами, — тоже окончилось пшиком. Единственным результатом такого «управления экономикой» стало появление тех, кого теперь называют олигархами.

К этому времени душевой доход 10 % наиболее богатых в двадцать раз превысил доход 10 % наименее обеспеченных (в развитых странах этот показатель составляет шесть-семь раз, в России до начала реформ достигал четырёх раз). Мы уже говорили, что в современной России существует два народа: «новые богатые» и «новые бедные». Так вот, новых богатых всего 7 %. Поэтому обычный критерий — отношение 10 % самых богатых к 10 % самых бедных, не отражает истинную социальную поляризацию общества. Она значительно резче.

И всё же на президентских выборах 1996 года победил Ельцин. Как это произошло, мы расскажем позже, а пока отметим, что «демократы» объявили его победу результатом доверия граждан России проводимой им политике!

Чечня и скандалы вокруг «тела»

В 1991 году Ельцин ради поддержки российских автономий в борьбе с Союзным центром, против Горбачёва, был готов пойти даже на развал России. Предлагая автономиям «максимум суверенитета», он мог рассчитывать на быстрый подрыв в них влияния центральной власти СССР. Именно представители Ельцина отыскали генерал-майора дальней авиации Д. Дудаева и помогли ему выехать в Грозный, где он с их согласия возглавил борьбу против старой партийной и государственной элиты Чечено-Ингушской автономной республики, которую держал в своих руках секретарь обкома КПСС Доку Завгаев.

Теперь уже вряд ли удастся узнать, на какие действия Дудаева дал согласие Б. Ельцин, но легко видеть, что главным в поведении всей команды, что в Москве, что в Грозном, была жажда власти, а не интересы России или Чечни.

27 октября 1991 года в Чечне прошли выборы нового парламента и президента, которым, естественно, стал Дудаев. Первым же своим указом новый президент провозгласил Чечню суверенным государством. Вот результат антигосударственной деятельности Ельцина и его окружения!

31 марта 1992 парламент самопровозглашённой Чеченской республики принял постановление, согласно которому все воинские части и их вооружения и техника, находящиеся на территории Чечни, брались под юрисдикцию Чеченской республики. Позднее стало известно, что же досталось Дудаеву: 42 танка, 66 единиц бронетехники, 590 противотанковых средств; артиллерии и минометов — 153 единицы, в том числе 18 реактивных установок залпового огня «ГРАД»; стрелкового вооружения около 42 тыс. стволов, из них 28 тыс. автоматов Калашникова, 678 танковых пулеметов, 318 крупнокалиберных пулеметов, 533 снайперские винтовки Драгунова, 17 переносных ракетно-зенитных комплексов, боеприпасов для стрелкового оружия — около 14 млн. штук, более 150 тыс. ручных гранат. На двух авиабазах (в Ханкале и Калиновской) находилось более 250 учебно-тренировочных самолетов «Л-29» и «Л-39», которые могли нести или по две авиабомбы весом по 100 кг, или две кассеты с 32 неуправляемыми реактивными снарядами каждая.

По данным переписи населения, на январь 1991 общая численность населения ЧИАР составляла 1 270 тыс. человек, из них чеченцев было 734 тыс., русских — 294 тыс., ингушей — 164 тыс., армян — 15 тыс., украинцев — 13 тысяч. С приходом Дудаева здесь началась кампания «выдавливания» русского населения, массовое бегство и гибель людей. Но «демократические» СМИ об этом даже не упоминали.

Когда же Ельцин укрепился у власти, «суверенность» Чечни стала ему не нужна. Его помощники С. Филатов (руководитель президентской администрации), С. Шахрай (до лета 1994 министр по делам национальностей и региональной политике), С. Степашин (руководитель Федеральной службы контрразведки) и Э. Паин (заместитель начальника Аналитического управления президента РФ) убедили его, что в Чечне есть реальные силы, которые способны изменить ситуацию в республике. Они имели в виду главу Временного Высшего Совета Чечни Автурханова, который, по их представлениям, мог взять власть при условии, что Россия окажет Временному Высшему Совету прямую финансовую и военную помощь.

2 августа 1994 года Автурханов объявил об отстранении от власти Дудаева, о принятии на себя всей полноты власти в республике, о прекращении деятельности всех органов

государственной власти, созданных Дудаевым. Дудаев, в свою очередь, объявил У. Автурханова предателем Чечни. В республике началась гражданская война.

Тем временем заместитель директора Федеральной службы контрразведки, начальник управления ФСБ по Москве и Московской области Е. Савостьянов организовал вербовку добровольцев в военных гарнизонах, расположенных вокруг Москвы.

26 ноября была предпринята масштабная атака на Грозный, закончившаяся полным разгромом нападавших. Многие российские военнослужащие были убиты и взяты в плен, а на другой день все они были показаны иностранной прессе, как доказательство прямого участия России во внутричеченском конфликте. Дальше маскировать свои действия для российского правительства не имело смысла. К тому же чеченская оппозиция, деморализованная бесконечными поражениями, потеряла остатки своего влияния на население и уже не могла рассматриваться, как организованная политическая сила, способная к самостоятельным действиям.

11 декабря началась первая чеченская война. Только через три недели — к концу декабря — федеральные силы подошли к Грозному. Новогодний штурм Грозного стал примером полного развала армии и профессионального невежества, и уже 9 января 1995 года правительство РФ объявило о введении 48-часового моратория на боевые действия для вывоза раненых и погибших из зоны военных действий.

Потом такие перемирия объявлялись постоянно, и что интересно, они использовались незаконными вооружёнными формированиями боевиков для того, чтобы перегруппировать свои силы, наладить снабжение и т.д. В народе была твёрдая уверенность, что в верхах кто-то очень заинтересован в поддержании этого конфликта, поэтому его и не удаётся закончить.

30 июля 1995 года в Грозном представители обеих сторон подписали Соглашение по мирному урегулированию ситуации в Чеченской республике. Российское руководство давало согласие на сотрудничество с Дудаевым в деле создания так называемых «отрядов самообороны», которые, по замыслу, должны были формироваться на паритетной основе, чтобы обеспечить поддержание порядка, контролировать разоружение незаконных формирований и отдельных граждан.

6 октября 1995 года в центре Грозного при проезде через уличный туннель был взорван радиоуправляемой миной автомобиль командующего Объединенными федеральными силами в Чечне генерал-лейтенанта А. Романова. Действие соглашения было прервано.

Между тем, происходили перемены на политическом Олимпе.

17 декабря 1995 года прошли очередные выборы в Государственную думу. В них приняли участие 64 % российских граждан, имеющих право голоса. Больше всего голосов получила КПРФ — 22 %. ЛДПР потеряла почти половину голосов, по сравнению с 1993-м; теперь она получила всего 11,2 %. «Партия власти» — «Наш дом — Россия», набрала 9,5 % голосов и осталась на третьем месте. Четвёртой и последней партией, перешагнувшей барьер в 5 % голосов, было «Яблоко». Но эти выборы ничего не изменили: во главе страны осталось то же правительство.

Ельцин предпринял некоторые кадровые перестановки, чтобы улучшить свой имидж в общественном мнение. В самом начале января 1996 года с поста министра иностранных дел был снят А. Козырев, который за все шесть лет пребывания на посту министра практически ни разу не вступился за национальные интересы России. Его место занял академик Е.М. Примаков, тогдашний шеф внешней разведки. 16 января 1996 был подписан указ об освобождении непопулярного Чубайса от обязанностей первого вице-премьера РФ, — но после небольшого перерыва он вошёл в избирательный штаб президента.

Выборы президента России были назначены на 16 июня 1996 года. Ельцин, который клялся много раз, что не собирается выставлять свою кандидатуру, сделал вид, что никогда не обещал этого. Авторитет его был на очень низком уровне — по некоторым данным, он упал до 4 %. Верить, конечно, агентствам по опросу общественного мнения особо нельзя; примем их результат на уровне 10-15 %.

Чтобы исправить положение, избирателя запугивали «страшными перспективами» в случае поражения Ельцина. Им внушали, что без него их жизнь будет невыносимой. Был ещё один «ресурс» — подсчёт голосов. Состав Центральной избирательной комиссии формируется правительством, а председателя назначает президент. На этот пост в 1993 году был назначен Н.Т. Рябов, один из тех депутатов Верховного Совета России, которые перебежали из осаждённого Белого дома на сторону Б. Ельцина. В верности этого человека сомнений не было.

15 марта 1996 года Дума приняла решение об отмене Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991-го о денонсации Договора об образовании СССР; Беловежское соглашение было признано незаконным. Ельцин это решение Думы назвал провокацией. Пошли слухи о возможном разгоне парламента, запрете

КПРФ и переносе сроков выборов на более позднее время, например на два года.

2 апреля 1996 года подписали в Москве Российско-Белоруский договор об образовании Сообщества Суверенных республик.

15 апреля 1996 начался вывод федеральных войск из Чечни.

В общем, популистские меры чередовались с запугиванием.

Если верить мемуарам Ельцина, то 23 марта 1996 года прошло закрытое совещание, в котором принимали участие В. Черномырдин, О. Сосковец, руководитель президентской администрации Н. Егоров и силовые министры. Обсуждали, чего же, собственно, делать. Президент собирался повторить удачный опыт вооружённого подавления оппозиции образца 1993 года, но неожиданно для всех с возражениями выступил тогдашний министр внутренних дел А. Куликов. Он заявил, что коммунистическая партия контролирует законодательные органы власти в половине регионов России, и если она выведет народ на улицу, то, возможно, часть военнослужащих МВД перейдёт на её сторону, что будет означать серьёзное вооружённое сопротивление действиям Ельцина. Выслушав это мнение, президент закрыл заседание, оставшись при своём мнении.

В своих воспоминаниях он отмечал, что отказаться от силового подавления оппозиции его уговорили дочь Т. Дьяченко и А. Чубайс, который предупредил, что Запад не поддержит очередного государственного переворота. Вопроса об интересах народа и на этот раз не возникло; совершенно ясно, что от очередного кровопролития страну спасла только боязнь высшей власти получить неудовольствие Запада.

Выборы президента 1996 года — пример того, чего могут достичь современные методы обработки общественного мнения, так называемый «административный ресурс» и огромные деньги. Основная ставка делалась на моделирование общественного сознания таким образом, чтобы люди даже вопреки своим жизненным интересам проголосовали так, как надо власти.

Денег на предвыборную кампанию не жалели. Потом в печати появлялись разные суммы; они колебались около 20 млрд. долларов, истраченных на подкуп прессы, телевидения, артистов, политических и общественных деятелей, аналитиков и экспертов разного толка.

Одновременно велась обработка других кандидатов на высший пост. Это были: Г. Зюганов, А. Лебедь, Г. Явлинский, В.

Жириновский, С. Фёдоров, М. Горбачёв, М. Шаккум, Ю. Власов и В. Брынцалов. Подробностей переговоров с ними никто не знает, — тут нам деваться некуда: информацию от народа власть скрывала, скрывает, и скрывать будет, — но кое-что можно восстановить.

Представители президента никогда не прекращали неофициальных контактов с верхним эшелоном коммунистической партии; сама верхушка КПРФ стала частью правящей элиты, и, как оно в нашей элите заведено, больше заботилась о собственном благополучии, нежели о стране. Вряд ли Зюганов знал, что делать, если его вдруг выберут; проиграв выборы, он говорил, что точно знает — подсчёты голосов были нечестными, однако никаких судебных действий не предпринял, и это очень красноречивый факт.

Говорили, что генерал А. Лебедь сразу, после первых подходов к нему дал согласие на контакт с президентским окружением и неофициально согласился войти в блок с Ельциным. Он немедленно получил крупные финансовые ресурсы и доступ к СМИ, что подняло его рейтинг. Но внешне он выступал с позиций, достаточно критических по отношению к правительству.

Известные сложности ожидали президентскую команду во взаимоотношениях с Г. Явлинским. Сообщалось о его личной встрече с Чубайсом, когда Чубайс открытым текстом предложил лидеру «Яблока» пойти путём А. Лебедя и занять пост первого вице-премьера в обмен на поддержку Ельцина. И якобы даже продемонстрировал подписанный указ о назначении. Однако Явлинский отказался: «до выборов никаких назначений не приму». «А после выборов никто уже ничего и не предложит», — ответил Чубайс. На том они и расстались. Таким ли был их разговор, или нет, сказать трудно. Однако факт, что через прессу подбрасывалась мысль о том, что Явлинский мог бы стать координатором по экономическим вопросам между странами СНГ в ранге министра. Явлинский остался глух и к этому предложению.

Позже Чубайс запустил (а контролируемые президентской командой СМИ растиражировали) утверждение, что каждый голос, поданный за Явлинского, якобы «работает на Зюганова».

С Жириновским власть вообще никогда не имела сложностей, а остальных пятерых кандидатов не принимала в расчёт в силу их малого политического веса.

Результаты первого тура выборов были такие: Ельцин — 35,28 % голосов, Зюганов — 32,03 %, Лебедь — 14,52 %, Явлинский — 7,34 %, Жириновский — 5,70 %. Остальные, как и предполагалось, не набрали даже по одному проценту каждый. Особенно унизителен был

результат у Горбачёва, который получил меньше голосов, чем число подписей, собранных им для регистрации своей кандидатуры.

На следующий день после подсчёта голосов А. Лебедь был назначен секретарём Совета безопасности и помощником президента, и призвал своих сторонников отдать голоса во втором туре за Ельцина. Тайный сговор стал явным. Одновременно отправили в отставку министра обороны П. Грачёва, — этого потребовал А. Лебедь в качестве условия сделки; министром был назначен И. Родионов.

Многим памятна замечательная история, произошедшая в июне 1996 года со знаменитой коробкой из-под ксерокса, набитой долларами, и вынесенной из Белого дома (ставшего к этому времени резиденцией правительства). Впоследствии «МК» напечатал расшифровку разговора Чубайса, Виктора Илюшина и некоего Сергея, где история с коробкой комментировалась столь недвусмысленно, что в случае подлинности записи следовало бы как минимум возбудить дело против участников беседы. Чубайс, естественно, объявил всё это «враньем» и скандал замяли. Но эта история способствовала малому «дворцовому перевороту», правда, пострадал не Чубайс, а руководитель охраны президента Коржаков. Новоиспечённый секретарь Совета безопасности генерал А. Лебедь встал на сторону Чубайса, заявив, что «любой мятеж будет подавлен, и подавлен очень жёстоко».

В результате влияние А. Чубайса стало очень большим, его советы и рекомендации исполнялись незамедлительно. Меньше чем через две недели после победы Ельцина на выборах А. Чубайс был назначен руководителем администрации президента. А мы в этой истории ясно видим, что основной задачей этих людей была самая первая и простейшая: собственное выживание во власти. На закон и на интересы людей никто из них не обращал внимания.

Второй тур выборов (3 июля) дал, наконец, ожидаемые результаты: Ельцин получил 53,83 % голосов (около 40 млн.), а Зюганов — 40,30 % (примерно 30 млн. голосов). Колоссальная кампания по промывке мозгов, стоившая огромных денег, мобилизации всех информационно-пропагандистских возможностей и активного использования административного ресурса, сделали свое дело.

Но возникли проблемы с церемонией вступления в должность, назначенной на 9 августа 1996 года. Окружение президента всячески старалось сократить время, отведённое на процедуру: Ельцин еле держался на ногах. Стране навязали не просто человека, бездарного во всём, кроме интриг, но и смертельно больного. Это значило, что страной будет управлять «дворянское окружение», не имеющее никаких государственных интересов.

После вступления Ельцина в должность генерал А. Лебедь был отправлен в Чечню с широкими полномочиями. На встрече с А. Масхадовым в районе села Старые Атаги он практически объявил о капитуляции России. По устной договорённости в течение недели урегулировались вопросы, связанные с прекращением огня и началом вывода федеральных войск. 30 августа в Хасавюрте были подписаны окончательные документы. В «Принципах основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской республикой» говорилось, что соглашение об основах взаимоотношений «в соответствии с общепризнанными нормами международного права должно быть достигнуто до 31 декабря 2001 года». Капитуляция России была подписана в присутствии главы группы содействия ОБСЕ в Чечне Т. Гульдимана.

Говорят, Б. Березовский пенял А. Лебедю, что своими мирными переговорами он разрушил очень доходный бизнес.

В ноябре 1996-го Б. Ельцина отправили в Кардиологический центр, для проведения операции на сердце. Незадолго до его госпитализации (на всякий случай?) был лишён всех постов А. Лебедь.

Совсем недавно он призывал своих сторонников голосовать за Ельцина. Теперь на него, подписавшего хасавюртовский мир, навесили публичную ответственность за поражение России в первой чеченской войне, — а не на тех, кто затевал всю авантюру с разрушением СССР и России, в том числе через чеченский «узел». А в завершение его обвинили ещё и в подготовке государственного переворота. Он якобы задумывал создать в рамках армии некий элитный «Российский легион», который был бы его опорой в достижении собственных честолюбивых целей. Генерал и в самом деле подавал записку о целесообразности выделить из состава армии наиболее боеспособную часть, но для чего? — чтобы она могла мобильно и эффективно ликвидировать опасные конфликты. Но кого интересовала правда?.. 16 октября 1996 года А. Лебедь был снят со всех постов и отправлен в отставку.

29 октября был опубликован указ Ельцина о назначении Б. Березовского заместителем секретаря Совета безопасности. (Впрочем, Березовский пробыл на этом посту не очень долго.) Многих это назначение потрясло, так как олигарх был замешан во многих финансовых аферах времён приватизации; его также считали причастным к началу войны в Чечне. Неприятие этого назначения дошло до того, что Г. Селезнёв, председатель Госдумы, выразил публичный протест против такого глумления над этикой государственной службы и отказался участвовать в работе

Консультативного совещания (президент, премьер-министр, председатель Госдумы и Председатель Совета Федерации). Он также потребовал отставки А. Чубайса, как инициатора назначения Березовского. Позже, поскольку за этим демаршем ничего не последовало, Селезнёв «забыл» о своих заявлениях.

В это время всесильный Чубайс, «регент» при больном президенте[20] провёл на пост заместителя руководителя администрации президента М. Бойко, отличившегося ранее на ниве приватизации. Теперь ему были поручены: взаимодействие с политическими партиями, общественными движениями, курирование средств массовой информации. А в составе правительства в качестве вице-премьера появился В. Потанин, один из самых могущественных олигархов, владелец ОНЭКСИМ-банка, тоже связанный с Чубайсом некоторыми «делами».

7 января 1997 года президент опять лёг в больницу с официально объявленным диагнозом «воспаление лёгких». Часть депутатов Государственной думы поставила вопрос о независимом обследовании состояния его здоровья. Припомнили случай, когда он не мог выйти из самолета в Ирландии, чтобы поприветствовать встречавшего его премьер-министра, или когда он принялся дирижировать оркестром во время визита в Германию. Ельцин категорически отверг это предложение, и большинство депутатов Думы с ним согласилось.

Насколько мало администрация и правительство учитывало интересы народа, худо-бедно представленного в Думе, видно из следующей истории.

Правительство, которое в это время возглавлял В. Черномырдин, было сильно озабочено дефицитностью государственного бюджета. Пытаясь закрыть в нём дыры, оно постоянно искало, где бы взять валюту. И в качестве одной из мер попыталось разместить на Парижской бирже новый тип государственных ценных бумаг — так называемые еврооблигации, на сумму в миллиард долларов, со сроком погашения в 5 лет и под 9,25 % годовых. За своё согласие на эту сделку Франция потребовала признания прежних царских долгов за 1880—1917 годы почти на 400 млн. долларов. И Черномырдин согласился!

Суть даже не в том, что правомерность взыскания царского долга вызывает большие сомнения, а в том, что глава правительства согласился за полученный миллиард отдать 400 млн., а с

---

[20] С июля 1996 по март 1997 — глава администрации президента, затем, до марта 1998, 1-й вице-премьер правительства и министр финансов.

учётом набежавших процентов почти 2 млрд. долларов. Кому, и какая выгода от такого «займа»?! Отдавать-то долг предстояло не Черномырдину лично!

Даже на Западе были удивлены такой «коммерцией». Когда французы спрашивали: «Вы не боитесь реакции со стороны Думы?» — Черномырдин без смущения отвечал: «Я Думу не боюсь. Я на неё не оглядывался и не собираюсь оглядываться!». А ведь разрешение внешних заимствований даёт как раз Дума. Заявление премьера показывает, каково оно, истинное разделение властей в России, и как властители относятся к интересам народа.

К этому времени относится скандал, связанный с «разграблением» Гохрана, государственного хранилища драгоценностей. Ещё в 1995 году правительство решило для покрытия бюджетного дефицита взять из Гохрана ценностей на 4,6 трлн. рублей, а на самом деле было взято почти в три раза больше. Затем в первом полугодии 1996 года (в самый разгар избирательной кампании), при разрешённой квоте изъятий в 2,3 трлн. рублей, было израсходовано почти в пять раз больше.

Всё всплыло случайно; стало известно, что руководители компании «Голден Ада», действуя с ведома и согласия правительства России, вывезли и продали на американском рынке драгоценные камни на сумму в 200 млн. долларов, и скрылись вместе с выручкой. Это дело стало достоянием общественности, наверное, из-за того, что аферисты не поделились с высокопоставленными чиновниками России.

В начале марта 1997 года А. Чубайс был назначен первым вице-премьером российского правительства; тогда же пригласили в Москву на пост вице-премьера нижегородского губернатора Б. Немцова, ещё одного дутого авторитета времён «построения демократии». Он семь лет управлял Нижегородской областью, и ему оказывали всевозможную помощь. Он один из немногих и первых получил право выходить на международные финансовые рынки со своими собственными ценными бумагами — евробонами. Центральный банк России предоставил ему заём в 18 млн. долларов для поднятия областной промышленности, но затем оказалось, что они были потрачены не по назначению. Никаких особых чудес экономика области не показала.

Ещё одним вице-премьером стал мэр Самары О. Сысуев. На такой же пост был назначен А. Кох, давнишний соратник А. Чубайса по приватизационной эпопее. Министром финансов стал ушедший из «Яблока» М. Задорнов.

К власти пришла новая команда «молодых реформаторов», но вышедших из состава «старой» команды, а значит, с

прежними принципами работы, или, вернее, с прежней беспринципностью.

В июне 1997 года Чубайс внёс на рассмотрение Думы проект нового налогового кодекса. Властителям страшно хотелось получить очередной кредит от МВФ, а эта организация требовала, чтобы в России был именно такой кодекс, как непременное условие для выдачи кредита. Дума отказалась его утверждать, невзирая на угрозу своего досрочного роспуска. В октябре президент решил не идти на новый конфликт с Думой и отозвал спорный кодекс.

Ещё один провал этого периода был связан с внешней политикой. 27 марта 1995 года в Хельсинки Б. Ельцин подписал Заявление по вопросам европейской безопасности, согласно которому был открыт путь расширения НАТО на восток. Это огромное политическое поражение России в 1997 году было оформлено юридически.

В 1997 году бояре затеяли очередную «войну компроматов», очевидно, в связи с состоянием здоровья «царственного тела». О некоторых скандалах мы уже писали выше: как Чубайс уклонялся от уплаты налогов на свои сверхвысокие доходы; как он тайно и небескорыстно содействовал В. Потанину… Новый скандал получил название «Дело союза писателей». Началось с того, что один из каналов ТВ, газета «МК», а также другие СМИ опубликовали суммы чудовищно крупных гонораров «писателей» из числа реформаторов (А. Чубайс, М. Бойко, жена А. Коха, П. Мостовой, А. Казаков), полученных за ещё не написанную книгу «История российской приватизации».

Ясно, что появление в прессе этого компромата произошло не случайно, и не гонорары «команды Чубайса» интересовали инициаторов скандала — они имели денег ничуть не меньше, чем «приватизаторы».

Непосредственным поводом к скандалу стал очередной липовый залоговый аукцион, на этот раз с крупнейшим телекоммуникационным оператором ЗАО «Связьинвест». На контрольный пакет акций этого второго по значению после «Норильского никеля» ЗАО нацелились новые медиамагнаты — Березовский (ОРТ) и Гусинский (НТВ). Но выиграл, как всегда, Потанин. И ясно, что не без поддержки Чубайса, ибо почему-то на счета «писателей» сразу после этого аукциона было перечислено 450 тыс. долларов.

Чубайс оправдывался тем, что размеры гонорара — сугубо договорное дело между авторами и издательством, а книжка, дескать, вполне реальная. Известно, что 14 ноября 1997 года он имел

разговор с Ельциным. Известно, что затем Чубайс обещал отдать «неправедный» гонорар на благотворительные цели. Конечно, Ельцин понимал, что именно Чубайс обеспечил ему перевыборы на второй срок. С другой стороны — он учитывал и скандалы, связанные с именем «регента», и неудачи экономики, и провал политики привлечения иностранных инвестиций... Налоги платило всего 17 % предприятий, неплатежи зарплат бюджетникам продолжались, целые отрасли экономики (пищевая промышленность, текстильная, микроэлектроника и другие, не говоря уж об аграрном секторе), «лежали на боку».

Ельцин поступил с проштрафившимися «писателями» круто. Казакова выгнал из заместителей главы Администрации президента, а Чубайса лишил поста министра финансов, оставив первым вице-премьером. Только в апреле 1998 года он был выведен и из правительства, и окончательно отдалён от «семьи», хотя и получил неслабую синекуру — пост главы РАО «ЕЭС России».

В январе 1998 года провели деноминацию рубля, убрав с банкнот три нуля. Эта реформа не дала никаких особых финансовых успехов; даже купюры с новыми цифрами оставались по виду прежними.

Между тем, деятельность самого Ельцина вызывала критику. Его авторитет, «надутый» перед выборами, опять достиг нулевого уровня. В. Черномырдин, посчитав, что Ельцин совсем ослаб, стал вести себя, как будущий глава страны; то ли по этой причине, то ли ожидая финансового потрясения (которое вскоре и произошло), Ельцин снял его с поста. Новым премьером неожиданно для всех стал совершенно не подходящий на эту должность человек, С. Кириенко. Его в мае 1997-го привёз в Москву, на должность первого заместителя министра топлива и энергетики, Б. Немцов. И вот в март 1998 года, в свои 36 лет, Кириенко стал премьер-министром Российской Федерации.

Правда, с его назначением вышел казус.

23 марта 1998 всё правительство во главе с Черномырдиным было отправлено в отставку. С. Кириенко — в соответствии с Законом о правительстве, не мог даже формально занять пост и.о. премьер-министра, потому что не был вице-премьером. Пришлось срочно, задним числом, писать новый указ о назначении С. Кириенко первым вице-премьером, а уже через несколько часов, очередным указом, назначить его исполняющим обязанности премьера. Документы на утверждение этой кандидатуры были направлены в Государственную Думу.

Дважды кандидатура нового премьера не получала необходимого количества голосов, и лишь в третий раз, 24 апреля, не

желая ставить Думу под угрозу роспуска, депутаты 251 голосом одобрили кандидатуру С. Кириенко.

Не исключено, что киты российской политической и экономической элиты с самого начала предполагали списать на него большую финансовую аферу.

Финансовый крах и импичмент

В 1994-1995-м «сыпались» спекулятивные финансовые пирамиды, и как раз в это время российское правительство создало свою собственную, государственную финансовую пирамиду: министерство финансов выпустило специальные ценные бумаги, получившие название ГКО (государственные краткосрочные облигации) и ОФЗ (облигации федерального займа). Правительство размещало их в основном среди частных банков, соблазняя банкиров высокой доходностью этих ценных бумаг. Даже в бюджет 1998 года была заложена их доходность на уровне 15-18 %, но в действительности она превышала эти показатели в несколько раз и достигала 80 %, а в критические моменты и 140 %.

За российскими бумагами потянулись финансовые спекулянты из-за рубежа; в 1996-м в их руках находилось 16 % всех выпущенных ценных бумаг, а к началу 1998-го доля иностранных держателей возросла до 28 %. Курс рубля искусственно поддерживали на уровне шести рублей за один доллар.

***1998, 1 января**. — Начало деноминации рубля. **Март**. — Отставка Черномырдина с поста премьер-министра РФ. Назначение С.В. Кириенко. **Март-апрель**. — Правительственный кризис, связанный с нежеланием Госдумы утверждать Кириенко на этот пост.*

Игры в финансовую пирамиду не оставляли денег на самые необходимые платежи внутри страны. В норму вошла система задержки заработной платы; во многих отраслях люди не получали зарплату по году и больше; периодически задерживали выплату пенсий. С весны 1998 года опять взбунтовались шахтеры: они отправили в Москву свой «десант», который занял место возле Белого дома. Но правительство делало вид, что ничего не замечает, а «демократические» СМИ как воды в рот набрали. Между тем, экономические требования шахтёров быстро трансформировались в политические лозунги: «Правительство в отставку! Долой Ельцина!».

2 июня в Кремле президент встретился с одиннадцатью крупнейшими банкирами России. Было образовано, по словам А. Смоленского (главы СБС-АГРО банка), своеобразное экономическое Политбюро. Банкиры заявили, что внутренних ресурсов России не хватит для преодоления финансовых трудностей, что срочно нужны кредиты, и настойчиво требовали возвращения А. Чубайса в состав правительства, назначения его на пост специального представителя президента по связям с международными финансовыми организациями.

В это время пирамида ГКО-ОФЗ доросла уже до своего логического конца, «всосав» в себя все доступные для спекуляций деньги. В средствах массовой информации началось рекламирование этих облигаций, обращённое к гражданам: их призывали скупать государственные «фантики» так же, как совсем недавно — фантики МММ. Совершенно очевидно, что элита, набивая карманы за счёт обескровливания экономики и, в силу этого, обнищания народа, была готова отнять деньги и непосредственно у нищего народа. Но народ уже не верил в пирамиды, да и не мог в них играть, и у спекулянтов не оставалось другого выхода, как обратиться за помощью к Западу.

Сегодня, когда мы знаем дальнейшую историю, понятно, что получение крупных иностранных займов требовалось финансовой и чиновничьей элите не для исправления экономической ситуации в стране, а для страховки своих потерь ввиду неизбежного краха созданной ими же финансовой пирамиды. Чубайс, получив соответствующие полномочия, вылетел в Вашингтон, получил 6 млрд. долларов в качестве чрезвычайного стабилизационного кредита; этот кредит бесследно исчез в считанные недели. Все участники рынка (те самые олигархи, что заседали в Кремле) сбрасывали имевшиеся у них бумаги ГКО-ОФЗ, а вырученные доллары немедленно переводили за границу. Суммы вывоза были столь значительны, что 13 августа Центральный банк сообщил о своём намерении сократить продажу валюты.

Золотовалютные запасы страны сокращались на 2-2,5 млрд. долларов в неделю. С межбанковского рынка валютный кризис выплеснулся на улицу. Отвечая на назревавшую панику, 14 августа президент Ельцин сделал заявление: «*Девальвации не будет, это я заявляю чётко и твёрдо. И я тут не просто фантазирую, это всё просчитано, каждые сутки проводится работа и контроль ситуации в этой сфере. Без контроля работа в этой сфере не пойдёт... Сейчас идёт новая волна мирового финансового кризиса, и нам надо снова поднапрячься, чтобы достойно встретить её. Мы свои резервы подсчитали и готовы эту волну встретить*».

Самое смешное: он даже почти не врал — кроме того, что «девальвации не будет». Если правильно понимать сказанное, то, действительно, всё *у них* было просчитано, и каждые сутки шёл контроль. *Они* свои резервы подчитали, и *им* было понятно, что народу придётся поднапрячься. Не исключено, что это заявление было сделано, чтобы дать время «заинтересованным лицам» спасти личные средства или даже приумножить их за оставшиеся до краха сутки. Население, научившееся правильно понимать подобные заявления, бросилось спасать *свои* средства, но было уже поздно. В воскресенье 16 августа Ельцин предоставил правительству и Центробанку свободу действий.

В чёрный понедельник страна узнала, что она разорена, и не имеет возможности исполнять свои долговые обязательства ни перед кем. Правительство объявило, что отныне курс рубля по отношению к доллару будет определяться Центробанком по итогам каждого очередного дня. Все бумаги ГКО-ОФЗ подлежали переоформлению в новые «ценные» бумаги с гораздо более длительным сроком погашения. Объявлялся мораторий сроком на 90 дней на выплаты по всем финансовым кредитам, полученным от не резидентов России (от иностранцев). Все банки прекратили выдачу денег со срочных счетов своим частным клиентам, чем фактически признали свой крах.

Цены в магазинах менялись по несколько раз за день. Чтобы успокоить рядовых граждан, имевших вклады в частных банках, председатель Центробанка С. Дубинин 20 августа гарантировал возврат частных вкладов. В реальности же, пока клиент занимался переоформлением, курс рубля летел вниз, и к моменту получения своего вклада в руках несчастного гражданина оказывалась в лучшем случае одна треть первоначальной суммы. В этот раз правительство своими действиями, имевших вполне прогнозируемый результат, ограбило тех немногих, кто успел поднакопить средств во время безумных рыночных реформ, — «дворян», в нашей терминологии. Власть в какой-то степени потеряла поддержку и этой малочисленной прослойки…

23 августа Ельцин отправил в отставку весь состав правительства. Исполнять обязанности премьер-министра опять позвали В. Черномырдина, но отставленные члены правительства пока, впредь до формирования нового состава кабинета, оставались на своих местах.

Кандидатура В. Черномырдина через Думу не прошла, и Ельцин, понимая, что если будет настаивать, то и сам может не усидеть на троне, предложил в премьер-министры Е.М. Примакова.

Вместо Дубинина главным банкиром страны стал В. Геращенко.

Время работы правительства Е.М. Примакова оставило добрую память у большинства граждан России. Ему удалось частично погасить задолженности по зарплате и пенсиям, а вскоре подоспело и некоторое повышение цен на нефть на мировом рынке. Правительство наладило нормальные отношения с Государственной думой, смогло в короткое время разработать вполне приличный бюджет на 1999 год, который не встретил оппозиции в парламенте. Всё это способствовало началу экономического роста.

Страна стала оживать, — но это и сгубило Примакова. «Правая» печать с первых дней работы нового правительства начала его ожесточённую критику, да ещё с элементами клеветы. Зная болезненную ревность Ельцина к возможным политическим соперникам, пустили слух о том, что Примаков метит в президенты, и что его популярность в народе растёт.

Совет Федерации создал специальную Временную комиссию по расследованию причин, обстоятельств и последствий решений Правительства РФ от 17 августа, приведших к дефолту. С. Кириенко, А. Чубайс и Е. Гайдар отказались явиться на заседания комиссии и дать свои показания. И это — отличная иллюстрация построенной у нас «демократии». Например, в США люди, отказывающиеся сотрудничать с сенатской комиссией, не могут впредь занимать государственные должности, а у нас — ну, не пришли, и не пришли. Как известно, Кириенко впоследствии стал не кем-нибудь, а полномочным представителем президента в одном из федеральных округов.

Комиссия смогла получить письменные свидетельства на поставленные вопросы от Министерства финансов, Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг, Счётной палаты, Генеральной прокуратуры, Службы внешней разведки. Уклонился от предоставления информации только Центральный банк, что тоже наводит на размышления.

Результаты работы комиссии были опубликованы в «Парламентской газете» 23 марта 1999 года. Выяснилось, что решения от 17 августа принимались лично С. Кириенко и С. Дубининым, при участии тогдашнего министра финансов М. Задорнова, первого заместителя председателя Центробанка С. Алексашенко, а также посторонних лиц — А. Чубайса и Е. Гайдара, не занимавших тогда должностей в государственных структурах, и приглашённых лично С. Кириенко в качестве экспертов. Было признано, что все чиновники превысили служебные полномочия и должны нести персональную ответственность за последствия своих действий.

Бумаг ГКО-ОФЗ было выпущено в общей сложности на 436 млрд. рублей, и доходов от новых выпусков не хватало на покрытие платежей по предыдущим; и эта порочная практика проводилась в жизнь в течение четырёх лет (с 1994)! Могло быть только две причины для такой «финансовой политики»: или организаторы этой пирамиды преследовали цели личной наживы, и являются ворами, или игра в ГКО — признак некомпетентности ответственных правительственных чиновников самого высокого ранга. Мы склоняемся к первому «или»; но комиссия Совета Федерации однозначно квалифицировала действия правительственных должностных лиц, и в частности бывших министров финансов Чубайса, Лившица и Задорнова, как профессионально некомпетентные, безответственные и халатные.

Но было также отмечено, что ряд высокопоставленных государственных лиц, в частности, А. Чубайс, А. Кох, С. Алексашенко — сами зарабатывали деньги на спекулятивных операциях с государственными ценными бумагами, и что ЦБ России тоже превратился в игрока на рынке ГКО-ОФЗ, вместо того, чтобы блюсти стабильность национальной денежной единицы. Получая громадные доходы от ГКО-ОФЗ, руководство банка тратило их на создание всевозможных поощрительных фондов для своих сотрудников, на содержание которых и без того шли непомерные суммы (в 1998 на это ушло 9,7 млрд. рублей). Именно по этой причине Центробанк всячески отбивался от всякого контроля со стороны законодательной власти.

Настоящей «бомбой» в мировом финансовом мире стала история с пропажей 4,8 млрд. долларов, которые были выданы правительству РФ от МВФ для ликвидации последствий дефолта. Главе МВФ Мишелю Камдессю это стоило кресла, а в России всем причастным — хоть бы что. Слава Богу, хоть медалями не наградили (хотя, кто знает…). Лишь осенью 2001 года правительство М.М. Касьянова вернулось к вопросу об этом «пропавшем» займе, и… решило выплатить Международному валютному фонду проценты по нему (8 % годовых). Разумеется, из бюджета, — за счёт денег, собранных со всей страны.

И кстати, американцы ещё осенью 1998 года, на переговорах с чиновниками из России о совместных мерах против отмывания «грязных денег», предлагали *раскрыть имена* тех, кто «хапнул» эти деньги, а заодно и фамилии ещё двух сотен крупных российских коррупционеров, на счетах которых в иностранных банках находится около 60 млрд. долларов. Но, как пишет В. Сироткин, «российская делегация вежливо отказалась — ещё бы, в её составе как

раз и находились некоторые владельцы этих счетов!» — …впрочем, для российских служб эти имена и так не были секретом.

Правильно понимая происходящее, многие депутаты на протяжении всех прошедших лет оценивали, как крайне неэффективную, и даже вредную для России, работу самого президента Ельцина. Ещё до финансового обвала, в апреле 1998 года депутаты Л. Рохлин и В. Илюхин начали сбор подписей под инициативным письмом об отрешении Б. Ельцина от власти в соответствии с конституционными нормами. В итоге письмо подписали 177 депутатов; в нём кратко формулировались основные обвинения против Ельцина, и ставился вопрос о создании специальной парламентской комиссии, которая должна была бы оценить правильность соблюдения процедурных порядков и фактической обоснованности обвинений, выдвигавшихся против президента Российской Федерации. И 19 июня 1998 года на пленарном заседании Государственной думы такая комиссия была образована.

В августе, после дефолта, по предложению группы депутатов-аграриев Дума приняла постановление, которым рекомендовала президенту России Б. Ельцину добровольно подать в отставку. «За» проголосовали 245 депутатов, «против» — 32, остальные, — вот они каковы, наши депутаты! — проигнорировали голосование. Ельцин, разумеется, в отставку не подал.

Через полгода, 13 мая 1999 года газета «Коммерсантъ» опубликовала доклад комиссии и текст заключения, подготовленного к этому докладу Федеральной службой безопасности от имени правительства. Правда, не ясно, почему это было поручено ФСБ, а не, например, Министерству юстиции?.. Кстати, во главе ФСБ в это время стоял В. Путин, который через год, сам став президентом, издал указ о неподсудности бывшего президента Ельцина.

Первым пунктом обвинений было участие Б. Ельцина в Беловежских «посиделках», которые привели к уничтожению СССР, хотя Всесоюзный референдум 17 марта 1991 года показал желание народа сохранить СССР. Основное возражение ФСБ на это состояло в том, что комиссия, оценивая деяния президента России, ссылалась на Уголовный кодекс РСФСР, в то время как он утратил свою силу с 1 января 1997 года. В итоге ФСБ дала такое заключение: «*Ошибочное применение комиссией норм уголовного и другого законодательства вызывает сомнения в её выводах, что может повлечь, в свою очередь, нарушение прав человека по отношению к Президенту Российской Федерации*». По поводу же Всесоюзного референдума и его результатов было заявлено, что они не являются источником права.

Вторым пунктом обвинений фигурировал расстрел парламента в октябре 1993 года. По этому пункту ФСБ отметила, что Верховный Совет работал неудовлетворительно в 1992-1993 годах. Именно поэтому Ельцин вынужден был издать Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», который и стал детонатором событий сентября-октября 1993 года. Всю ответственность за насилие и кровопролитие в Москве ФСБ признала за Верховным Советом и его бывшими руководителями (Р. Хасбулатов и А. Руцкой). Президент же действовал в состоянии крайней необходимости, чтобы предотвратить массовые беспорядки, погромы, разрушения, поджоги и другие антиобщественные действия.

По третьему пункту — обвинения президента в событиях в Чеченской республике в 1990-е годы — ФСБ признала, что на территории Чечни к 1994 году сложилось опасное положение, и единственным действенным правовым инструментом для обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской республики, которым располагал в то время президент Российской Федерации, являлся *институт крайней необходимости*.

В четвёртом пункте обвинений в адрес Б. Ельцина говорилось о сознательном ослаблении обороноспособности страны. Правда комиссия отмечала, что она не нашла в действиях Б. Ельцина намерения оказать помощь иностранному государству, и не сочла возможным выдвинуть против него обвинение в государственной измене, но признала, что он виновен в злоупотреблении должностными полномочиями, совершил тяжкие преступления.

Это обвинение ФСБ практически не рассматривала по существу.

Пятым, заключительным пунктом обвинений был «геноцид российского народа». Из-за обвального падения жизненного уровня россиян, разрушения системы медицинского обслуживания, безработицы, началось вымирание населения. Более 32 миллионов человек живут в России ниже уровня, называемого «прожиточным минимумом». Задолженность по выплате ежемесячного пособия на детей выросла за время президентства Б. Ельцина до 25 млрд. рублей. Задолженность по пенсиям выросла до 30 млрд. рублей. К концу 1998 года безработица в России, если её рассчитывать по методике Международной организации труда, составила около 8,6 миллиона человек, или почти 12 % экономически активного населения.

По данным Межведомственной комиссии Совета безопасности РФ по экономической безопасности, в 1997 году, по сравнению с 1991-м, произошло снижение потребления мяса на 55 %, молока — на 41 %, яиц — на 31 %, рыбы — в 2,2 раза. Выросло

потребление только картофеля да печёного хлеба. По данным Министерства здравоохранения РФ, число заболевших на каждые 100 тысяч населения с 1992 по 1997 год росло следующим образом: сифилис — с 13,4 случаев до 277, туберкулез — с 39 до 74, злокачественные новообразования — с 271 до 294, наркомания — с 3 до 28, психические расстройства — с 274 до 348, СПИД — с 0,05 до 2,7. Это сопровождалось сокращением числа медицинских учреждений и коек в них.

Президент Б. Ельцин обвинялся в том, что своим Указом от 14 августа 1992 года «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» нарушил действовавший в то время «Закон об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР», а, как известно, Конституция устанавливает верховенство закона над президентским указом. Замена системы именных приватизационных счетов анонимными ваучерами привела к многочисленным финансовым аферам и злоупотреблениям, скоропалительной концентрации богатства в руках кучки дельцов.

По этому пункту ФСБ заявила, что Ельцин в России разрабатывал и проводил свою политику не в одиночку, а совместно с другими структурами государственной власти, в том числе и со всеми ветвями законодательной власти, включая Думу. Кроме того, обращалось внимание, что само понятие «геноцид» как уголовно наказуемое преступление не фигурирует в УК РСФСР, действовавшем до 1997 года, а следовательно, нельзя обвинять президента в преступлении, которого вообще не существовало в нашем тогдашнем уголовном праве.

Подводя итог, специалисты ФСБ констатировали, что они не нашли во всех собранных документах каких-либо признаков совершения президентом России государственной измены и других тяжких преступлений. По их мнению, подготовленные комиссией Думы документы носят не правовой, а политический характер, а это не может быть положено в основу для принятия решения о возбуждении уголовного дела и выдвижения обвинения против Президента РФ с целью отрешения его от должности.

Парламентские слушанья были назначены на 15 мая 1999 года.

27 апреля 1999 года Ельцин издал указ об изменении в составе правительства: министр внутренних дел С. Степашин был назначен первым вице-премьером; через две недели, 12 мая президент своим указом уволил Е.М. Примакова, и отправил в отставку весь состав правительства. Так Ельцин надеялся укрепить свои позиции перед решающим событием.

В день голосования об отстранении президента от власти — импичмента, правительство и администрация президента мобилизовали все свои ресурсы, чтобы не допустить обвинительного приговора. Сами депутаты впоследствии говорили, что выплаты за «правильное» голосование достигали 30 тысяч долларов. В результате 102 депутата из 450-ти в той или иной форме уклонились от голосования, которое было только личным и открытым. Всего было роздано 348 бюллетеней;15 депутатов получили бюллетени, но не опустили их в урны.

Для начала процедуры импичмента нужно было по любому из пяти пунктов обвинения набрать не менее трёхсот голосов.

Вот результаты голосования:

За обвинение по развалу СССР и подписанию Беловежских соглашений было подано 240 голосов, против — 72. Недействительными оказались 7 бюллетеней.

За обвинение по расстрелу Белого дома высказались 263 депутата, против проголосовали 60, недействительных бюллетеней — 8.

За незаконное начало чеченской войны голосовало 288 депутатов, против — 43, и ещё 4 бюллетеня были признаны недействительными.

За обвинение в развале армии и подрыве обороноспособности страны высказался 241, против — 77, недействительных бюллетеней — 14.

За обвинение в геноциде народов России проголосовали 238 человек, против — 88, недействительных бюллетеней — 7.

Отрешения Ельцина от власти не произошло.

В первые дни после завершения этого дела Ельцин пережил очередное ухудшение состояния здоровья. Многие объявленные встречи были отложены или заменены телефонными разговорами.

В Россию вернулся бывший мэр Санкт-Петербурга А. Собчак; он, обвинённый в коррупции, более двух лет находился в бегах, укрываясь в Париже, куда ему помог уехать его бывший заместитель В. Путин. Возвратился и А. Смоленский — бывший владелец СБС-АГРО банка, обвинявшийся в финансовом мошенничестве в особо крупных размерах. Стал часто, без особой огласки, наезжать в Россию С. Станкевич, нашедший убежище в Польше после того, как был обвинён в получении взяток.

Были прекращены все ранее начатые уголовные дела по экономическим преступлениям.

Коррупция и новый застой

Российской коррупцией на Западе возмущались задолго до дефолта. В 1996-1997 годах вели кампанию на эту тему западные СМИ; наконец, отреагировал американский конгресс, — и даже МВФ и Всемирный Банк, никогда не гнушавшиеся подкупать политиков, решили провести независимый аудит. И обнаружили (в 1998) гигантскую систему разворовывания российскими чиновниками международной финансовой помощи. Экспертами Всемирного банка была даже составлена *сравнительная таблица*[21] видов коррупции и экономического ущерба от них в России:

Вид коррупции	Экономический ущерб
Правительственные чиновники выдают лицензии за взятки	Рост стоимости товара на 3-10 %
Преступные группировки контролируют и устанавливают цены на рынке при попустительстве местных властей	Надбавка к цене товара в размере 15-20 %
Налоговые инспектора за определённую мзду позволяют скрыть часть дохода	Бюджет недосчитывается до 50 % поступлений
Чиновники за вознаграждение заказывают дорогостоящее оборудование или завышают стоимость общественных работ	Цены на товары и услуги повышаются на 20-100 %

Из российских же чиновников помалкивали даже те, кто по должности был обязан бороться с коррупцией. У нас тут украденным стабилизационным кредитом 1998 года никто всерьёз не стал бы заниматься, если бы на том не настаивал новый премьер-министр, Е.М. Примаков. Впрочем, и при нём ничего серьезного против массовой коррупции сделано не было: Евгений Максимович только и успел, что дать санкцию на арест двух олигархов, Березовского и Смоленского, всё равно недоступных для российского правосудия: в тот момент оба пребывали за границей. Один жил в вилле неподалёку от знаменитых Канн (по соседству с виллой дочери Ельцина Т. Дьяченко), а второй пребывал в замке близ Вены.

[21] Таблица приводится по книге В.Г. Сироткина «Кто обворовал Россию»?

Но для элиты и этого оказалось достаточным: премьер склоняется к *реальной,* а не *показной,* борьбе с коррупцией! Штаты и ЕС его поддержат! Как противодействовать такому «вредному», поступающему не «по понятиям», руководителю? Старым, проверенным способом, через ложь и очернение.

Зацепились за резолюцию премьера на справке МВД, Генпрокуратуры и Счётной палаты о причинах дефолта 17 августа 1998: «*Прошу проговорить вопрос с генеральным прокурором. Следует, не откладывая, открывать уголовные дела. Ущерб, нанесённый государству, огромен. Что можно было бы вернуть? — Примаков. 1. XII 98 г.*».

А в самой справке — списочек тех, кто играл на ценных бумагах ГКО и «полакомился» затем кредитом МВФ на 4,8 млрд. долларов, выделенным на покрытие ущерба от дефолта. К тому же в ней сообщалось, что органы налоговой полиции США и Франции активно помогают следователям из Москвы. Они уже наложили арест на ряд счетов российских граждан в Бостоне и Нью-Йорке, на сумму в 14,8 млн. долларов, и «вычислили» французский счёт одного из руководителей крупного российского коммерческого банка, на котором находятся 10,4 млн. криминальных долларов.[22]

Воры предприняли серию контрдемаршей. По одному из принадлежавших Березовскому телеканалов прозвучало сравнение: де, «список Примакова» аналогичен «спискам 1937 года» на расстрел или на тюремные нары. Для ненавистников истории собственной страны, страшащихся над собою любой твёрдой руки, этого было бы достаточно, — и всё же Примаков оставался на своём месте.

Видимо, Ельцин, сам себя считавший «твёрдой рукой», не сразу сообразил, в чём тут опасность.

Тогда была затеяна целая серия «разоблачительных публикаций» вокруг «семьи» (заграничные счета А.С. Волошина, дача Т.Б. Дьяченко и т.д.) Теперь даже Ельцин понял, к чему приведёт официальное расследование хотя бы одной воровской аферы — она неминуемо вытянет всю цепочку, — и 12 мая 1999 года он отправил всё правительство Примакова в отставку. Экс-премьер отказался подать личное об отставке прошение, и Ельцину пришлось увольнять его указом; при этом он заявил Примакову: «давайте останемся друзьями»...

Отставка Е.М. Примакова была очень плохо встречена в обществе. В массах его воспринимали как реального кандидата на пост

---

[22] Данные из справки МВД, Генпрокуратуры и Счётной палаты опубликованы «Новой газетой» (№39. 18—24.10.1999).

президента, взамен Ельцина. Вокруг его имени стали объединяться политические силы; наметился его союз с Лужковым и Шаймиевым. По существу, отставка Примакова стала стартом новой избирательной кампании, с надеждой людей на положительные изменения в стране.

В конечном итоге, эти надежды не оправдались. Примаков не пошёл на конфронтацию с Ельциным. В отличие от «масс» он знал, с чем ему придётся столкнуться, — а также знал, кого придётся брать в союзники. Ведь система потому и *система*, что сама подбирает себе кадры. Тех, кто ей подходит — поддерживает; тех, кто не подходит — изгоняет тем или иным способом. А уж как это выглядит со стороны «масс», — благообразно или ужасно, — вопрос десятый.

***1999, март-июнь**. — Югославский кризис. **12 мая**. — Отставка Е.М. Примакова с поста премьер-министра РФ, назначение на этот пост министра внутренних дел С.В. Степашина. **Начало августа**. — Возобновление военных действий на Северном Кавказе. **9 августа**. — Отставка С.В. Степашина с поста премьер-министра РФ, назначение премьер-министром РФ председателя Федеральной службы безопасности В.В. Путина.*

С уходом Примакова начавшееся было «умиротворение» внутри страны закончилось, и началось быстрое обострение. Прежде всего, это было связано с Чечнёй.

Прошло почти три года после подписания Хасавюртского соглашения, и Чечня их даром не теряла. Летом 1999 года события в этой республике опять вышли на первое место в сводках новостей. Стал реализоваться план переноса войны на территорию соседнего Дагестана. Основанием для этого считалось то, что когда-то, во времена имама Шамиля, Дагестан и Чечня составляли единое исламское государство, и теперь настало время для его восстановления. На самом деле причина событий была экономической: выход к Каспийскому морю давал чеченцам возможность участия в нефтяных проектах по добыче и транспортировке нефти на Запад.

С августа 1999 на территорию Дагестана начали просачиваться первые группы и отряды чеченских боевиков под командой Басаева и араба Хаттаба. Численность вторгшихся точно определить было нельзя, потому что к ним быстро примкнули ваххабиты из местных жителей и другие сторонники, но, по оценке дагестанских спецслужб, пришельцев из Чечни было не менее двух тысяч.

Уже 4 августа Госсовет Дагестана обратился к Москве с просьбой о срочной присылке воинских сил для предотвращения массированного вторжения боевиков. Ельцин велел премьер-министру

Степашину лично выехать в Дагестан, чтобы разобраться в обстановке и принять неотложные меры. К сожалению, Степашин, как и большинство «выдвиженцев демократии», обладая более чем средними способностями, только создавал суету, а положение ухудшалось. Раздражённый Ельцин сместил его с поста премьер-министра, и предложил завизировать проект Указа о назначении вице-премьером В.В. Путина, что дало ему возможность через несколько дней назначить Путина премьером.

Новый премьер сразу начал формирование правительства, как кабинета войны. Управление войсками было передано Генеральному штабу. Путин дал указание о должном материально-техническом оснащении войск, дислоцированных на Северном Кавказе, объявив, что не считает справедливым, когда российские миротворцы в Боснии получают по тысяче долларов в месяц, а военнослужащие, рискующие жизнью на Кавказе, не получают вовремя даже свою нищенскую зарплату. Местные дагестанские ополченцы получили оружие и выполняли боевые задачи наравне с военнослужащими. Их роль в отражении агрессии очень велика, они служили проводниками для армейских подразделений, мужественно обороняли родные селения до подхода подкреплений, несли караульную службу и прочее.

Такая позиция резко контрастировала с политикой предыдущих политиков, боявшихся решительных мер; она нравилась народу. Однако целый месяц тяжёлых боёв в горах, хоть и привёл к определённому перевесу федеральных сил, начавших вытеснять боевиков с территории Дагестана, «притушил» народные восторги: затяжная война никак не могла бы быть популярной. Но 9 сентября в 5 часов утра был взорван жилой дом в Москве на улице Гурьянова. Через четыре дня на Каширском шоссе был взорван ещё один жилой дом; погибли 118 человек. Вскоре взрывы раздались в Волгодонске, Буйнакске, Каспийске. Это переменило настроение в стране по отношению и к Чечне, и к решительным действиям нового премьера. Появились сообщения социологов о стремительном росте рейтинга В. Путина.

Позже опальный олигарх Березовский намекал, что всё это происходило не без его участия, что это он — автор многих сценариев, приведших к раздуванию авторитета ничем не примечательного человека, ординарного ФСБ-шного полковника. А некоторые журналисты прямо говорили, что взрывы в Москве организовали сами сотрудники ФСБ. Мы очень сомневаемся, что это так. Но…

Путин возглавил Федеральную службу безопасности летом 1998 года, уйдя туда с должности заместителя начальника

администрации президента, и сменив в должности директора ФСБ Н. Ковалёва. Позже с Ковалёвым разговривал известный политический обозреватель Леонид Млечин. Вот что он поведал в своей книге:

«*Бывший директор ФСБ Николай Ковалёв рассказывал мне, что спецслужбы получали информацию о происходящем в Чечне и докладывали её руководству страны.*

— Но почему в таком случае Федеральная служба безопасности не смогла предупредить проникновение боевиков в Дагестан и последовавшие затем взрывы в Москве и других городах? — спросил я.

— Я разработал систему предупреждения террористических актов, — ответил Ковалёв. — Этим занималось управление по разработке преступных организаций. И нам удалось предотвратить несколько акций, которые привели бы к массовой гибели людей. К сожалению, после моего ухода это управление было упразднено, а с ним разрушилась и система получения информации от готовящихся терактах.

— А как именно вы узнавали, что готовится та или иная вылазка боевиков?

— Это достаточно специфическая тема. В двух словах скажу, что у боевиков существует известная нам технология подготовки такого рода акций. Знание определённых деталей позволяло нам понять, что именно назревает…

Но летом 1998 года Ковалёва сменил Владимир Путин. Новый директор ФСБ распустил управление по разработке преступных организаций».

Скажем прямо: сотрудникам ФСБ не надо было самим проводить теракты вместо террористов-фанатиков. Достаточно им не мешать.

…К 1 октября 1999 года боевики в основном покинули территорию Дагестана, а на административных границах Чечни сконцентрировались российские войска численностью около 60 тыс. человек. Передовые отряды вошли в пределы Чечни и заняли господствующие высоты вдоль границы. Началась вторая чеченская война.

За первую неделю войны был установлен контроль над тремя районами: Шелковским, Наурским и Надтеречным, расположенными на левом берегу Терека. Основная группировка российских войск приступила к подавлению боевиков в горных районах Чечни. Война вполне могла быть закончена с ликвидацией последних крупных воинских формирований боевиков, но она будто бы *сама собой* перешла в «антитеррористическую операцию», — а

обещания справедливого вознаграждения участникам боёв, как и следовало ожидать, оказались лишь словами.

Никого это не насторожило: любовь к Путину только росла.

***1999, 8 декабря**. — Подписание Договора об объединении РФ с Белоруссией. **19 декабря**. — Выборы в Государственную думу. **31 декабря**. — Отставка Б.Н. Ельцина с поста президента РФ, назначение исполняющим обязанности президента В.В. Путина.*

В разгар военных действий состоялись очередные выборы в Государственную думу, получившие у социологов особое название: «первые управляемые выборы в Думу». Коммунисты получили 24,4 % голосов, на втором месте оказалось «Единство» с 23,7 %, на третьем «Отечество – вся Россия» — 12 %, далее следовали «Союз правых сил», набравший около 9 %, блок Жириновского с чуть больше 6 % голосов, и «Яблоко», тоже с 6 %.

Эти выборы в очередной раз продемонстрировали, что демократии надо учиться, а так — избиратели оказались безоружными против хорошо срежиссированных и хорошо проплаченных пиаровских акций. Кое-что из результатов этих выборов вообще потрясает! Блок «Единство», сформированный настолько наспех, что избиратели даже не знали, кто входит в его список — кроме трёх первых лиц, двое из которых (А. Карелин и С. Шойгу) вообще не пошли в Думу — занял второе место! Короче, избиратели проголосовали за чистый лист, и в каждый нужный момент в него вписывали тех, кто предан власти, а не избирателю. Мало того, люди не знали и программы этой новой «политической силы», — да и не было у неё программы, и сейчас нет ничего, кроме благих пожеланий и общих слов, вроде следующего:

«Мы за решительные преобразования, основанные на трезвом расчёте и научном предвидении. Мы против бездумного экспериментаторства и неоправданного радикализма. Наш центризм состоит в готовности решать реальные, а не вымышленные проблемы — проблемы, волнующие всех и каждого независимо от идеологических пристрастий…»[23]

А потом избиратель удивлялся, почему эти, с позволения сказать, избранники, решают свои проблемы, а не его, принимая антинародные решения. А чего удивляться? Произошло дальнейшее отдаление депутатов от их электората, и Дума из элемента представительной власти стала придатком власти исполнительной. Газеты прямо писали, что решения Думы покупаются.

---

[23] Из Манифеста партии «Единая Россия».

Ещё хуже была ситуация с Советом федерации. Там оказались люди, более чем случайные. Стал сенатором Г. Бурбулис. Известный приватизатор Кох, со скандалом уволенный из правительства и давший злобное интервью о нашей стране («Россия — потерянная страна, которая никому не нужна…»), тоже оказался сенатором. Правда, через некоторое время он вылетел и оттуда. Супруга знаменитого Собчака, Л. Нарусева, вдруг стала сенатором от Бурятии, и это тем более смешно, что её покойный супруг на первом Съезде советов клеймил партийных деятелей, которые живут в Москве, а мандаты получают в далёких сибирских автономиях…

Самый большой подарок стране к новому 2000 году сделал Б. Ельцин. В 24 часа по московскому времени 31 декабря 1999 года он объявил о своей отставке. Но на этом «подарок» и кончился: своим приемником (исполняющим обязанности) он назначил В. Путина.

Указ № 1, который подписал и.о. президента России В. Путин, дал Б. Ельцину исключительные привилегии на всю его последующую жизнь. Возможно, это было одним из условий передачи власти; можно даже предположить, что указ сочинял сам Ельцин в окружении домочадцев, и лишь получив под ним подпись будущего «и.о.», объявил о своей отставке. Уж очень беспрецедентен этот указ, он такой, наверное, единственный во всей мировой практике — не всякий даже беспринципный человек согласился бы его подписать!

Ельцин получил пожизненные гарантии неприкосновенности. Его нельзя привлечь к уголовной или административной ответственности, задержать, арестовать, подвергнуть обыску, допросу либо личному досмотру, — причём неприкосновенность распространяется на занимаемые им жилые и служебные помещения, используемые им транспортные средства, средства связи, принадлежащие ему документы и багаж, на его переписку. За счёт федерального бюджета он может содержать аппарат помощников, — а их число не определено, и они ответственны только перед Ельциным. Для работы этих помощников он может иметь отдельное служебное помещение, оборудованное оргтехникой с правом подключения ко всем государственным информационным системам и оснащённое правительственной связью.

Денежное довольствие Б. Ельцина установлено на уровне 75 % от месячного денежного вознаграждения президента Российской Федерации, что гарантирует постоянную индексацию. Для примера, пенсия, установленная Горбачёву в декабре 1991 года тем же Ельциным, за следующий год была полностью обесценена «шоковой терапией», поскольку не была предусмотрена её индексация.

Указ Путина установил обеспечение государственной охраной не только самого Ельцина, но и членов его семьи, постоянно с ним проживающих или его сопровождающих. Семья Ельцина, даже в случае его смерти, наделялась огромными льготами.

Отметим, что это — опять указ, а не закон. Опять идёт управление через подзаконные акты. Вспомним Оруэлловский «Скотный двор»: «Все животные равны, но есть более равные». Сколько раз «демократы» уверяли нас, что роман Оруэлла — это критика коммунистического строя. Нет, это он о них, о наших «демократах» писал. Таков дар предвиденья писателя! И кстати, его знаменитый роман «1984» тоже вовсе не об СССР, как нас уверяли, а о современных США.

…На протяжении 1990-х годов шла планомерная сдача всех геополитических интересов России, её исторических и нравственных позиций по всему миру, в том числе на Балканах. После бомбёжек Югославии в 1999-м руководство НАТО решило, что теперь только они будут определять судьбу страны. Однако наши военные смогли договориться с американцами о выделении России специального сектора на севере края, где большинство населения — сербы. И тут на роль «главного миротворца» от России Ельцин направил В.С. Черномырдина. Тот быстро разъяснил сербам, что Россия не будет ссориться с Западом ради Югославии; Америке дал понять, что Россия (читай: её элита) не будет противостоять планам НАТО, а наших генералов, участвовавших в переговорах, заставил вернуться к американскому проекту, в котором участие России не предусматривалось.

Закончилось наше присутствие на Балканах уже при президенте Путине: в 2003 году последний российский солдат-миротворец покинул край Косово и Метохию.

Подбор наследника

Приступая к последней главе книги, скажем такую многозначительную фразу: мы быстро приближаемся к концу нашей российской истории. И причина сего печального факта — в социальной и экономической нестабильности, порождённой испорченностью идеологии, а в широком смысле и культуры. На протяжении, может быть, тысяч лет развивалась в наших северных широтах культура общинности, сумевшая последовательно вобрать в себя соборность, православие и мусульманство, коммунистическую идею. А затем в

течение считанных лет культура, идеология, история народа были выкинуты в чулан, а вместо них народу предложили либерализм и «магистральный путь западной цивилизации», с которого Россия, оказывается, «свернула».

Естественно, произошёл обвал, в том числе экономический. По расчётам академика Д. Львова, общая сумма потерь, понесённых российской экономикой только за первые четыре года ельцинских реформ, оценивается в 3,5 трлн. долларов. Для сравнения: сумма потерь всего Советского Союза за четыре года Великой Отечественной войны составила 375 миллиардов долларов при том, что тогдашний доллар стоил куда дороже нынешнего.

Для слома идеологии четырёх лет оказалось мало. Б.Н. Ельцин и примкнувшие к нему лица, разогнав орган власти, представлявший народ — Верховный Совет, создали для «внешних приличий» (чтобы на Западе не возмущались) «карманный парламент» (с которым сами и не собирались считаться), а затем запугали страну «коммунистическим реваншем» и добились второго срока президентства.

Остановилось более 70 тысяч заводов и фабрик, из которых 5 тысяч — крупных и крупнейших, с численностью рабочих от тысячи и выше. Выпало из оборота 60 % пригодных для пахоты земель. Катастрофически сократилось производство важнейших промышленных товаров и изделий: станков с ЧПУ — в сто раз; тепловозов — в три раза; грузовых вагонов — в шесть раз; грузовых автомобилей — в четыре раза. В Советском Союзе в год выпускалось более тысячи самолетов, в «новой» России в 2001 году выпущено ЧЕТЫРЕ ШТУКИ.

Погибла практически вся обрабатывающая промышленность; из многих отраслей сохранились лишь производства, наносящие природе и здоровью работников явный вред (чёрная металлургия, производство алюминия и удобрений). «Процветали», если это можно так назвать, только отрасли хозяйства, снабжавшие сырьём иные страны. Вдобавок ежегодно из страны незаконно везли богатств на суммы, достигающие четверти российского бюджета, хотя точно сказать, сколько вывозится, никто не может, — отсутствие достоверной статистики стало ещё одним результатом правления Ельцина.

А почти все готовые товары, от которых зависит жизнеобеспечение страны, Россия стала ввозить из-за границы: от шурупов и гвоздей до иностранных самолетов в небе. В 1997 году были зафиксированы случаи ввоза в Москву немецкого бензина! Более половины сельскохозяйственной продукции шло из-за рубежа: мясо,

растительные масла, сахар, порошковое молоко, кондитерские товары, табак, алкоголь и прочее. Страна утратила продовольственную независимость.

Катастрофически снизилась образованность населения. Разваливалась армия. Рухнул жизненный уровень.

«*Последние месяцы 1998-го и начало 1999 года были временем отчаяния и тревоги в жизни обитателей Кремля*, — пишет Леонид Млечин в своей книге «Кремль. Президенты России. Стратегия власти от Б.Н. Ельцина до В.В. Путина». — *Это было время, когда стало ясно, что президент Ельцин настолько тяжело болен, что неизвестно, сколько времени он ещё продержится…*» На деле-то, как мы теперь знаем, президент был не так уж и болен. Просто не было у него шансов победить в выборах 2000 года: «*Страшная мысль: кто придёт после него? и как он себя поведёт? — не покидала ни самого Ельцина, ни его окружение. Ведь тогда сильны были позиции тех, кто говорил, что Ельцина надо судить за развал страны*».

Возможно, даже сам автор этих слов (Леонид Млечин) не понял, *что* написал, а уж большинство читателей тем более не увидели в его сообщении о тихой панике в Кремле ничего странного. Одни радовались падению «совка» и считали развал СССР и советской экономики чем-то естественным. Другие просто не знали масштабов развала.

Руководитель некогда великой державы — в размышлениях: как быть дальше, и самая страшная его мысль — *что сделают лично со мной* за то, что я сделал со страной?.. Надо суметь найти преемника, чтобы *меня* не обидел.

Млечин рассуждает (за Ельцина): кого выбрать?..

«*Эскизный проект преемника набросать было несложно: молодой, энергичный, располагающий к себе, желательно из военных, из тех, кто в политике недавно и ещё не успел примелькаться. Такие качества, как верность и надёжность, обязательны. Он должен сохранить верность своему крёстному отцу в политике и после того, как сменит его в Кремле*».

Это откровение известного политического обозревателя совершенно верное, ведь именно такого преемника, как показали последующие события, и искал Ельцин. Ни слова об интересах страны и народа, ни слова о желательности наличия у кандидата в президенты хоть каких-то идей об идеологии, экономике, внешней политике, социальном положении в России. Можно подумать, перед нами рассуждения глупой девицы из райцентра («А я люблю военных, красивых, здоровенных»), но среди окружения Ельцина глупцов не было. Это были умные и расчётливые подлецы и негодяи: нам нужен

«верный», чтобы нас не «кинул», и обаятельный, чтобы людишкам, дуракам, понравился...

Как видим, почти через десять лет правления уровень целей власти — самый нижний: простое физическое выживание властителей. Никакой заботы об экономике, геополитике, госстроительстве. Кстати, преемника себе Ельцин сумел подобрать «правильно»: он такой же. В экономике — та же вялость мысли, какие-то необязательные фантазии: «Давайте догоним Португалию. Не получилось? Ну, ладно. Давайте удвоим ВВП». А возможно ли это в принципе, и на кой чёрт оно, удвоение, нужно народу, при диком перекосе в распределении доходов в пользу сверхбогатых — и речи нет. Отказался от военных баз на Кубе и во Вьетнаме («зачем они нам, США теперь наши друзья»); со дня на день отдаст Курилы Японии; подгоняет со вступление в ВТО, хотя нашему народу и экономике от этого будет один вред…

Кажется, очевидный факт: и международная политика, и войны всегда служили разным странам для достижения какого-то баланса интересов, или, по-простому, баланса сил. У кого сила, тот и прав. Всегда было несколько центров силы; даже объединение не очень сильных стран могло породить такой «центр», но в основном слабые страны имели свою подчинённую роль в альянсах, а сильные пытались доминировать. Что же нам думать, если российский президент явно подлаживается под Штаты? Только одно: Россия становится периферией западной экономики с согласия Путина.

…Первым кандидатом в будущие президенты, которого «опробовала» власть сразу после дефолта, стал сотрудник ФСБ генерал Н.Н. Бордюжа. В сентябре 1998 новый фаворит — худощавый, подтянутый, спокойный, умеющий ладить с людьми — получил пост секретаря Совета безопасности, а в декабре, вдобавок, встал во главе администрации президента. При Ельцине ни до, ни после никто не имел в своих руках так много власти. И он неплохо работал! Но — по словам Леонида Млечина — «*исполнительный и доброжелательный офицер оказался непригодным к этой работе. Он не только не разобрался в сложнейших кремлёвских интригах, но и не проявлял к ним интереса. Он совершенно не понял, чего от него ждут*».

А самое ужасное, что Бордюжа не только отказался участвовать в кампании по дискредитации председателя правительства Е.М. Примакова, но и тесно сотрудничал с ним. Ельцин, разумеется, был заинтересован в Примакове, который как раз в это время предпринимал все меры для преодоления результатов августовского финансового краха, до которого довели страну предыдущие ставленники Ельцина. Но Ельцину не нужен был Примаков, который

«копал» под высокопоставленных воров, и тем более ему не было нужно, чтобы премьер и могущественный на тот момент Бордюжа объединились.

После увольнения Н.Н. Бордюжи сразу с двух постов (19 марта 1999 года) Примаков поинтересовался у Ельцина, за что тот уволил генерала. «Не справился», — ответил президент. С чем именно «не справился», стало ясно, когда на пост руководителя администрации президента был назначен А.С. Волошин, который с Примаковым не ладил. А в кресло секретаря Совета безопасности сел В.В. Путин.

12 мая был освобождён от должности сам Е.М. Примаков: президент нашёл двух новых кандидатов в свои преемники. Это были министр внутренних дел генерал С.В. Степашин и глава российских железных дорог Н.Е. Аксёненко, и Ельцин колебался, кого из них, для проверки «качеств», назначить премьером. В итоге Степашин стал председателем правительства, а Аксёненко — его первым замом. Поскольку оба соображали, что к чему, первый старался показать себя умным руководителем, способным примирить интересы различных политических и экономических группировок, а второй демонстрировал «решительность»: хватался за любые дела, даже не входящие в его компетенцию, и смел отменять прямые указания премьера. В таких условиях правительство не могло нормально работать, и команды почти по всем вопросам поступали ему из администрации президента.

«*Именно в этот момент стало понятно*, — пишет Млечин, — *что все важнейшие кадровые решения в стране принимает узкая группа лиц, не наделённая никакими государственными полномочиями. Тогда и возник термин «Семья», обозначавший окружение Ельцина, которое обрело самостоятельность и проводило свою политику*».

Между тем, в ходе обкатки кандидатов «на правительстве» Семья забраковала Аксёненко, — мягко говоря, за то, что тот не показал себя сильно умным. А Степашин, со своей стороны, не показал себя человеком решительным. В частности, он не помешал Ю.М. Лужкову сформировать собственную партию «Отечество», а Лужков в тот момент (после ухода Примакова), как считали в окружении президента, представлял собой главную опасность Кремлю. Отчего же вдруг появилась она, эта опасность? Оттого, что Ельцина не интересовало ни настоящее, ни будущее страны и народа, а только и исключительно *своё* будущее. Влиятельный Лужков, да ещё с собственной партией, мог поломать все планы по проведению во власть «верного человека».

Степашин не стал мешать Лужкову. Он сам о себе говорил: «Я не Пиночет». Вот поэтому Ельцин с ним и расстался,

несмотря на многократные и прилюдные клятвы премьера в верности ему, — и мы можем понять, в чём причина: «эскизный проект» требовал не только верности, но и надёжности. А Степашина Ельцин не мог считать надёжным; не потому, что Сергей Вадимович был слегка наивным, а потому, что был излишне принципиален и совестлив. А требовался человек беспринципный и бессовестный. Сам несостоявшийся кандидат в президенты позже откровенно сказал журналистам:

«…Не все же продаются, и не всё же покупается в нашей стране… Ошибка это или не ошибка, но меня просто нельзя переделать. Я не стал обслуживать интересы определённой группы, которая посчитала, что в этой ситуации я не надёжен».

Пока Степашин был на посту, Б.Н. Ельцин своим указом ввёл в состав правительства должность третьего первого заместителя председателя и поставил на этот пост В.В. Путина, поручив ему временно исполнять обязанности главы правительства. Затем отправил в Думу письмо с просьбой дать согласие на назначение Путина председателем правительства РФ. В Думе никто Путина всерьёз не воспринял: он набрал только 233 голоса, меньше, чем оба его предшественника, тоже выходцы из спецслужб: Примаков и Степашин. И с этой унизительно маленькой поддержкой он стал премьером…

9 августа Путин стал премьером, а 9 сентября прогремел взрыв на улице Гурьянова в Москве. Мы уже писали: одной из причин этого события стало то, что Путин, став летом 1998 года директором ФСБ, распустил управление по разработке преступных организаций. Также мы сообщали мнение Б.А. Березовского, что взрывы в Москве организовали сами спецслужбы. Влиятельная американская газета «Уолл-стрит джорнел» писала в 2002 году по этому поводу:

«*Что придаёт этим обвинениям достоверности — так это не то, что взрывы послужили поводом для начала войны, которая помогла избрать президента. А то, что это самое ужасное в постсоветское время преступление не было раскрыто и власти, кажется, потеряли к нему всякий интерес…*»

Жёсткость и решительность, с которой Путин повёл после взрывов в Москве чеченскую кампанию, способствовали быстрому росту его рейтинга: в начале сентября, согласно опросам общественного мнения, за него был готов голосовать только 1 % избирателей, а через два месяца — больше 30 %.

Но российская элита состоит не из одной только группировки Ельцина; к президентским и парламентским выборам готовилась не только Семья. Примаков, снятый с должности премьера, оставался самым популярным у народа политиком. Однако он не имел

своей политической организации. Разумеется, многие политические блоки хотели бы видеть его у себя; первым ему предложил союз мэр Москвы, основатель движения «Отечество» Ю.М. Лужков. Примаков сомневался, поскольку не хотел быть исключительно московским кандидатом. Затем группа влиятельных губернаторов, создавших свою организацию «Вся Россия», предложила Лужкову объединиться, с тем, чтобы Примаков возглавил общий избирательный список на выборах в Думу.

Сергей Степашин, пока он возглавлял правительство, тоже пытался создать свою партию, но когда его из правительства уволили, поддержавшие его было губернаторы «перекинулись» к Примакову.

Ельцина никто в расчёт не принимал: считалось, что он тяжело болен, его политическая карьера закончилась, и он уже ни на что повлиять не сможет. Действительно, его редкие появления на телеэкране производили жалкое впечатление. Он почти всё время проводил в загородной резиденции, передоверив все дела Путину; даже министры видели его только по телевидению.

И тем не менее, непонятно зачем некоторые СМИ стали раздувать слухи о счетах Ельцина в разных иностранных банках, о кредитных карточках, которыми пользовался он сам и его дочери, делая покупки в иностранных магазинах, — даже не учитывая, что все заботы о потребностях президента несёт государство. В.С. Черномырдин даже брякнул: «Наш президент денег уже лет пять или десять в глаза-то не видел. Он даже не знает, какие у нас деньги…»

Но лужковское «Отечество» подхватило эти обвинения, стало строить на них свою предвыборную кампанию; Лужков заговорил о незаконности и нечестности проведённой при Ельцине приватизации; Примаков требовал расследовать сомнительный бизнес олигархов. В ответ другие СМИ стали нападать на Лужкова и его жену, обвиняя её в нечестном бизнесе и вывозе капиталов за границу. Досталось и Примакову, которого обвинили в попытке организовать убийство президента Грузии Э.А. Шеварднадзе. И в итоге никто и не вспомнил, что хорошо бы предъявить избирателям свои политические и экономические программы! Элитные группировки лаялись между собой, как всегда, позабыв про народ.

Той же осенью 39 губернаторов заявили о своём намерении повлиять на ход выборов, и создали предвыборный блок «Единство», совершенно очевидно противопоставляя его блоку «Отечество — Вся Россия», созданному Лужковым с Примаковым. Возглавить его позвали «свадебного генерала», очень популярного министра С.К. Шойгу.

В ходе «грязной» избирательной кампании в Думу дискредитировались возможные соперники Путина на выборах президента, — а Путина критиковать никто не мог, потому что он не возглавлял никаких предвыборных блоков, а выглядевшим, как «партия власти» «Единством» управлял Шойгу. (После выборов сам Шойгу в Думу не пошёл, а Путин в благодарность «за участие» назначил его вице-премьером, правда, ненадолго.)

19 декабря 1999-го состоялись выборы в Государственную думу, а 31 декабря Б.Н. Ельцин объявил о своей отставке с поста президента РФ, и назначении исполняющим обязанности президента В.В. Путина. Практически все политологи согласны, что Ельцин ушёл не из-за болезни, а потому, что досрочные выборы давали Путину шанс на победу: его соперники были дискредитированы, и не имели времени на подготовку, а предвыборный штаб Путина уже работал, хоть и в обстановке секретности. Эксперты предупреждали, что хотя сейчас Путин — фаворит, но до выборов — полгода, а за этот срок его образ может померкнуть. Надо бы выборы приблизить. И приблизили.

Это, отметим, уникальный случай. Обычно правящие партии норовят провести выборы досрочно, чтобы не упустить выгодного для себя момента: экономика, например, на подъёме, в обществе мир, и все избиратели знают, что их, политиков, заслуга. В случае с Путиным было наоборот, его пытались «сосватать» народу, пока о нём никто ничего не знает. Будто заранее опасались, что потом «разлюбят».

12 января 2000 года инициативная группа граждан выдвинула В.В. Путина кандидатом в президенты. Губернаторы и чиновничья рать кинулась строиться под новые знамёна; народ любовался его походкой; журналисты спрашивали: «Who is mr. Putin?» Определить взгляды этого человека, который всю жизнь был не более, чем чиновником, невозможно: у него просто нет целостного мировоззрения, он не человек русской культуры, он — как и многие сотрудники разведки, много пожившие в Европе, инстинктивный «западник», но не в смысле верности какой-либо идеологии, а в смысле «хорошо пожить».

В марте Путин одержал вполне ожидаемую победу. А ведь он честно говорил перед выборами, что у него нет никакой программы, что пост президента ему и в кошмарном сне не мог присниться. И предлагал в качестве «планов» одни лишь лозунги: «наведение порядка», «равная отдалённость олигархов от власти», «диктатура закона», и т.д. Но давайте вспомним, что говорили первые

реформаторы, так, лет за десять до него: «стабилизация», «правовое государство» — в чём разница между ними и Путиным?..

ЭПИЛОГ

В последней главе мы совершенно явственно начали переходить от истории к публицистике, а этого нам бы не хотелось. Потому заканчиваем книгу «Забытая история русской революции», — заканчиваем на переходе власти в России от Ельцина к Путину: Ельцин уже история, Путин ещё нет.

Кстати, читатель может спросить, чего такого «другого» в нашей истории? Отвечаем: *другая точка зрения*. Если даже чуть-чуть изменить ракурс, — то некоторые незначительные, казалось бы, оттенки событий становятся основным фоном эпохи, а то, что казалось важным, оказывается второстепенным. Это — вопрос понимания и *толкования*. Но есть ещё и вопрос *факта*! Чем глубже в историю, тем меньше фактов и больше простора для толкования, которое, в силу скудости фактов, начинает опираться на домысел. Со временем возникает догматическое учение, и теперь уже очень трудно доказать, что, например, никакие татары из Монголии не приходили на Русь, чтобы установить здесь своё жестокое господство (этому посвящена наша первая книга, «Другая история Руси»).

В книгах «Другая история Московского царства» и «Другая история Российской империи» мы показали, что документально подтверждённые факты отечественной истории прекрасно укладываются в нашу теорию «Русских горок», возникшую от анализа природного, географического, хозяйственного, политического, этно- и психологического и других факторов в их взаимосвязи. В этих же книгах показано, сколь важное значение для России имеет взаимодействие разных частей народа: производителей благ и элиты, какова в этом деле роль высшей власти. Дано представление о двух типах руководства страной: «византийском» (правильнее было бы сказать, турецком, но тогда возникли бы ненужные ассоциации с современностью) и «польском». Выявлено значение, которое имело и имеет для развития России внешнее окружение страны.

При таком взгляде наша история приобретает свою внутреннюю логику! Она перестаёт быть только «историей деяний» отдельных влиятельных персон и ведомого ими народа, превращаясь в

науку об общественной эволюции некоторой части человечества в тех условиях, в которых эта часть человечества оказалась.

Настоящая книга посвящена современной истории. Факты в основном известны, и на первое место выдвинулся вопрос понимания этих фактов и их толкования. К сожалению, ныне политика «правит бал», а потому люди, от науки весьма далёкие, позволяют себе давать оценки тому, что происходит прямо на наших глазах, запутывая людей, мешая увидеть закономерности и определить вектор развития.

Возьмём, в качестве примера, выдвинутый В.В. Путиным лозунг о равноудалённости олигархов от власти. Большинство толкователей преподнесли его, как восстановление справедливости: «Теперь отдельные богатеи не смогут влиять на президента! Народный президент отодвигает гадов-олигархов!..» Многие поверили им и остаются в убеждении, что современная российская власть работает в интересах народа. Теперь, узнав из нашей книги, что стиль правления у нас — «боярский», вы можете сменить угол зрения и легко увидите, что на деле этим лозунгом власть объявила — элите, не народу! — что отныне она общеэлитарная власть.

В 2001 году объём государственных бюджетных расходов страны составил 15,4 % от ВВП (на Западе эта доля колеблется в пределах 40-60 %). То есть президент контролирует только эти 15,4 %, а остальные 84,6 % экономики — в полном распоряжении олигархов. Хотя, если проанализировать ситуацию, пропорции значительно хуже, поскольку «теневая экономика» страны составляет не менее половины ВВП, и на долю президента остаётся куда меньше, чем 15,4 %.

Свои лозунгом президент как бы говорит олигархам: «мы одной крови, вы и я»! Вы признаёте меня главным «по стране» (у меня армия, тюрьмы, пограничники и таможенники), платите мне налоги, не организуете «оранжевых» революций и не пытаетесь как-то иначе отнять у меня власть, а я даю вам равные права охотиться в моём лесу, то есть в стране. Распродавайте её природные ресурсы; эксплуатируйте трудовые ресурсы из числа аборигенов или из попавших на подвластную мне территорию мигрантов, — как вам выгоднее. А я за это в подконтрольной мне Думе буду принимать нужные вам законы. А не будете соблюдать этого соглашения, в тюрьму посажу.

В.В. Путина привела на должность президента вполне конкретная политическая и экономическая корпоративная группа на условиях ответственности перед ней, — и он этой группе гарантии дал. Но практически вся нынешняя российская элита (олигархическая и высшая чиновничья) завязана на существующий порядок вещей. Положение неравновесное, любое изменение может породить для каждого участника «объедания» России сложности с

непредсказуемыми последствиями, — соответственно, они никаких изменений не допустят, и Путин их президент. Народа — как массы людей, как потомков множества живших здесь поколений, как отцов и дедов будущих поколений, как носителей культуры, наконец — для власти не существует. Она — власть элиты, а не народа.

В *нормальном* государстве власть синхронизирует интересы всех социальных групп: трудящихся и пенсионеров, крупных промышленников и мелких предпринимателей, торговцев и финансистов; взрослых и детей; верующих и неверующих; местных и региональных руководителей и чиновников. В этом — смысл и квинтэссенция самого существования государства. В России после падения Советской власти *нормального* государства нет. Образовались два основных властных клана, «работающих» друг на друга: правительственные чиновники (коррупционеры), контролирующие источники бюджетного финансирования и члены Федерального собрания, с одной стороны, и прозападно настроенные «новые владельцы» основных отраслей хозяйства, с другой. Первые создают «правовое поле», или, иначе, правила игры для вторых, которые наживаются на перепродаже в России купленных за рубежом товаров (спекулянты) и вывозе из России её природных богатств (расхитители). В народе они известны как прихватизаторы-буржуины-олигархи.

Единственная цель деятельности представителей обеих групп — поплотнее набить деньгами собственные карманы. Отсюда и так называемая коррупция: когорта бюрократов, обслуживающая интересы олигархического капитала, играя на естественных противоречиях между теми или иными конкретными спекулянтами и расхитителями, берёт с каждого плату за свою «работу» по регулировке отношений между ними. Разумеется, клан спекулянтов и расхитителей, как целое, недоволен слишком высокими ставками взяток в некоторых министерствах и ведомствах, и «злоумышляет» против коррупционеров, время от времени сдавая их другим коррупционерам: сотрудникам МВД, прокуратуры и судов. И вся эта ненормальная система заражает своей ненормальностью всё общество, сваливаясь на голову народа.

Мало кто понимает, насколько далеко зашёл у нас процесс приватизации. Он затронул не только экономику! Правоохранительная и судебная системы частично «приватизированы» или коррумпированны, частично просто недееспособны. Руководители «бесплатного» образования наживаются на том, что имеют. Государственные структуры стоят вне рамок общественного контроля, их чиновникам фактически позволено использовать своё положение

для собственного обогащения. Можно смело сказать, что сегодня в России **приватизировано само государство**.

Помните анекдоты недавнего времени? О таможеннике, который молит Бога, чтобы ему дали в собственность участок границы шириной в один метр, и он готов отказаться от зарплаты. Или о милиционере, которому выдали пистолет со словами: «…и крутись, как знаешь». Или о гаишнике, поставленном на «точку», который вдруг с удивлением узнаёт, что ему ещё полагается и зарплата. *Тогда* это было смешно. *Теперь* это реальность.

Общественное мнение достаточно инерционно, что, собственно, и позволяет манипулировать им. Избранный фаворит в подаче СМИ наделяется непогрешимостью, и если это долго повторять, то ему долго прощают ошибки и промахи. Так было с Горбачёвым; так было с Ельциным; сейчас так с Путиным, несмотря на то, что он не решает никаких проблем страны, а просто говорит «правильные», но пустые речи, и много путешествует по миру и стране, вполне заслуженно получив прозвище «турист». В этом он напоминает Горбачёва.

Во весь прошедший от Горбачёва период наш консервативный и терпеливый народ нёс лишения без всякой пользы стране (в отличие от первых пятилеток и Великой Отечественной войны). Не устраивал погромов, восстаний и прочей вооружённой борьбы с режимом. Это, кстати, лишнее подтверждение тому, что если бы не инициатива элиты, он и в 1918 году вполне мог обойтись без навязанной ему Гражданской войны…

Мы в этой и других книгах показали на примерах, каков он, путь нашей страны во времени — «Русские горки». Пытаясь жить, как прочие страны, Россия отстаёт от них, поскольку в силу природных условий проживание на нашей территории существенно затратнее, чем, например, в Западной Европе. Постепенно оформляется желание соседей помыкать ею. Когда геополитическое поражение становится очевидным, через единение народа и власти, огромными трудами совершается могучий рывок.

И всегда, когда такое происходило в нашем прошлом, высшему руководителю приходилось «прижимать» элиту. Без элиты никак нельзя, но она у нас имеет такую особенность: не чувствуя твёрдой руки над собою, в первую очередь думает о своём кармане, а во вторую (если не в десятую) — об интересах страны и народа. В период мобилизационной подготовки к рывку, и во время его свершения значение «царя» в том, что он формулирует, пусть и не явным образом, цель движения, и *заставляет* всех работать на достижение цели.

И это остаётся в памяти народной, порождая неизбывное доверие первому лицу государства. В этом причина, почему Путин — на которого за год до его избрания никто и в трамвае не взглянул бы с интересом, стал президентом, и его, можно сказать, полюбили: народ надеялся, что новый «царь» прижмёт элиту и укажет цель.

Он не сделал ни того, ни другого. Необходимость перехода к мобилизационному периоду ради рывка в постиндустриальный мир, в эру информационных технологий совершенно очевидно назрела, но **российская государственность не состоялась**, — она закончилась, как российская, перейдя к колониальному типу правления. У власти осталась та же элита, которая сначала ради завладения собственностью развалила Союз ССР, потом на базе своего владения собственностью укрепилась у власти. Главной её заботой в отношении народа стала разработка и реализация таких политических сценариев, которые позволяли бы воздействовать на этот народ, на региональные и местные органы власти с сохранением своего экономического господства. Соответственно, началась быстрая деградация и дегуманизация общества, его захлёстнуло потрясающее невежество, преступность, наркомания, алкоголизм, всеобщая апатия, конечным результатом которых может стать уничтожение народа.

Исторический путь России — «Русские горки», был искусственно прерван, а народ из творца истории превращён в марионетку.

А революция? Ведь наша книга не только о «другой истории», но и «русской революции». Возможна ли народная революция?

Единственный ресурс социально-политической устойчивости нынешней системы — это высокие мировые цены на нефть и газ. Упадут они, возможно, изменится и наша жизнь: власть, потеряв источник дохода, сбежит; народ воспрянет и выберет новую власть; после некоторого периода нестабильности появится возможность возрождения России, как великого государства. К такому развитию событий есть и социальные предпосылки, свидетельством чему — всё чаще практикуемое народом голосование на всяческих выборах во власть «против всех», или вообще отказ ходить на выборы.

Однако такой вариант может иметь положительные результаты, только если переход к нему произойдёт не слишком поздно. Основные фонды промышленности на грани истощения; стремительно падает квалифицированность кадров; идёт старение основы обороны — ракетно-ядерного оружия. Если это будет длиться ещё лет десять-пятнадцать, с Россией будет покончено. Ведь когда все экономически доступные ресурсы нефти окажутся нулевыми (это

произойдёт, по прогнозам специалистов, как раз через пятнадцать лет), — не останется возможности ни для какого рывка.

Тогда — быстрое вымирание и исчезновение с карты мира.

Список литературы

Арин О.А. Россия в стратегическом капкане. М.: Алгоритм, 2003.

Артур У. Механизмы положительной обратной связи в экономике. «В мире науки». 1990. № 4.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка — ОТР», 1997.

Болдырев Ю.Ю. О бочках меда и ложках дегтя. М.: Крымский мост–9Д, 2003.

Болдырев Ю.Ю. Похищение Евразии. М.: Крымский мост–9Д, 2003.

Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Большая Российская энциклопедия», СПб: Норинт, 2000.

Валовой Д.В. Экономика: взгляды разных лет. М.: Наука. 1989.

Валянский С.И., Калюжный Д.В., Недосекина И.С. Введение в хронотронику. М.: АИРО-XX, 2001 год.

Валянский С.И., Калюжный Д.В. О Западе, который пыжился, пыжился, а Россия сама по себе. М.: АСТ+Астрель ТРАНЗИТКНИГА, 2004.

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Понять Россию умом. М.: Алгоритм, 2001.

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Русские горки. Возвращение в начало. М.: АСТ+Астрель ТРАНЗИТКНИГА, 2004.

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Русские горки. Конец российского государства. М.: АСТ+Астрель ТРАНЗИТКНИГА, 2004.

Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 1-2. СПб.: 1876.

Васильчиков А.И. О самоуправлении. Т. 1 - 3. - СПб., 1869 - 1871.

Витте С.Ю. Национальная экономика и Фридрих Лист. //Вопросы экономики. 1992. № 2-3.

Гайдар Е. Сделай разумный выбор: Записки из зала. М.: Евразия, 1995.

Громыко М.М.. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.

Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства. Т. 1. Киев-Петербург. 1911.

Жуков Юрий. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933-1937 гг. М.: Вагриус, 2003.

Илларионов А. Где мы находимся? //Экономика и организация промышленного производства. 1988, № 12.

Калюжный Д.В., Ермилова Е.Э., ДЕЛО и СЛОВО. Будущее России с точки зрения теории эволюции. М.: Алгоритм, 2003.

Кара-Мурза С.Г. История советского государства и права. М.: Былина, 1998.

Кара-Мурза С. Научная картина мира, экономика и экология М.: Аналитический центр по научной и промышленной политике, 1997.

Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Мысль, 1987.

Корниенко Г.М. «Холодная война»: свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1995.

Крылов О.В. Концепция устойчивого развития, рынок и социализм. Природа. 1997, № 1.

Крылов О.В. Ограниченность ресурсов как причина предстоящего кризиса. Вестник РАН, том 70, № 2, 2000 г.

Кушнир А.Г. Одиннадцатый век русской государственности. История Русского государства в документах, материалах и комментариях. Учеб. пособие. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1999.

Леонов Н.С. Крестный путь России 1991—2000. М.: Русский дом, 2002.

Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М.: РОССПЭН, 1999.

Мау В.А. Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России, 1985-1994. - М.: Дело Лтд, 1995.

Миронов Г.Е. Государи и государевы люди: портреты в контексте истории. М.: Март, 1999.

Млечин Л.М. Кремль. Президенты России. Стратегия власти от Б.Н. Ельцина до В.В. Путина. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф. 2003.

Многоконцептуальная история России. В двух частях. /Под ред. Б.В. Личмана. Екатеринбург: Урал. гос. техн. ун-т. 2000.

Ослунд Ф. Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика, 1996.

Островский А.В. Универсальный справочник по истории России. СПб.: Паритет, 2000.

Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост, 2000.

Поздняков А.В. Объективные законы самоорганизации и политический инфантилизм в сегодняшней России. - Панинтер, 1997. - № 4.

Поздняков А.В. Россия еще не сделала выбор. - Панинтер. - 1996. - № 16.

Пономаренко В. Проблема 2033 http://www.poloskin.ru/library/.

Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР: В 2 т. Нью-Йорк, 1952.

Римашевская Н.М. Русский крест. - Природа. 1999. № 6.

Розенберг Н., Бирдцелл Л.Е. Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. Новосибирск, Экор, 1995.

Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993, №7.

Россия у критической черты: возрождение или катастрофа. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1996 году. Сб. под ред. Осипова Г.В., Левашова В.К., Локосова В.В. М.: Республика, 1997.

Румянцев М. Столыпинская аграрная реформа: предпосылки, задачи, итоги// Вопросы экономики, 1990, №10.

Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995.

Рязанов В.Т. Национальное хозяйство России как предмет макроэкономики.// Вестник СПбГУ. Сер. 5, Вып. 3. (№ 19). С. 3-13.

Сироткин В.Г. Кто обворовал Россию? М.: Алгоритм, 2003.

Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: ФЕНИКС, 1991.

Солоневич И.Л. Наша страна. XX век. М.: изд-во журнала «Москва», 2001.

Степанов А. И. Место России в мире накануне Первой мировой войны // Вопросы истории, 1993, № 2.

Струве П.Б. Социальная и экономическая история России в связи с развитием русской культуры и ростом государственности. Париж. 1952.

Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. М.-Л.: 1930.

Тидеман Н. Частное владение как альтернатива аренде и частной собственности на землю. Аграрная наука. - 1993. № 2.

Уайт Г. География, ресурсы и окружающая среда. Избранные статьи. М.: Прогресс, 1990.

Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика. 1989.

Чернавский Д.С., Старков Н.И., Щербаков А.В. Динамическая модель закрытого общества (институциональные ловушки и кризисы). Препринт ФИАН № 36 1999.

Чешков М. Тьермондизация России: переходная ситуация или структурное качество? // Мировая экономика и международные отношения. 1992, № 7.

Шойгу С.К., Воробьев Ю.Л., Владимиров В.А. Катастрофы и государство. М.: Энергоатомиздат, 1997.

Яковенко Е.Г., Басс М.И., Махров Н.В. Циклы жизни экономических процессов, объектов и систем. М.: Наука, 1991.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.